

Bulletin
Of Moscow State Regional University

SERIES
“HISTORY AND POLITICAL
SCIENCES”

№ 3

Moscow
MSRU Press
2010

Bulletin of Moscow State Regional University

The journal was founded in 1998

Editorial council:

Pasechnik V.V., Chairman, Rector, Doctor of Pedagogics, Professor
Dembitsky S.G., Deputy Chairman, Doctor of Economics, Professor
Konichev A.S., Doctor of Chemistry, Professor
Lekant P.A., Doctor of Philology, Professor
Makeev S.V., Doctor of Philosophy, Professor
Pus'ko V.S., Doctor of Philosophy, Professor
Traytak S.D., Candidate of Physics and Mathematics, Associate Professor

Editorial Board. Series «History and political sciences»:

Smolensky N.I., Doctor of History, Professor (editor-in-chief)
Abramov A.V., Candidate of Political Science (executive secretary)
Zhuravlev V.V., Doctor of History, Professor
Zakharov V.N., Doctor of History, Associate Professor
Seyranyan F.G., Doctor of History, Professor
Yarovoy E.V., Doctor of History, Professor
Fuks A.N., Candidate of History, Professor

Bulletin of Moscow State Regional University. Series «HISTORY AND POLITICAL SCIENCES». – № 3. 2010. – M.: MSRU Press. – 164 p.

The bulletin of Moscow State Regional University (all its series) is the reviewed and subscribed edition designed for the publication of lecturer staff's scientific articles, and also candidates for a doctor's degree, post-graduate students and applicants for a scientific degree. On MSRU web-site the information on the status of all series «Bulletin of Moscow State Regional University» and requirements to the publications for authors are periodically updated with making necessary changes.

© MSRU, 2010

© MSRU Press, 2010

Вестник

***Московского государственного
областного университета***

Серия
“История и политические науки”

№ 3

Москва
Издательство МГОУ
2010

**Вестник
Московского государственного
областного университета**

Научный журнал основан в 1998 году

Редакционно-издательский совет:

Пасечник В.В. - председатель, доктор педагогических наук, профессор
Дембицкий С.Г. - зам. председателя, доктор экономических наук, профессор
Коничев А.С. - доктор химических наук, профессор
Лекант П.А. - доктор филологических наук, профессор
Макеев С.В. - доктор философских наук, профессор
Пусько В.С. - доктор философских наук, профессор
Трайтак С.Д. - кандидат физико-математических наук, доцент

Редакционная коллегия серии «История и политические науки»:

Смоленский Н. И. – доктор исторических наук, профессор (ответственный редактор)
Абрамов А. В. – кандидат политических наук (ответственный секретарь)
Журавлёв В. В. – доктор исторических наук, профессор
Захаров В. Н. – доктор исторических наук, профессор
Сейранян Ф.Г. – доктор исторических наук, профессор
Яровой Е.В. – доктор исторических наук, профессор
Фукс А.Н. – кандидат исторических наук, профессор

Вестник МГОУ. Серия «История и политические науки». - № 3. - 2010.
- М.: Изд-во МГОУ. - 164 с.

Вестник МГОУ (все его серии) является рецензируемым и подписным изданием, предназначенным для публикации научных статей профессорско-преподавательского состава, а также докторантов, аспирантов и соискателей (См.: Список журналов на сайте ВАК в редакции 2010 г.). На сайте МГОУ информация о статусе всех серий «Вестника МГОУ» и требованиях к публикациям для авторов статей находится постоянно, обновляясь с внесением необходимых изменений.

© МГОУ, 2010

© Издательство МГОУ, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1.

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

КОЗЛОВ А. В. К вопросу о «внутренних законах истории» в творчестве Г. Т. Бокля	9
ФУКС А.Н. «Русская история в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского как историкографический источник	13
СУСЛОВ А.Ю. Меньшевики и социалисты-революционеры в Советской России: проблемы современной историографии	21
ИЕРУСАЛИМСКАЯ С.Ю. Периодическая печать как источник по развитию народного образования России второй половины XIX – начала XX в.	26

РАЗДЕЛ 2

ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

ЛУШНИКОВ А.А. Состояние язычества восточных славян в VII-VIII вв.	31
СИДОРОВА В.П. Британский взгляд на торговлю России и Ирана в середине XVIII века (по запискам Дж. Ханвея).....	36
БЕР-ГЛИНКА А.И. Социальная адаптация потоков немецких переселенцев в Россию во 2 пол. XVIII – 1 пол. XIX вв. (на примере рода Бер).	40
ГУРЬЕВ В.И. Организация и кадровый состав московской полиции в 1898 г.	47
МИЛЕШИНА Н. А. Кадетское образование в России: исторические традиции и современные перспективы	53
ГУСЕВА Т.М. Деятельность общественных организаций в уездных городах Среднего Поволжья в конце XIX – начале XX вв.	57
КОВЫЛИН Д.А. Промысловые кооперативы на территории Сибирского казачьего войска в конце XIX – начале XX века.....	63
ЗАХАРОВ В.Ю. Конституционализм и масонство: сравнительная характеристика.....	69
КАЗАНИНА Л. Ю. Столыпинская программа модернизации России в оценке конституционных демократов (по материалам газеты «Речь»)	71
БАЖАНОВ Д.А. Революционная повседневность: конфликт концепций дисциплины в марте-октябре 1917 г. (на материалах 1-й бригады линейных кораблей Балтийского флота).....	76

РАЗДЕЛ 3

НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

ЯЛОЗИНА Е.А. Многоканальное финансирование советской школы в годы НЭПа как антикризисная мера: исторический аспект вопроса.....	80
ПАНКОВА-КОЗОЧКИНА Т.В. Электоральные предпочтения крестьянства в отношении местной власти в 1920-х гг. (на материалах Юга России).....	85
САМСОНЕНКО Т.А. Сельская интеллигенция в эпоху «Великого перелома»: особенности материального положения и социальной реакции (на материалах Юга России).....	89
ТЮРИН В.И. Подбор, выдвижение и расстановка руководящих партийно-советских кадров в послевоенные годы.	94
БОЛОТОВ С.В. Русская Православная Церковь и начало «холодной войны».....	100
ПЕТРОВА И.С. Театр и зритель. 1945-1953 гг. (На материалах нижеволжских областей).....	104
БУРНАШЕВА Н.И. Потребительская кооперация Якутии в условиях восстановления и реформирования сельского хозяйства (вторая половина 1940-х-начало 1960-х гг.).....	106
МИЩЕНКО Т.А. Тема «женщина и труд» на страницах советских общественно-политических журналов 1960—1970-х гг.	111
ОРДОМСКАЯ Е.А. Роль российских президентских выборов 1996 и 2000 годов в постсоветской трансформации: оценка немецкой аналитики.	116

РАЗДЕЛ 4

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА, СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

МАРГАРЯН А.Г. Понятие ал-вилая в ранне-шиитской идеологии.....	120
--	-----

ДОРЖИЕВА Д.Д. Новогодняя обрядность уйгуров в контексте фольклорно-этнографических данных о Наврузе.	123
---	-----

РАЗДЕЛ 5
НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

ФИЛАТОВА О.И. Национальный театр Праги: чешско-русские музыкальные контакты.....	128
ПЕЧИЩЕВА Л. А. Сотрудничество между Германией и Индией в области науки, образования и культуры в начале XXI века.....	131
КАШИРИНА Т.В. Внешнеполитический курс России на американском направлении в 2000-2004 годах.....	134

РАЗДЕЛ 6.
ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

АХМЕТОВ А.А. Кризис легитимности власти как ключевой фактор актуализации сепаратизма в России в 90-е годы XX века.....	137
КОНЯХИН Г. В. Политика коммерциализации жилищного строительства в России и ее социальные последствия.....	141
МОДЯНОВА Т.В. Образование как институт социализации личности.....	144
ЧЕКУЛАЕВ Е.П. Роль «прямых линий» и интернет-блога в информационной политике РФ в 2000-е годы. ..	147
ВОЛОБУЕВА Т.О. Политическая символика в истории костюма.....	149
СВИРИДОВ В.П. Роль интеллигенции в условиях трансформации современного российского общества	154

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

KOZLOV A. To the subject of «internal» laws of the history in Buckle's work	9
FUKS A.N. «Russian history in the most concise essay» M.N. Pokrovsky as a historiographic source.....	13
SUSLOV A. Mensheviks and socialists-revolutionaries in Soviet Russia: problems to modern historiography	21
IERUSALIMSKAYA S. Periodicals as a historical source on the development of public education in the Russian Empire in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries	26

HISTORY OF RUSSIA OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

LUSHNIKOV A.A. Slavic paganism in VII-VIIIth century	31
SIDOROVA V. British Outlook on Trade between Russia and Iran in the middle of the XVIIIth century (According to Jonas Hanway).....	36
BER-GLINKA A.I. Social adaptation of German immigrant's descendants in Russia in 2nd half XVIII–1st half XIX cc.	40
GURIEV V. Organization and regular personnel of Moscow Police in 1898.....	47
MILESHINA N. Military (cadet) education in Russia: historical traditions and contemporary perspectives.....	53
GUSEVA T. Public Organizations Activity in the District Chief Towns of the Middle Volga Region at the End of the XIX – the Beginning of the XX Century	57
KOVYLIN D. Small producers' cooperatives in the territory of siberian cossack army during the second half of the XIX TH – the beginning of the XX TH century.....	63
ZAKHAROV V.Y. Constitutionalism and freemasonry: comparative character.....	69
KAZANINA LARISSA Stolypin's variant of the modernization of Russia, liberal model, cadets, opposition.	71
BAZHANOV D. A. Revolutionary Everyday Routine: the conflict of the concepts of discipline in March and October 1917 (based on the materials of the 1st Battleships Brigade of the Baltic Fleet).....	76

CONTEMPORARY HISTORY OF RUSSIA

YALOZINA E. Multichannel financing of the soviet school in times of the new economic policy (NEP) as an anti-recessionary measure: historical aspect of a question.....	80
PANKOVA-KOZOCHKINA T.V. Electoral preferences peasantry for local authorities in 1920. (on the materials in Southern Russia).....	85
SAMSONENKO T. Village intelligentsia during the "great change": features of the material terms and social reaction (on materials of the South of Russia).....	89
TURIN V. Selection, promotion and arrangement of supervising partijno-soviet shots in post-war years.	94
BOLOTOV S. Russian Orthodox Church and the beginning of the Cold War.....	100
PETROVA I. Theater and spectator. 1945-1953. (based on the documents of the Lower Volga region).....	104
BURNASHEVA N. Yakut consumers' cooperative society during the restoration and reforming of agriculture (from second half of 1940th-to the early 1960th).....	106
MISHCHENKO T.A. The theme "women and work" on the pages of soviet social AND POLITICAL JOURNALS 1960-1970'S.	111
ORDOMSKAYA E. Role of russian presidential elections in 1996 and 2000 in post-soviet transformation: an estimation of german analytics	116

HISTORY OF THE MIDDLE AGES AND NEW TIME

MARGARYAN ARA The concept of <i>al-wilaya</i> in the early Shiite ideology.....	120
DORZHIEVA DARIMA Uigur's new year's ceremonialism in a context of folklore and ethnographical data about Navruz.	123

FILATOVA O. The national theatre in Prague: Czech-Russian musical contacts.....	128
PECHISHCHEVA L. Cooperation between Germany and India in science, education and culture in the 21st century.....	131
KASHIRINA T.V. Foreign policy of Russia on the American direction in 2000-2004.....	134

POLITICAL SCIENCES

AKHMETOV A.A. Crisis of legitimacy authorities as a key factor mainstreaming separatism in Russia 90 -th years of the XX-th century.....	137
KONYAKHIN GENNADY V. Housing commercialization policy in Russia and its negative consequences.....	141
MODYANOVA T.V. Education as an institutional structure.....	144
CHEKULAEV E. The role of "president hotlines" and blog in information policy of Russia in 2000-s.	147
VOLOBUEVA T. Political symbolics in clothes.....	149
SVIRIDOV V. The role of intellectuals in the transformation of modern Russian society.....	154

РАЗДЕЛ 1 ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

УДК 930.1(09)

Козлов А. В.

К ВОПРОСУ О «ВНУТРЕННИХ ЗА- КОНАХ ИСТОРИИ» В ТВОРЧЕСТВЕ Г.Т.БОКЛЯ*

Аннотация. В статье рассматриваются взгляды Г.Т. Бокля на значение «внутренних» и «внешних» законов в историческом развитии. Показаны особенности подхода автора к историческому исследованию – прежде всего привлечение данных и методов других наук. Кратко показаны причины, заставившие Бокля прийти к такому решению. Рассмотрены механизмы воздействия каждого вида законов английского исследователя на мировую историю. Выявлены «внутренние» законы, которые, по мнению Бокля, в большей степени оказывают воздействие на развитие человечества. Среди них лидирующую позицию занимают законы умственного развития. В статье также отмечается, что, несмотря на определенные слабые моменты концепции Бокля, деятельность английского историка имеет и сильную сторону: научное понимание истории и пропаганда новых методов в исторической науке.

Ключевые слова: английский позитивизм, Бокль, законы истории.

A. Kozlov

TO THE SUBJECT OF «INTERNAL» LAWS OF
THE HISTORY IN BUCKLE'S WORK

Abstract. The subject of this article is to consider Buckle's views and the role the «internal» and «external» laws play in the historical development of mankind. Buckle's peculiar approach to the historical research based on using data and methods of other sciences is also considered in the article. In the article there are briefly stated reasons that made Buckle choose this peculiar approach to research. Marked by the English researches mechanisms of influence of laws over the world history are also considered in the article. The author singles out the «internal» laws that in Buckle's opinion influence to the greater extent upon the development of mankind. The most important laws among the other ones are the laws of

mental development. It should be noted as well that despite some weak aspects of Buckle's conception mentioned the work of the English historian has the strong sides, namely: scientific comprehension of history and propaganda of new methods in the science of history.

Key words: English positivism, Buckle, laws of history.

В первых пяти главах своей работы Бокль формулирует главную задачу исследования: доказать, что действия людей подчиняются определенным закономерностям и что история может стать действительной наукой и возвыситься над частными фактами с целью открыть законы, которыми эти факты управляются. Данное положение вообще является характерной чертой позитивизма в целом [4, 286]. Все последующие главы как первого, так и второго тома содержат конкретное доказательство данной идеи на примере материалов главным образом из позднесредневековой и новой истории Англии, Испании, Франции и Шотландии.

Обозначив основную задачу своей книги, историк намечает основные этапы ее осуществления. В первую очередь, он отвергает объяснение процесса исторического развития с помощью теологической точки зрения. Рассматривая историю человечества как процесс развития социальной материи, Бокль выступает резко против попыток доказать наличие сверхъестественного вмешательства в общественную жизнь. Вторым условием превращения истории в настоящую науку он считал отказ от учений, проповедующих господство случайности в истории. Появление этого положения у историка можно объяснить большими успехами естественных наук в то время [6, 103-107; 3, 45]. Исследователь обращает внимание на постоянство событий, совершающихся в жизни людей. Они представляют собой проявление действия определенных общественных закономерностей – постоянное количество ежегодных смертей, рождений, преступлений и так далее. Все упомянутые явления являются результатом индивидуальной жизни людей, но, в то же самое время, они могут и должны рассматриваться в качестве единой результирующей жизни всего человеческого сообщества.

Учитывая только что сказанное, неудивительно, что Бокль подвергает достаточно резкой критике взгляды на историю как на арену господства случайности и индивидуальной воли отдельной личности. Он настаивает на неспособности таких объяснений истории не только выявить общие законы развития человечества, но даже поставить задачу их поиска.

Критика английским историком современ-

* © Козлов А.В.

ной ему историографии была справедливой. Дело в том, что историческая наука того времени в Англии была по сути своей идеалистической, господствовали представления о функции историка лишь как описателя царствований, войн, выдающихся событий в жизни отдельных героических личностей. Задача достижения научной точности описания даже не ставилась. Естественно, что в такой обстановке призыв автора «Истории цивилизации в Англии» поднять историю на уровень точной науки несомненно явился новым словом в исторической теории.

Для разрешения данной задачи Бокль считал необходимым обратиться к помощи других наук. Пристальное внимание он обратил на политическую экономию как первую из общественных дисциплин, ставшую, по его мнению, точной наукой. Большое будущее он отводил и статистике. Но особенно горячо историк ратовал за тесную связь с естественными науками, за прямое перенесение в историю их методов и считал, что только при этом условии она перестанет быть «жалко несостоятельной» и сможет открыть законы общественного развития, а следовательно, будет способна не только научно объяснить прошлое, но и предвидеть будущее [1, 65]. Ну, а в решении именно этой задачи ученый видел основную социальную функцию исторической науки.

Бокль обращается к методологическим приемам естествознания для того, чтобы выделить важнейшие из действующих в обществе закономерностей. При этом особое значение он придает индуктивному и дедуктивному методам.

В первых пяти главах своей книги Бокль обращается к дедуктивному способу вывода ведущей закономерности развития общества. Все последующие главы работы посвящены индуктивному доказательству выведенной в теоретическом введении идеи путем анализа совокупности фактов из истории Англии, Франции, Испании и Шотландии, характеризующих действие найденной закономерности. Оба этих метода, по убеждению ученого, изучая объект исследования различными путями, должны прийти к сравнимым данным и, таким образом, дополнить и проверить основную идею исследования.

Итак, каковы основные выводы Бокля, полученные дедуктивным методом. Прежде всего, английский исследователь при рассмотрении степени воздействия на историю человечества внешних (физических, природных) и внутренних (духовных, умственных) законов истории постепенно сдвигается в сторону преобладания последних, особенно это заметно, когда он пишет о Европе. Главное различие европейской цивилизации и цивилизаций неевропейских состоит, по его мнению, в том, что вне Европы человек подчинился влиянию

природы, то есть внешние законы преобладают, а в самой Европе все сложилось диаметрально противоположно – природа подчинилась человеку благодаря развитию его рассудка, приведшему к накоплению необходимых для данного процесса знаний. При этом английский историк характеризует все неевропейские цивилизации как «односторонние» и «неправильные» [4, 289].

Поэтому Бокль предлагает использовать открытые им закономерности применительно к истории следующим образом: «На этом великом различии между европейской и неевропейскими цивилизациями основана философия истории; из него вытекает ... то важное соображение, что если мы желаем, например, понять историю Индии, то мы должны сперва изучить материальную природу ее, так как природа имела на человека больше влияния, чем человек на природу. Если же ... мы желаем понять историю такой страны, как Франция или Англия, то мы должны преимущественно изучать человека, так как, при относительном бессилии природы, каждый шаг на пути прогресса увеличивал власть человеческого ума над силами внешнего мира» [2, 58]. То есть, например, для изучения неевропейских стран нужно только выяснить природные условия их существования и сразу можно сказать, какова должна быть история: «везде, где силы природы достигают известной степени могущества, цивилизация народа развивалась неправильно, и прогресс ее останавливался». На наш взгляд, такой подход к законам истории достаточно опасен в силу того, что может привести к пренебрежению конкретным фактическим материалом по исследуемой стране, даже замалчиванию (особенно если он не вписывается в теорию), поскольку, следуя методике Бокля, можно посчитать все заранее известным и не уделить ему должного внимания.

Что же касается протекания европейской истории, то «прогресс европейской цивилизации характеризуется уменьшением влияния физических законов и усилением влияния законов умственных», и вообще, по мнению Бокля, главная причина превосходства Европы заключается в «победе, одержанной человеческим умом над органическими и неорганическими силами природы. Все другие причины зависят от этой» [2, 59-60]. Доказывает английский историк это положение с помощью двух пунктов: 1) природные силы являются величиной постоянной, то есть они не увеличиваются, а следовательно, и воздействие их также неизменно; 2) воздействие человеческих знаний на природу постоянно возрастает и дает людям возможность снизить влияние на них физических законов: «мы имеем обильные доказательства того, что средства, которыми располагает ум человеческий, стали сильнее, много-

численнее и сделались более способны бороться со всеми препятствиями внешнего мира, так как всякое прибавление к нашим познаниям дает нам новые средства, с помощью которых мы можем или управлять явлениями природы, или, если это невозможно, то по крайней мере предвидеть их последствия и таким образом избегать того, чего мы не можем предотвратить; но в обоих случаях уменьшается давление, производимое на нас действиями внешнего мира» [2, 60].

Естественно, что Бокль делает из таких данных о развитии европейской цивилизации (как самой успешной по сравнению с другими) далеко идущие выводы и прямо говорит о том, какие законы в истории более важны: «Если мерой цивилизации служит торжество ума над внешними, материальными деятелями, то становится очевидным, что из двух разрядов законов, управляющих прогрессом человечества, умственный разряд гораздо важнее физического» [2, 60]. Таким образом, законы второго рода гораздо более значимы для прогресса человечества.

Соответственно, если внутренние законы для истории человека гораздо важнее, то Бокль считает необходимым прояснить ситуацию с законами собственно ума. Прежде всего он обращается к имеющимся на тот момент в науке достижениям в области исследования законов умственной деятельности. Естественно, что данным вопросом занимались философы («метафизики», по терминологии Бокля). Поэтому в первую очередь английский историк пытается проверить, открыты ли философами законы ума, или нет.

Рассматривая «метафизический метод» исследования, Бокль приходит к выводу о прямой противоположности его методу историческому на том основании, что философ «изучает процесс деятельности своего собственного ума», историк же должен изучать «не один, но множество умов». Кроме того, Бокль заявляет, что при использовании метафизического метода не было сделано никаких открытий, настоящие же открытия должны делаться, как и в естествознании, с помощью наблюдений или опытов, то есть индуктивным путем. Метафизик не может идти таким путем, так как не может устранить влияние на свой ум внешнего мира. Еще одной ошибкой философии в данном плане автор «Истории цивилизации в Англии» полагает следующую точку зрения – изучив один ум, она считает, что открывает законы действия всех умов. Но самым главным недостатком метафизического метода историк считает неприменимость его для практической деятельности.

Бокль имеет в виду следующее. Он подразделяет философов на две школы: материалисты («исследовать начинают с рассмотрения своих ощущений») и идеалисты («исследовать начина-

ют с рассмотрения своих идей»). Соответственно, методы их работы разные, да и результаты также получаются диаметрально противоположные. В свою очередь, в естественных науках (например, в физике) различные методы исследования дают одинаковый результат. Главный недостаток метафизического метода Бокль видит в том, что предмет исследования и орудие исследования – одно и то же, то есть их собственный ум. В результате исследователь, действующий по метафизическому методу, рассматривает не весь предмет, так как в процессе исследования от него ускользает то состояние ума, при котором становится возможным наблюдение за ним.

Таким образом, английский историк делает вывод о неспособности философского («метафизического») метода открыть законы человеческого ума и, как следствие, о полной его неприменимости в исторических исследованиях. Поэтому он настаивает на применении другого метода: «если мы желаем достигнуть какого-нибудь действительно важного результата, то становится необходимым отвергнуть эти старые системы, недостаточность которых доказывается как опытом, так и здравым смыслом, и заменить их обзором фактов, достаточно обширным, чтобы дать нам возможность отделить от наблюдаемых явлений те случайные неправильности, которые без этого средства мы никогда не будем в состоянии исключить из выводов, не подлежащих проверке опытом» [2, 67]. Другими словами, Бокль опять предлагает использовать в истории прежде всего статистический или, как он его называет, индуктивный метод.

Именно с помощью этого метода Бокль собирается открывать законы духовного прогресса. При этом под духовным прогрессом он подразумевает двойкий процесс – с одной стороны, это нравственный прогресс, с другой – умственный. Также историк считает, что эти два элемента духовного развития человека должны быть взаимосвязаны, то есть развитие ума должно сопровождаться возрастанием нравственных качеств людей, иначе настоящего движения вперед не получится. «Это двойное движение, нравственное и умственное, составляет существо самой идеи цивилизации и заключает в себе всю теорию духовного прогресса». Но и здесь Бокль не останавливается, говоря, что очень важным вопросом является выяснение главного элемента в данной связке, так как это позволит «подчинить низший элемент законам высшего» [2, 68].

Вернемся к вопросу о лидерстве одной из сторон духовного прогресса. Английский исследователь следующим способом собирается решать эту проблему: «Мы знаем, что главный источник человеческих деяний весьма изменчив; следовательно, нам остается только прилагать

этот признак ко всякого рода обстоятельствам, которые представляются причинами, и если мы найдем, что эти обстоятельства не очень изменчивы, то следует заключить, что не они составляют тот источник, который мы стараемся открыть» [2, 69]. Именно так, то есть – либо нравственность, либо умственное развитие, третьего не дано. Подобное упрощенное понимание основных факторов развития человеческого общества, на наш взгляд, не вполне оправданно, так как при этом исключаются важные моменты, например, влияние производительных сил общества.

Бокль следующим образом характеризует факторы духовного развития. Нравственность: «Неоспоримо, что в целом мире нет ничего такого, что бы изменилось так мало, как те великие догматы, из которых слагаются нравственные системы». Умственное развитие – значительный прогресс по сравнению с нравственностью: «самая разительная противоположность ... люди позднейших времен не только сделали значительные приобретения по всем отраслям знания, какие пытались изучать в древности, но и совершили решительный переворот в старых методах исследования: они соединили в одну обширную систему все те средства наведения, о которых только смутно помышлял Аристотель, и создали такие науки, о которых и самый смелый мыслитель древности не имел ни малейшего понятия» [2, 70]. То есть вот он, тот самый источник, способствующий, по мнению Бокля, прогрессу духовной сферы – умственное развитие, прогресс знания.

Но он не останавливается на этой аргументации и продолжает обосновывать свою точку зрения: «Это может быть доказано двумя путями: во-первых, тем, что если не нравственное начало движет цивилизацией, то остается приписать это действие одному умственному; а, во-вторых, тем, что умственное начало проявляет такую деятельность и такую способность все охватывать, какая совершенно достаточно объясняет необыкновенные успехи, сделанные Европой в продолжение нескольких столетий» [2, 70-71]. Таким образом, Бокль считает, что вполне доказал свою точку зрения. Он даже не пытается найти какие-либо другие факторы, влияющие на развитие духовной сферы в частности и человечества в целом, а их, естественно, гораздо больше чем два, и уж тем более нельзя среди них выделить один «главный».

Тем не менее, Бокль из своей достаточно сложной цепи умозаключений сделал следующий вывод: «При более общем взгляде на перемены в жизни цивилизованного народа оказывается, что в сложности они зависят единственно от трех вещей: во-первых, от суммы знаний, приобретенных самыми развитыми людьми; во-вторых, от направления, которое приняли эти знания, то есть от

того разряда предметов, к которому они относятся; наконец, в-третьих, и более всего, от той пропорции, в которой знания эти распространены и от большей или меньшей свободы, с которой они проникают во все классы общества» [2, 90]. Таким образом, в итоге исследования у Бокля получается, что историческое развитие на «цивилизованной» стадии определяется целиком и полностью прогрессом знания, то есть законами внутренними, о чем уже неоднократно писали в том числе и отечественные исследователи [5, 215-233].

Индуктивное доказательство определяющего влияния на исторический процесс интеллектуальной эволюции Бокль представил в первом томе книги в главах, посвященных умственному развитию Англии и Франции в XVI-XVIII вв. Но при этом лозунг индуктивности исторической науки как средства точного историографического анализа ведущей общественной закономерности, однако, не выходил за рамки простой декларации, так как всякий раз, когда возникала необходимость оценки влияния историко-научных фактов, освещающих коллизии и открытия в науке, на общественный прогресс Англии и Франции, Бокль отсылал читателя к высказываниям О. Конта [2, 155-157].

Тем не менее, стремление исследователя опираться в конкретной историографической практике на опытное знание было прогрессивным для своего времени. Английский историк отстаивал мысль об объективном характере исторического знания. Данная идея проистекает из естественно-материалистической оценки человеческого общества как социальной материи, развивающейся по законам окружающей его природы.

Признание объективного характера исторического знания, не оставлявшее в теории места для сверхъестественного объяснения, требование превращения истории в точную науку, имеющую дело с достоверными фактами, в сочетании с признанием закономерного характера развития общественного процесса – все эти положения работы Бокля, безусловно, имели прогрессивное звучание в английской исторической науке XIX века.

Самой сильной стороной историографического творчества Бокля является пропаганда исследователем нового научного понимания истории. Однако это не мешает нам отметить также натуралистический и механистический характер решения им этой важной проблемы исторического знания.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Биск И. История исторической мысли в новое время. Иваново, 1983. – 215 с.
2. Бокль Г. Т. История цивилизации в Англии. В 2-х томах. Т. 1. СПб., 1906. – 628 с.

3. Виноградов К. Б. Очерки английской историографии нового и новейшего времени. М., 1975. – 225 с.
4. Гутнова Е.В. Место и значение буржуазной позитивистской историографии второй половины XIX в. в развитии исторической науки (по материалам медиевистики) // Средние века: Сб. ст. Вып. 25. М., 1964. – 322 с.
5. Маркова Л.А. Г. Т. Бокль: наука в развитии цивилизации (к предыстории социологического рассмотрения науки) // Концепции науки в буржуазной философии и социологии. М., 1973. – 325 с.
6. Трахтенберг О.В. Очерки по истории философии и социологии Англии XIX в. М., 1989. – 216 с.

УДК 94(470)

А.Н. Фукс

«РУССКАЯ ИСТОРИЯ В САМОМ СЖАТОМ ОЧЕРКЕ» М.Н. ПОКРОВСКОГО КАК ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК*

Аннотация. В статье автор определяет влияние историографических построений М.Н. Покровского на формирование советской моноконцепции отечественной истории, убедительно прослеживает взаимозависимость содержания школьной истории от политической ситуации и идеологических установок правительства. Раскрывает значение первого советского учебника «Русская история в самом сжатом очерке» как историографического источника - книги, по существу приобретшей статус единственного официального учебника истории в 20-е гг. XX века. Изучение «Русской истории в самом сжатом очерке» и ее оценок в советской и постсоветской историографии свидетельствует о том, что отношение к учебнику М.Н. Покровского является «лакмусовой бумажкой» изменения историографической ситуации в стране. Анализ учебника позволил автору опровергнуть сложившуюся устойчивую традицию в исторической науке рассматривать М.Н. Покровского как разрушителя дореволюционной академической науки, как нигилиста по отношению к её наследию. Автор доказывает, что многолетняя критика Покровского и его теории «торгового капитала» привела в конечном итоге к недооценке отечественными историками роли торговли, купеческого сословия в процессе мо-

дернизации экономики российского государства.

Ключевые слова: историческая концепция М.Н. Покровского, школьный учебник как историографический источник, советская моноконцепция отечественной истории, «торговый капитал», роль «классовой борьбы» в истории.

А.Н. Fuks

«Russian history in the most concise essay» M.N. Pokrovsky as a historiographic source.

Abstract. The author defines the influence historiographical constructions Pokrovsky on the formation of the Soviet monokontseptsii country's history, convincingly demonstrates the interdependence of the contents of school history on the political situation in the state and ideological government. Reveals the meaning of the first Soviet textbook «Russian history in the most concise essay» as a historiographical source - books, in effect having the status of the only official history textbook in 20-ies. XX century. Study of «Russian history in the most concise essay» and its ratings in the Soviet and post-Soviet historiography suggests that attitudes towards the textbook Pokrovsky is a «litmus test» historiographical change the situation in the country. The analysis allowed the author of the textbook for the first time to rebut the very strong tradition of historical scholarship consider Pokrovsky as a destroyer of pre-revolutionary academic science as a nihilist in relation to its heritage. The author argues that long-standing criticism of Pokrovsky and his theory of «merchant capital» led eventually to an underestimation of domestic historians of the role of trade, the merchant class in the process of modernizing the economy of the Russian state.

Key words: M.N. Pokrovsky's historical concept, the school textbook as a historiographic source, the Soviet monoconcept of national history, «the trading capital», a role of «class struggle» in the history.

Важной вехой в становлении зарождающейся советской историографии было издание в 1920 г. «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского[9]. Эта книга на целое десятилетие стала не только самым популярным учебным пособием по истории страны, но и получила широкое распространение во всех учебных заведениях. Учебник М.Н. Покровского выдержал пятнадцать основных изданий, из них десять при жизни автора. По существу, в 20-е гг. XX века учебник М.Н. Покровского приобрел статус единственного официального учебника по истории России вплоть до начавшихся гонений со стороны И.В. Сталина на Покровского и его школу.

Попытаемся дать целостную историографическую оценку первому советскому учебнику истории - «Русской истории в самом сжатом

*© А.Н. Фукс

очерке» М.Н. Покровского: проанализировать основные тенденции советской и постсоветской историографии в изучении его творческого наследия; определить степень влияния историографических идей Покровского на формирование советской школы историков; подтвердить или опровергнуть тезис о действенном влиянии концептуальных построений учёного на формирование советской моноконцепции отечественной истории; вскрыть механизм возникновения противоречий в исторических взглядах и оценках главы советской историографии 1920-х гг.; показать значение «Русской истории в самом сжатом очерке» как историографического источника.

На сегодняшний день в советской и постсоветской историографии насчитывается немало работ, посвящённых изучению творческого наследия М.Н. Покровского. Все исследователи не обходят стороной основные жизненные вехи учёного. Поэтому нет необходимости останавливаться на этом вопросе.

Ещё до революции исторические воззрения М.Н. Покровского, его поиски объяснения хода русской истории с классовых позиций вызывали неоднозначную оценку со стороны современников. Она напрямую зависела от политических взглядов рецензентов. Либералы критиковали Покровского за излишнюю «политизацию» истории. Так, например, А. Кизеветтер, характеризуя Покровского как достойного профессионала, подчёркивал, что его «нельзя заподозрить в незнакомстве с правилами объективного анализа». Однако в своей рецензии он отмечал, что трактовка таких категорий, как «феодалство», «буржуазия», «пролетариат» стоят далеко от научного понимания: «В историческое изображение прошлого вводятся злободневные, чисто партийные мотивы и лозунги. Историческая наука превращается в служанку политики» [3, 101-103]. Тем не менее, признанием историографических заслуг М.Н. Покровского ещё до революции было включение его биографии в Энциклопедический словарь братьев Гранат в 1915 г. В этой энциклопедии Покровский характеризовался как марксист, сторонник материалистического понимания истории [14, 8]. Соответственно, высокую оценку исторические взгляды М.Н. Покровского, интерпретируемые им в «Русской истории с древнейших времен», получали в то время у историков большевистского толка, таких, как М.Н. Ольминский, И.И. Скворцов [13].

Насчитывается большое количество работ (статей, диссертаций и монографий), посвящённых изучению концепции М.Н. Покровского [8]. Противоречивость исторических взглядов Покровского вызывала соответственно и противоречивые оценки историографов. Но не толь-

ко в этом причина различных, порой взаимоисключающих, оценок творческого наследия М.Н. Покровского. Эти оценки напрямую зависели от политической ситуации в стране, от правительственного заказа. В 1920-е гг. не могло быть и речи о критике М.Н. Покровского, поскольку он и формально, и реально стоял во главе развития советской исторической науки. Как известно, не без его участия был завершён разгром либеральной академической науки. Все изменилось в 1930-е гг., когда по инициативе Сталина началась критика Покровского и его школы в работе А.Н. Артизова [1] детально раскрыта историографическая ситуация этого периода, автор с привлечением новых архивных материалов проследил биографии репрессированных учеников М.Н. Покровского. В это время единственным условием выживания для профессиональных историков являлся отказ от приверженности к «школе Покровского». Критика Покровского обеспечивала индульгенцию. Даже М.В. Нечкина, ученица М.Н. Покровского, вынуждена была выступить в печати с критическим анализом исторических взглядов своего учителя [7]. Всё это говорит о нравственном микроклимате, сложившемся в молодой советской историографии, которая по собственной оценке, переживала процесс «консолидации на единой марксистской платформе». Во всех смертных грехах М.Н. Покровского перестали обвинять лишь в 1960-80-е годы. В работах К.К. Когонашвили, О.Д. Соколова, А.А. Чернобаева [4] и др. отмечались заслуги Покровского как организатора советской исторической науки, раскрывалось основное содержание его концепции, эволюция методологических и конкретно-исторических взглядов учёного. Нельзя не согласиться и с выводом одного из современных исследователей историографического наследия М.Н. Покровского, А.Н. Артизова, о значении критики школы Покровского как феномена отечественной историографии 30-х гг. XX века. В своей докторской диссертации он подчеркнул: «Критика Покровского способствовала преодолению нигилизма по отношению к дореволюционному историографическому наследию, активизировала разработку многих научных проблем, помогла советским учёным написать патристические по звучанию исторические учебники, в которых были отражены последние к тому времени достижения отечественной историографии» [1, 185-186].

В нынешнее время можно найти совершенно неожиданную оценку взглядов М.Н. Покровского. Если в советской историографии основной удар критики был нацелен на теорию «торгового капитала» Покровского, то некоторые современные учёные превозносят его за эту теорию, отмечая якобы универсальный её характер.

Б.Кагарлицкий высказал «оригинальную» мысль, что теория торгового капитала М.Н. Покровского объясняет роль России в формирующейся глобальной капиталистической экономике. Он пишет, что теория торгового капитала Покровского подвергалась самой большой критике, её обвиняли в «вульгарном социологизме», но именно она оказалась наиболее перспективной и интересной сегодня частью его наследия. По его мнению, механизмом, обеспечивающим соединение «центра» и «периферии», развитых и развивающихся стран является торговый капитал («Теория торгового капитализма, разработанная Покровским, интересна и ценна тем, что позволяет не только переосмыслить события отечественной истории, но и превосходно работает применительно к другим странам, помогает понять становление международного капитализма» [2]). Не бесспорным представляется утверждение Б. Кагарлицкого о том, что «история Покровского – не только марксистский анализ и переосмысление прошлого, но, прежде всего, демистификация» (автор подразумевает критику национальных и антинациональных мифов, отказ Покровского «играть по правилам мифологического сознания, которое просто не является для историка сколько-нибудь интересным, даже в плане полемики»). Подобная актуализация теоретических конструкций Покровского вызывает искреннее уважение, но требует веской научной аргументации и подтверждения конкретными историческими исследованиями. Без этого автора будет легко обвинить в явной искусственности подобной оценки.

Целесообразно напомнить, что первым советским историографом М.Н. Покровского был В.И. Ленин. Он сразу отреагировал на издание в 1920 г. первых двух частей «Русской истории в самом сжатом очерке». В своем письме от 5 декабря 1920 г. В.И. Ленин писал М.Н. Покровскому: «Очень поздравляю Вас с успехом: чрезвычайно понравилась мне Ваша новая книга: «Русская история в самом сжатом очерке». Оригинальное строение и изложение. Читается с громадным интересом. Надо будет, по-моему, перевести на европейские языки» [5, 488].

Отмечая оригинальность новой книги М.Н. Покровского, В.И. Ленин вместе с тем указал на её недостатки: «Позволю себе одно маленькое замечание. Чтобы она была учебником (а она должна им стать), надо дополнить её хронологическим указателем. Поясню свою мысль; примерно так: 1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки вашей, марксистской, с указанием страниц Вашей книги.

Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую

науку и новую» [5, 488].

В последующих изданиях книги М.Н. Покровский попытался учесть замечания В.И. Ленина. Он значительно усилил методическое оснащение книги, включив синхронистические и хронологические таблицы, предметный и именной указатели, карты и планы. Однако прямого сравнения историографической оценки «буржуазной» с «марксистской» не получилось. Он ограничился написанием очерка во второй части книги «Как и кем писалась русская история до марксистов» [10, 179]. Любопытно, что жесткой оценки так называемой «домарксистской историографии» у Покровского мы не находим. Повторяя основной тезис либералов, что у Н.М. Карамзина история государства – это история государей, он, тем не менее, называет его «величайшим русским историком» [10, 180]. Более того, Покровский даёт взвешенную оценку историографического наследия С.М. Соловьёва. Покровский писал: «Фактический материал, собранный в этом труде, – имея в виду «Историю России с древнейших времен», – особенно в последних его томах, еще ценнее, чем примечания к истории Карамзина: Соловьёв здесь использовал множество архивных документов, отчасти не опубликованных до сих пор» [10, 183]. Оценка Покровским С.М. Соловьёва как интерпретатора теории перехода родового быта в государственный позднее прочно закрепилась во всей последующей советской историографии. Идеологизированный вывод М.Н. Покровского о характере исторической концепции Соловьёва явно диссонирует с изложением основных её положений. Историк писал: «Взгляды Соловьёва были взглядами историка-идеалиста, который смотрит на исторический процесс сверху, со стороны командующих классов, а не снизу, от классов угнетённых» [10, 183]. Анализируя взгляды В.О. Ключевского, М.Н. Покровский называл своего учителя «самым замечательным», «самым талантливым» историком. Покровский одним из первых отметил, что Ключевский, хотя и придерживался теории «закрепощения и раскрепощения сословий», но «... доказывал, что крепостное право вовсе не было установлено сверху, государством, а возникло из ежедневной будничной борьбы между собою крестьянина и помещика в течение многих десятилетий» [10, 185]. Тем не менее, так же как и в случае с С.М. Соловьёвым, Покровский, характеризуя в лице Ключевского академическую, университетскую науку, делал явно искусственно привязанный к теории классовой борьбы вывод: «Университетская наука была для этой последней (буржуазии - Авт.) одним из способов господства над массами» [10, 186]. Таким образом, следует осторожнее относиться к характеристике историографических

взглядов Покровского на дореволюционную историческую науку. В советской и в постсоветской историографии прочно укрепилось суждение о резко негативном отрицательном отношении М.Н. Покровского к «буржуазной исторической науке» [6, 378]. Во многом этому способствовало крылатое выражение историка, цитируемое практически во всех работах, посвящённых Покровскому: «Все эти Чичерины, Кавелины, Ключевские, Чупровы, Петражицкие, все они непосредственно отразили определённую классовую борьбу, происходившую в течение XIX столетия в России, и ...история, писавшаяся этими господами, ничего иного, кроме политики, опрокинутой в прошлое, не представляет» [11, 28]. Как видим, в «Русской истории в самом сжатом очерке» проявилась противоречивость суждений Покровского: с одной стороны, он давал взвешенную оценку достоинствам концептуальных поисков крупных дореволюционных историков, с другой стороны, идеологические и политические задачи заставляли его делать диаметрально противоположные выводы о значении либеральной историографии.

Что же представляла собой схема русско-го исторического процесса, интерпретируемого М.Н. Покровским в своем учебном пособии? Её пониманию уже способствует название разделов книги. Во всех трёх частях «Русской истории в самом сжатом очерке» автор выделяет двадцать два таких раздела, название каждого из которых соответствовало не только тому или иному периоду в истории, но и отражало содержание общественно-экономических явлений и процессов. Уже сам категориальный аппарат свидетельствует об использовании марксистской терминологии, о попытках с позиций решающей роли классовой борьбы и приоритета экономики в общественном прогрессе истолковать ход отечественной истории.

В учебном пособии Покровский пытался в доступной форме дать азы марксистского толкования понятия «способа производства», механизм возникновения классов и классовой борьбы, тесную взаимосвязь этого феномена с хозяйственно-экономической деятельностью человека. Он писал: «Значит, чем объясняется возникновение того или другого общественно-го класса? Оно объясняется тем, как ведётся хозяйство. Прежде хозяйство было мелким, всякий работал в одиночку, – это было одно устройство общества. Потом стали работать все сообща, и получилось другое устройство общества. В основе всех перемен лежит, таким образом, перемена в хозяйстве, перемена экономическая» [12, 11]. Удачно для марксиста популяризируя классовую теорию, Покровский ставил перед читателями

риторический вопрос: «Классовое устройство общества ... отражается на успешности борьбы человека с природой или нет?» И отвечал: «Не только отражается, но в конце концов развитие техники, о котором мы сейчас говорили, определяется именно классовым устройством общества. То или другое устройство общества может или страшно замедлить это развитие, или очень ускорить».

В разрешении одной из ключевых и дискуссионных проблем отечественной историографии – возникновении Древнерусского государства, для Покровского главное – классовый подход. М.Н. Покровского мало заботил спор норманистов и антинорманистов и кто были киевские князья: иноземцы или нет? Он писал: «...и то, что первые новгородские и киевские князья, которых мы знаем по именам, были шведы по происхождению (что несомненно), совсем неважно. Гораздо важнее то, что эти шведы были рабовладельцами и работорговцами: захватывать рабов и торговать ими было промыслом первых властителей русской земли» [12, 28]. В отличие от В.О. Ключевского, С.Ф. Платонова, которые констатировали научную бесплодность полемики норманистов и антинорманистов, в отличие от Д.И. Иловайского, который безрезультатно отстаивал правомерность собственной теории происхождения Руси от Роксолан, заботясь о национальных чувствах подрастающего поколения, Покровский замечал: «Это предание (о призвании варягов - Авт.) новейшие историки часто оспаривали из соображений патриотических, т.е. националистических: им казалось обидно для народного самолюбия русских славян, что их первыми государями были иноземцы» [12, 28]. В 20-е гг. XX века ещё не было той нацеленности на использование критики норманнской теории в целях патриотического воспитания (начиная с конца 1940-х гг. в школьных программах неизменно подчёркивалась необходимость показа реакционной сущности норманнской теории). Таким образом, для М.Н. Покровского основная причина возникновения государственности не в деятельности князей, а в механизме формирования классового общества, в развитии, как и у Ключевского, торговли и работорговли. Он писал: «С появлением классов началась и классовая борьба: бедные восставали, нападали на богатых, поджигали у них дома, крали у них скот» [12, 31]. При анализе любого источника у Покровского на первый план выдвигался классовый подход. Так, анализируя «Русскую правду» или любой другой исторический источник, он делал акцент на те материалы, которые свидетельствовали о наличии в древней Руси классовой борьбы. Повествуя о восстаниях в Киеве в XI-XII вв., он писал: «Никакими свире-

пыми наказаниями нельзя было испугать задавленную ростовщиками народную массу. И при первом же удобном случае она поднималась вся уже не в виде отдельных «разбойников», а в виде общенародного восстания» [12, 31]. Покровский, рассматривая общественно-экономические отношения в Древней Руси, в основном следовал взглядам В.О. Ключевского, называя Киевскую Русь торговой, городской, рабовладельческой. Достаточно привести следующую цитату: «Тогдашние большие города жили работорговлей, не нужно забывать этого» [12, 31].

В своем учебнике Покровский популярно с язвительной иронией рассматривал исторические события, так или иначе связанные с религиозным содержанием. Не обошёл он вниманием и факт крещения Руси. Он писал: «Когда явилось христианство, то к прежним духам прибавилось много новых, христианских, ангелов и святых. Но вообще эти верования не изменились. Продолжались и жертвоприношения, только вместо того, чтобы непосредственно отдавать духу курицу, барана, лошадь или что другое, это отдавалось духовенству, которое, предполагалось, умеет как-то ублажить соответствующих духов святых или напугать соответствующих злых духов» [12, 37]. Думается, что М.Н. Покровский – один из родоначальников устойчивой историографической традиции, сложившейся в советской учебной литературе – принижать роль и значение Православной Церкви в формировании культурно-исторических и нравственных начал сотен поколений российских граждан.

Касаясь причин распада Древней Руси, М.Н. Покровский чётко выделяет две основные: 1) упадок торговли, 2) татарское нашествие. «Главных причин упадка древнерусских городов было две: первой была огромная перемена в направлении и характере торговли того времени. ... «Великий водный путь из варяг в греки», на котором вытянулась цепь древнерусских городов, заглох, а с ним вместе стали глхнуть и эти города. Окончательно их добило татарское нашествие» [12, 33].

М.Н. Покровский осуществлял подход ко всем ключевым проблемам русской истории сквозь призму центральной идеи своих концептуальных построений – идеи развития торгового капитала. Не стал даже исключением вопрос о роли и значении татаро-монгольского ига. Для историка главный отрицательный эффект ига – задержка в развитии торгового капитала. Во всем остальном Покровский мало оригинален. В духе Карамзина он рассматривал иго как фактор объединения русских земель: «...объединение Руси около Москвы было на добрую половину татарским делом» [12, 34]. Констатировал непреложный исторический факт, что «...прямые, непосред-

ственные следствия татарского нашествия были очень велики. Городская Русь, истощенная собственными грабежами, подбитая передвижкой мировых торговых путей с Чёрного моря и Днепра на Средиземное море и Рейн, была окончательно добыта татарами и после татарского разгрома оправиться не могла» [12, 34].

Как и В.О. Ключевский, Покровский выделяет ряд факторов, способствовавших объединению русских земель вокруг Москвы. Это и выгодность географического положения города, концентрация богатств в руках московского князя, поддержка церкви. Однако главным фактором для Покровского выступал рост производительных сил, которые концентрировались в одном «из самых больших городов Европы и уж, конечно, самым большим городом в России». Еще Л.В. Черепнин отмечал популярность изложения процесса складывания русского централизованного государства в учебнике Покровского: «в лаконичной формуле... определяет этот процесс (неплохо схватывая его суть) как образование «феодальной монархии» (единодержавия) из «феодального хаоса» [15, 105]. Для Покровского Москва – центр экономической жизни, именно в ней преобладало торгово-промышленное население, деятельность которого способствовала разложению натурального хозяйства и формировала в XVII веке всероссийский рынок. По мнению Покровского, во главе этого экономического процесса стояла «торговая буржуазия» [12; 44, 49]. Проводя социальную структуризацию русского общества применительно к этому периоду, он отмечал: «Так мало-помалу феодальный класс распался на две или даже, если хотите, на три части: на крупное феодальное барство, потомков бывших князей и других крупных землевладельцев, владевших огромными вотчинами, но все более разорявшихся, и на мелкое дворянство, которое, наоборот, создавало новое хозяйство и с великим трудом, что называется, выбивалось в люди, сколачивая себе кое-какое достояние». Далее Покровский подчёркивал, что сильнейшим оказался союз двух новых классов – поместного дворянства и горожан – против старой феодальной знати и церковного землевладения [12, 55]. Тем не менее, определяющей для Покровского являлась «четвертая сила – это сила торгового капитала...» [12, 55].

Стержнем в построении «Русской истории в самом сжатом очерке», как и в других работах М.Н. Покровского, явилась так называемая теория торгового капитала. В советской историографии Покровский постоянно критиковался за гипертрофизацию роли торгового капитала в истории страны. Волей-неволей эта критика привела к тому, что значение торгового капитала, роль

купечества в развитии торгово-экономических отношений стала приуменьшаться. Тем не менее, в образовании всероссийского рынка роль купечества, торгового капитала весома. Другое дело, что тезис Покровского о самодержавной монархии XVI-XX вв. как «торговом капитале в шапке Мономаха» не выдержал критической проверки ещё при жизни историка. Покровский утверждал, что семья Романовых стояла на службе не только дворянства, но и торгового капитала, что интересы и того и другого срослись. Он писал: «На самом деле, при первых Романовых лучше всего жилось крупному торговому капиталу ... царь, употребляя удачное выражение одного иностранца, стал первым купцом своего государства» [12, 74-75]. Противоречивость исторической концепции Покровского сказалась и на разграничении категорий «торгового» и «промышленного капитала». С одной стороны, он показывал их тесную взаимосвязь, отмечал, что торговый капитал зачастую шёл на развитие промышленного производства, что купцы превращались в фабрикантов и заводчиков, а внешняя торговля способствовала вливанию России в мировой экономический рынок. С другой стороны, Покровский преувеличивал значение борьбы за власть промышленного капитала с торговым [12, 121]. Главным образом он фиксировал свое внимание на противоречиях между торговлей и промышленностью, что вызывало справедливую критику у большинства оппонентов историка, а процесс сращивания торгового и промышленного капитала, переход купечества к промышленной деятельности оставался в основном вне поля зрения историка.

Выше уже отмечалась роль теории «классовой борьбы» в исторических построениях Покровского. Какую же оценку историк даёт основным революционным событиям российской истории, вошедшим в антологию советской историографии? Он подробно повествует о Соляном бунте, о крестьянском восстании под руководством И.И. Болотникова. Однако, в отличие от С.Ф. Платонова, который детально раскрыл ход и этапы движения Болотникова, М.Н. Покровский ограничился описанием Болотникова как отважного человека, поднявшего крестьянство на борьбу с «ненавидимыми угнетателями».

Сравнительно больший объём событийной информации приводится о восстании Степана Разина. Говоря о причинах восстания, Покровский их связывает с развитием торгового капитала («... самое большое восстание, с которым пришлось иметь дело первым Романовым, это было восстание казако-крестьянское, вышедшее с Дона, – восстание Степана Разина. Оно непосредственно связано с развитием торгового капитала» [12, 78]). И только через страницу имеется указание

на причину, продиктованную сугубо идеологическими соображениями – рост феодальной эксплуатации. Для воплощения одного из основных положений своей концепции – о решающей роли классовой борьбы в истории – Покровский называл «Смутное время» «народной революцией начала XVII в.», а восстание Болотникова – «казако-крестьянской революцией» [12; 78,79,86]. При этом от него ускользнуло уже появившееся в отечественной историографии понятие «крестьянская война». Даже восстание Пугачёва он не определял как крестьянскую войну. Снова основной акцент в раскрытии причин движения Пугачёва ставился на развитие товарно-денежных отношений, приведших к усилению эксплуатации крестьян, которая «отличалась особенной свирепостью» [12, 141]. В отличие от «Русской истории с древнейших времен» Покровский давал более взвешенную оценку целям, провозглашённым в манифесте восставших. Его оценка основного тезиса восставших – о замене одного царя на другого, «более справедливого», по его мнению, обрекала восстание на поражение, так как манифест Пугачёва не предусматривал изменения самодержавного строя. Позднее это положение стало одним из основных в советской историографии крестьянских войн.

Сравнительно много места в «Русской истории в самом сжатом очерке» уделено центральной теме советской историографии – «истории революционных движений XIX - начала XX вв.» В оценке движения декабристов Покровский напрямую не следовал ленинской трактовке. Однако во многом она совпадала. В отличие от В.И. Ленина, он называл декабристов не дворянскими, а буржуазными революционерами («... 14 декабря 1825 г. было первым и последним революционным выступлением буржуазии в России» [12,154]). В некоторой степени он преувеличивал роль народных масс в восстании декабристов, определяя его как «всенародное восстание». Вместе с тем, задавая риторический вопрос «почему же декабристы потерпели такое поражение?», историк в духе ленинской трактовки писал: «Ответ дали они сами: они боялись всенародного восстания, начинавшегося на их глазах» [12, 153].

Не обошёл вниманием в своем учебнике Покровский и деятельность Радищева, Герцена, Чернышевского. Радищева и Герцена он ставил в один ряд с декабристами, называя их также буржуазными революционерами, за что неоднократно подвергался критике советскими историками, занимавшимися историей движения декабристов. Покровский обращал внимание на то, что Герцен впервые высказал мысль о том, что русская община поможет России совершить «революцию социалистическую», минуя «буржуазную».

Он подчёркивал, что эта идея прочно вошла в сознание русской интеллигенции 1860-70-х гг. и послужила основой народнической идеологии [12, 169-170]. М.Н. Покровский очень умело, с долей издёвки, с привлечением конкретных исторических примеров показал в «Русской истории в сжатом очерке» искусственность теоретических построений народников в плане идеализации общины как основной формы развития социализма. Конкретизируя одно из основных положений марксизма об определяющей роли производства в общественном развитии, он подчёркивал, что в «своем понимании социализма интеллигенция шла не от производства, а от распределения собственности. Но распределение собственности есть вторичный признак, это распределение зависит от организации производства». Четко разграничивая понятия общинного и общественного производства, историк отмечал, что в сельской общине никакого общего производства нет и никогда не было. («Всякий крестьянин работает на своей полоске самостоятельно, то, что он соберет, принадлежит ему, а не идет в общий котел» [12, 167].) Этот тезис прочно вошёл во все антологии советской историографии народничества.

Выделяя в отдельную главу тему «Народническая революция», Покровский рассматривал народничество 1870-х гг. как самостоятельный этап «буржуазно-демократического революционного движения». Давая характеристики лидерам народников, Покровский называл П.Л. Лаврова крупнейшим представителем и создателем «стройной системы русского мелкобуржуазного социализма». Анализируя «Исторические письма» П.Л. Лаврова, историк проводил мысль, что «народничество» имело мало общего с интересами народа. Он писал: «На самом деле народу тут отводилось последнее место: он страдает, он трудится, а думают за него и спасают его «критически мыслящие личности». Это понимание истории именно буржуазное...» [12; 173,175]. Лаврова Покровский называл «...скромным кабинетным учёным. Революционная деятельность рисовалась ему в виде исключительно пропаганды». Лавров и Михайловский, по Покровскому, учителя понимания жизни. М.А. Бакунину учёный давал другую, более лестную характеристику, чем П.Л. Лаврову, считая его прагматиком, учителем того, как нужно делать жизнь, как нужно действовать («Бакунин – был народник в более прямом смысле, чем Лавров: для него народ, народная масса были прямым источником революции» [12; 176,179]). Полагая, что Бакунин во многом способствовал стремлению «революционно-настроенной молодежи» к действию, историк писал: «Это огромное по своему времени движение «в

народ», охватившее тысячи молодых людей, было началом нового революционного подъема, отделенного шести-, семилетним промежутком от крушения каракозовщины...» [12;176,179]. Вместе с тем Покровский, давая оценку деятельности бакунистов по «расшатыванию государства» с помощью стихийных крестьянских бунтов, констатировал: «Мелкобуржуазный социализм надеялся поднять крестьянство, оно не шелохнулось» [12, 188]. Прежде всего в этом он видел причину перехода к террору («к террору «бунтари» перешли тогда, когда убедились в невозможности поднять массовое народное восстание» [12, 189]). Подробно повествуя на страницах своего учебника о подготовке и проведении террористических акций народническими организациями, он давал в целом критическую оценку их деятельности. Но какова эта критика? Она сводилась, главным образом, к обвинению народников в переоценке либералов. Покровский писал о народниках, что они «...террором надеялись раскачать буржуазию, вывести ее из состояния трусливого оцепенения, а правительство надеялись довести до такого оцепенения. И в том и в другом ошиблись» [12, 190]. Говоря о «Народной воле» как об организации, «открыто порвавшей с народническими традициями» [12, 190], он также критически оценивая её деятельность, отмечал: «Народная воля» не восставала против буржуазии и эксплуатации вообще, а ставила себе определенную задачу – путем заговора добиться политического переворота, низвержения царской власти и созыва учредительного собрания» [12, 191].

Таким образом, политическая ангажированность исторических воззрений Покровского особенно явно сказалась в оценке общественных движений, предшествующих формированию марксистских политических течений. Нарушая принцип историзма, он связывал всё негативное в «революционных движениях» с отсутствием влияния марксистских идей. Эсеры использовали марксистские идеи. В период написания «Русской истории в самом сжатом очерке» перед Покровским стояла актуальная для того времени задача развенчания роли партии эсеров в утверждении советского государственного строя. С этой задачей, как видим, историк «блестяще» справлялся, игнорируя фактическую сторону российской истории. Таким образом, видимая противоречивость исторических взглядов Покровского зачастую объясняется весьма просто: для него была важнее политическая составляющая во взглядах на историю.

Тем не менее, для советской исторической науки очевидна заслуга М.Н. Покровского в оценке роли и значения деятельности народников. Подавляющее большинство оценок Покровско-

го, данных в «Русской истории в самом сжатом очерке», легли в основу всей советской историографии «движения народников».

Само название одной из глав учебника «Промышленный кризис и массовое рабочее движение» свидетельствует о том, что Покровский оценивал рабочее движение как этап «освободительной борьбы». Активизацию рабочего движения историк связывал не только с началом промышленного кризиса, но и, в первую очередь, с распространением марксистских идей. В «лучших традициях» марксистской историографии он усматривал залог политической победы большевиков в октябре 1917 года в массовых выступлениях пролетариата. Поэтому он первым из марксистских историков большое внимание уделял истории стачек и забастовок. Покровский подробно освещал деятельность петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Он подчёркивал, что эта организация, благодаря тесному союзу с рабочими, стала «зародышем, из которого развилась российская социал-демократическая рабочая партия...» [12, 232]. Как член этой партии с 1905 г., он особое внимание обращал на историю её создания, борьбу В.И. Ленина и его сторонников с политическими оппонентами. По существу основной материал части III «Русской истории в самом сжатом очерке», охватывающий хронологический период с 1896 по 1906 гг., позволяет говорить о нём как об очерке «революционной истории». Содержание не только этой части, но и всего учебника Покровского, позволяет сделать вывод, что «Русская история в самом сжатом очерке» Покровского была первым советским учебником, наиболее полно отражавшим историю «классовой борьбы» в российском обществе.

Изучение обширной историографии о М.Н. Покровском как советской, так и постсоветской свидетельствует о том, что именно в оценке концептуальных построений М.Н. Покровского (трудно найти какую-либо другую персоналию в отечественной историографии) наиболее концентрированно сказывался конъюнктурный, политизированный подход. Пожалуй, у Покровского, как ни у какого другого отечественного историка, эволюция как теоретических, так и конкретно-исторических взглядов протекала настолько быстро, что давало возможность исследователям его творчества менять оценку его концептуальных построений в зависимости от политической конъюнктуры. Одно неоспоримо, что становление советской моноконцепции отечественной истории шло не мимо работ М.Н. Покровского, а непосредственно через всё его творчество. Оформление марксистской парадигмы российской истории, формирование форма-

ционного подхода шло через критику историографической деятельности историка.

В чём причины столь негативного отношения И.В. Сталина к М.Н. Покровскому? Сегодня ни для кого не секрет, что одним из условий полной узурпации политической власти в стране Сталиным была необходимость покончить с так называемой «ленинской гвардией», одним из ярких представителей которой, несомненно, являлся М.Н. Покровский. Обвинение в том, что его схема русской истории противоречила марксистской теории общественно-экономических формаций, в большей степени было надуманным, тем более Покровский позитивно реагировал на большинство замечаний со стороны главы государства.

В советской историографии сложилась устойчивая традиция показывать М.Н. Покровского как разрушителя дореволюционной академической науки, как нигилиста по отношению к её наследию. Такой подход произрастал в условиях критики Покровского и его школы. Однако историографический анализ «Русской истории в самом сжатом очерке» позволяет говорить о Покровском как о первом советском историографе дореволюционной исторической науки. Противоречивость исторических взглядов М.Н. Покровского привела к тому, что он, верно отмечая достоинства исторических взглядов Н.М. Карамзина, С.М. Соловьёва, В.О. Ключевского, давал сугубо идеологизированные оценки их богатейшему историографическому опыту. К сожалению, многолетняя всеобъемлющая критика Покровского и его теории «торгового капитала» привела в конечном итоге к недооценке советскими историками роли торговли, купеческого сословия в процессе модернизации экономики российского государства.

«Русская история в самом сжатом очерке» М.Н. Покровского является основным историографическим источником по изучению процесса становления марксистской интерпретации отечественной истории в школьной учебной литературе 20-х гг. XX века.

О значимости историографического наследия М.Н. Покровского свидетельствует тот факт, что ряд современных историков и политологов проявляют повышенный интерес к его идеям. Не ограничиваясь лишь одним интересом, предпринимаются попытки объяснения социально-экономических условий глобализационных процессов с использованием теории «торгового капитала» Покровского.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Артизов А.Н. Школа М.Н. Покровского и советская историческая наука, конец 1920-х - 1930-х гг. Дис. ... д-ра ист. наук: 07.00.09. - М., 1998. - 198 с.
2. Кагарлицкий Б. Разгадка сфинкса. Забытая исто-

рия Михаила Покровского// Электронный ресурс:
[http://rulife.ru/index.php?mode=article&artID=872]

УДК 930

Суслов А.Ю.

3. Кизеветтер А. Царствование Александра I в новом освещении//Русская мысль. 1908. кн.I-II.
4. Когонашвили К.К. Педагогическая деятельность и методические взгляды Михаила Николаевича Покровского.- М., 1968; Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. - М.: Мысль, 1970; Чернобаев А.А. Чернобаев А.А. М.Н. Покровский - ученый и революционер // Вопросы истории. 1988. №8. С.3-23 и др.
5. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.36. М., 1962.
6. См. напр. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России. М.: Издательский центр «Академия», 2008.
7. Нечкина М.В. Крестьянские восстания Разина и Пугачева в концепции М.Н. Покровского//Против исторической концепции М.Н. Покровского. М.:Л., 1939. ч.1. С. 244-275; Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского//Там же. С. 303-336.
8. Панкратова А. Развитие исторических взглядов М.Н. Покровского//Против исторической концепции М.Н. Покровского. Сб.статей. ч.1. М.:Л., 1939; Дубровский С.М. Академик Н.М. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки//Вопросы истории. 1962. №3; История и историки. Историографическая история СССР. Сборник статей. М., 1965; Черепнин Л.В. М.Н. Покровский и его роль в развитии советской исторической науки// Очерки истории исторической науки в СССР. Т.IV. М., 1966; Когонашвили К.К. Педагогическая деятельность и методические взгляды Михаила Николаевича Покровского. М., 1968; Шапиро А.Л. Русская историография в период империализма. Л., 1969; Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М., 1970 и др.
9. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке, часть I и II (от древнейших времен до конца XIX столетия). М.: ГИЗ, 1920.- 276 с.
10. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке. Четвертое посмертное издание. М.: Партийное издательство, 1933. (Как и кем писалась русская история до марксистов.)
11. Покровский М.Н. Избранные произведения: в 4 кн. - Кн.1. М., 1966.
12. Покровский М.Н. Русская история в самом сжатом очерке//Избранные произведения в четырех книгах. Кн.3. М.: Мысль, 1967.
13. Современный мир. 1908. №1. С. 137-138; Скворцов-Степанов И.И. Избранные произведения. Т.1. М., 1930. С. 309-311.
14. Соколов О.Д. М.Н. Покровский и советская историческая наука. М.: Мысль, 1970.
15. Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV веках. М, 1960.

МЕНШЕВИКИ И СОЦИАЛИСТЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ*

Аннотация. В статье анализируются основные проблемы современной отечественной историографии крупнейших российских социалистических партий – социалистов-революционеров и меньшевиков, отмечены проблемы и перспективы исследований. Показаны крупные исследовательские проблемы, стоящие перед современными отечественными и зарубежными авторами – источниковая база, участие меньшевиков и эсеров в гражданской войне, изучение биографий видных деятелей партий, история местных партийных организаций. Рассмотрено отражение эволюции идеологии и практики российских социалистических партий в трудах историков последних десятилетий.

Ключевые слова: партия социалистов-революционеров, партия социал-демократов (меньшевики), Октябрьская революция 1917 г., Гражданская война, историография.

A. Suslov
MENSHEVIKS AND SOCIALISTS-
REVOLUTIONARIES IN SOVIET RUSSIA: PROBLEMS TO
MODERN HISTORIOGRAPHY

Abstract. In article are analysed main problems to modern domestic historiography the most largest Russian socialist party – a socialist-revolutionary and Menshevik, noted problems and prospects of the studies. They Are Shown large exploratory problems, costing before modern domestic and foreign author - source base, participation Menshevik and SRs in civil to war, study biography visible figures party, history of the local party organization. The Considered reflection to evolutions to ideologies and practical persons Russian socialist party in works historian on decennial event.

* © Суслов А.Ю.

Key words: the Socialist parties, party socialist-revolutionary, party social democrats (the menshevik), October revolution 1917, civil war, historiography.

В начале XX века модернизация России была связана с выбором одной из возможных моделей общественного развития: либеральной или социалистической. Либеральная альтернатива революции была утопичной [1, 4-24; 2, 15]. Социалистические идеи в первой четверти XX века в России были гораздо более популярны, о чем свидетельствует количество членов социалистических партий и итоги выборов во Всероссийское Учредительное собрание в 1917 г. в условиях наиболее свободного и демократичного голосования. Российская революция, весьма сложное и многообразное явление, состояла из нескольких «потоков» – солдатского, крестьянского, национального и других. Важным элементом была партийная борьба, столкновение и взаимодействие различных общественно-политических движений.

В России начала XX века были представлены все важнейшие направления социалистической мысли. Эсеры являлись, пожалуй, единственной оппозиционной партией, которая обладала влиянием и среди рабочих, и среди крестьян, и среди интеллигенции [3, 207]. За ее плечами стояла долгая традиция крестьянского протеста. Это была единственная крупная партия, полагавшаяся на российскую, а не иностранную идеологию, несмотря на значительное влияние марксизма.

После октября 1917 г. межпартийные противоречия вылились в открытое противоборство большевиков с социалистической оппозицией. Исход этого противоборства оказал существенное влияние на развитие политической системы советского общества. Поражение социалистов-революционеров осенью 1918 г. означало конец попыткам третьего пути – между коммунистической диктатурой и восстановлением монархии. Вполне можно согласиться с А.В.Шубиным, что «...победа большевизма и широкомасштабная гражданская война – оборотная сторона и результат поражения именно социалистической альтернативы в 1917 - 1918 гг.» [4, 167].

Современная российская историография, сохраняя определенную преемственность с предшествующим этапом в изучении деятельности социалистических партий, в большинстве своем отказалась от тех традиций советской науки, которые резко ограничивали познавательные возможности исследователей: политизированности, идеализации политики большевиков, одностороннего и тенденциозного подбора фактов. В то

же время не удалось избежать другой крайности – идеализации противников большевизма.

В современной историографии ПСР выделяется несколько исследовательских проблем, связанных с рассмотрением конкретных моментов деятельности правых эсеров, а также с общей оценкой значения и роли ПСР в послеоктябрьской России. В последнем случае эту задачу призваны решить работы обобщающего характера по истории партии эсеров. Таких работ несколько, однако постановка теоретических аспектов в обосновании причин поражения партии эсеров в политической борьбе выражена недостаточно [5].

Главный вопрос, который в конечном счете стоит перед всеми исследователями – почему партия социалистов-революционеров, весьма сильная и популярная, обладавшая реалистичной программой, так и не смогла прийти и удержаться у власти в общероссийском масштабе? Наиболее часто встречающиеся объяснения сводятся к констатации постоянных расколов в среде ПСР, ошибок и тактических промахов партии в политической борьбе, отсутствия сильного лидера и жесткой организационной структуры, большевистских репрессий после октября 1917 г. Признавая наличие этих, безусловно важных факторов, следует отметить, что они не дают возможности осмыслить в полной мере причины поражения эсеровской альтернативы. Исследований, затрагивающих эту проблему на серьезном концептуальном уровне, пока немного, хотя о ПСР пишет практически каждый исследователь, касающийся истории российской революции и Гражданской войны.

Интересное объяснение причинам провала эсеровской доктрины и победы большевиков дает, опираясь на теорию модернизации, Н.Д.Ерофеев. Социалисты-революционеры, отмечает он, в конечном счете оказались непригодны для коренного преобразования России и ее модернизации. Эсеровская идеология являлась аграрной утопией, в то время как урбанистическая программа большевиков реально соответствовала решению главной задачи страны – модернизации, суть которой составляла индустриализация. Как пишет А.С.Сенявский, «эсеровская идеология была наиболее адекватна настроениям подавляющей части населения страны и могла привести исповедующие ее политические силы к власти, но была абсолютно не способна стать основой столь необходимого стране модернизационного рывка...» [6, 58].

Точка зрения Н.Д.Ерофеева, близкая взглядам А. Гершенкрона, выглядит на сегодняшний день наиболее обоснованной гипотезой политического крушения ПСР, хотя в современной

литературе есть и иные позиции, ставящие под сомнение отказ эсеров принять индустриализацию «как наиболее важный императив» русского будущего. Насколько утопична программа эсеров, если в 1917 г. в их партии доминировало правое крыло? В.Н. Гинев в свое время писал, что «переход с крестьянских позиций на так называемые «общегосударственные» вообще был характерен в 1917 г. для эсеровских вождей, особенно занимавших правительственные посты». В этом случае, совершенно справедливо подчеркивает известный немецкий историк М.Хильдермайер, не может быть никакого разговора об утопизме ПСР, и даже фракция В.М. Чернова, занимавшая в партии левоцентристские позиции, примирилась с «мягкой» формой индустриального развития России [7, 133].

Н.Д. Ерофеев, К.Н. Морозов и М. Хильдермайер вновь поставили важный вопрос об эволюции ПСР в период между 1905 - 1907 гг. и 1917 г., а также между февралем и октябрём 1917 г. Фактическое содержание программы ПСР изменилось, влиятельные группы в партии под воздействием столыпинской реформы считали необходимым говорить об аграрной реформе, а не о революции, воспринимая деревенское общество как общество мелких и средних собственников. Значительная часть этого правого крыла ПСР (А.Р. Гоц, В.М. Зензинов, Н.Д. Авксентьев, И.И. Фондаминский и др.) принадлежала к новому поколению членов партии, которое приобрело свои качественные характеристики во время Первой русской революции, но получило «решающие впечатления» в эру «конституционализма», когда существовала Государственная дума, легально функционировали политические партии, профсоюзы. Эти новые институты и формы следовало использовать [8, 611 - 612]. К 1917 г. партия эволюционировала настолько, что Е.Е. Лазарев позже замечал, что название партии социалистов-революционеров следовало бы изменить, убрав слово «революционеров» [9, 12]. О. Рэдки писал, что «партия эсеров перестала быть революционной в то время, когда вся страна стала таковой в самом широком и глубоком смысле этого слова» [10, 468].

В послеоктябрьский период эволюция ПСР продолжалась. Правые эсеры все более склонялись к демократическим, а не социалистическим методам государственного регулирования экономики и организации хозяйства. В общих чертах такая позиция сложилась уже к 1923 г. [11, 172 - 173]. В связи с этим любопытно замечание В.И. Миллера, что именно «левые эсеры сохранили верность основополагающим принципам ПСР, революционному духу и букве ее программы, а изменила ей правая часть ПСР, пошедшая

за меньшевиками в их отрицании самой возможности движения страны к социализму» [12, 30]. Если переход политической партии на более реалистические и отвечающие интересам страны позиции, пусть не востребованные, считать «изменой», то с этим можно согласиться.

Обширные дискуссии о судьбах российской социал-демократии развернулись в связи со столетием образования РСДРП (1998) и юбилеем знаменитого Второго съезда (2003). Многие исследователи пытаются проследить исторический путь российской социал-демократии с момента ее возникновения до сегодняшнего дня [13]. Главный вопрос – почему в России победил большевистский вариант развития, почему меньшевики проиграли, хотя, казалось бы, после крушения монархии в 1917 г. обладали всеми возможностями для прихода к власти? Исследователи выделяют несколько причин. Главная из них, отмечает С.В. Тютюкин, заключается в том, что меньшевистский вариант марксизма «...носил слишком книжный характер, не соответствовавший российским и мировым реалиям начала XX в.» [14, 308]. Российский капитализм, а равно и рабочий класс, еще не достигли западного уровня развития, отсутствие же демократических традиций и соответствующей политической культуры делало меньшевистскую модель социализма неадекватной объективным условиям.

По мнению В.И. Бакулина, «печальный финал» меньшевиков был связан с политическим курсом, избранным РСДРП после крушения самодержавия: фактический отказ от социально-экономических преобразований и сосредоточение на «демократических процессах». Догматизм, сочетание блестящего теоретического анализа с непоследовательностью и нерешительностью в практических действиях, отсутствие тесной связи с массами привели меньшевизм к крушению [15, 80 - 81].

1990-е гг. стали подлинным прорывом в создании документальной истории российской социал-демократии. Выделяются масштабные проекты «Меньшевики в 1917 году» и «Меньшевики в большевистской России. 1918 - 1924». Впервые удалось привлечь материалы из российских и зарубежных архивов, ввести в научный оборот ряд новых документов, уточнить имеющиеся публикации. Обширные предисловия и комментарии к этим сборникам фактически представляют собой самостоятельные очерки истории РСДРП в пореволюционную эпоху – о РСДРП в конце 1917 г. [16], событиях 1919 - 1920 гг. [17], о времени 1921 - 1922 [18], 1922 - 1924 гг. [19]. Составители сумели представить позицию различных течений в меньшевизме, в том числе социал-демократических групп, не входивших в партию. Впервые

опубликованы многие документы Чрезвычайного съезда РСДРП (1917 г.), материалы Всероссийских совещаний и конференций 1918 - 1922 гг., Заграничной Делегации, местных партийных организаций.

О политике правящего режима по отношению к социал-демократам в 1920-е гг. появился ряд документальных публикаций, из которых наибольший интерес представляет сборник (по материалам архива ФСБ) «Меньшевики в советской России» под редакцией А.Л. Литвина [20], где представлена подборка источников как собственно меньшевистского, партийного происхождения, так и документы о репрессиях по отношению к меньшевикам. Переиздан ряд произведений Ю.О. Мартова и А.Н. Потресова с включением ранее не публиковавшихся писем; сделана попытка составить библиографию работ Мартова и Ф.И. Дана. Очевидна необходимость создания подробных библиографических справок деятелей меньшевизма, которые позволили бы дополнить соответствующие эмигрантские указатели.

Особый интерес вызывает эволюция теории и практическая деятельность РСДРП в годы Гражданской войны. Традиционная советская версия, утвердившаяся еще в 1920-х гг., обвиняла меньшевиков в поддержке (пусть и косвенной) Белого движения и интервенции, в антисоветской агитации и пропаганде. Советские историки не обращали особого внимания на различные течения в послеоктябрьском меньшевизме, анализ программных и тактических установок отдельных группировок социал-демократии всегда сопровождался стандартными выводами об «антисоветской сущности» всех меньшевиков.

В «перестроечную» эпоху в исторической литературе стали превалировать иные подходы. Социал-демократов стали рассматривать как политических реалистов и подлинных выразителей демократических идеалов. Весьма показательна в этом плане работа И.Х. Урилова о Мартове. В Советской России, подчеркивает Урилов, Мартов и его единомышленники представляли собой, демократическую, невооруженную оппозицию, «в чем-то поддерживающую большевиков, но вместе с тем активно, публично, в том числе за рубежом, критикующую теневые стороны большевистского режима» [21, 375]. Анализируя полемику Мартова с представителями правого течения в меньшевизме, в частности с П.Б. Аксельродом и Ст. Ивановичем, Урилов считает выводы Мартова более предпочтительными.

В 1990-е гг. в российской историографии стали разрабатываться и иные подходы, более близкие так называемой «тоталитарной» концепции. «Полупризнание» большевистской диктату-

ры дало Р. Пайпсу, одному из лидеров «тоталитарной школы» западной историографии, повод резко упрекнуть самих меньшевиков и эсеров в их крушении: «Эта позиция была не чем иным, как рациональным выражением нерешительности и страха... отказавшись ответить силой на силу, левая интеллигенция обрекла на смерть демократический путь развития России» [22, 110]. Умеренные социалисты относились к большевикам как к «заблудшим товарищам», которые получают урок и не смогут долго продержаться у власти. В итоге они капитулировали без боя. С этим утверждением вполне солидарен В.Н. Бровкин, отмечавший, среди прочих причин поражения меньшевиков (репрессии, ослабление рабочего класса, расколы), паралич «спектром контрреволюции» – левоцентристское крыло РСДРП воспринимало большевиков как меньшее зло в сравнении с возможной белой диктатурой [23, 298].

Во многом соглашались с такой позицией авторы вступительной статьи к сборнику меньшевистских документов за 1919 - 1920 гг. – А.П. Ненароков, Д.Б. Павлов и У. Розенберг. Они подчеркивают справедливость замечания Аксельрода о том, что оценка официальным меньшевизмом большевистского переворота и большевистской диктатуры по сути служила теоретической базой для оправдания большевистского режима [17, 31].

Дискуссия в современной историографии отражает борьбу мнений в самой меньшевистской партии после октября 1917 г. Часть исследователей солидаризуется с тактикой Мартова, другие полагают, что меньшевикам стоило вести активную борьбу с правящим режимом, как то предлагало правое крыло РСДРП, прежде всего Аксельрод и Потресов. Эволюция их взглядов, борьба с «официальным меньшевизмом» впервые стала предметом специального анализа в современной российской исторической литературе.

Характерным явлением современной историографии ПСР, РСДРП и ПЛСР становится увеличение количества работ, посвященных деятельности партий в регионах. Огромные пространства России, национально-культурная специфика, сложность коммуникаций в годы Гражданской войны, наличие (или отсутствие) авторитетных партийных лидеров накладывали серьезный отпечаток на деятельность местных партийных организаций. Региональные комитеты зачастую действовали на свой страх и риск, произвольно трактуя директивы ЦК или не имея таковых. Наиболее полно исследованы организации социалистов в Сибири, Центральном районе, на Урале и Дальнем Востоке. Гораздо меньше известно о деятельности местных организаций

в Поволжье, на Северном Кавказе, Европейском Севере и – что в какой-то степени парадоксально – в Москве и Петрограде.

Причины провала демократической версии социалистической альтернативы можно найти и в традиционной авторитарной политической культуре России, и в катастрофических социальных условиях, вызванных Гражданской войной, и в действиях большевиков и Белых режимов [24, 120]. Однако, на наш взгляд, провал демократического эксперимента в России был главным образом обусловлен его собственной политической слабостью, раздробленностью социалистов-революционеров и меньшевиков. Лидеры российских социалистических партий перешли на умеренные реформистские позиции в тот период, когда большинство населения страны (прежде всего рабочие и солдаты), в том числе и значительное количество рядовых эсеров и меньшевиков, стали придерживаться радикальных взглядов. Этот конфликт привел к тому, что социалисты после прихода большевиков к власти и начала Гражданской войны оказались в сложном и противоречивом положении – их оппозиционность, с одной стороны, прямо вытекала из политики правящего режима, с другой, степень этой оппозиционности зависела от угроз со стороны Белого движения.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Тютюкин С.В. Социалистические модели общественно-политического развития России // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. Вып.6. М., 2000. С.4 - 24.
2. Журавлев В.В. От социал-демократии к демократии – один век?: (Исторические судьбы демократической альтернативы в России в начале XX столетия) // Взаимодействие государства и общества в контексте модернизации России. Конец XIX – начало XX в.: Сб. научн. ст. Тамбов, 2001. С.13 - 22.
3. Brovkin V. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918 – 1922. Princeton, 1994.
4. Шубин А.В. Эсеры как российский вариант социалистической демократии // Мировая социал-демократия: теория, история и современность. М., 2006. С.144 - 169.
5. Аноприева Г.С., Ерофеев Н.Д. Эсеры: между утопиями и реальностью // Политические исследования. 1993. № 6. С.157 - 165.
6. Сенявский А.С. Проблемы модернизации России в XX веке: диалектика реформизма и революционности // Россия в XX веке: Реформы и революции. Т.1. М., 2002.
7. Хильдермайер М. Шансы и пределы аграрного социализма в российской революции // Россия в XX веке: историки мира спорят. М., 1994. С.125 - 134.
8. Морозов К.Н. Партия социалистов-революционеров в 1907 – 1914 гг. М., 1998.
9. Лазарев Е.Е. Из переписки с друзьями. Ужгород, 1935.
10. Radkey O.H. The Sickle under the Hammer: The Russian Socialist Revolutionaries in the Early Months of Soviet Rule. – N.Y.; L., 1963.
11. Ярцев Б.К. Политико-экономическая платформа российского неонародничества в 20-е гг. // Был ли у России выбор?: (Н.И.Бухарин и В.М.Чернов в социально-философских дискуссиях 20-х годов). М., 1996. С.142 - 175.
12. Миллер В.И. Революция в России. 1917 – 1918 гг. Проблемы изучения: Дис. ... д-ра ист.наук в форме науч. доклада по совокупности опубл.трудов. М., 1995.
13. Урилов И.Х. Судьбы российской социал-демократии // Вопросы истории. 2006. № 3. С.122 - 149.
14. Тютюкин С.В. Взлет и падение российской социал-демократии // Россия на рубеже XXI века: Оглядываясь на век минувший. М., 2000. С.298 - 313.
15. Бакулин В.И. Между догмой, иллюзией и реальностью: меньшевизм в 1917 году // Отечественная история. 2004. № 1.
16. Галили З., Ненароков А. Демократические иллюзии в период наивысшего обострения общенационального кризиса. Первая декада октября – конец декабря. Историко-документальный очерк // Меньшевики в 1917 году. Т.3. Ч.2. М., 1997.
17. Ненароков А.П., Павлов Д.Б., Розенберг У. Оппозиция в рамках советской системы: неудавшийся дрейф «влево». 1919 – 1920 гг. Документально-исторический очерк // Меньшевики в 1919 – 1920 гг. М., 2000.
18. Ненароков А., Паначчионе А., Розенберг У. От легальности к подполью. Начало новой волны вынужденной эмиграции. Документально-исторический очерк // Меньшевики в 1921 – 1922 гг. М., 2002.
19. Либих А., Михайлов А., Ненароков А., Паначчионе А., Перемышленникова Н. Крах социал-демократического подполья в большевистской России 1922 – 1924 гг. // Меньшевики в 1922 – 1924 гг. М., 2004.
20. Меньшевики в советской России: Сб.док. Казань, 1998.
21. Урилов И.Х. Ю.О.Мартов. Политик и историк. М., 1997.
22. Пайпс Р. Создание однопартийного государства в Советской России (1917 - 1918 гг.) // Минувшее. Вып.4. М., 1991. С.95 - 139.
23. Brovkin V. The Mensheviks after October: Socialist Opposition and the Rise of the Bolshevik Dictatorship. – Ithaca and London, 1987.
24. Шубин А.В. Социалисты в российской революции 1917 – 1921 гг. // Карло Росселли и левые в Европе: к 100-летию со дня рождения. М., 1999. С.91 - 126.

Иерусалимская С.Ю.

ПЕРИОДИЧЕСКАЯ ПЕЧАТЬ КАК ИСТОЧНИК ПО РАЗВИТИЮ НАРОДНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX в.*

Аннотация. Анализ периодической печати показал, что она является важным источником по развитию народного просвещения Российской империи второй половины XIX – начала XX в. Были изучены центральные светские, различной политической направленности, органы печати («Журнал Министерства народного просвещения», «Образование», «Русская школа», «Вестник воспитания») и церковные («Духовная беседа», «Церковные ведомости», «Православный собеседник») периодические издания. Периодическая печать раскрывает роль правительственных органов, земства, церкви в становлении народного просвещения, показывает деятельность всех типов учебных заведений, полемику в обществе по выбору пути развития народной школы и переходу к всеобщему начальному образованию.

Ключевые слова: народное просвещение, школа, либералы, консерваторы, историография, Верхнее Поволжье

S. Ierusalimskaya

PERIODICALS AS A HISTORICAL SOURCE ON THE DEVELOPMENT OF PUBLIC EDUCATION IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE SECOND HALF OF THE 19TH – THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURIES

Abstract. The analysis of the periodicals proved that they are the main source of information of the development of people's enlightenment in Russian Empire in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries. Several temporal (such as "The Journal of the Ministry of People's Enlightenment", "Education", "The Russian School", "Education Herald") and ecclesiastical (such as "Spiritual Conversation", "Church Register", "the Orthodox Interlocutor") issues were studied.

The periodicals reveal the role of the governmental agencies, the Zemstvo and the Church in the development of the people's enlightenment, demonstrates the activities of all the types of the educational institutions, the debates in the society as to what way of the development of the people's school should have been chosen and how the turn

to general elementary education should have been accomplished.

Key words: public education, school, liberals, conservatives, historiography, Upper Volga Region.

Важную группу источников по развитию народного просвещения Российской империи второй половины XIX – начала XX в. составляет периодическая печать. Сюда входят как центральные светские, различной политической направленности, органы печати («Журнал Министерства народного просвещения», «Образование», «Русская школа», «Вестник воспитания» и др.), так и церковные («Духовная беседа», «Церковные ведомости», «Православный собеседник» и др.) периодические издания. Местная пресса также представлена как светскими газетами – губернскими ведомостями, так и епархиальными ведомостями.

В светской общероссийской периодической печати второй половины XIX – начала XX в. выделяются ежемесячные ведомственные [Журнал Министерства народного просвещения 1907 № 1] и литературно-политические, научно-популярные журналы [Русский вестник 1863, № 12]. Публиковавшиеся на страницах данных изданий материалы были посвящены проблемам женского и мужского обучения и воспитания, в них рассматриваются законодательные постановления и распоряжения правящих кругов в области народного просвещения и духовного образования, циркуляры Министерства народного просвещения, приводятся ценные сведения о самостоятельности, обязательности и общедоступности начального образования, месте профессиональных школ в общей системе просвещения, финансовом обеспечении введения всеобщего обучения, условиях отпуска ссуд на школьное строительство. Отдельного внимания заслуживают материалы по истории учебных заведений, научных обществ, расходам земства на народное образование и др. В официальных ведомственных изданиях публиковались извлечения из всеподданнейших отчетов Министерства народного просвещения, известия о деятельности училищ, заметки об учебных пособиях, методических книгах для преподавательского состава, списках рекомендуемой к прочтению научной и художественной литературы и т.д.

О деятельности правительства в сфере народного образования рассказывалось в официальном периодическом издании «Журнал Министерства народного просвещения». Там публиковались законодательные акты по ведомству, циркуляры, указы отдела ученого комитета министерства по начальному и среднему образованию [Журнал Министерства народного просвещения 1907, № 1]. В журнале прилагался список книг, рассмотренных ученым комитетом и признанных

* © Иерусалимская С.Ю.

заслуживающими внимания при пополнении народных читален и библиотек.

Особый интерес вызывает публикация в журнале под названием «Обозрение проектов реформы средней школы в России, преимущественно в последнее шестилетие (1899-1905 гг.)» [Степанов С. 1907, 34]. В ней рассматривались проекты преобразования средней школы, которые разрабатывались официальными представителями министерства народного просвещения: Д.А. Толстым, И.Д. Деляновым, П.С. Ванновским и др. Автор статьи указывал на начала, которыми руководствовались реформаторы, и на причины, которые мешали осуществлению этих проектов. По проблемам образования важным публицистическим источником является статья А. Анастасиева «Новая начальная школа» [Анастасиев А. 1907, 130], где ставился вопрос о всеобщем народном обучении. В ней говорилось о требованиях к составу образовательного курса начальной школы, рассказывалось о предметных уроках, классном чтении и т.д.

К ведомственным изданиям также относится «Педагогический вестник Московского учебного округа. Средняя и низшая школа». В нем приводились распоряжения по округу, сведения об учебных занятиях, преподавательских кадрах, о жаловании директоров различных учебных заведений, классных наставников, учителей и даже чрезвычайных происшествиях [Педагогический вестник 1911, 48]. Важные сведения о развитии народного образования содержатся в «Журнале Министерства государственных имуществ». Данное министерство курировало начальные школы у государственных и удельных крестьян. Так, в статье А. Раева были перечислены меры по распространению просвещения среди указанных категорий крестьян [Раев А. 1860, № 9]. В газете «Школа и жизнь» сообщались интересные данные о состоянии просвещения в начале XX в., освещалась деятельность земства по народному образованию, говорилось о собраниях земских управ по данной проблематике, в частности о разработке правовых условий деятельности в области просвещения [Школа и жизнь, 1915].

Итак, официальная ведомственная периодика содержит в себе целый ряд важных сведений, касавшихся различных изменений российского законодательства в сфере народного просвещения; фиксации отношения правящих кругов к данной проблеме; выявления общего состояния школьного дела в указанные хронологические рамки как в центре страны, так и на периферии и т.д. Одной из важнейших функций ведомственной периодической печати являлась всемерная поддержка официальной концепции развития системы отечественного образования, возрождению теории

официальной народности, а также популяризация всех мер, предпринимаемых правительством в области реформирования народной школы.

Немало страниц посвятили проблематике школьного дела отечественные периодические издания консервативного направления. В публикациях данных печатных органов тема российского образования рассматривалась исключительно в той плоскости, которая была выгодна общей правительственной политике, определявшей правящими кругами, а успехи народной школы оценивались с точки зрения пропаганды промонархических настроений и поддержке самодержавия в русском обществе того времени [Гражданин 1898, № 32]. Так, ежемесячный литературный и общественно-политический журнал «Русский вестник», издаваемый с 1856 г. в Москве известным русским публицистом М.Н. Катковым (1818 - 1887 гг.), неоднократно обращался к теме народного образования и школьных реформ. Сам издатель журнала, в 1830-х гг. примыкавший к литературно-философскому кружку Н.В. Станкевича и являвшийся умеренным либералом, сторонником английского политического строя, с начала 1860-х гг. круто меняет свои политические предпочтения, выступая апологетом реакционного правительственного курса, одним из вдохновителей контрреформ. Политические метаморфозы, имевшие место в воззрениях М.Н. Каткова, соответственно отражались и на внутреннем содержании его периодического органа, ставшего с 1862 г. рупором консервативных кругов.

Несомненный интерес для раскрытия темы диссертационного исследования представляет статья Тумаева «О духовных семинариях. По поводу предполагаемых преобразований», опубликованная в одном из номеров «Русского вестника» в 1863 г. [Русский вестник 1863, № 45]. Автор сообщает целый ряд сведений о содержании нового устава духовных семинарий; останавливается на производстве экзаменов и составлении разрядных списков в данных учебных заведениях; перечисляет и комментирует должностные функции педагогических советов при семинариях; высказывает своё мнение по поводу введения выборного начала в последних; кратко перечисляет некоторые новшества в духовных училищах, регламентированные новым уставом - «... изучение французского и немецкого языков начинается по расписанию, со второго года семинарского курса, продолжается семь лет и делается обязательным для всех учеников ...»; «... жалование каждого наставника увеличивается через 10 лет на j, через 15 на S; через 20 на s; и, наконец, через 25 удваивается ...»; «... воспитанник семинарии может сделаться учителем не иначе, как первоначально выдержав экзамен в педагогическом совете. Таким

образом, прекратится, наконец, существующее в духовно-училищном ведомстве обыкновение считать всякого студента академии и даже семинарии способным преподавать какой угодно предмет, а иногда именно тот, который ему вполне неизвестен ...» и т.д. [Русский вестник 1863, № 45].

Отдельная глава в статье Тумаева посвящена, по его выражению, «... замечаниям полемического свойства ...». В ней автор обращается к тем пунктам устава, в которых описываются будущая администрация семинарий и отношения к ней наставников и начальников. Охарактеризовывая предлагаемые нововведения, он указывает на некоторое их сходство с постановлениями, которыми управляются католические семинарии; указывает на административное устройство, внутреннюю иерархию и управление духовных училищ, перечисляя плюсы и минусы новой административной системы управления семинариями.

Достаточно ярко и откровенно консервативную политическую линию, которой придерживался «Русский вестник», раскрывает публикация, посвящённая проблемам отечественной школы и внешкольного образования [Русский вестник 1898, № 6]. Неизвестный автор язвительно высмеивает «... вольных радетелей народного образования ...», которые «... со всей очевидностью убедились, что «народная школа официально даёт только грамотность ...». По мнению автора статьи, школа для них оказалась излишне тесной, в силу чего «... выступил вопрос о внешкольном народном образовании ... о возможно более широком распространении в населении дешёвых ... книжек и брошюр отрицательного содержания, в духе «Посредника», толстовщины, штунды и всякого другого протестантизма и нигилизма» [Русский вестник 1898, № 6]. При этом в качестве резюме звучит следующая сентенция: «... никто даже словом не обмолвился о том, чтобы, напр., Министерство Народного Просвещения издавало и торговало народными книжками дающими ... миллионные барыши их издателям, но все взваливают на казну чистые убытки по обучению грамотности в школах, а пользоваться от этой грамотности предоставляют каким угодно добровольцам, но отнюдь не казне». Вывод автора публикации показывает изначально негативное восприятие консервативными публицистами всех мероприятий либерально настроенной общественности, направленных на поддержку государством народного образования.

Итак, периодическая печать консервативного направления является одним из ценных источников по теме настоящего исследования. Она содержит множество общественно-политических, социально-экономических, финансовых и культурно-этических характеристик сферы развития

народного образования в рассматриваемое время. Вместе с тем при работе с прессой консервативного направления не следует забывать о её политической ангажированности и, как следствие, тенденциозности и предвзятости в подаче и толковании материалов.

Важным источником по развитию народного образования в России являются либеральные органы печати [Русская мысль 1893, № 14]. В качестве примера одного из таких периодических изданий может служить журнал «Вестник воспитания». Он издавался в Москве с 1888 года под редакцией Н.Ф. Михайлова. Это научно-популярное издание затрагивало актуальные проблемы деятельности учебных заведений, показывало достижения педагогической мысли. Каждый год выходило девять номеров журнала с перерывом на летние каникулы. Ежегодно, как правило, в первом номере, давалась характеристика образования за истекший период.

В журнале публиковались специальные статьи, освещавшие деятельность земств в развитии народного образования, введении всеобщего обучения в течение 8 лет (предполагалось, что это будут 1914-1921 гг.), внешкольном просвещении народа, о подготовке и положении педагогических кадров. В каждом номере имелся раздел «Критика и библиография», насыщенная «Хроника», где говорилось о школьных съездах, обсуждении сметы министерства народного просвещения в Государственных думах, юбилеях учебных заведений, выдающихся деятелях культуры и т.д. Показано влияние Первой мировой войны на образование в России и других странах: беженцы, возобновление занятий в Польше, привлечение в войска студентов, сокращение ассигнований на просвещение [Вестник воспитания 1914, № 6].

Особый интерес представляют работы Е. Звягинцева, опубликованные в вышеуказанном журнале. Так, например, в статье «Земство и народная школа» приводились сведения о расходах на народное образование земских учреждений 40 губерний. В работе присутствовали элементы анализа. Е. Звягинцев отмечал, что вначале земства смотрели на школу лишь как на объект попечения, отдавали на откуп ведение школ родителям, затем земства «пытались стать ближе к учебно-воспитательной стороне школьной жизни», но «учебное ведомство признает за собой ... право на полноту руководства учебной частью» [Звягинцев Е. 1914, 5]. В следующей своей работе Е. Звягинцев говорил о земстве и внешкольном просвещении, о воскресных школах, повторительных внешкольных занятиях с окончившими школу, народных чтениях с проекционным фонарем, народных библиотеках [Звягинцев Е. 1914, 122]. В статье того же автора «Из отчетов и обзоров состояния на-

родного образования» значительное место было уделено анализу сведений текущей статистики по 1912 - 1913 гг. [Звягинцев Е. 1914, 102].

К периодическим изданиям либерального направления следует отнести журнал «Русская школа», который основал Я.Г. Гуревич в 1890 году. В начале XX столетия журнал выходил под редакцией его сына Я.Я. Гуревича. Основной читательской аудиторией издания являлись учителя. Не случайно в «Русской школе» регулярно сообщалось о бюджете преподавателя. Интересные сведения публиковались в разделе «Хроника». Журнал предоставлял информацию о развитии различных типов начальной школы: земской, церковно-приходской (с безусловной симпатией в пользу первой) и т.д. В нем приводился материал по деятельности Государственных дум, земств по народному просвещению, о подготовке в 1913 г. I Всероссийского съезда по вопросам народного образования, обсуждались проекты реформы школы и т.д.

На страницах издания «Русская школа» нередко помещались методические статьи, авторы которых ратовали за упрочение связи школьного преподавания с повседневной жизнью населения России. Например, такой достаточно сложный предмет, как арифметика предлагалось преподавать крестьянским детям, сопровождая уроки наглядными примерами с подсчётом математических данных по посеву зерна, уборке урожая, постройке хозяйственных помещений (амбара, овина и проч.) и т.д. По мнению авторов статей, эти примеры значительно облегчали осмысление учениками простейших математических действий. Влияние Первой мировой войны отразилось на тематике публикаций: «Война и учащиеся дети», «Французские учителя на войне», «Милитаризация юношества в Германии», «Проект анкеты о влиянии войны на школу» [Русская школа 1915, 46].

Либеральный журнал «Свободное воспитание» выступал против схоластики школы, за творческое преподавание. В нем был опубликован материал о педагогических принципах и приемах Л.Н. Толстого, о его яснополянской школе. В журнале рассматривалась связь образования и воспитания, подчеркивалось, что школа является воспитательным учреждением. Любопытна статья С.Н. Дурылина «Семинарские педагоги и учительская беспомощность», где показывалось несоответствие того, чему учат в учительской семинарии практической деятельности [Свободное воспитание 1907, № 1]. На страницах журнала поднимался вопрос о дисциплине детей в начальной школе, о половом воспитании, об экспериментальных начальных школах. Во время Первой мировой войны журнал знакомил своих читателей с проектами школ будущего, говорил о необходимости нравственного воспитания, разрабатывал методи-

ку экскурсионной деятельности, сообщал передовой опыт западной школы (США, Англия, Швеция) [Свободное воспитание 1915, № 1]. Интересно, что война была малозаметна в этом издании, она фактически ничем не напоминала о себе на его страницах.

К периодическим печатным органам, стоящим на прогрессивных позициях по вопросам народного просвещения, следует отнести и «Образование» – ежемесячный педагогический научно-популярный журнал, посвященный вопросам женского и мужского воспитания и обучения. Он был преобразован из «Женского образования», издавался в Петербурге с 1892 года. Редакторы-издатели: В.Д. Сиповский, В.В. Сиповский, с 1866 г. – А.Я. Острогорский. Главные сотрудники – П.Ф. Каптерев, В.П. Острогорский, А. Страннолюбский, И. Паульсон, Н. Позняков, Н. Рубакин, А. Воскресенский, Д. Семенов.

Особое место в журнале «Образование» занимали статьи публицистического характера, где рассматриваются вопросы развития народного просвещения. Свой взгляд на народные школы излагал Н.И. Коробка в очерке «Народное мировоззрение и школа» [Коробка Н.И. 1895, 37]. В его понимании, грамотность – дело очень хорошее и необходимое, но она не является единственной целью, иначе народ скоро потеряет к ней уважение и будет смотреть на нее, как на пустую забаву. Школа не должна быть только школой грамотности, а действительно начальным учебным заведением, т.е. сообщать учащимся основы образования: преподавать им естественные науки, законоведение, историю. Наиболее способным ученикам следует облегчить доступ в средние и высшие учебные заведения, при школах желательны библиотеки, читальни, необходимо развитие народной литературы.

Проблеме обязательности и всеобщности начального образования посвятил свою статью А. Страннолюбский [Страннолюбский А. 1895, № 2]. Он выделял ряд условий, необходимых для обязательности учения в России: 1) достаточное число школ; 2) осознание в народной массе необходимости и пользы образования; 3) равномерное распределение учащихся по полу; 4) достижение населением известной степени материального благополучия и др. Статья также содержала статистические сведения и таблицы, позволяющие лучше составить картину народного образования в России конца XIX в. К вопросу о большем участии общества в деле народного образования возвращался в своем докладе «О народных училищах» князь П. Долгоруков [Долгоруков П. 1903, № 3]. Он говорил о новом направлении в русской школьной политике, которая будет фиксировать и укреплять связи между низшей и средней шко-

лой.

Статьи, опубликованные в журнале «Образование», являются важным источником, раскрывавшим идейную борьбу в обществе по вопросам развития просвещения в Российской империи. В них нашла отражение позиция либералов, выступавших за реформу народной школы. На страницах журнала обсуждались пути преобразований в школьном деле, правительственная политика по отношению к начальным и средним учебным заведениям, осуждалась сословность образования. Эти проблемы были созвучны и актуальны по всей России.

Таким образом, комплекс либеральной периодической печати является важным источником по истории отечественного образования. Либеральные журналы сообщают интересные данные, касающиеся нарастания и развёртывания общественно-политической борьбы по вопросам народного просвещения; показывают первые шаги реализации проекта всеобщего обучения в России и её регионах; освещают взаимоотношения государственных, общественных и церковных органов по проблемам школьного строительства; подробно останавливаются на одном из наиболее актуальных вопросов исследуемого периода – женском образовании и т.д.

Во второй половине XIX – начале XX в. пресса являлась столь мощным средством получения необходимой информации, организации общественного сознания и воздействия на мнения отдельных социальных слоёв, что пройти мимо этого «орудия массового поражения» и не воспользоваться его силой (особенно в обстановке роста политического движения в России второй половины XIX – начала XX вв.) не смогла ни одна политическая партия, общественная организация и институты государственной власти. При этом ведущее положение в периодике середины XIX в. принадлежало журналам – ежемесячникам. Тема народного просвещения стойко звучала со страниц всех изданий, вне зависимости от их политической направленности. Вместе с тем влияние последней на принципиальную форму подачи, многочисленные стороны раскрытия материала было всеобъемлющим. К концу XIX столетия позиции «толстых» журналов были значительно потеснены еженедельными изданиями и газетами.

Помимо светской периодики тему развития народной школы затрагивали также духовные печатные органы. Церковные периодические издания на своих страницах касались духовно-общественных проблем, обращались к истории религии, описанию конкретных монастырей и храмов, не обходили своим вниманием и вопросы образования: еженедельное издание Св.Синода «Церковные ведомости» рассказывало на своих

страницах о школах грамоты, об открытии церковно-приходских школ. С определенной долей регулярности в нем появлялись сведения о верхневолжских губерниях.

«Епархиальные ведомости» (ЕВ) являются одним из самых ценных источников по истории духовного образования. Они состояли из двух частей: официальной и неофициальной. Первая часть включала в себя, преимущественно, правительственные указы, инструкции епархиального духовенства, официальные известия. Неофициальная часть представляла собой публикации по истории монастырей, храмов, памятников древности, рассказы о епархиальной жизни и т.д. Срок выпусков «ЕВ» – еженедельный. Данные, характеризующие состояние и развитие народного образования в епархиях, размещались в официальной части и включали в себя: протоколы съездов духовенства соответствующих училищных округов, отчеты о состоянии школ верхневолжских уездов, отчёты различных братств при уездных духовных училищах, разрядные списки учеников духовных училищ, списки учеников этих же училищ после годичных испытаний, перечень учебных пособий и книг для чтения учащихся [Владимирские епархиальные ведомости 1886, № 1]. Данный материал в основном был представлен в таблицах. Текста как такового в этих сообщениях очень мало.

Вышеперечисленные источниковые материалы представляют несомненный интерес для настоящего исследования, т.к. несут информацию о росте и динамике развития церковно-приходских школ, о средствах, отпускаемых на содержание этих школ, составе учителей и учеников, о состоянии духовных училищ и семинарий. О значимости одной из епархиальных газет как исторического источника по духовному образованию свидетельствуют работы Н.Е. Герасимовой, вышедшие на рубеже XX – XXI вв. [Герасимова Н.Е. 1998, 87].

Материалы губернских ведомостей включают в себя информацию о развитии начального, среднего и высшего образования в провинции, преподавательском составе, контингенте учащихся, содержат сведения о материальной базе школьного дела и т.д. Губернские ведомости, так же, как и епархиальные ведомости, состояли из двух частей: официальной и неофициальной. Неофициальная часть для нашей темы представляет наибольший интерес, т.к. там публиковались материалы по народному образованию [Ярославские губернские ведомости 1892, № 68]. В.В. Дементьева справедливо отмечала: «Периодическая печать как вид исторического источника заслуживает самого тщательного исследования. Научная актуальность изучения газетной периодики обусловлена ее информационностью и, вместе с тем, необходимостью проверки сообщаемых фактов, их

сопоставления со сведениями, содержащимися в других источниках» [Дементьева В.В. 1985, 1]. Частота обращения исследователей к периодическим изданиям объясняется чрезвычайно важным местом, которое занимала периодика в социальной, политической и культурной жизни этого времени.

Периодическая печать второй половины XIX - начала XX в. является ценным источником по истории народного образования в России, раскрывает роль правительственных органов, земства, церкви в становлении народного просвещения, показывает деятельность всех типов учебных заведений, полемику в обществе по выбору пути развития народной школы и переходу к всеобщему начальному образованию.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. VII. 1907. № 1; Педагогический вестник Московского учебного округа. Средняя и низшая школа. 1911. № 1. и др.
2. Русский вестник. 1863. № 12; 1893. № 7; и др.
3. Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. VII. 1907. № 1.
4. Степанов С. Обзорные проекты реформы средней школы в России, преимущественно в последнее десятилетие (1899 - 1905 гг.) // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. VII. 1907. № 1. С. 34-50.
5. Анастасиев А. Новая школа // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. Ч. VII. 1907. № 1. С. 130-181.
6. Педагогический вестник Московского учебного округа. Средняя и низшая школа. 1911. № 1. С. 48-53, 81-83; 1912. № 1. С. 89-90; 1914. № 1. С. 118-119; и др.
7. Раев А. О мерах к распространению образования между государственными и удельными крестьянами // Журнал Министерства государственных имуществ. 1860. Кн. 75. № 9-11. Отд. 2.
8. Школа и жизнь. 1915. 19 января.
9. Гражданин. 1898. № 32; 1906. № 17; и др.
10. Русский вестник. 1863. № 45. С. 135-187.
11. Русский вестник. 1863. № 45. С. 158-160.
12. Русский вестник. 1898. № 6. С. 387-389.
13. Русский вестник. 1898. № 6. С. 388.
14. Русская мысль. 1893. № 14; 1905. № 26; 1908. № 2; 1912. № 33; 1916. № 8; Русское богатство. 1898. № 3; и др.
15. Вестник воспитания. 1914. № 6. С. 1-26; Война и школа // Вестник воспитания. № 9. С. 31-68; и др.
16. Звягинцев Е. Земство и народная школа // Вестник воспитания. 1914. № 1. С. 5-28.
17. Звягинцев Е. Земство и внешкольное просвещение народа // Там же. № 2. С. 122-145.
18. Звягинцев Е. Из отчетов и обзоров состояния народного образования // Там же. № 7. С. 102-123.
19. Русская школа. 1915. № 1. С. 46-49; № 3. С. 42-47, 94-95, 107-139; и др.
20. Свободное воспитание. 1907-1908. № 1. С. 86 - 91.
21. Там же. 1915-1916. № 1-12.
22. Коробка Н.И. Народное мировоззрение и школа // Образование. 1895. № 1. С. 37-52.
23. Страннолюбский А. Обязательность и всеобщность начального образования // Образование. 1895. № 2.
24. Долгоруков П. О народных училищах // Образование. 1903. № 3.
25. Владимирские епархиальные ведомости. 1886. № 1; 1888. № 2; 1889. № 23; 1899. № 13; 1906. № 51-52; Ярославские епархиальные ведомости. 1895. ч. оф. № 37-38; и др.
26. Герасимова Н.Е. Дискуссия по вопросам женского духовного образования на страницах «Ярославских Епархиальных Ведомостей» (1860-1880-е гг.) // VII Золотаревские чтения. Рыбинск, 1998. С. 87 - 89; Она же. Епархиальные Ведомости как исторический источник по истории становления духовного образования в Ярославской губернии в 1860-1890-е гг. // Актуальные проблемы естественных и гуманитарных наук на пороге XXI века. История. Ярославль, 2000. С. 47-48; и др.
27. Ярославские губернские ведомости. 1892. ч. н. № 68, 71, 84; и др.
28. Дементьева В.В. Губернские ведомости Верхнего Поволжья 1831-1861 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1985. С. 1.

РАЗДЕЛ 2 ИСТОРИЯ РОССИИ СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 94(47).01

Лушников А.А.

СОСТОЯНИЕ ЯЗЫЧЕСТВА ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН В VII-VIII ВВ. *

Аннотация. Данная статья посвящена особенностям развития дохристианской религии восточных славян в VII-VIII вв., т.е. в начальный период разложения у них родоплеменных отношений. Проанализировав процессы имущественной дифференциации и усиления княжеской верхушки, а также их влияние на религию, автор выделяет появление в то время так называемого «кризиса язычества» и считает его основными факторами развития культа княжеского божества и отмира-

* ©Лушников А.А.

ние идеологии родового строя.

Ключевые слова: славяне, язычество, Русь, князь, государство, родовой строй.

A. Lushnikov

SLAVIC PAGANISM IN VII-VIIIth CENTURY

Abstract. The article is devoted to the problem of pre-Christian religion of eastern Slavs in VII-VIIIth century, that is the initial period of their tribal system's decay. The author analyses the processes of economic differentiation and strengthening of princes as well as their influence on religion. He marks out the rise of so-called «crisis of the paganism» at that time and considers that the spreading of the cult of prince's god and the extinction of tribal ideology were the main factors of this process.

Key words: Slavs, paganism, Rus, prince, state, tribal system.

Среди проблем, связанных со славянским язычеством, видное место занимает проблема состояния этой религии в период распада родоплеменных отношений. Термин «кризис язычества» применительно к этому времени впервые применил М.В. Попович, полагая, что оно характеризовалось «атмосферой беспокойства и неустойчивости» [19,152]. Также этот вопрос рассматривал О.М. Рапов [20, 42-43] в контексте причин принятия христианства. Однако характер раскрытия данной проблемы носил довольно общий характер. Констатировался лишь факт наличия кризиса, не решался вопрос о его особенностях, периодизации и даже времени возникновения. Впоследствии подробно вопрос о кризисном состоянии этой религии не рассматривался. Таким образом, перед нами стоит задача определить взаимосвязь разложения родоплеменных отношений у восточных славян и их религии.

Основой социальных отношений у славян до VII-VIII вв. была кровнородственная община. Традиционное славянское язычество выражало идеалы последней. Тем не менее, судя по письменным и материальным источникам, восточные славяне уже с конца VI-начала VII вв. переживают процессы имущественной дифференциации. О влиятельных князьях и знатных людях у славян упоминают Менандр Протектор [7, 183], Маврикий [7, 375], Феофилакт Самокатта [8, 21].

Что касается материальных источников, то в качестве таковых можно предоставить основные типы поселений того времени. В 1975 – 1978 гг. произведены исследования двух раннесредневековых поселений у села Рашков Хотынского района Черновицкой области – Рашков II и Рашков III. Последнее исследовано наиболее полно, его крайние даты – вторая половина V-конец VII в. Основной хозяйственной единицей данного посе-

ления все еще была патриархальная семья [12, 14]. Тем не менее, исследователи поселения признают, что «наблюдается процесс выделения малых семей в отдельные самостоятельные хозяйственные единицы» [12, 14], однако таковых в разные периоды существования поселения лишь 1-5%. Но сами большие патриархальные семьи, объединяющие малые семьи, выступают по отношению к друг другу уже как соседи и, таким образом, поселение Рашков III являет собой переходную стадию от родовой к соседской общине. Более того, были найдены поселения, в которых существование малой семьи выражено довольно четко. К таковым относятся поселения роменской культуры (VIII в.), в жилищах которых проживало всего 4-6 человек, а следов большой семьи и коллективного хозяйства не найдено вообще [17, 224-226].

Немаловажен тот факт, что признаки имущественной дифференциации в поселении Рашков отсутствуют. Ни одно из жилищ поселения не выделялось своими размерами, конструктивными особенностями или богатством инвентаря. Данный факт, с первого взгляда мог бы быть подтверждением точки зрения И.Я. Фроянова о том, что «археологические памятники восточных славян воссоздают общество без каких-либо явных следов имущественного расслоения» [23, 53]. Однако в отношении поселения Рашков следует полагать лишь, что оно не было местом пребывания племенной верхушки. Следы же существования последней можно найти в поселениях другого типа – городищах.

Одним из древнейших городищ у восточных славян является поселение на Старокиевской горе (предшественник Киева). По Б.А. Рыбакову, его возникновение относится к концу V- началу VI вв. [22,228]. Характерным городищем – местом пребывания племенной знати – является также поселение у села Зимно на Волини (5 км от Владимира Волинского), датировка – VI-VII вв. По А.М. Андрияшеву, здесь же позднее располагался княжеский загородный дворец [9, 55-57]. Городище как по своему местоположению на высоком материковом мысу и укреплениям, так и по богатству находок выделяется среди славянских памятников V-VII вв. Здесь найден богатый инвентарь: орудия труда, оружие, конская сбруя, более сотни украшений, изготовленных из цветных металлов и из серебра, а также византийская монета. Исследователь городища В.В. Аулих справедливо отмечал, что оно было не только ремесленным, но и политическим центром (возможно, дулебов), где проживал князь со своей дружиной [9, 4-100]. Подобными поселениями были также Пастырское и Добриновское городища, а также Хотомель (на Волини) [21, 242-246].

Совершенно очевидно, что господствующей

ший слой, оторванный от общины, нуждался в собственной идеологии, которая носила бы дружинно-княжеский, а не вечевой характер. Однако в условиях того времени, когда классовое общество находилось в стадии становления, создание нового культа могло лишь основываться на базе старых языческих верований. Поэтому господствующий слой нашел себе такой объект поклонения, почитание которого уже существовало. Речь идет об увеличении роли культа военного божества – Перуна. Обоснование культа Перуна как культа дружинно-княжеского впервые дал еще Е.В. Аничков. Он отмечал: «Если Перун когда-то не «вне», а в самом Теремном дворце Игоревичей, мы должны были бы заключить, что культ Перуна – дружинно-княжеский культ киевских Игоревичей» [10, 397].

Спорным остается вопрос о первом упоминании имени этого божества. Еще в начале XX в. Йордан Иванов отмечал: «В житии святого Димитрия Солунского находим интересное сведение о боге Пирине. В 676 году, при осаде Солуна славянами, воевода их Хацион спросил по своему обычаю у оракула, удастся ли ему войти в город. Перином сказано ему было в ответ (как это стоит в болгарском издании жития), что войдет» [15, 15]. Действительно, в издании Славейкова данное упоминание Пирина присутствует [1, 35]. Заметим также, что в юго-западной Болгарии есть горный массив Пирин, а в самой Болгарии существуют легенды о громовержце Пирине и Перунике, связанные с этим местом [18]. Тем не менее, в «Своде древнейших письменных известий о славянах» о Пирине не говорится, причем его нет ни в русском, ни в греческом варианте [8, 133].

Более же известным является упоминание этого божества у Прокопия Кесарийского: «Ибо они считают, что один из богов – создатель молнии – именно он есть владыка всего, и ему приносят в жертву быков и всяких жертвенных животных» [7, 183]. В историографии его фраза, будучи не совсем ясной, обычно воспринимается как прямо описывающая реальность. На этой основе было построено множество гипотез об образе этого божества и его положении среди других богов. Тем не менее, стоит отметить, что Прокопий Кесарийский в своем труде использовал традиционную для византийских исторических сочинений (и также древнерусских) модель увязывания описываемых событий с событиями библейской и античной истории и, более того, в своих произведениях он стремился подражать античным историкам [7, 172]. В этом смысле образ описываемого им Перуна сильно напоминает образ Зевса, культ которого, как известно, был связан и с громом и молниями, и с жертвоприношением быков [4, 23]. Тем не менее, вряд ли можно полагать, что эта фраза – лишь дань архаичному

стилю и никак не относится к религии славян. С одной стороны, конечно, у Прокопия не сказано, что Перун покровительствовал лишь какой-то узкой социальной группе, но, с другой стороны, он описывал религию славян – воинов в армии ромейского военачальника Хилвудия, для которых, безусловно, божество грозы было наиболее важным. Таким образом, единственным выражением такого культа в рамках архаичного стиля служило сравнение Перуна с Зевсом и придание первому характерных черт второго.

В любом случае культ Перуна был общеславянским и широко распространенным. По Б.А. Рыбакову, следы его культа на Днепре прослеживаются еще в IV в. На кувшине данного времени из села Ромашки (под Киевом) имеется календарный орнамент, в котором обозначен праздник Перуна (20 июля) в виде «колеса Юпитера» [22, 178]. Полагаясь на эти данные, некоторые ученые видят в описании его как божества отдельной группы населения (т.е. воинов) противоречие. Мы же не видим в этом никакого противоречия. Дохристианская религия славян не носила догматического характера, а значит, допускала множество вариантов верований. Поэтому Перуна можно рассматривать и как общеславянского бога, и как бога, который непосредственно покровительствовал воинам. Кроме того, он, как известно, был связан не только с военным, но и с аграрным культом. Более того, с течением времени у него появилась и третья функция – функция правителя, так как господствующий слой не мог оставить Перуна без определенного изменения.

Для того чтобы представить наиболее ясную систему всех функций Перуна, мы обратимся к ветхозаветному образу Илии-пророка, культ которого, как известно, после принятия христианства являлся в народной среде отражением культа громовержца. Так, в тексте службы этому святому (по рукописи XVII в., список из Российского государственного архива древних актов) можно выявить отзвуки аграрного культа, причем именно культа бога грозы и дождя: «Божественный пророче, ты молитвою и милованием паки небеса отверзаеши и дождь жаждущим людям богато даруеши» [6, 208], «Божественный пророче, ты молитвою огонь с небес сведе...колисницею огненою о земля щедре преложити словеса» [6, 208/об], «молнию воскресил еси огонь разжегль» [6, 209/об]. Однако св. Илия наделяется также одной из важнейших функций княжеской власти, а именно функцией суда, расправы и защиты – «нечестиваго царя праведнымъ судомъ обличилъ еси» [6, 207], «накапления силы утверди, разшири уста многая на враги моя» [6, 216], «всех милостивно пророче наказуеши и всех милуети» [6, 216/об], «понеже Илия человекъ жестокъ еси, согрешающе изрядно терпети не мо-

жеши» [6, 225/об], «царя облича и люди непокор-
ная градомъ расилеваетъ» [6, 227/об].

Сохранилась память и о Велесе (антагонисте Перуна) прежде всего в образах святого Власия Севастийского и Николы Мирликийского. При этом дело здесь не только в созвучии имен или случайном совпадении каких-либо внешних характеристик. Культ святого Власия во всем христианском мире носил ярко выраженный народный характер и был связан с волшебным исцелением от болезней, и почитался как покровитель скота. Этот святой был пастухом, а его пастуший жезл впоследствии превратился в дерево, своими ветвями покрывшее алтарь церкви, созданной над мощами святого [3, 19-20]. Как и культ Велеса, культ св. Власия был особенно распространен на Севере Руси. На новгородских и других северорусских иконах Власий часто изображался вместе с рогатым скотом. В памяти св. Иоанна Власатого также читаем: «... и душам нашим прощение, и телесам исцеление даруй» [3, 381].

Однако память о Велесе сохранилась не только в форме культа св. Власия. Как отмечают В.В. Иванов и В.Н. Топоров, «в своей языческой функции Велес воспринимался позднейшей православной традицией (в той мере, в какой она его не ассимилировала, отождествив со св. Власием) как «лютый зверь», «чёрт», отсюда костромское *вёлс* – «леший, чёрт, нечистый», диалектные *волосатик*, *волосень* – «нечистый дух, чёрт»; это же позднейшее значение – «чёрт» известно и в родственном чеш. *Veles* – «злой дух, демон» [13, 228].

Гонителем же нечистой силы был святой Илия. Если объединить все вышеперечисленные данные об этих двух сакральных фигурах и, в частности, учитывать их социальные функции, то можно сделать вывод о том, что в народной памяти еще долго присутствовала идея о противоборстве карающей власти (Перуна – олицетворения княжеско-дружинной верхушки) и Велеса (широких масс населения).

С одной стороны, такая идея не была свойственна родоплеменному обществу, что говорит о новых мотивах, связанных с его разложением. С другой стороны, миф о противоборстве Перуна и Велеса имеет в своей основе индоевропейский «грозовой миф», который является основой многих мифологических построений не только в славянском язычестве, но и в других религиях. Однако стоит обратить внимание на образы самих участников данного противостояния. Если до рассматриваемого нами периода Перун выступал лишь как воин-герой, то после он выступал как воин-правитель, что, несомненно, изменяло смысл повествования.

Впрочем, выделение Перуна как правителя и новый смысл «грозового мифа» не могли озна-

чать отмену родовых традиций. Велес, выступавший в нем как противник, был в другой своей ипостаси покровителем скота, богатства и целительства, что, несомненно, привлекало народные массы. Более того, в язычестве присутствовали и другие воззрения, так или иначе выражающие родоплеменной строй. Они не были догматами, но были освящены традицией, поэтому идеология нарождавшейся господствующей верхушки могла лишь действовать в ее рамках, что приносило ей довольно ограниченные результаты.

Тем не менее, в VII-VIII вв. господствующая верхушка могла довольствоваться лишь постепенным выделением ее божества среди других божеств и тенденциями к генотеизму. Но уже в это время культ Перуна начал выделяться среди остальных культов, чему способствовали княжеско-дружинные верхи. Можно сделать предположение, что именно к этому времени относится начало их концентрации в Киеве на Старокиевской горе и превращения того места в культовый центр восточных славян. Довольно спорным оказывается вопрос о древнейшем капище, остатки которого были найдены там еще в 1908 г. В.В. Хвойко [24, 66]. Показателен факт того, что это оно было установлено на месте поселения племенной знати, которая делала попытки сосредоточить сакральную власть в своих руках.

Однако анализ капищ нужно проводить с осторожностью, так как в большинстве случаев невозможно определить, в честь каких богов они устанавливались. Например, капище на Смоленщине или, например, капище в Менске у реки Свислочь могут свидетельствовать о возросшем культе громовержца, так как там присутствовали священный дуб, валун и огнище [16]. Впрочем, по отдельным признакам мы не можем с достаточной уверенностью утверждать об этом факте.

В любом случае описанные нами процессы имели, безусловно, местное происхождение и не были прямым заимствованием, так как имели в своей основе социально-политическое развитие восточных славян. Но при этом славянское язычество не было замкнутой системой и допускало многочисленные заимствования и параллели. Так, в литературе, посвященной культу Перуна, часто указывается на существовавший параллельно с ним культ Перкунаса в Прибалтике. Обычно данный факт приводится в подтверждении широкой распространенности почитания этого божества, имеющего истоки в культе индоевропейского бога грозы. Не исключая важности данного положения, можно выделить еще один аспект культа Перкунаса в Прибалтике, очень важный для нашей темы. Речь идет о том, что культ Перкунаса сам по себе, возможно, имел большое влияние на культ Перуна у восточных славян.

Особое место это божество занимало в религии пруссов («Перкунс»), с культом которого было связано святилище в Ромуве. Ромува была важным культурным и политическим центром пруссов и их соседей, легендарная дата его основания – 523 г. Самое раннее свидетельство об этом святилище находится у Петра из Дусбурга (XIV в.): «Было же посредине этого погрязшего в пороке народа, а именно в Надровии, одно место, называемое Ромов, ведущее название свое от Рима» [5, 51]. Перкун посылает дождь, гром и молнию, пруссы взывают к нему при молениях, ему служат специальные жрецы. С Перкунасом же и прибалтийским язычеством периода упадка родовых отношений связано довольно много мифологем.

Однако наибольший интерес для нас представляет в свете прибалтийского язычества и его влияния на язычество восточных славян даже не сам Перкунас, а так называемый «криве» – верховный жрец у балтийских народов. Как это обычно следует из мифологического сознания, у этого жреца был свой священный родоначальник – бог Криве-Кривейто. Оригинальность его культа состоит в том, что он напрямую выражает идеалы верхушки общества того времени, а не освящает родовой строй. Петр из Дусбурга писал о большой власти верховного жреца: «...жил некто по имени Криве, кого они почитали за папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины и прочие народы земли Ливонской. Такова была власть его, что не только он сам или кто-либо из сородичей его, но даже гонец с его посохом или с другим отличительным знаком...был в великом почете у королей, нобилей и простого люда» [5, 51].

У Грунау говорится о братьях Видевуте и Брутене. Брутен принял титул Сруво Сурвайто и воздвиг в Рикойто жилище для богов Патолса, Потримпса, Перкунаса (Перкунаса) и для себя [14, 328]. Рассмотрим данный пантеон. Патолс и Потримпс – два близнецных божества, по аналогии с самими легендарными братьями. Патолс – бог подземного мира, смерти, а также плодородия, его аналог у восточных балтов – Велс, а у восточных славян – Велес. Потримпс же – бог молодости, рек и источников и представал как «безбородый юноша в венке из колосьев, в противоположность Патолсу, старцу с длинной бородой» [14, 328]. Как и большинство дохристианских богов, возможно, также был связан с плодородием. Данная пара выражала не только абстрактную идею о единстве противоположностей, но и конкретную социально-политическую идею – один брат был вождем, другой – жрецом с титулом Криве. Они и были изображены на священном дубе в Ромове.

Иванов и Топоров отмечают: «В этом контексте, характеризуемом наличием двух богов-близнецов (старшего и младшего), двух братьев, один из которых вождь, а другой жрец с титулом Криве-Кривайтис, двух столбов, изображающих этих братьев, и т.п., можно предположить, что Криве-Кривайтис первоначально обозначал обоих братьев» [14, 328].

Итак, перед нами культ двух божеств-близнецов. С одной стороны, он выражал почитание вождя (и, соответственно, князя и дружины) и может быть соотнесен со славянским Перуном. С другой стороны, Криве рассматривался как верховный жрец и родоначальник жреческой традиции. В этом своем образе он олицетворяет собой власть не всех жрецов, а жреческой верхушки – той части жречества, которая была оторвана от общины. Поэтому этот культ выражал союз воинской и жреческой верхушки, выражая их высокое социальное положение.

Таким образом, разложение родоплеменных отношений у восточных славян вызвало изменения в их религии. Судя по источникам, все эти процессы носили стихийный характер и еще не стали объектами политической деятельности. Тем не менее, они были проявлением начала глубокого кризиса язычества, не соответствующего новым социальным реалиям.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Житие св. Димитрия Солунски. Цариградь, 1868.
2. Жития святых по изложению святителя Димитрия, митрополита Ростовского. Месяц февраль. Барнаул, 2003-2004.
3. Миня. Ноябрь. М., 2000.
4. Павсаний. Описание Эллады. М., 2002. Т.1.
5. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской. М., 1997.
6. Российский государственный архив древних актов. Ф.381. Д.260.
7. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1994. Т.1 (I-VI вв.)
8. Свод древнейших письменных известий о славянах. М., 1995. Т.2 (VII-IX вв.)
9. Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV столетия. К., 1887.
10. Аничков Е.В. Язычество и древняя Русь. М., 2009.
11. Аулих В.В. Зимнівське городище - словянська пам'ятка VI - VII ст. н.э. в Західній Волині. К., 1972.
12. Баран В.Д. Славянская деревня раннего средневековья (по материалам поселения V-VII вв. у с. Рашков)/ Древности славян и Руси. М., 1988.
13. Иванов В.В., Топоров В.Н. Велес/Мифы народов мира. М., 2006.
14. Иванов В.В., Топоров В.Н. Криве/Мифы народов мира. М., 2006.
15. Иванов Йордан. Культ Перуна у южных славян. М., 2005.
16. Костич Т. Менское капище – памятник языческой культуры// Каштоунасці мінушчыны 1. Матэрыялы канферэнцыі. Менск. 1998.

17. Ляпушкин И.И. Археологические памятники славянской зоны Восточной Европы накануне образования древнерусского государства (VIII-IX вв.)/Культура древней Руси. М., 1966.
18. Огнянова Е. Достигало до нас. Предания и легенды. София, 1984.
19. Попович М. В. Мировоззрение древних славян. К., 1985.
20. Рапов О.М. Русская церковь в IX-первой трети XII вв. Принятие христианства. М., 1998.
21. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв. М., 1982.
22. Рыбаков Б.А. Язычество древней Руси. М., 1985.
23. Фроянов И.Я. Загадка крещения Руси. М., 2007.
24. Хвойко В.В. Древние обитатели Среднего Приднепровья и их культура в доисторические времена (по раскопкам). К., 1913.

УДК 94 (470) "18"

Сидорова В.П.

БРИТАНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ТОРГОВЛЮ РОССИИ И ИРАНА В СЕРЕДИНЕ XVIII ВЕКА (по запискам Дж. Ханвея)*

Аннотация. В основу данной статьи положен малоизвестный в России труд английского купца-путешественника Джонаса Ханвея. На основании его «Записок» рассматривается структура торговой деятельности трех государств – России, Великобритании и Ирана, связанных английской транзитной торговлей через территорию России. Выявляется уровень развития экономики России в середине XVIII в. с точки зрения Ханвея: интенсивность внутренних и внешних торговых связей, обилие крупных городов, рек – торговых путей; значимость отдельных экспортных товаров для Великобритании. Рынок Ирана, по мнению Ханвея, более специфичен, большее значение в тамошнем торге имеют натуральные продукты, в первую очередь шелк, что и привлекает британских купцов. Тщательно рассмотрев особенности

российского и иранского рынка, Ханвей говорит о перспективах развития транзитного торгова.

Ключевые слова: транзитная торговля, транзитная пошлина, шелковая торговля, шелк сырец, британский импорт, ордубазар.

V. Sidorova

BRITISH OUTLOOK ON TRADE BETWEEN RUSSIA AND IRAN IN THE MIDDLE OF THE XVIII TH CENTURY (ACCORDING TO JONAS HANWAY)

Abstract. This article is based upon not so well-known work by British merchant Jonas Hanway. In his «Historical Account» we can find the analysis of the trade system of the three countries – Russia, Great Britain and Iran – all united by the transit trade of Great Britain via Russia. Hanway tries to assess the economic level of Russia of the mid XVIII th century: the intensity of inner and outside trade contacts, abundance in big cities, rivers as trading ways and points out some export goods important for Great Britain. Iranian market is more special and natural in goods – attractive for the British. Silk is the main article of export and concern for them. After a thorough consideration of the two markets Hanway speaks of perspective ways for development of the transit trade.

Key words: transit trade, transit duty, silk trade, raw silk, British import, Ordubazar.

В середине XVIII века Россия активно развивает разного рода контакты и сношения с европейскими и азиатскими странами. Купцы, послы, военные, доктора, путешественники, ученые приезжали в Россию, служили ей и оставляли свои заметки. В данной статье речь пойдет о записках, составленных британским купцом Джоном Ханвеем. В своем путевом журнале под названием «Описание британской торговли через Каспийское море...» он затрагивает не только российскую жизнь, но и ситуацию в Иране в XVIII в. Англичанин сравнивает эти страны и таким образом раскрывает свое восприятие образа Европы и Азиатского мира. Так как главное занятие автора – это торговля, то наша задача сравнить экономические интересы этих стран, связанных посредством купеческих и культурных контактов.

Именно тогда, в середине XVIII в. Британия получила право на транзитную торговлю с Ираном через территорию России. Будучи довольно крупным купцом, Дж. Ханвей становится проводником этой торговли.

Что же известно о нашем герое, чей труд сейчас является предметом нашего пристального изучения? Джонос Ханвей (1712-1786 гг.) – английский путешественник и филантроп. Купеческую деятельность начал в Португалии в 1729 г. В 1743

* © Сидорова Вера Павловна

«Статья подготовлена в рамках реализации Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 - 2013 гг. Поисковая научно-исследовательская работа «Россия в европейском и мировом экономическом пространстве в эпоху новой истории (XVIII век)» выполняется по государственному контракту № П357 от 07.05.2010 г

г., являясь членом Русской компании британских купцов, он был послан в Россию и Иран, чтобы уладить трудности в британской транзитной торговле с Ираном через Россию, которые возникли якобы из-за деятельности другого англичанина – члена Русской компании капитана Дж. Эльтона. Последний в 1739 г. перешел на службу к персидскому шаху Надиру и начал строить для него флот, что не могло понравиться России. Таким образом, наш герой имел прекрасную возможность составить карту Каспийского моря в XVIII в., и такая карта действительно была составлена, но она не отличалась особой точностью [3, 77]. В России Ханвей был известен как «приличный англичанин» [6, 452-453], в свете же знаменит как первый англичанин, который носил зонтик в своей родной стране.

В современной историографии труд купца Дж. Ханвея не получил должного признания и оценки и не занял подобающего ему места в ряду других источников по истории торговли. Ранее многие критиковали его. Однако ни в российской, ни в иранской историографии мы не можем найти полного анализа его заметок.

Что касается английской историографии, то коллектив авторов энциклопедии «Британика» характеризует «Записки» как малоценный труд по содержанию фактического материала. На их взгляд, эта работа больше похожа на памфлеты, лишенные стиля и методологии [6, 452-453].

Более конкретную оценку «Запискам» Ханвея дает А.Г. Кросс [5, 339]. Он выявил цель и основные задачи труда британского купца – каждое его замечание подчинено цели установления и развития шелковой торговли с Ираном. Кросс отметил значимость замечаний Ханвея в отношении городов, расположенных на торговом пути, а также наличие необходимых сведений по русской истории и социальной жизни.

Негативную оценку тому блоку литературы, который относится к России, дает британский историк М.С. Андерсон [4, 82]. Он считает, что она представляет нецельную, туманную и искаженную картину России. Относя эти слова к труду Ханвея, мы понимаем, что он и не мог дать нам полной картины русской и персидской жизни, так как описывает не все сферы жизни общества этих обширных государств, а только те, которые представляли особый для него интерес. По словам Андерсона, эта картина была затуманена, так как была изображена человеком, который был мало знаком с русским языком. Иногда можно найти подтверждение сведениям путешественника, привлекая информацию из других источников. Андерсон настаивает на том, что британский взгляд на Россию всегда носил на себе оттенок превосходства [4, 82].

Хотя, как говорилось выше, в России труд Ханвея специально не рассматривался, некоторые

отечественные историки обращались к сведениям, в нем содержащимся, подчас рассматривали его деятельность как проводника экспансии английского капитала. Так, Л.И. Юнусова [2] в работе о колониальной экспансии британского капитала в бассейне Каспия критиковала попытки Ханвея защитить британскую торговлю и его замечания о прибыльности транзитной торговли для русских и персиян.

Н.Г. Куканова [1], исследуя восточную торговлю России в XVII-XIX вв., привлекает статистические данные Ханвея по объемам товарооборота русских, армян и англичан и делает вывод, что объем британского торгового оборота уменьшился в период с 1743 по 1746 гг. Последнее расходится с мнением Юнусовой относительно выгодности персидского торгового оборота для Великобритании.

К сожалению, книга Ханвея не была переведена на русский язык, нами был найден вариант на немецком языке (*Zuverlässige Beschreibung seiner Reisen von London durch Russland und Persien und wieder zurück durch Russland und Holland in den Jahren von 1742 bis 1750. Leipzig, 1754*). А между тем автор не был простым пилигримом или любопытствующим странником, его маршрут был тщательно спланирован с точки зрения торговых и политических интересов. В той же степени спланированность и организованность в построении самого труда Ханвея заставляет нас увидеть в нем особую источниковедческую и историографическую ценность.

Согласно маршруту нашего автора, последуем по его стопам и начнем с России, анализ торговой деятельности которой дает автор.

Во-первых, мы должны отметить, что особая значимость российской торговли для Великобритании состояла не столько в объеме, сколько в составе товарооборота. Как нам известно, британский импорт состоял в сырье, а экспорт – в готовых товарах. При этом Великобритания являлась основным торговым партнером России. По словам Д. Ридинга [9, 39-40], меркантилистическая Британия, в свою очередь, видела в России возможный путь в Иран и на Ближний Восток, прямой путь к источникам сырого шелка и рынка сбыта шерстяной продукции.

Оценивая всю систему торговли России, Ханвей пишет, что Россия сделала большие шаги в улучшении торговли за несколько лет, пользуясь преимуществами в торговой деятельности более, чем какая-нибудь иная нация. И главную причину для этого он видит в количестве и размере российских рек, которые являлись путями в любую часть мира и особенно в пределах ее собственных обширных владений [7, 368]. Состав российского экспорта – лес, пенька и железо являлись главными предметами торговли. Ханвей объясняет ог-

ромное количество товаров дешевизной земли и труда.

Британский купец дает нам сводную таблицу состава экспортных и импортных статей России. Общая стоимость вывоза из Санкт-Петербурга составляла три миллиона рублей, из которых товара на два миллиона вывозила Британия. Это были главным образом пенька, лен, железо, щетина, заячьи шкуры, русские кожи и др. Общая стоимость импортных товаров составляла два миллиона рублей. Ввозили индиго, кошениль, свинец, оловянную посуду, обработанный шелк, золотое и серебряное кружево, хлопковые и льняные ткани, шерстяные ткани и вина [7, 369-370].

Внутренний торг в России был, по мнению Ханвея, довольно обширным, торговля с татарами и другими пограничными народами объявлялась значимой, так как от этих народов русские получали золото и серебро в обмен на собственные или иностранные товары.

Через анализ статей импорта Ханвей пытается показать значимость британских товаров для российского рынка. Он не стремится объяснить, какие статьи импорта для России невыгодны, но он делает явные намеки в пользу британских товаров и продукции, которые для России представляли особый интерес. Настоящую торговлю с Россией он оценивает как хорошо организованную, но требующую постоянного подкрепления. Поэтому британец в своих записках настаивает на постоянной дружбе между Великобританией и Российской империей [7, 70].

Далее Ханвей дает описание западных торговых центров Российской империи. Это Рига и Нарва. Главные товары в Риге – пенька, мачтовый лес, древесина. Поляки привозили сюда большую часть этих товаров из Польши и Украины. Лен привозили из Литвы. Лес доставлялся из тех частей Польши, которые граничили с Турцией. Зерно вывозили из Швеции. Город страдал от многочисленных ограничений на торговлю. В Нарве торговля состояла главным образом из льна и древесины, около двух тысяч пудов льна привозили сюда на рынок по снегу, но большая часть перевозилась весной из Пскова через озеро Пейпус (так Ханвей называет Чудское озеро). Голландцы, португальцы и купцы некоторых балтийских государств, также как и англичане, скупали лен, а голландцы скупали большую часть леса. Импорт составлял табак и небольшое количество тюковых товаров. Главной статьей экспорта была соль [7, 53].

Обобщая приведенную выше информацию, Ханвей использует определенную схему анализа торговой системы городов в западной части России. Главным образом, он анализирует ввоз и вывоз товаров и пригодность самих городов для торговой деятельности, в связи с этим и уровень

их развития как торговых центров.

Обращаясь к южным городам, Ханвей начинает с анализа транспортной системы. Волгу он видит «золотой жилой» [7, 60] Российской империи. Далее идет описание городов, стоящих на этой реке. Так, Тверь – центр купеческой жизни на Волге. Эта река связывала и являлась проводником торговли с Персией через Астрахань. В Тверь в большом количестве привозилась камская соль, икра, рыба, вывозились зерно, мясо, зелень, тюковые товары.

Именно на Волге происходили, по словам Ханвея, грабежи купеческих караванов. Он подробно описал сюжет одного ограбления. Ранее армянские купцы посылали товары из Астрахани в Саратов, но когда Архангельск утратил свое значение главного торгового порта страны и центр торговли был перенесен в Петербург, то товары стали посылать и в Тверь, и в Саратов, в зависимости от времени года. Затем участвовавшие ограбления заставили армян отправлять товары в Царицын, сокращая таким образом путь вниз по Волге. Русские купцы старались отправлять свои товары с охраной. Грабежи же случались весной, когда Волга разливалась и берега затоплялись [7, 70].

Торговля в Астрахани была значительной, хотя она и уменьшила свои объемы в связи с беспокойствами в Иране. Раньше русские торговали с Хивой и Бухарой, но затем торговля была ограничена владениями Российской империи и Ираном. Торговые суда везли свои товары к пограничным городам на Тереке, к Кизляру, расположенному близ Каспийского моря и, таким образом, торговали с некоторыми районами Ирана на определенных условиях. Русские купцы также нанимали жителей Ирана для доставки товаров в Гилян, Баку, Дербент и другие места. Но российское правительство, увидев, что эти торговые суда используются не только для доставки товаров, но и для перевозки иранской армии, решило, что необходимо взять их под свой контроль и с 1742-1743 гг. направило несколько судов в Иран под российским флагом [7, 84].

Следующим по значению городом на Волге, по оценке Ханвея, была Казань. Его значимость была обусловлена географическим положением и обилием товаров. В больших объемах Казань торговала с Хивой и Бухарой и другими регионами Татарии (видимо, в данном случае Ханвей подразумевает Среднюю Азию), а также с Ираном. В этой местности находилось несколько мануфактур по производству сафьяна, который ежегодно в больших количествах отправлялся в Иран. Торговали также смолой из коры дуба, скотом и животным жиром, лесом для строительства русского флота [7, 74].

Из Турции в Казань доставлялось вино и

фрукты, из Москвы – зелень и европейские товары, Сибирь снабжала мехами и железными изделиями. Торговые караваны из Китая, прибывающие сюда ежегодно, доставляли чай. В целом, Казань для Ханвея предстала огромной торговой лавкой России с широким ассортиментом товаров (за исключением Москвы и Санкт-Петербурга). Казань была удачно расположена относительно торговли с юго-восточной частью страны и соседними государствами, даже с Китаем. Татары, проживающие в окрестностях Казани, народ чистый и прилежный, по замечаниям Ханвея, привозили на рынок лошадей, овец и другой скот. Продовольственные товары в общей массе своей были очень дешевы – большая часть из них посылалась в Астрахань, в города и селения вниз по Волге.

Итак, экспорт из России в направлении Ирана состоял в продаже сафьяна, шерстяных тканей, европейских товаров, которые, в большинстве своем, переправляли в Иран русские купцы для продажи там армянам. В свою очередь, армяне вывозили из Персии некоторые товары, главным образом через Казань – шелковые ткани с золотой нитью, которые скупали поляки, обработанный шелк и хлопковые ткани; рис, хлопок, небольшое количество медикаментов и особенно сырой шелк. Также вывозился ремень и лекарства, но правительство взяло продажу этих товаров в свои руки, частным лицам запретили торговать под угрозой смерти. Из Хивы привозили золото, овечьи шкуры, хлопок и другие товары, но эта торговля затем прекратилась.

Итак, Дж. Ханвей описывает главный торг иранского города – типичный восточный рынок под названием «ордубазар». Этот базар изобиловал съестными припасами, конской упряжью, украшениями и другими необходимыми товарами. В длину он составлял около полумили, по обеим сторонам стояли палатки, словно образуя улицу. Все торговцы находились под защитой одного из придворных, который был заинтересован в прибылях торговцев, особенно от продажи муки и риса, которые были в большом количестве. Этот чиновник мог сокращать прибыли торговцев, штрафуя их за всяческие нарушения [8, 59].

Говоря о европейских товарах в Иране, нужно отметить, что большим спросом среди европейских товаров, следом за голландскими сукнами, пользовалась британская шерсть, что, конечно же, не могло остаться без внимания Ханвея: стриженные, глостерские и йоркширские ткани [7, 291]. Английские набивные ткани также пользовались спросом, как индиго и кошениль, дорогие шелка, золотое и серебряное кружево, вельвет и другие дорогие ткани. Жители Ирана за долгое время привыкли к голландским сукнам, которые были толще, лучше связаны из мягкой и лучшего

качества шерсти, но они были дороже британских. Поэтому британцам пришлось улучшить качество своих сукон, чтобы составить конкуренцию голландцам.

Далее Ханвей сравнивает провозную пошлину в России и Иране. В России она составляла 8% на таможене, а в Иране на европейские товары она составляла 5% с цены [7, 295].

Ханвей указывает и на ревностное отношение русских купцов по отношению к британцам, ибо первые никогда не пользовались такими привилегиями, как британцы в Иране. Далее он уверяет, что нет оснований для зависти – так как «из всех народов, пытавшихся установить торговлю с северной частью Ирана, русские находились в наиболее выгодном положении, кроме того, русские получали прибыли от торговых перевозок по Каспийскому морю из Гиляна до Баку и Дербента» [7, 299]. Кроме тканей и других европейских товаров русские экспортировали сафьян, холст, меха в северные провинции Ирана, а вывозили оттуда сырой шелк.

Давайте, вслед за Дж. Ханвеем, обратимся к главным провинциям Ирана и всего Прикаспийского региона.

Дербент славился плодородными долинами, которые давали много пшеницы, овса и гречихи, были прекрасными пастбищами для овец. В то же время поля этого района были покрыты виноградниками, которые давали много хорошего вина. Но Ханвей замечает, что, к сожалению, жители этой местности, как и большинство иранцев, были необразованны в организации некоторых производств – шерстяном, в том числе в обработке верблюжьей шерсти. Но при этом ни один соседний народ не мог сравниться с ними в производстве оружия, которое шло на продажу [7, 258]. Армяне привозили сюда крашеный набивной ситец и другие иранские товары, кольца, ножи, серьги, сделанные в Европе, а взамен получали мареновую краску, оружие, грубые шерстяные ткани.

Наиболее знаменитой по производству шелка была провинция Гилян. Ежегодно в Гиляне производилось 30000 пудов сырого шелка, 5000 пудов которого потребляли в Иране, 4000 отправляли в Багдад, а остальное – через Каспийское море [7, 289].

Ширван ранее также производил большое количество шелка, позже эта провинция пришла в упадок. Сырой шелк доставлялся на рынок круглый год в больших или малых количествах, но главным образом в августе и сентябре.

Ханвей достаточно обстоятельно рассматривает сорта шелка, его качества, видимо, чтобы подкрепить лишний раз намерения британцев торговать с Персией, заостряя внимание на высоком качестве шелка, представляющего главный

интерес. Так, он пишет, что в Гиляне произрастали и перерабатывались лучшие сорта шелка, вслед за Гилянцем идут Ширван, Ереван, Мазандеран и Астрабад. Гилянский шелк посылали в Россию и Турцию, а часть его оставляли для персидского производства, шелк же из Мазандерана и Астрабада редко вывозился. Из Ширвана шелк шел для нужд Ирана и России. Итак, мы можем заключить, что обе страны, а именно Россия и Иран были богаты природными ресурсами, но неразвиты в производственной сфере. Они обе находились в зависимости от импорта готовой продукции из Голландии, Британии и других европейских государств.

Таким образом, мы не ставили задачу целостного анализа системы торговли в России в XVIII веке. Наша цель состояла в рассмотрении всей системы восточной и западной торговли вышеупомянутых государств глазами британского купца. Несомненно, что в каждой его заметке сквозит намек на важность и значимость британского сотрудничества и британского импорта как для России, так и для Ирана. Джонас Ханвей очень внимательно просчитал составляющие импорта и экспорта, чтобы просчитать и долю англичан в общей системе и оправдать попытки последних наладить транзит с Ираном через Россию. Слова нашего путешественника не лишены тенденциозности, но не в его силах было обеспечить успех развития транзитной торговли, который был уже подорван деятельностью Дж. Эльтона.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Куканова Н.Г. Торгово-экономические отношения Ирана и России в период позднего феодализма. Саратов, 1993.
2. Юнусова Л.И. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в первой половине XVIII в. Баку, 1988.
3. Ганве Джонас// Энциклопедический словарь./Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. Т.8. СПб., 1892.
4. Anderson M.S. Britain's Discovery of Russia. New York, 1958
5. Cross A.G. By the Banks of the Neva, Cambridge, 1997
6. Encyclopedia Britannica. V.XI, 1989.
7. Hanway J. An Historical Account of the British trade over the Caspian Sea with the Author's Journal of Travel from England through Russia into Persia, Germany and Holland. To which are added the Revolutions of Persia during the Present Century, with the Particular History of the Great Usurper Nadir Kouli. London, 1754.
8. Pugh J. Remarkable Occurrences in the Life of J. Hanway. London, 1788
9. Reading D.K. The Anglo-Russian Commercial Treaty of 1734. New Haven, 1938.

Бер-Глинка А.И.

СОЦИАЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ПОТОКОВ НЕМЕЦКИХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ В РОССИЮ ВО 2 ПОЛ. XVIII–1 ПОЛ. XIX ВВ. (на примере рода Бер)*

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы социальной адаптации потомков немецких бюргеров в Российской империи во 2 пол. XVIII – 1 пол. XIX вв. В качестве примера рассмотрена социальная адаптация потомков бюргерского рода Бер, происходящего из Риги. В статье определены основные этапы социальной адаптации рода, проанализированы причины ее успеха и основные тенденции. Рассмотрен переход членов рода от купеческой деятельности к государственной службе, получение дворянского достоинства, изменение социального сословного статуса рода. Проанализированы общеисторические, социальные, экономические, юридические, образовательные аспекты процесса. При написании статьи были широко использованы архивные материалы России и стран бывшего СССР (РГАДА, ЦГИАУ, РГИА, РГВИА и ряда региональных архивов).

Ключевые слова: социальная адаптация, российские немцы, иммигранты, переселенцы, буржуазия XIX в, дворянство, купечество, почетные граждане, этническая психология, общественные связи, российское законодательство.

A. Ber-Glinka
SOCIAL ADAPTATION OF GERMAN
IMMIGRANT'S DESCENDANTS IN RUSSIA IN 2ND
HALF XVIII – 1ST HALF XIX CC.

Abstract. This article is dedicated to the research of the problem of German burgers social adaptation in Russian Empire in 2 half of XVIII – 1 half XIX cc. The social adaptation of Bðhr Riga's burger's clan was taken as an example. The article uncovered the key stages of the social adaptation of the clan, gave an analysis of the reasons of the adaptation success and of key adaptation trends. The clan members' transition from the merchantry to the civil service, the nobility obtaining, clan social status changing was regarded in this article. There were analyzed historical, social, economic, juridical, educational aspects of this process there. The author of the article

* © Бер-Глинка А.И.

widely used archive funds of Russia and former USSR republics (RGADA, CGIA Ukraine, RGIA, RGVIA and of the number of regional archives).

Key words: social adaptation, Russian German, immigrants, XIX-century bourgeoisie, nobility, merchantry, senior citizens, ethno psychology, social binds, Russian legacy.

С точки зрения современной социальной психологии, социальная адаптация человека есть процесс взаимодействия личности с малой группой людей, процесс вхождения в малую группу, усвоение им сложившихся норм, отношений, занятие определенного места в структуре отношений между ее членами [Гриценко В.В. 2002, 46]. При этом адаптация человека к иной экономической, общественной, культурной среде вообще и адаптация немецких переселенцев в России в XVIII – XIX вв., в частности, представляет собой сложный и многоэтапный процесс, в котором можно условно выделить несколько *аспектов*.

Первый аспект – социально-экономический, включающий в себя:

- интеграцию индивидуума в существующие на новом месте экономические реалии и связанные с ними партнерские, конкурентные, служебные, отношения и отношения соподчинения;
- интеграцию индивидуума в существующую социальную структуру, то есть: обретение семьи, построение семейных и соседских отношений, рождение детей;
- участие в местных системах неэкономического характера, таких, как местное самоуправление, военная служба;
- построение служебной карьеры и повышение эффективности хозяйствования;
- забота об образовании детей, а также другие элементы.

Второй аспект – социально-юридический, включающий в себя:

- официальное закрепление полученного de-facto общественного и имущественного статуса, юридическое закрепление в социальной (сословной) группе с получением присущих группе обязанностей и привилегий.
- получение общественных званий, чинов, наград, привилегий.

Третий аспект – социально-психологический, включающий в себя:

- преодоление чувства разрыва со своей средой, семьей, родными; лишения статуса, собственности;
- преодоление напряжения, к которому приводят усилия, требуемые для достижения необходимой психологической адаптации;
- преодоление чувства отверженности

представителями новой культуры как «чужого» или отвержения их;

- преодоление возможной тревоги и даже отвращения, появляющихся в результате осознания разницы культурных ценностей, а также другие элементы.

Четвертый аспект – культурный, включающий в себя адаптацию человека к религиозным, бытовым, нравственным и собственно культурным реалиям в самом широком смысле [Furnham, Bochner 1986, 46; Oberg K. 1960, 48].

Все эти аспекты взаимосвязаны и происходят синхронно и диахронно, при этом на каждом этапе индивидуум имеет выбор – несколько вариантов дальнейшего взаимодействия с окружающей социальной средой.

В среде российских немцев XVIII-XIX вв. принято выделять три разных по социально-экономическому и юридическому положению *группы*: 1) крестьяне-колонисты; 2) «городские немцы», или горожане (купцы и мещане); 3) «чиновники» (в эту группу входили дворяне и чиновники-горожане, не имеющие дворянского звания). Первая группа переносила в Россию собственную социальную и культурную среду, вторая стремилась ассимилироваться принимающей средой, при этом сохраняя черты этнической и культурной индивидуальности, а третья стремилась к полной ассимиляции. Род Бер попал в момент своего переселения в Россию в сер. XVIII в. в группу «городских немцев», но в начале XIX в. переместился в группу чиновников. *Причиной* его миграции можно считать недостаточные возможности на родине для успешной реализации предпринимательского таланта.

Российский дворянский род Бер ведет происхождение от семьи немецких булочников евангелико-лютеранского вероисповедания, проживавших в Риге. Главой семейства был Георг Зигмунд Бэр (Georg Siegmund Behr), о котором известно, что в 1720 г. он вступил в братство булочников Малой Гильдии Риги (или Гильдии святого Иоганна), объединявшей ремесленников различных специальностей [Brunstermann F. 1902, 201, 272].

В семье Г.-З. Бэра и его супруги Анны Катарини Шрёдер (состояли в браке с 1715 г.) родилось тринадцать детей, из которых лишь старший сын, Давид, унаследовал дело отца [ИАЛ. Метрические книги]. Очевидно, профессиональная конкуренция в то время была очень высокой и могла обеспечить работу лишь одному-двум наследникам отцовского ремесла. Остальные сыновья были вынуждены искать другое занятие и место жительства.

Иоахим Михаэль Бэр, крещенный 3 октября 1735 г. [ИАЛ, ф. 1427, Арх. 1, Л. 2, с. 450], двенадцать-

тый ребенок в семье, избрал занятием внешнюю торговлю. Он ввозил в Ригу из городов левобережной Украины хлеб и табак. Оставаясь рижским гражданином, он большую часть времени проводил в разъездах по торговым делам, обзавелся партнерами и друзьями в городах Полтава и Ромны.

Жизнь Михаила Бера [именно так он имел себя во всех официальных документах в России – А.Б.-Г.] изменилась после манифеста Екатерины II о разрешении немцам селиться в России (1762), который давал немецким переселенцам при обустройстве значительные налоговые льготы и привилегии. М. Бер переселился в местечко Ромны под Полтавой на постоянное жительство, продолжив вести торговлю хлебом и табаком [ЦДИАК, Ф. 801]. С этого момента можно отсчитывать начало социальной адаптации рода в России. М. Бер приобрел дом в Ромнах, принял православие под именем Михаила Георгиевича и женился на дочери местного купца Евдокии, которая родила ему троих сыновей: Ивана (в 1763), Степана (в 1767) и Петра (в 1772) [ЦДИАК. Ф. 204. Оп.5. Д. 7068. Л. 4 об].

В ноябре 1781 г. был издан манифест о проведении малороссийской переписи. Этот документ транслировал на Украину сословные нормы России и фактически утверждал в Малороссии гильдейское купечество, уже введенное на остальной территории страны в 1775 г. Причисление к гильдии давало гарантии при организации и ведении бизнеса, и М.Г. Бер поспешил воспользоваться новой правовой нормой. В 1782 г. он причислился к гильдейскому купечеству города Ромны, получив статус купца второй гильдии [ЦДИАК. Ф. 1755. Оп. 1. Д. 221. Л. 220-221. 281]. После опубликования 21 апреля 1785 г. Жалованной грамоты городам, предоставившей городам самоуправление, М.Г. Бер возглавил первую городскую думу и сохранял эту выборную должность за собой десять лет, а впоследствии передал ее сыну Степану, который возглавлял роменскую городскую думу с небольшими перерывами до 1821 г. [Курилов И.А. 1897, 109].

Город Ромны, где поселились Беры, являлся местным коммерческим центром и нуждался в образованных и предприимчивых управленцах, потому как нельзя лучше подходил в качестве стартовой ступеньки для карьерного роста семьи купцов – выходцев из немцев Прибалтики.

Можно выделить две основные *причины успешной социальной адаптации* рода Бер на рубеже XVIII-XIX вв. Первая – описанный М. Вебером эффект большей трудовой активности переселенцев: «Можно считать установленным, что самый факт переезда на работу в другую страну является одним из наиболее мощных средств

повышения производительности труда... «Воспитующим» здесь является самый факт работы в новых условиях, и именно он разрушает традиционализм» [Вебер М. 1990 ч. I, прим. 19]. Второй же причиной можно считать высокий уровень образования. М.Г. Бер дал детям превосходное образование. Его старший сын Иван написал в 17 лет во вступительной анкете в Московский генеральный сухопутный госпиталь, что он, «обучаясь коштом отца своего», «по-русски, по-немецки, по-французски читать и писать знает, а по-латине несколько читать и писать умеет» [ГАТО. Ф. 39 Оп. 2. Д. 235. Л. 28.]. Второй сын, Степан, в 16-летнем возрасте уже преподавал в Роменской гимназии мальчикам начальных классов письмо и арифметику [ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 11. Д. 27а. С 2 (14)].

Стремление дать детям, прежде всего, сыновьям лучшее образование будет отличать род Беров и в дальнейшем. Из 71 члена рода, родившегося до 1917 г., сохранилась информация об образовании 29 человек, из них 27 мужчин и 2 женщины. Из 27 мужчин 26 получили начальное образование вне дома (24 окончили различные гимназии, один – Царскосельский Александровский лицей, один – Пажеский корпус); 25 – высшее образование, 2 – средне-специальное образование. Среди окончивших высшие учебные заведения преобладали учившиеся в Московском (8 человек) и Санкт-Петербургском (8 человек) университетах; Николаевском военном училище (3 человека), Казанском университете (2 человека), Санкт-Петербургской консерватории (2 человека). Среди общеобразовательных гражданских направлений образования преимущество отдавалось юридическим (10 человек) и медицинским (5 человек) отделениям и факультетам в различных университетах.

Судьбы сыновей родоначальника русской ветви сложились неодинаково. Старший сын, Иван, не пошел по стопам отца. Он уехал из Ромен в юности, поступил на государственную службу, отличившись на которой в 1817 г., заслужил дворянское достоинство. Второй сын, Степан унаследовал отцовский бизнес в Ромнах. Потомки обоих выбрали чиновничье поприще или научную (медицинскую) деятельность. Ни один из сыновей Степана не смог или не захотел продолжить и развивать отцовский бизнес, и лишь один остался купцом, переехав в более крупный город. Третий сын, Петр, переехал в Москву, где более тридцати лет, в 1805-1837 гг., исполнял должность аптекаря Шереметьевского Странноприимного дома. С достижения мужчинами III поколения рода, живущего в новой среде, 20-летнего возраста и с началом их самостоятельной трудовой деятельности можно отсчитывать **новый этап социальной адаптации** рода в

России – его перехода в чиновничью среду. Начало этого этапа приходится на 1810-1820-е гг. Однако основа для такого перехода была заложена изменениями в жизненном пути старшего сына Михаила – Ивана Михайловича, произошедшими в самом конце XVIII в.

Иван Михайлович, родившийся в 1763 г., в 17 лет поступил в Московский Генеральный Сухопутный Госпиталь – первое высшее медицинское учебное заведение России, основанное в 1707 г. Проучившись в госпитале четыре года «волонтером на своем коште», Иван успешно сдал выпускные экзамены, и в 1787 г. получил звание лекаря [РГАДА. Ф. 344. Оп. 1. Ч. 4. Кн. 357. Д. 17. С. 156]. Следующие двенадцать лет он «управлял вольную лекарскую практику» в Каширском уезде Тульской губернии, однако уже в 1800 г. резко поменял свою жизнь, решив поступить на государственную службу и став городским врачом Каширы на казенном содержании [ГАТО. Ф. 39 Оп. 2. Д. 235. Л. 22 об.]. Через два года по своему вступлению в должность И.М. Беру пришлось столкнуться с эпидемией черной оспы, разразившейся в уезде. Фактически от оспы было необходимо прививать весь уезд. Используя исключительно собственные средства, И.М. Бер изготовил необходимое количество вакцины и лично ездил по деревням уезда, делая прививки жителям [РГАДА. Ф. 344. Оп. 1 Ч. 8. Кн. 643.].

Следующее серьезное испытание И.М. Беру пришлось пережить на должности каширского штаб-лекаря во время вторжения Наполеона в Россию. В 1812 г. на штаб-лекаря выпала ответственность обеспечения лечения и снабжения медикаментами всех офицеров и солдатских чинов, расквартированных в Кашире. По засвидетельствованию местного начальства, «в 1812 году Иван Бер пользовал в устроенном временном лазарете собственными медикаментами всех больных Тульского военного ополчения, пехотного и Конно-казацкого полков, находившихся под командованием генерал-майора Миллера, так же и проходивших тогда через Каширу в большом количестве разного звания военных чинов и уничтожал распространявшуюся в том 1812 и 1814 годах, как в городах Кашире, так и в уезде оного повальные на людях болезни» [ГАТО. Ф. 39 Оп. 2. Д. 235. Л. 22 Об.]. За «усердное пользование безо всякой платы собственными медикаментами» и за прививание предохранительной оспы И.М. Бер получил по окончании антинаполеоновской кампании «монаршее благоволение», а в 1817 г. – чин коллежского асессора и дворянство достоинство с внесением в III часть родословной книги Тульской губернии [там же]. Спустя три года, в 1820 г. «за ревность и усердие к службе» И. М. Бер был пожалован орденом святой Анны 3 степени.

Выйдя в отставку, он занял должность городского казначея и на этой должности приложил много усилий для реставрации обветшавших зданий Успенского собора Каширы и постройки новых корпусов. Вплоть до смерти в 1842 г. И.М. Бер занимался благоустройством собора, чем заслужил благодарную память горожан [Коченко В, Соколова Ж.А. 2006, 12; Соколова Ж.А., Казакова Н.И. 2006, 22; ГАТО. Ф. 3. Оп.4. Д. 6342; Оп. 4/18. Д. 573. Л. 1-12; Оп. 5/8. Д. 1870; Ф. 743. Оп. 1. Д. 2940].

Второй сын М.Г. Бера, Степан, продолжил купеческое дело отца: он с сыновьями торговал табаком местного производства, мукой, солью и овсом. Объявленный капитал в 8 040 рублей позволял ему числиться купцом 3 гильдии с уплатой годового взноса в казну в 381 руб. В 1823 г. С.М. Бер решил расширить бизнес, используя наиболее прибыльную в Ромнах сферу деятельности. Он с компаньонами подвизался подрядчиком по устройению гостиниц для «азиатских купцов», приезжавших на Ильинскую ярмарку [Курилов И.А. 1897, 109].

Третий сын, П.М. Бер, большую часть жизни (1805-1837) служил аптекарем Шереметевского Странноприимного дома в Москве [Тарасенков А.Т. 1860, 116; ЦИАМ. Ф. 208. Оп. 1. Дд. 30, 65, 186 и др.]. Он остался холостым и умер бездетным.

И.М. Бер имел трех сыновей и дочь, умершую незамужней. Старший сын Николай (1803-1878) пошел по стопам отца, окончив медицинский факультет Московского университета и став военным врачом. Второй сын, Борис (1805-1869), по окончании нравственно-политического отделения Московского университета по юридическому разряду служил в комиссиях и приобрел значительный правовой опыт. Младший сын, Дмитрий (1807-1830), окончив в 1829 г. медицинский факультет Московского университета, отправился в действующую армию ординатором госпиталя 2-й армии, участвующей в Русско-турецкой войне и погиб под Варной 10 апреля 1830 г.

С.М. Бер имел пятерых сыновей и дочь. Двое сыновей – Григорий (1794 –1824) и Степан (1799-1825) умерли при жизни отца. Первый – в Ромнах, второй – в Москве, будучи студентом Московского университета. Старший сын, Иван (1792- не ранее 1863), с рождения имел склонность к точным наукам. Окончив роменское народное училище, а затем московскую гимназию, он поступил в Ярославское Демидовское высших наук училище, а по окончании его – в Московский университет, окончив который, он стал преподавателем физики и математики. Георгий (1798 - не ранее 1889) окончил медицинский факультет Московского университета, получив степень

доктора медицины, после чего служил врачом в различных госпиталях и армейских частях. Младший сын, Семен (1806/1807 – не ранее 1846) стал родоначальником ветви московских мануфактурщиков. Можно сделать вывод, что увлеченность сыновей наукой и искусством медицины стала фатальной для дела их отца, так как они не смогли продолжить его дело. Ни один из сыновей не унаследовал отцовский, фактически – дедовский бизнес и домовладение. Есть основания полагать, что они достались людям, не имеющим на них формального права. Более того, уже через год после смерти отца, в 1839 г. значительную часть его собственности прибрали к рукам городские власти, так что Георгий Семенович Бер был вынужден затеять суд «против города Ромны за возмещение ущерба за принадлежащий его отцу фруктовый сад, на территории которого город построил 3 улицы» [ДАСО. Ф. 1153. Оп.1. Д. 1283. Л. 2]. Вместе с тем кардинальная смена сферы деятельности дала возможность четверым внукам Михаила Бера сделать карьеру на государственной службе.

Н.И. Бер был лекарем сначала в Сумском гусарском, а затем в Жандармском полках. С полками он принимал участие в боевых действиях – в Русско-турецкой войне 1828-1829 гг. и в подавлении Польского восстания 1831 г., получив чин коллежского асессора.

В начале 1830-х гг. Н.И. Бер лечил в Москве Надежду Михайловну Протасьеву и увлек девушку собой. Не получив благословения на брак, Надежда бежала с Николаем от родителей и поселилась в принадлежавших ей лично родовых имениях в Саратовской губернии. Вскоре Н.И. Бер решил оставить службу ради семейной жизни. Выйдя в отставку в 1836 г., он в октябре 1838 г. определился в канцелярию саратовского губернатора И.М. Бибикова и с января 1839 г. исправлял должность Саратовского окружного начальника государственных имуществ [ГАТО. Ф. 39 Оп. 2. Д. 235. Л.23]. В 1843 г. он стал неперменным членом Саратовского Приказа Общественного призрения, а на следующий год – членом Саратовского Попечительского комитета о тюрьмах. Отойдя от службы, Н.И. Бер поселился с женой в Быковке, где у них вскоре родились четверо сыновей: Михаил (1843), Николай (1844), Виктор (1845) и Анатолий (1847). В 1850 г. Н.И. Бер вышел в отставку в чине статского советника, прослужив остаток жизни на тех же должностях в благотворительных организациях.

В 1847 г. Н.И. Бер с тремя сыновьями был внесен в дворянскую родословную книгу Саратовской губернии в III часть [ГАРО. Ф. 98. Оп.77. Д.3. Л.7]. В 1851 г. Николай вместе с младшим братом Борисом получили утвержденный Нико-

лаем I дворянский герб, несущий изображение медведя, держащего в лапе две стрелы – символ заслуг родителя во время наполеоновской компании [РГИА. Архив Департамента Герольдии]. В 1861 г. Н.М. Бер получила в наследство от умершего в 1860 г. брата Федора Михайловича Протасьева имения при дер. Березовка и Дубовая Моршанского у. Тамбовской губ.; с. Строевского с дер. Глебовым, Любуцкой, Макеево, Сергиевка Сапожковского у. Рязанской губ.; сельца Богородицкое, Подольского уезда Московской губ. [ЦИАМ. Ф. 66. Оп. 3. Д. 2323. Л. 1, 3-6, 10, 11-12]. Всего на 1861 г. она владела: в Саратовской губ. 316 душ и 1920 дес., в Тамбовской – 186 душ, в Рязанской (селах Строевском, Хлебова, Макеево с деревнями) – 584 души, в Московской – 20 душ «и при них земли около 7000 десятин» [Грачева И.В. 2008]. Таким образом, в 1861 г. супруги Беры сосредоточили в собственности значительные земельные богатства, которые позволили обеспечить их детям благосостояние. В 1862 г. Н.И. Бер вместе с тремя старшими сыновьями были внесены в III часть дворянской родословной книги Рязанской губернии, закрепив свое право на землевладение в губернии [ГАРО. Ф. 98. Оп.77. Д.3. Л.9]. В 1864 г. туда же вносен его младший сын Анатолий.

Иначе сложилась судьба Б.И. Бера (1805-1869). В 1825 г. он вступил на службу в Канцелярию Общего собрания Московских Департаментов Сената, служа в различных ревизионных комиссиях. Как справедливо заметил нижегородский историк Макаров, «четыре года непрерывной работы в комиссиях позволили начинающему чиновнику заручиться благорасположением очень многих влиятельных лиц Сената: Бер регулярно получал крупные денежные награды, быстро продвигался по службе» [Макаров И.А. 2003, 85]. В 1832 г. его переводят на должность секретаря 6-го Департамента Сената, а 18 апреля 1835 г. он в чине коллежского асессора определен губернским прокурором в Нижний Новгород. Дослужившись в этой должности до чина коллежского советника и будучи внесен с женой и детьми в родословную книгу Нижегородской губернии [ЦАНО. Д. 6964; Ребровский Н.Д. 1902, 24], Б.И. Бер в 1843 г. вернулся в Петербург и поступил на службу в Департамент Министерства юстиции.

Первым браком он был женат на дочери тульского помещика Надежде Борисовне Абрамовой, владелице с. Охотниково (Охотники, Зачесловка тож) Веневского у. Тульской губ., умершей между 1836 и 1839 гг. Вторым браком он женится на дочери симбирского помещика Дмитрия Александровича Чиркова, Анне Дмитриевне Чирковой, владелице села Знаменского с деревнями в Ардатовском уезде Симбирской

губ. [РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 201. Л. 95-99]. Анна Дмитриевна скончалась в 1848 г., оставив на руках мужа семерых детей от двух браков [Мемуары Бориса Владимировича Бера. РГАЛИ. Ф.43. Оп.1. Д.104. Л.1,2,7; Мемуары Ольги Шеншиной]. Имения двух жен приносили значительно меньше дохода, нежели имения Протасьевых. Относительно скромные доходы и большая семья заставляли Б.И. Бера напряженно служить. В 1844 г. он получил чин статского советника и должность статс-секретаря Государственного совета, 6 декабря 1860 г. в чине тайного советника был назначен присутствующим сенатором по V Уголовному Департаменту и служил там до смерти в 1869 г. [Мурзанов Н.А. 1911, 8].

Гораздо скромнее выглядят служебные достижения сыновей С.М. Бера.

Старший, Иван Степанович (1792-не ранее 1863), окончив два средних учебных заведения – в Ромнах и в Москве, а затем Демидовское училище высших наук в Ярославле, в 1815 г. поступил в Московский университет на казенное содержание, закончил его в 1817 г. со степенью кандидата физико-математических наук и остался в заведении «по учебной части», с одновременным исключением из податного купеческого сословия. На протяжении большей части своей жизни, с 1817 по 1845 гг., И.С. Бер преподавал физику и арифметику в Екатерининском и Александровском училищах. Основной статьей его дохода [ЦИАМ. Ф.4. Оп. 11. Д. 148] был оклад преподавателя и регулярные единовременные выплаты за выслугу лет и успешные выпуски. Выйдя в отставку в 1845 г., И.С. Бер имел в Москве собственный деревянный дом, который оставался его единственной крупной собственностью. В 1825 г. он получил дворянское достоинство и был внесен в родословную книгу Московской губернии. Однако, рано овдовев (оставив после себя лишь одного сына) и не добившись в службе значительных должностей, И.С. Бер не стал родоначальником самостоятельной дворянской ветви.

Георгий Степанович Бер (1798-не ранее 1869) окончил Слободскую Украинскую гимназию, затем Харьковский университет [ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 116. Д. 255. Л. 4] и в 1819 г. поступил на медицинский факультет Московского университета, который окончил в 1824 г. со степенью доктора медицины. В 1825 г., по защите докторского сочинения, он был исключен из податного сословия, а в 1826 г. получил дворянское достоинство и внесен в III часть родословной книги Московской губернии [ДАСО. Ф. 993. Оп.1. Д. 86]. На протяжении 45 лет – с 1824 по 1869 гг., он служил лекарем в различных госпиталях и прочих медицинских заведениях, приписанных к Военному министерству. В 1846 г. он получил чин статского

советника [ДАСО. Ф. 1153. Оп.1. Д. 1283. Л. 149], в 1869 – действительного статского советника [Российский Медицинский Список за 1864-1889]. Основной статьей его дохода, как и старшего брата Ивана, был должностной оклад. В 1850-х гг. ему удалось получить материальную компенсацию от роменских городских властей (600 руб. серебром за незаконно присвоенный сад его отца Степана Михайловича).

О младшем брате, Семене Степановиче (1806/1807-не ранее 1846) известно, что с 1824 по 1830 гг. он учился на медицинском отделении Московского университета, окончив которое, был «исключен по указу Казенной платы в лекари» [ДАСО. Ф. 993. Оп. 1. Д. 86. Л.3.]. Он оставил после себя двоих сыновей, доживших до зрелого возраста.

При анализе жизненных путей сыновей Ивана и Степана Михайловичей Беров становятся очевидны некоторые закономерности. Прежде всего, дети Ивана Михайловича, строившие карьеру вне двух российских столиц, располагали имениями жен, в которых жили и имели с них определенный доход, который либо дополнял должностной оклад, либо мог служить его заменой. В то же время дети Степана Михайловича, строившие карьеру в Москве и Петербурге, не располагали крупной загородной недвижимостью. Брачная политика представителей двух ветвей являлась отражением их оформившегося социально-экономического статуса. Потомки Ивана Михайловича сочетались браком с представителями «высуженного» дворянства, как правило, мелкопоместного. В то же время потомки Степана Михайловича женились на представительницах московского мещанского сословия.

Вероятно, эти экономические факторы определили размер семей потомков Ивана и Степана Михайловичей. Если первые оставили после себя 3 и 4 потомков мужского пола, то из пяти сыновей Степана Михайловича лишь двое оставили мужское потомство. Один – одного сына, другой – двоих.

Также очевидно, что именно сыновья И.М. Бера более преуспели в изменении социального статуса. Владение землей с крестьянами автоматически гарантировало им дворянское достоинство, которое было получено обоими сыновьями. Одним – в Нижегородской губернии, вторым – в Саратовской и Рязанской. В то же время из сыновей Степана Михайловича лишь двое получили дворянское звание в Московской губернии, оба – за службу, а не по факту наличия крупной недвижимости собственности.

Небезынтересно отметить также то, что некоторые из потомков С.М. Бера организовывали производство и торговлю в Москве, в то время

как потомки И.М. Бера посвятили себя исключительно гражданской либо военной государственной службе.

Интересно также проследить и культурную адаптацию потомков двух ветвей. Потомки И.М. Бера активно общались с культурной элитой России (Фет, Тропинин, Брюсов, Лансере, Бенуа) и связывали себя с этими семьями родственными узами (с Лансере), в то время как подобные браки и связи среди потомков С.М. Бера не зафиксированы.

При взаимодействии с новой социальной средой Беры выбрали вариант *ассимиляции*, то есть постепенного (в данном случае добровольного) принятия обычаев, верований и норм доминантной группы [Bochner S. 1982].

Социальную адаптацию рода к российским экономическим, общественным, правовым и культурным реалиям можно условно разделить на *два этапа*. Первый этап адаптации (1762-1810-е) – ведение образа жизни «городских немцев», предпринимательская активность. Второй этап адаптации (1810-е-1917 гг.) – отход подавляющего большинства мужчин рода от купеческо-мещанского образа жизни, нахождение их на государственной службе, встраивание рода в чиновничью структуру империи.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. ИАЛ. Ф. 235. Оп.9. Д. 5 (церковь св. Петра).
2. ИАЛ. Ф. 1426. Оп. 1. Д. 295, 296, 300 (Домский собор).
3. ИАЛ. Ф. 1427. Оп. 1. Д. 2-3 (церковь св. Петра).
4. ЦДИАК. Ф. 204. Оп. 5. Д. 7068.
5. ЦДИАК. Ф. 801.
6. ЦДИАК. Ф.1755. Оп. 1. Д. 127.
7. ДАСО. Ф. 993. Оп.1. Д. 86.
8. ДАСО. Ф. 1153. Оп.1. Д. 1283.
9. РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 201.
10. РГИА. Ф. 1343. Оп. 6. Д. 1846.
11. ЦИАМ. Ф. 4. Оп. 11. Дд. 27а. 148.
12. ЦИАМ. Ф. 208. Оп. 1. Дд. 30, 65. 186.
13. ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 116. Д. 255; Оп. 119. Д. 273.
14. ГАРО. Ф. 98. Оп.77. Д.3.
15. ГАТО. Ф. 3. Оп.4. Д. 6342; Оп. 4/18. Д. 573; Оп. 5/8, Д. 1870;
16. ГАТО. Ф. 39. Оп. 2. Д. 235.
17. ГАТО. Ф. 743. Оп. 1. Д. 2940.
18. ГАТамО. Ф. 161. Оп.1. Д. 7030.
19. ЦАНО. Ф. 639. Оп. 125. Д. 6964.
20. Мемуары Бориса Владимировича Бера. РГАЛИ. Ф.43. Оп.1. Д.104. (1921 г.).
21. Мемуары Ольги Шеншиной. Машинопись. Архив семьи Бер, Великобритания.
22. Военно-Медицинский журнал. СПб. №№ 13'1829; 15'1830 гг.
23. Курилов И.А. Роменская старина. Ромны. 1897.
24. Мурзанов Н.А. Правительствующий Сенат. СПб. 1911.
25. Ребровский Н.Д. Список дворянским родам, внесенным в дворянскую родословную книгу Нижегородс-

кой губернии и утвержденным в дворянском достоинстве. Нижний Новгород. 1902.

26. Российский Медицинский Список на 1809, 1815, 1864-1869 гг. СПб.
27. Савелов Л.М. Родословная книга дворянства Московской губернии. Т. 1. М. 1914.
28. Тарасенков А.Т. Историческое описание больницы Странноприимного дома графа Шереметева в Москве. М. 1860.
29. Brunstermann F. Die Geschichte der Kleinen oder St.Johannis – Gilde. Riga, 1902.

СОКРАЩЕНИЯ:

- ИАЛ – Исторический Архив Латвии. Рига.
 ЦДИАК – Центральный Государственный Исторический Архив Украины. Киев.
 ДАСО – Государственный Архив Сумской Области. Украина. Сумы.
 РГИА – Российский Государственный Исторический Архив. СПб.
 РГАЛИ – Российский Государственный Архив Литературы и Искусства. Москва.
 ЦИАМ – Центральный Исторический Архив Москвы.
 ГАТО – Государственный Архив Тульской Области.
 ГАТамО – Государственный Архив Тамбовской Области.
 ГАРО – Государственный Архив Рязанской Области.
 ЦАНО – Центральный Архив Нижегородской Области.
 ДДС – Дворянское Депутатское Собрание.
 ДРК – Дворянская Родословная Книга.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Вебер М. Протестанская этика и дух капитализма. // Вебер М. Избранные произведения. М. 1990.
2. Грачева И.В. «Черты давно поблекших лиц...». Герои портретов В.А. Тропинина. //Наука и Жизнь, 2'2008.
3. Гриценко В.В. Социально-психологическая адаптация переселенцев в России. М. 2002.
4. Макаров И.А. Нижегородские прокуроры: 272 года на страже закона. НН. 2003.
5. Протоиерей Виталий Коценко, Соколова Ж.А. Успенский Кафедральный собор [Каширы]. М. 2006.
6. Соколова Ж.А., Казакова Н.И. Успенский собор. //Московский журнал. № 7, 2006.
7. Bochner, S. Cultures in contact: Studies in cross-cultural interaction. New York. 1982.
8. Furnham A. Bochner, S. Culture shock: Psychological reactions to unfamiliar environments. New York. 1986.
9. Oberg K. Cultural Shock: adjustment to new cultural environments // Practical Anthropology, 7, 1960.

Гурьев В.И.

ОРГАНИЗАЦИЯ И КАДРОВЫЙ СОСТАВ МОСКОВСКОЙ ПОЛИЦИИ В 1898 Г*

Аннотация. Статья посвящена организации и социальному составу сотрудников московской полиции (далее МП) в конце XIX в. Приведены сведения, касающиеся как офицерского состава полиции – приставов, их помощников, смотрителей полицейских домов, околоточных, так и рядовых сотрудников (городовых). В работе указаны общий уровень укомплектованности МП в целом, особенности социального статуса ее сотрудников, места предыдущей службы. Особое внимание уделено количеству лиц, ранее служивших в гвардии.

Эти данные позволили сделать выводы о возможностях карьерного роста в ее рядах. Также данные статьи позволили показать структуру Московской полиции, реальное положение дел, а также указать некоторые особенности и недостатки ее организации в целом.

Ключевые слова: московская полиция, приставы, обер-полицмейстер, околоточные, городовые, кадровый состав, социальное происхождение, соотношение военных и светских чиновников.

V. Guriev

ORGANIZATION AND REGULAR PERSONNEL OF MOSCOW POLICE IN 1898

Abstract. The article is devoted to the organization and social composition of Moscow Police (MP) at the end of the 19th century. The current paper offers information on the officer corps of the police-police officers, their assistants, keepers of police houses, okolotochniy.

The data based on sources about the MP's policemen (gorodovoy).

The general manpower level of MP, peculiarities of employees' social status, their social status and former places of service are presented in this work. Special attention is devoted to the number of people who served in the guard.

All this data has allowed carrying out a general analysis of the MP's manpower level and its employees' social status and drawing conclusions on their career growth possibilities. Besides, the data

* © Гурьев В.И.

given in the article describes the structure of Moscow Police, its real state during the considered period of time, some peculiarities and drawbacks of the MP's organization and manpower.

Key words: Moscow Police, police officer, ober-politsmeister (head of Moscow Police), okolotochniy (a policeman in charge of a small territory in the city), gorodovoy (a policeman, the lowest rank in the city's police), regular personnel, social background, proportion of military and civil officials.

Когда мы смотрим на старинные фотографии и открытки, показывающие жизнь до-революционной Москвы, то нередко замечаем фигуру городского. Своим присутствием он символизирует власть и порядок. Это закономерно, ведь в глазах рядового гражданина полиция – это один из наиболее важных и одновременно зримых институтов власти.

Предметом исследования в данной статье является Московская полиция. Роль второй столицы делала Москву и ее органы власти предметом особого внимания со стороны правительства империи.

С другой стороны, Москва была вторым городом, что делало ситуацию здесь более типичной для империи в целом, чем организация полиции в Санкт-Петербурге.

Институт полиции не раз привлекал внимание исследователей, но исторически сложилось так, что основное их внимание чаще всего было сосредоточено на политической полиции, т.е. охранных отделениях полиции и жандармском корпусе. Учитывая, что начало двадцатого века – это преддверие революции в России, данная позиция вполне обоснованна. Тем не менее, следует учитывать, что обычная полиция играла важную роль в жизни страны.

Специальные исследования, посвященные Московской полиции, отсутствуют. Но она нередко упоминается в исследованиях, посвященных жизни Москвы того времени. Отдельные факты, связанные с Московской полицией, упоминаются в общих работах, посвященных полиции этого периода.

В качестве источников исследования использовались в основном официальные документы. Большая часть источников сосредоточена в Центральном историческом архиве Москвы, в фонде № 46 (фонд Канцелярии московского градоначальника).

Среди всех этих источников следует отметить наиболее важные. Во первых, это закон «Положение о Московской полиции», принятый 5 мая 1881г^{**}. В нем были сформулированы осно-

^{**} «Положение о Московской полиции» от 5 мая 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание

вы, согласно которым московская полиция действовала после Великих реформ 1860-1870 гг. и зафиксированы нормы, какой должна была быть московская полиция. В качестве приложения к этому закону были созданы новые штаты полиции. Получившие название временных [14,372], они действовали сорок два года.

Поскольку нормы закона на деле не всегда выполнялись досконально, то особый интерес с точки зрения тематики данной статьи представляют еще два источника. Это полные списки «чинов», т.е. командного состава (офицеров) полиции, составленные в 1898 г*. И списки городских, за тот же год**. Речь идет о списках городских, служивших в полиции на момент коронации Николая II и Александры Федоровны (14 мая 1898 г.). Эти данные были собраны канцелярией обер-полицмейстера, согласно его приказу от седьмого ноября того же года. В короткий срок (в приказе указывался трехдневный) списки были поданы всеми участками. В дальнейшем, согласно им, городские получали памятные медали в честь этого события.

Эти источники позволяют нам описать не только то, как должна была быть организована московская полиция согласно закону, но и то, как обстояли дела в реальности, и исследовать ее кадровый состав. К сожалению, аналогичные списки одновременно и чинов, и городских за другие годы отсутствуют, что и послужило основанием для выбора именно этого года. Наряду с этими документами использовались и другие источники, в первую очередь личные дела городских и околоточных, переписка из канцелярии градоначальника по отдельным вопросам и другие материалы. Также использовались законодательные акты и мемуары современников.

Согласно «Положению о Московской полиции» управление ею делилось на общее управление и местные управления. Руководитель городской полиции носил звание обер-полицмейстера. По службе он подчинялся генерал-губернатору Москвы, на тот момент великому князю Сергею Александровичу. В 1896-1905 гг. должность обер-полицмейстера занимал Д.Ф. Трепов (1855-1906). Выпускник Пажеского корпуса, боевой офицер гвардии, он дослужился до заместителя командира полка по строевой части. По окончании службы в гвардии он был назначен на должность обер-полицмейстера Москвы. Позднее получил звание генерал-майора (1903 г.), но на момент составления

списков находился в звании полковника.

В историю он вошел как весьма решительный администратор, готовый как к нововведениям (поддержка зубатовщины, переговоры с Милюковым о создании кадетского Совета министров), так и к жестоким мерам – вспомним его знаменитый приказ «Патронов не жалеть» – по отношению к восставшим. В 1898 г. обер-полицмейстер имел одного помощника, говоря современными словами, заместителя. Эту должность занимал полковник Н.И. Руднев. Ранее он служил помощником предыдущего обер-полицмейстера А.А. Власовского. В отличие от своего шефа, став исполняющим обязанности московской полиции в начале революции 1905 г., он растерялся и никак себя не проявил.

Общее Управление, т.е. центральный аппарат управления Московской полицией, состояло из самого обер-полицмейстера и чиновников при нем, канцелярии обер-полицмейстера, сыскной части, адресного стола, полицейского архива, врачебно-полицейского управления, врачебно-полицейского комитета, управления бранд-майора (начальника пожарной службы), полицейского резерва и полицейского телеграфа***. Канцелярия обер-полицмейстера делилась на исполнительный, распорядительный, хозяйственный, судебный, счетный, солдатский и паспортный отделы (последний отвечал за выдачу загранпаспортов для жителей города). В канцелярии также существовала казначейская часть. Интересно отметить, что управляющий казначейской частью П.И. Ержемский имел звание статского советника, т.е. чин 5 класса. Следовательно, он имел более высокое звание, чем его руководители, включая и самого обер-полицмейстера, имевшего звание полковника (чин 6 класса).

Так же в подчинении обер-полицмейстера находилось издательство газеты «Ведомости московской городской полиции».

Частью управления обер-полицмейстера было Сыскное отделение. В 1898 г. его возглавлял В.Ф. Рыковский, пользовавшимся большим уважением среди москвичей. В состав Сыскного отделения, кроме его начальника, входили двое чиновников, двенадцать полицейских надзирателей и два делопроизводителя. Один из этих чиновников, Д.П. Моисеенко, позднее возглавит Сыскное отделение. В 1906-1907 гг. его имя станет одним из символов коррупции, наряду с именем тогдашнего градоначальника, генерал-майора А.А. Рейнбота.

Интересно заметить, что в Положении не

третье. Том 1. 1881г.

* ЦИАМ Ф. 46 Оп. 16 Д. 103 Сведения о личном составе Московской городской полиции на 2 февраля 1898 г.

** ЦИАМ Ф. 46 О. 16 Д. 93. Списки городских на момент коронации Николая и Александры Федоровны. Составлены по приказу обер-полицмейстера от 7 ноября 1896 г.

*** «Положение о Московской полиции» от 5 мая 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 1. 1881г.

были четко указаны задачи Сысского отделения. Указывалось, что «начальник сысской полиции и чиновники при нем состоящие находятся в полном распоряжении Обер-Полицмейстера»*. Таким образом, четкое понимание, чем должно заниматься Сысское отделение, уголовным сыском или политическим, или, к примеру, контролем над чинами полиции, отсутствовало.

В распоряжении обер-полицмейстера находились чиновники для особых поручений (один старший и трое младших). Они занимались ведением наиболее важных дел по усмотрению обер-полицмейстера. Также в распоряжении обер-полицмейстера находились чиновники резерва (восемь человек). Обычно они использовались для замены различных офицеров полиции. В 1898 г. четверо из них были прикомандированы к различным участкам, один заведовал этапом, трое оставались в распоряжении руководства.

Важную роль в управлении играл начальник полицейского резерва, полковник А.П. Шебуев. Отслужив двадцать лет в армии, он практически сразу был назначен на должность начальника резерва**.

Полицейский резерв состоял из новобранцев. При резерве состояла школа для приготовления к службе городских. Роль преподавателей выполняли чиновники резерва. Городовые резерва использовались по необходимости, для усиления городских. При резерве числились и сверхштатные околоточные, ожидавшие направления на службы в участки.

Управление обер-полицмейстера, а также казармы резерва были расположены в районе пересечения Тверской улицы и Камергерского переулка, примерно там, где сейчас расположено здание МХАТа.

Сам город, с полицейской точки зрения, был разделен на три отделения (в просторечье их называли трети), которые возглавляли трое полицмейстеров-полковник барон А.Р. Будберг, коллежский советник К.В. Свешников и полковник В.М. Яфимович. Они выступали в качестве инспекторов своих отделений. При необходимости один из них, согласно решению генерал-губернатора, должен был выполнять обязанности обер-полицмейстера.

Каждое отделение делилось на части (Тверская, Мясницкая и т.д.). В каждой части был свой Полицейский дом. Здесь находились арес-

тантские помещения (камеры предварительного заключения), покои для больных, при которых работали полицейские врачи и повивальные бабки. Здесь же базировались пожарные команды во главе с бранд-мейстерами. Во главе Дома стоял смотритель, которому подчинялись специально выделенные околоточные надзиратели (по одному на каждый дом) и служащие Полицейского дома.

Каждая часть делилась на полицейские участки (1-й участок Мясницкой части, 2-й участок Мясницкой части и т.д.). Участок возглавлял пристав. В 1898 г. большая часть приставов (67 %) были военными***. Меньшую часть должностей занимали статские чиновники (22%). Среди приставов было немало старших офицеров (двое из них были полковниками и восемь человек носили звание подполковников), еще один имел чин надворного советника. Т.е. 30% относилась к 6-7 классам согласно «Табели о рангах». Еще 45 % относились к 8 классу (капитаны, ротмистры, коллежские асессоры). Но наряду с ними должность пристава занимали трое поручиков и один коллежский секретарь. В двух случаях звания не указаны. В двух участках старший помощник выполнял обязанности пристава (поэтому информация по ним обрабатывалась как по приставам).

В 1898 г. в двух участках приставы (или исполняющие их обязанности) отсутствовали, зато в наличии были старший и младший помощники пристава. Т.е. комплект приставов составлял 5%. В большинстве участков имелся пристав и его заместитель, носивший звание старшего помощника пристава или младшего помощника пристава. В 1898 г. на службе в московской полиции было 26 старших помощников пристава (15 военных и 11 статских). И 21 младший помощник (8 военных и 13 статских). Причем если младших помощников пристава в 1898 г. было на одного больше, чем указано в Положении****, то среди старших помощников был серьезный некомплект – 26 человек вместо 41 положенного по штату [15 с. Л. 4].

Интересно отметить, что если звания военных более-менее совпадали с их должностями и были в среднем ниже, чем должности их руководителей из числа военных, то звания статских чинов могли быть намного выше уровня занимаемой должности. Так, среди младших помощников пристава есть лица, имевшие чины коллежского и надворного советников.

Судя по всему, руководство полиции отда-

* «Положение о Московской полиции» от 5 мая 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 1. 1881г.

** ЦИАМ Ф. 16. Оп. 233. Д. 2. Дело вдовы генерал-майора Шебуева А. П. // Дела о назначении пенсий сотрудникам полиции. Л 32-32

*** ЦИАМ Ф. 46 Оп. 16 Д. 103 Сведения о личном составе Московской городской полиции на 2 февраля 1898 г.

**** «Положение о Московской полиции» от 5 мая 1881 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 1. 1881г.

вало предпочтение военным. Тем не менее, с понижением уровня должности четко прослеживается увеличение доли статских чиновников. И если среди приставов военных было 67%, то среди их помощников соотношение было практически равным.

Еще одной группой офицеров полиции были смотрители полицейских домов. В данной группе преобладание статских чинов было еще более явным. Из четырнадцати указанных смотрителей двенадцать были статскими чиновниками.

Таким образом, говоря о чиновниках полиции, можно отметить тот факт, что встречающееся в литературе утверждение, что должность пристава в обязательном порядке занимали бывшие военные офицеры, не соответствует действительности. Несмотря на явное предпочтение, которое руководство полиции оказывало военным, значительную часть офицеров составляли статские чиновники. Можно также отметить, что в большинстве случаев статские чиновники имели в своем подчинении именно статских чиновников, а военные могли иметь под началом как статских, так и военных.

Полицейские участки делились на околотки. Обычно в каждом участке имелось 4-5 околотков и соответственно – околоточных. Правда, в двух участках было 3 околотка, а в нескольких количество околотков было большим и в двух доходило до семи. Всего в Москве насчитывалось 198 околотков. Пять вакансий околоточных надзирателей были незаняты. Т.е. некомплект околоточных составлял порядка 2%*.

Понятно, что должность околоточного могли занять люди не столь высокого звания, как приставы. Если приставы и их помощники имели офицерские или статские чины, то околоточными становились «лица, служившие в военной или гражданской службе» [18 с.12].

В реальности это требование не соблюдалось. Согласно документам, не меньше половины околоточных (53 %) служили в армии. Самым высоким воинским званием, которое имели всего трое околоточных, было звание прапорщика. Многие имели звания фельдфебеля (43, т.е. 21 % от всего числа околоточных) или унтер-офицера (22 человека). Остальные имели звания младшего командного состава (ефрейтор, вахмистр). Кроме того, многие имели военную специальность (канонир, трубач, писарь). Рядовых было всего четверо, причем трое были вольноопределяющимися, т.е. имели университетское образование, в том числе

барон В.Г. Тиненгаузен.

Почти половину околоточных составляли люди, не имевшие воинских званий. Учитывая, что в списках почти всегда указывались армейские звания, можно предположить, что оставшиеся 47% не служили в армии. Двадцать процентов из них имели статские звания, причем среди них был даже один титулярный советник. Большинство имели чины 12 или 14 класса – коллежский регистратор 13 чел. (6% от всего числа) или губернский секретарь – 24 чел. (12%)**.

Остальные околоточные, т.е. 31 чел. (15 %), вместо званий указали свою принадлежность к различным сословиям. Можно предположить, что до поступления на службу в полицию они вообще не служили в государственном аппарате.

Семеро из них были дворянами, двое детьми священников, трое были потомками служащих (один сын унтер-офицера и двое – сыновья коллежских регистраторов). Еще 8 относились к сословию почетных граждан. Другие относились к различным непривилегированным сословиям – 8 мещан и 1 цеховой ремесленник. Только двое – из указавших свое сословное положение – были представителями крестьянского сословия, хотя все городовые происходили из этого сословия. Кроме того, еще один человек заявил о себе, что он является «жителем Кубани» [14 Л.5], не расшифровав свое сословное положение (казак, иногородний?). Восемь человек (4%) просто сообщили о себе, что не имеют чина («не имеющий чина»), в одном случае указаний нет.

В целом, судя по документам, половину околоточных составляли представители младшего командного состава, отслужившие в армии. Вторую по численности группу составляли бывшие чиновники (или получившие статские звания в качестве награды) или люди, имевшие высшее образование. Остальные должности занимали люди, видимо, не имевшие опыта службы в армии или других государственных структурах. Т.е. полностью выполнить требования закона власти не могли.

После поступления на службу околоточные сразу получали звание, становясь околоточными сверх штата и числясь при резерве в ожидании вакансий. Известно, что кандидаты на это звание перед этим нередко служили в должностях различных чиновников***. С другой стороны, некоторые из них вначале служили в качестве городовых, а уже затем получали звание околоточного****.

** ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 16 Д. 103 Сведения о личном составе Московской городской полиции на 2 февраля 1898 г.

*** ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 12. Д 34. О поступлении на службу Д. Ишакова

**** ЦИАМ. Ф. 46. О. 5. Д 93. Личное дело околоточного Лазарева О.И

* Временный штат Московской полиции. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 1. 1881 г. раздел Штаты и табели, с. 372

Околоточным подчинялись рядовые сотрудники московской полиции, с 1881 г. носившие звание городских [13,134]. По своему происхождению, как показывают практически все личные дела и другие источники, все городские принадлежали к крестьянскому сословию. Более того, в личных делах, где упомянуто место рождения или образовательное учреждение, которое они закончили, они всегда указывают те или иные деревни, т.е. они не просто принадлежали к сословию крестьян, но и фактически были выходцами из деревень, проживавшие там до службы в армии.

Чтобы проанализировать армейскую службу городских, был использован список городских резерва. Это было вызвано тем, что не все участки в своих списках указывали воинские звания городских. Учитывая, что количество городских резерва составляет 127 человек, а всего городских в московской полиции в 1898 г., согласно данным списка, было 1528 чел. [15], то мы имеем восьмипроцентную выборку городских московской полиции.

Из всего списка резерва на момент сбора данных 102 человека уже служили в участках, еще 12 были уволены и один скончался. Еще по двенадцати городским данные отсутствуют, скорее всего, они продолжали служить в резерве.

фельдфебели и унтер-офицеры нередко служили и околоточными. Тем не менее, само по себе звание не гарантировало повышения по службе. Весьма значителен процент рядовых, имеющих военные специальности (артиллеристы, музыканты, фельдшеры и т.д.). Тут, конечно, следует учитывать тот факт, что от городских требовалась минимальная грамотность.

Процент бывших солдат, служивших в гвардии, довольно высок (24%). Особенно он велик для нестроевых. И это при том, что гвардейские части составляли порядка 4% численности армии [12,52]. Следует учесть и то, что Москва не являлась местом постоянной дислокации гвардейских частей. Это, а также довольно низкий процент рядовых (21%), говорит о том, что попасть на службу в полицию обычному солдату, отслужившему срочную службу, было довольно сложно. А также о том, что служба в полиции считалась престижной среди военнослужащих, отслуживших в армии.

В целом, чтобы стать городским, необходимо было соответствовать двум условиям – принадлежать к крестьянскому сословию и отслужить срочную службу в армии, желательно на постах командиров младшего звена, или иметь военную специальность.

Табл. 1. Отношение городских Полицейского резерва г. Москвы (1898 г.) к военной службе**

	кол-во, человек	То же, в процентах	бывших гвардейцев	То же, в процентах
младший командный состав	54	43	17	31
специалисты	40	31	5	12
рядовые	27	21	6	22
нестроевые*	5	4	3	60
неразборчиво	1	1	0	0
Итого	127	100	24	19

*нестроевые лица, не служившие в строю, портной, обозный и т.д. Согласно этой выборке, мы видим, что все городские служили в армии. Таким образом, в отличие от околоточных и приставов, корпус московских городских полностью формировался из числа лиц, отслуживших срочную службу.

Кроме того, можно отметить высокий процент младшего командного состава в рядах городских (43 %). Следует отметить и тот факт, что

Еще одним вопросом, который позволяет выявить различия в обязанностях рядов среди городских. К сожалению, не все участки предоставили данные об уволенных сотрудниках. Тем не менее, в нашем распоряжении данные по 33 участкам (из 39). Из служивших там 1159 человек (80% всех городских, служащих на участках) за данный период 76 было уволено. Еще трое умерли. Т.е. за 6 месяцев из числа городских служащих на участках было уволено 6,5 % городских.

Следовательно, мы можем сказать, что за один год было уволено порядка 13% городских. К сожалению, из документов не ясно, кто из них был уволен по собственному желанию, а кто по

***** ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 16. Д. 93. Списки городских на момент коронации Николая и Александры Федоровны. Составлены по приказу обер-полицмейстера от 7 ноября 1896 г.

решению начальства. Но все же мы можем сделать вывод о значительной текучести кадров среди данной группы сотрудников полиции.

Таким образом, можно подвести определенные итоги. В целом московская полиция в конце XIX в. вполне сформировалась как жизнеспособная структура со своими традициями.

Ее организация включала как центральный аппарат, так и местные отделения. К недостаткам структуры московской полиции, видимо, можно отнести отсутствие представителей Сыскной полиции на местах. Позднее, когда ее возглавил легендарный А.Ф. Кошко, этот недостаток был ликвидирован.

Серьезной проблемой следует считать отсутствие отрядов полиции особого назначения, предназначенных для поддержания порядка в случае массовых мероприятий или волнений. Существующий резерв состоял из новобранцев (в рядах полиции) и играл роль учебной части. Также в составе полиции отсутствовали (до 1908 г.) конные части. Это означало, что в случае массовых волнений полиция не могла самостоятельно выполнять свои функции по поддержанию порядка. Следовательно, она вынуждена обращаться за поддержкой к армейским частям, которые не были предназначены и обучены для выполнения этих функций.

Нельзя не отметить, что система подготовки офицеров полиции, начиная с низшего звена (околоточные) вплоть до высшего (обер-полицмейстер) отсутствовала. Нормальной практикой считалось ситуация, что человек, имеющий опыт руководства людьми, лучше всего в армии или гражданской сфере, но не имеющий опыта работы в полиции, мог сразу занять в ней важный пост, включая пост обер-полицмейстера.

В отношении комплектования ее состава можно заметить, что офицерский корпус Московской полиции был укомплектован на 95 %.

В целом московская полиция была почти полностью укомплектована, хотя уровень текучести кадров среди городских был весьма высок.

Обращает на себя внимание тот факт, что штаты околоточных были укомплектованы с нарушением закона, т.е. с привлечением значительного процента лиц, судя по всему, не имевших соответствующего опыта.

Высшее руководство полицией осуществляли выходцы из гвардии, обычно не имевшие опыта службы в полиции. Большую часть ее командного состава составляли выходцы из армейских офицеров и светских чиновников, причем первые имели явный приоритет. Средним звеном служили околоточные, принадлежавшие к различным сословиям. В основе служебной пира-

миды находились городские, которых набирали среди представителей крестьянского сословия, не связанных с городом.

Такая структура соответствовала традиционной схеме управления – аристократия (имеющая возможность службы в гвардии) осуществляет высшее руководство, дворяне (в лице офицеров и светских чиновников) занимают руководящие посты, представители других сословий играют роль командиров младшего звена, а представители крестьянства занимают место рядовых.

Таким образом, положение и карьерный рост сотрудников полиции во многом определялся их происхождением и предыдущим местом службы.

В условиях развития капитализма в России, включая такие его аспекты, как урбанизация и распространение высшего образования среди непривилегированных слоев общества, подобный консерватизм вел к снижению мотивации у сотрудников полиции.

Кроме того, формирование рядового состава полиции из крестьян, не привыкших к большому городу, и отсутствие специального образования у чинов полиции приводило к тому, что они были слабо подготовлены к выполнению своих обязанностей, что вело к снижению эффективности действий полиции.

Тем не менее, в целом московская полиция, имела четкую и достаточно логичную организацию, была укомплектована почти полностью и, в общем, справлялась со своими обязанностями.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Богословский М.М. Москва в 1870-1890 гг. // Московская старина. М., 1989.
2. Борисов А.В., Сизиков М.И., Скрипильев А.Е. История полиции России (1718-1917 гг.). М., 1992.
3. Джунковский В.Ф. Воспоминания. М., 1997. Т. 1.
4. Короткова М.В. Повседневная жизнь старой Москвы. М. 2005.
5. История полиции дореволюционной России. М., 1981;
6. Мулукаев Р.С. Система органов внутренних дел дореволюционной России. М., 1973;
7. Полиция и милиция России: страницы истории. М., 1995.
8. Реент Ю.А. Общая и политическая полиция России. Рязань, 2002.
9. Розанов Н.П. Воспоминание старого москвича. М., 2004.
10. Руга В., Кокорев А. Москва повседневная. М., 2005.
11. Руководители Санкт-Петербурга. СПб., 2003.
12. Сергеев Е. Ю. Иная земля, иное небо. Запад и военная элита России. 1900-1914. М., 2001.

ПРИМЕЧАНИЕ:

1. «Положение о Московской полиции» от 5 мая 1881 г.

// Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 1. 1881г.

2. Временный штат Московской полиции. Полное собрание законов Российской империи. Собрание третье. Том 1. 1881 г. раздел Штаты и табели, с. 372.
3. ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 16 Д. 103 Сведения о личном составе Московской городской полиции на 2 февраля 1898 г.
4. ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 16. Д. 93. Списки городских на момент коронации Николая и Александры Федоровны. Составлены по приказу обер-полицмейстера от 7 ноября 1896 г.
5. ЦИАМ. Ф. 16. Оп. 233. Д. 2. Дело вдовы генерал-майора Шебуева А. П. // Дела о назначении пенсий сотрудникам полиции.
6. Инструкция околоточным надзирателям Московской полиции. М., 1905.
7. ЦИАМ Ф. 46. Оп. 12. Д. 34. О поступлении на службу Д. Ишакова.
8. ЦИАМ. Ф. 46. Оп. 5. Д. 93. Личное дело околоточного Лазарева О.И.

УДК 37 (091) (045)

Милешина Н. А.

КАДЕТСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННЫЕ ПЕРСПЕКТИВЫ *

Аннотация. В статье проанализированы основные этапы, особенности и перспективы развития кадетского образования в России. Обращается внимание на воссоздание кадетских традиций российскими эмигрантами за рубежом. Подчеркивается важность дальнейшего использования уникального педагогического опыта, накопленного кадетскими корпусами, в сфере военно-патриотического и духовно-нравственного воспитания современной молодежи.

Ключевые слова: кадетское образование, система воспитания, патриотизм, честь, достоинство, кадетские корпуса, духовность, нравственность

* ©Милешина Н.А.

Статья выполнена при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям, ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект № 02.740.11.0427

N. Mileshina

MILITARY (CADET) EDUCATION IN RUSSIA: HISTORICAL TRADITIONS AND CONTEMPORARY PERSPECTIVES

Abstract. The article gives analysis of the main stages, peculiarities and perspectives of the development of the military (cadet) education in Russia. It highlights the fact of the renewal of the cadet traditions by Russian immigrants abroad. The emphasis is laid on the importance of the further usage of the unique pedagogical experience accumulated by these military schools in the sphere of military, patriotic, spiritual and moral education of the modern youth.

Key words: military education, the system of upbringing, patriotism, honour, dignity, military schools, spirituality, moral.

В условиях духовного кризиса в современной России как никогда очевидна необходимость восстановления нравственных основ, которые способны объединить общество. В этой связи особый интерес представляет уникальный опыт, накопленный кадетскими корпусами в сфере военно-патриотического и духовно-нравственного воспитания подрастающего поколения: «Кадетские корпуса прививали любовь к отечественной истории; создавали военную касту, проникнутую лучшими историческими традициями; вырабатывали тот слой... русского общества, на костях и крови которого создавалась российская слава» [30, 218].

Дореволюционная историография (1732-1917 гг.) исследуемой проблемы получает развитие параллельно с процессом становления кадетского образования в России, начало которому было положено в 1732 г. Первоначально изучение дворянского военного образования ограничивается педагогическими трактатами преподавателей кадетских корпусов – И.И. Бецкого, Н.А. Добролюбова, Д.И. Менделеева, Н.И. Пирогова и др. Первые попытки анализа деятельности кадетских корпусов предприняты во второй половине XIX в. Так, военный министр Д.А. Милютин обратил внимание на противоречивость целевого назначения кадетских корпусов как образовательных и благотворительных учреждений [36, 240], П.О. Бобровский раскрыл роль военного духовенства в патриотическом воспитании военнослужащих [9], М.С. Лалаев изучил организационную структуру и типологию военно-учебных заведений [31]. Основное внимание дореволюционных исследователей было сосредоточено на истории конкретных военно-учебных заведений, отчетах о праздновании юбилейных дат кадетских корпусов, о чем свидетельствуют работы Н.

П. Жерве [21], Н. Л. Ломана [32], П. В. Петрова [39], В. Ф. Грекова [18], В. А. Висковатова [12] и др. [5]. В целом, исследования дореволюционного периода носили, преимущественно, описательный, бессистемный характер.

В историографии советского периода (1917-1991 гг.) в рамках критического отношения к традициям «класса эксплуататоров» господствующим стало утверждение, что в дворянских военных корпусах «помещичьи и купеческие сынки учились искусству угнетения народных масс» [17, 4]. Только в 1940-х годах, в связи с открытием суворовских военных училищ, возобновилось изучение истории кадетских корпусов дореволюционной России. Б.М. Кончаков охарактеризовал подбор, подготовку и распределение педагогических кадров в кадетских корпусах [28], С. Гурьев, М.Н. Жесткова, Н.И. Алпатов проанализировали воспитательную работу в кадетских корпусах с середины XVIII века до 1917 года [19; 22; 2; 3]. Особое внимание обращалось на то, что, с одной стороны, кадетские корпуса готовили защитников престола, а с другой – офицеров, носителей прогрессивных идей в обществе.

В опубликованных в 1950-70-х гг. исследованиях П.А. Зайончковского охарактеризованы система военно-учебных заведений России, происхождение, социальный состав, образовательный уровень кадет до и после обучения в корпусах [24; 25]. В работе Л.М. Спирина уделялось внимание состоянию военно-учебных заведений, их количеству, численности выпускников [43]. Общие сведения по истории военно-учебных заведений нашли отражение в исследовании Л.Г. Бескровного [7]. Со второй половины 1980-х гг. в условиях «перестройки» начинается переосмысление роли кадетского образования в истории России, о чем свидетельствуют работы А.Г. Кавтарадзе [26], А.И. Каменева [27], А.А. Буравченко [10], В.А. Скоробогатого [42], В.Б. Задорожного [23], С. В. Богданова [11].

В современной историографии (1991-2010 гг.) в работах С.В. Волкова [13], Ю.А. Галушко, А.А. Колесникова [16], Н.А. Машкина [34] выявляются особенности внутренней структуры военно-учебных заведений разного типа, даются социальные характеристики их воспитанников. В.М. Крылов охарактеризовал роль кадетских корпусов в подготовке офицеров для артиллерии [30], А.А. Михайлов изучил структуру, личный состав и основные направления деятельности Главного управления военно-учебных заведений [37], Э.М. Филиппов осветил историю кадетских корпусов с петровских времен до сегодняшнего дня [44]. Система воспитания, униформа, знаки различия, организация обучения кадет подробно проанализированы в работах Н.Н. Ауровой [6],

А.Ю. Воробьевой [14], А.А. Азовского [1], А. В. Беляева [8], В. М. Меньшова [35], О. Хазина [36] и др. В последние годы историей кадетских корпусов занимаются и зарубежные авторы, в основном из числа воспитанников российских кадетских корпусов за рубежом [4; 20; 41]. Однако систематизированного исследования кадетского образования в России пока не проводилось.

Кадетские корпуса представляли собой закрытые средние военно-учебные заведения сословного типа, созданные по прусскому образцу и предназначенные преимущественно для дворян. Первый кадетский корпус появился в 1732 г. по инициативе графа П.И. Ягужинского, в период «просвещенного абсолютизма» Екатерины Великой их количество начинает возрастать. Кадет обучали «арифметике, геометрии, рисованию, фортификации, артиллерии, шпажному действию, на лошадях ездить... при том иметь учителей чужеземных языков, истории, географии, юриспруденции, танцеванию, музыке и прочих полезных наук» [45, 18]. Уже в XVIII в. уровень преподавания в дворянских учебных заведениях удивлял даже иностранцев: «Не знаю, не слишком ли многому их обучают», – писал француз М.-Д. де Корберон о воспитанниках Кадетского корпуса [29, 47].

Популярность кадетских корпусов быстро возрастала. Дворяне стали охотнее отдавать своих детей в кадетские корпуса, чем в гражданские учебные заведения: поступление в корпус обеспечивало карьеру учащимся, а кадетское воспитание быстро зарекомендовало себя как наиболее эффективное. В этом можно было убедиться уже во второй половине XVIII-начале XIX вв., наблюдая за блестящими военными операциями выпускников кадетских корпусов, выдающихся полководцев – П. А. Румянцева, А. В. Суворова, М. И. Кутузова.

В первые десятилетия XIX в. кадетские корпуса получают все большее распространение, причем нередко они основываются на пожертвования дворян. Так, Н. М. Сипунов вспоминал: «Новгородский кадетский корпус был основан по подписке дворян Новгородской и Тверской губерний. Аракчеев пожаловал 300000 рублей, на проценты с которых должно было постоянно содержаться 12 воспитанников» [46, 243]. Если изначально корпуса были нацелены на профессиональную подготовку офицеров армии и флота, чиновников государственной службы, то в результате военной реформы, проведенной в 1860-70-х гг. Д.А. Милютиным, кадетские корпуса были преобразованы в военные гимназии, главной функцией которых, по мнению многих исследователей стало решение проблемы «военного сиротства». Однако уже при Александре III (1881-1894) кадетские корпуса и их первоначальные

функции были восстановлены.

Воспоминания об учебе в кадетских корпусах сохранились в мемуарах многих современников. Кадетов воспитывали очень строго, стремясь приучить их к различным житейским трудностям, сформировать в них стойкость и выносливость: «Трудно сначала было привыкать к казенной пище и казенному белью. По утрам вместо чая нам давали овсяной суп и полубелую булку. За обедом кормили нас плохо: дадут тарелку супу, кусок жесткой говядины и пирог с кашей...» [15, 215]. Неприлежные ученики строго наказывались: «Невыучивший...урока подвергался розгам. Нянька Ивановна секла больно. Тычки, пинки, оплеухи, дранье за волосы и за уши, битье линейкою по пальцам – все это было дело обыкновенное» [15, 216].

Кадеты, которые добивались особых успехов в учебе, поощрялись подарками: «В первый же год моего пребывания в корпусе, выдержав отлично экзамен, я получил в подарок книгу; при переходе во второй класс я получил две книги, при переходе в третий класс – три. Подарки эти раздавались торжественно» [15, 217-218].

Организация воспитания кадет основывалась на комплексном подходе, сочетая развитие нравственности, умственных способностей и физической подготовки. В кадетях воспитывали стремление к самоотверженному служению Отечеству, верность воинскому долгу, патриотизм, гражданственность, чувство товарищества, порядочности и чести, высокую требовательность к себе, дисциплину и самоорганизацию. Не случайно девизом воспитанников Артиллерийского и Инженерного Шляхетного кадетского корпуса стали слова: «Веру – царю, жизнь – Отечеству, честь – никому».

Система патриотического воспитания занимала центральное место в подготовке кадетов: «Повторяя слова Екатерины, что корпус кадетский есть рассадник великих людей, мы любили воображать себе, что все до одного будем полезны Отечеству...» [30, 181].

Настоящий кадет должен быть человеком высоконравственным. Основываясь на этом, в кадетских корпусах очень много внимания уделялось религиозному воспитанию. Корпусное воспитание призвано было в каждом из кадет развивать всесторонние «физические и душевные силы, правильно образовывать характер, глубоко укоренить благочестие и верноподданнический долг и твердо упрочить задатки тех нравственных качеств, которые имеют первостепенное значение в воспитании будущего офицера» [33, 23-27].

Особое внимание в кадетских корпусах уделялось воспитателям, их нравственным качествам и отношению к воспитанникам. Так, в аттестации на капитан-лейтенанта Берлинского указывалось:

«Хороший строевой офицер. С большой любовью относится к делу воспитания. Очень внимательный к воспитанникам и прикладывает много стараний, чтобы развить в них любовь к морской службе и военному делу» [33, 25].

Вместе с религиозно-нравственным воспитанием развитие патриотических качеств, любви к Родине, преданности государю, соблюдение военных традиций героического прошлого старались связать с празднованием славных дат российской истории. Так, в память столетия Отечественной войны 1812 г. в Донском кадетском корпусе была учреждена премия Войска Донского. В ознаменование 300-летия царствования дома Романовых во Владимирско-Киевском кадетском корпусе была учреждена стипендия имени основателя корпуса императора Николая I.

Регулярно проводились военно-церковные парады и торжественные празднования по случаям государственных исторических событий. С целью военно-патриотического воспитания на примере героики 1812 г. в Пажеском Его Императорского Величества корпусе и во всех военных учреждениях в течение года с декабря 1911 г. по декабрь 1912 г. устраивались юбилейные вечера, на которых наряду с очерками войны, читаемыми лицами учебно-воспитательного состава, использовались избранные музыкальные и литературные произведения, характеризующие ту эпоху. С теми же целями Пажеский корпус в полном составе и юнкера военных училищ посетили летом 1912 г. Москву и Бородино.

В кадетях развивали сострадательность, милосердие, чувство долга и ответственности за слабых. При кадетских корпусах организовывались приюты для воспитания детей офицеров, погибших в боевых действиях. Так, в Петербурге при первом и втором кадетском корпусах были учреждены приюты на 20 мальчиков каждый, для призрения сирот и полусирот офицеров, убитых или раненных в войне с Японией.

К 1914 г. в России функционировало 26 кадетских корпусов, в которых обучалось 13576 воспитанников [33, 31]. Несмотря на ряд очевидных преимуществ, кадетское воспитание имело и определенные недостатки: существовал некий общий стандарт в подготовке воспитанников, что в определенной степени лишало индивидуальности, инициативы и творчества; наблюдались трудности адаптации к условиям казарменного воспитания с юных лет; частичная изоляция различных возрастных групп друг от друга; отсутствие возможности активного влияния на развитие мальчиков со стороны их родителей. Вместе с тем кадетское воспитание в большей степени было ориентировано на военно-государственные, а не на общеобразовательные цели: «В некоторых

кадетских корпусах погоня за внешним видом и выправкой кадетов отнимала столько времени, что некогда было думать о более сложных задачах воспитания» [38, 34].

После захвата власти большевиками в 1917 г. традиции кадетского образования были воссозданы и тщательно оберегались русскими эмигрантами за рубежом. Только в 1920-1940 гг. в Русском Зарубежье действовало 5 кадетских корпусов: Донской Императора Александра III, Крымский кадетский корпус, Первый Русский кадетский корпус, Морской кадетский корпус, Корпус-лицей имени императора Николая II. По воспоминаниям очевидцев, в этих корпусах «русские дети учились любить и почитать свою Православную Веру, любить больше самого себя свою Родину и готовились стать полезными деятелями при ее возрождении» [40, 165]. Но приоритетным для зарубежных кадетских корпусов стало решение проблемы «военного сиротства».

В условиях духовного кризиса, потери нравственных ориентиров, в российском обществе с начала 1990-х гг. в России начался процесс возрождения кадетских корпусов. Первым стал Сибирский кадетский корпус в Новосибирске, функционирующий с 1992 г. В настоящее время в России действует 70 кадетских корпусов, школ, гимназий, более 400 кадетских классов [8, 48]. Ключевым элементом в содержании современного кадетского образования является процесс воспитания, главная цель которого – формирование патриотизма, чести, благородства, справедливости, религиозной культуры.

23 сентября 2007 г. Первым съездом кадет России было единогласно принято Обращение к Правительству и общественности Российской Федерации «О национальном проекте и системе кадетского образования в России». Вопрос о кадетском образовании в России стал одним из главных в повестке дня Второго Общекадетского съезда в Санкт-Петербурге 11-13 сентября 2009 г. На 2010-2011 гг. намечена разработка Концепции и государственного стандарта кадетского образования, плановое формирование системы профессионального начального образования государственной службы в России, создание в каждом субъекте Российской Федерации системы учреждений кадетского образования. В 2017-2020 гг. ожидается получение первых полномасштабных результатов новой системы образования России.

В целом, основой выдающихся результатов духовно-нравственного, гражданского, патриотического воспитания, полученных в кадетских корпусах, была опора на три составляющие – патриотизм, веру в Бога и нравственность. Функциональное назначение кадетских корпусов определялось подготовкой профессионального

служилого сословия. Только в период военных реформ Д.А. Милютина и вынужденной эмиграции кадет за рубеж после Гражданской войны 1918-1920 гг. главной задачей корпусов становится решение проблемы «военного сиротства» при сохранении основных воспитательных традиций. Показательно, что в современных условиях кадетское воспитание не просто возрождается, но и активно использует многолетний опыт дореволюционных корпусов. Уже начата разработка Концепции и государственного стандарта кадетского образования, в перспективе – создание системы профессионального начального образования государственной службы в каждом субъекте Российской Федерации.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Азовский А.А. Из истории формы российских кадет // Российская кадетская переписка. 2008. № 4. С. 114-125.
2. Алпатов Н.И. Историческая справка о кадетских корпусах в России XIX в. // Советская педагогика. 1944. № 1. С. 18-21.
3. Алпатов Н.И. Учебно-воспитательная работа в дореволюционной школе интернатного типа: Из опыта кадетских корпусов и военных гимназий в России. М., 1958.
4. Андрушкевич И. Исторический долг // Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско. 1996. № 50.
5. Антонов А.Н. Первый кадетский корпус. Краткие исторические сведения. СПб., 1906.
6. Аурова Н.Н. Система военного образования в России: кадетские корпуса во второй половине XVIII – первой половине XIX вв. М., 2003.
7. Бескровный Л.Г. Военное образование в России в XIX веке. М., 1970.
8. Беляев А.В. Кадетские корпуса в современной России // Педагогика. 2009. № 7. С. 48-57.
9. Бобровский П.О. Юнкерские училища. Историческое обозрение их развития и деятельности. СПб., 1873.
10. Буравченков А.А. Офицерский корпус русской армии накануне Великой Октябрьской революции. Очерки военно-экономического потенциала. М., 1986.
11. Богданов С.В. Развитие теории и практики подготовки офицерского состава в военной школе дореволюционной России второй половины XIX – начала XX в. Автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 1991.
12. Висковатов А.В. Краткая история 1-го кадетского корпуса. СПб., 1832.
13. Волков С.В. Русский офицерский корпус. М., 1993.
14. Воробьева А.Ю., Пархаев О. Кадетские корпуса в России, 1732-1917. М., 2003.
15. Выдержки из записок Н. А. Титова // Русская старина. 1871. № 3. С. 215-218.
16. Галушко Ю.А., Колесников А.А. Школа российского офицерства. Исторический справочник. М., 1993.
17. Главное управление военно-учебных заведений. 1917-1920. Обзор деятельности. М, 1920.

18. Греков Ф.В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений. М., 1910.
19. Гурьев С. Подготовка будущих офицеров // Пограничник. 1944. № 7-8. С. 4-8.
20. Ермаков А.М. Возрождение кадетских корпусов и кадетского духа // Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско. 1998. № 57.
21. Жерве Н.П. Исторический очерк 2-го кадетского корпуса. 1712-1912. СПб., 1912.
22. Жесткова М.И. История кадетских корпусов и военных гимназий в России. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1944.
23. Задорожный В.Б. Из истории подготовки офицерских кадров в России. Новосибирск, 1990.
24. Зайончковский П.А. Самодержавие и русская армия на рубеже XIX-XX столетий. М., 1973.
25. Зайончковский П.А. Военные реформы 1860-1870 годов в России. М., 1952.
26. Кавтарадзе А.Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917-1920 гг. М., 1988.
27. Каменев А.И. История подготовки офицерских кадров России. М., 1990.
28. Кончаков Б.М. Педагогические кадры военно-учебных заведений в царской России. Л., 1947.
29. Корберон М.-Д. Из записок // Русский архив. 1911. № 5. С. 27-104.
30. Крылов В.М. Кадетские корпуса и российские кадеты. СПб., 1998.
31. Лалаев М.С. Исторический очерк Военных учебных заведений, подведомственных Главному их Управлению. Ч. I-III. СПб., 1880, 1892.
32. Ломан Н. Л. Историческое обозрение 2-го кадетского корпуса. СПб., 1862.
33. Манукян В. М. Военно-патриотическое воспитание населения России (1905-1914 гг.) СПб., 2007.
34. Машкин Н.А. Высшая военная школа Российской империи XIX – начала XX веков. М., 1997.
35. Меньшов В. М. Российские кадеты. М., 2005.
36. Милютин Д.А. Мнение о военно-учебных заведениях // Столетие Военного министерства. СПб., 1914.
37. Михайлов А. А. Псковский кадетский корпус, 1882-1917 гг. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 1994.
38. Отечественные традиции духовно-нравственного и патриотического воспитания в кадетских корпусах, кадетских школах, суворовских и нахимовских училищах. Оренбург, 2005.
39. Петров П. В. Главное управление ВУЗ. Исторический очерк. СПб., 1902-1910.
40. Седова Е.Е., Черных Ю.Н. Деятельность русских кадетских корпусов в Российском Зарубежье «первой волны» //Актуальные проблемы современной науки: Материалы международных научно-практических конференций научной сессии «X Невские чтения». СПб., 2008. С.165-170.
41. Скворцов М. Первый русский великого князя Константина Константиновича кадетский корпус // Бюллетень Объединения кадет российских кадетских корпусов в Сан-Франциско. 2001, № 66.
42. Скоробогатый В.А. Военная школа России: страницы истории. М., 1990.
43. Спирин Л.М. Создание советских командных кадров // Военно-исторический журнал. 1965. № 7. С. 3-16.
44. Филиппов Э.М. Кадетские корпуса в России: прошлое и современность. СПб., 1997.
45. Хазин О. Пажи, кадеты, юнкера. М., 2006.
46. Черты из жизни графа Аракчеева. Воспоминания артиллерии генерал-майора Н.Г. Сипунова// Русская старина. 1870. № 1. С. 241-245.

УДК – 947: 930. 1

Гусева Т.М.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В УЕЗДНЫХ ГОРОДАХ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX вв.*

Аннотация. В статье анализируются основные направления деятельности общественных организаций, которые автор классифицирует по следующим группам: благотворительные и попечительские, общества взаимопомощи в хозяйственно-экономической сфере, общества любителей культуры и искусства, религиозно-просветительские. Наиболее приоритетной была деятельность благотворительных и попечительских организаций (система призрения, оказание помощи пострадавшим, нуждающимся ученикам и т.д.). Значительное место уделяется в статье деятельности обществ попечительства о народной трезвости, в частности открытия ими по типу просветительских клубов т. н. Народных домов. В числе других обществ рассматриваются добровольные пожарные общества, общества потребителей, сельскохозяйственные, просветительские. Все это дает возможность сделать вывод о том, что в конце XIX – начале XX вв. жители уездных городов Поволжья активно включались в создание и деятельность общественных организаций.

Ключевые слова: общественные организации, благотворительность, попечительства, народные дома.

T. Guseva

PUBLIC ORGANIZATIONS ACTIVITY IN THE
DISTRICT CHIEF TOWNS OF THE MIDDLE VOLGA
REGION AT THE END OF THE XIX – THE BEGINNING
OF THE XX CENTURY

Abstract. The main directions of the activity of public organizations, which the author classifies

* © Гусева Т.М.

as charitable and trustee foundations, benevolent societies in economic sphere, associations of the fancy of culture and art, religious and educational organizations, are analyzed in the article. The activity of charitable and trustee foundations (the system of care, aiding to victims, needy pupils etc.) was the most priority. The significant place is given in the article of the activity of the societies of trusteeship about the people soberness, especially to their work for founding the so-called people houses according to the type of educational clubs. The voluntary fire societies, the consumers' societies, agricultural and educational associations are considered as well. All this gives the possibility to make the conclusion that in the end of the XIX - the beginning of the XX centuries inhabitants of the district chief towns of the Volga region took an active part in creation and activity of public organizations.

Key words: public organizations, welfare, trusteeship, people houses.

Город является сложным социокультурным и пространственным образованием, и поэтому всегда будет привлекать к себе внимание исследователей. В пореформенное время в уездных городах достаточно интенсивно протекал процесс складывания культурной среды как определенной сферы существования и взаимодействия культурных новаций и традиций. Большое значение для формирования культурной среды имели общественные организации, которые начали активно создаваться именно в этот период. Проблема становления и развития общественных организаций в уездных городах не являлась специально выделенным объектом исследования. Как формировалась и развивалась общественная жизнь в уездных городах, какие направления общественной жизни становились приоритетными? Какую роль играли общественные организации в системе городского общественного быта небольших провинциальных городов? На эти вопросы предстоит ответить, исследовав процесс становления и развития общественных организаций во второй половине XIX-начале XX вв. Провести четкую классификацию существовавших в уездных городах общественных организаций достаточно сложно, так как деятельность многих из них часто переплеталась. Тем не менее, можно с уверенностью выделить группы обществ, которые создавались в уездных городах в пореформенный период: благотворительные и попечительные; общества взаимопомощи в хозяйственно-экономической сфере; общества любителей культуры и искусства; религиозно-просветительские. Сразу следует оговориться, что в крупных губернских центрах общественная жизнь была несравненно насы-

щенной. Но и в уездных городах во второй половине XIX в. происходило усложнение общественного быта, формирование общественной жизни, городское население становилось более активным. При этом жители небольших провинциальных городов, критически относящиеся ко всему, что происходило в их городе, утверждали, что все самое интересное может происходить только в губернском центре, а в захолустном уездном городке ни о какой общественной жизни не может быть и речи. В работе «Столетие города Сенгилея (краткий исторический очерк)» действительный член Ученой Архивной комиссии В.Э. Красовский, занимавшийся историко-статистическим исследованием уездных городов и селений, писал: «Общественная жизнь в Сенгилее развита очень мало и проявляется единственно только в небольшом круге более образованных и богатых материальными средствами лиц. ... Из благотворительных заведений в Сенгилее имеются: отделение симбирского братства Трех Святителей, открытое в 1896 г.; городская амбулатория с бесплатной выдачей лекарств: амбулатория открыла свои действия в 1896 году; попечительное общество о домах трудолюбия; устав общества утвержден г. министром внутренних дел в 1896 году; городское пожарное общество, открытое 12 февраля 1899 года; лечебно продовольственный пункт для рабочих, открыт 25 апреля 1899 г. на средства губернского земства и при крупной поддержке со стороны Российского Общества Красного Креста; Ольгинский детский приют на 20 детей и попечительное при нем общество с 24 октября 1899 года; местный комитет Российского общества Красного Креста открыт 23 сентября 1900 года и комитет попечительства о народной трезвости с 1 июля 1901 года. Все эти общества и учреждения, преследуя свои цели, объединяют жителей и развивают в них интерес к общественной жизни» [5, 7].

Таким образом, автор, утверждая, что общественная жизнь г. Сенгилея, численность жителей которого в 1897 г. составляла 5734 человек, развита очень слабо, перечислил девять общественных организаций, созданных в городе в конце XIX в. Характеризуя общественную жизнь небольшого города, на первое место В.Э. Красовский поставил общественную благотворительность, организация которой во второй половине XIX в. во многих уездных городах была делом приоритетным.

В XIX в. система призрения осуществлялась через государственные учреждения, церковь, общественную и индивидуальную благотворительность. С середины XIX в. возросла частная благотворительность и понизилась роль государства в социальном обеспечении малоимущих,

инициатива в деле благотворительности перешла от немногих аристократических фамилий к купечеству, чиновничеству, мещанству, представителям крестьянского сословия. Разветвленная система благотворительных учреждений и обществ существовала и во всех уездных городах Среднего Поволжья.

Начало благотворительности в Саранске связано с именем приходского священника А.И. Масловского, организовавшего богадельню при Троицком храме, в которой поселились одинокие престарелые люди. На их содержание вносили пожертвования состоятельные люди, а также выделялись деньги из Троицкого прихода. Доброе начинание отца Алексея получило дальнейшее развитие. Так, 24 марта 1891 г. с целью оказания помощи пострадавшим от неурожая жителям Саранска Городская дума организовала Благотворительный комитет под предводительством Городского головы. В распоряжение комитета было отпущено 100 рублей, а на собранные частные пожертвования предлагалось открыть с 1 января 1892 г. две городские бесплатные столовые. В марте 1894 г. Благотворительный комитет был оформлен как постоянная организация и первым его председателем стал священник Верхне-Казанской церкви А.И. Любимов (1868-1935). 1 декабря 1894 г. был открыт приют для мальчиков и при нем столярная мастерская, а в 1897 г. – сапожная мастерская. Краевед Г.П. Петерсон отмечал: «Саранский благотворительный комитет за сравнительно недавнее существование, приносит уже известную долю пользы городским жителям. Так, комитетом основан и содержится сиротский ремесленный приют, в котором 14 мальчиков, обучающихся столярному и сапожному ремеслам, к которым проектируется присоединить и другие ремесла. Мальчики получают в приюте помещение и полное содержание и находятся под присмотром мастеров и особой надзирательницы» [10, 186]. За работу все мастерские получали деньги, которые шли в доход Благотворительному комитету.

Благотворительностью занималось, в основном, обеспеченное население, которое без особого ущерба для себя оказывало некоторую помощь многочисленному слою городской бедноты. Денежные средства Благотворительного комитета складывались из различных источников: ежегодно в течение 5 лет перечисляла по 200 рублей Саранская городская дума, кассу комитета пополняли взносы его членов от многочисленных спектаклей, денежные пожертвования отдельных граждан, доходы мастерских при сиротском приюте и т.д. В начале XX в. комитет содержал не только приют, но и ночлежный дом.

Ежегодно в отчетах Саранской городской управы предусматривались расходы на благотворительность. С 1908 г. в этом разделе вместе с материалами Благотворительного комитета появляется отчет Анастасьевской богадельни. Она была учреждена в 1868 г. на средства И.П. Коровина – ктитора Тихвинской кладбищенской церкви. В 1907 г. богадельня со всеми зданиями (1 каменное, 4 деревянных), церковью, землей и имуществом поступила в собственность и заведывание городского общества. В богадельне было 32 призреваемых. Управлял ею особый комитет, ежегодно избираемый городской думой, а богадельня содержалась на средства состоятельных горожан [1, 243].

В уездных городах Симбирской губернии в конце XIX в. функционировало несколько благотворительных заведений. «Городская богадельня в г. Алатыре открыта и содержится на средства местного городского общественного управления. Буинская земская богадельня учреждена местным уездным земством для призрения престарелых обоего пола с платою 30 р. в год. Призывалось в 1900 г 16 человек, 4 человека на средства земства. Кроме того, для призрения престарелых имеются богадельни в г. Сызране при Вознесенском мужском и Сретенском женском монастырях, а также в г. Алатыре при Киево-Николаевском женском монастыре и Знаменской церкви, каковые богадельни состоят в ведении епархиального начальства. Убежище для детей обоего пола в г. Алатыре открыто и содержится на городские средства, каковых расходуется ежегодно свыше 2000 р. В течение года в убежище пользовалось призрением 15 мальчиков и 19 девочек [11, л. 303 об.].

В уездных городах Самарской губернии в этот период богадельни также были практически в каждом городе: в г. Бузулук богадельня с числом призреваемых 9 муж. и 26 жен.; в г. Николаевске призревалося 13 человек; в г. Новоузенске – 7; в г. Бугуруслане – 37 [9, 96].

В конце XIX-начале XX в., кроме богаделен и домов призрения, в уездных городах были распространены общества вспомоществования нуждающимся учащимся учебных заведений. В Пензенской губернии такие общества были почти во всех уездных городах: в г. Городище – общество вспомоществования бедным ученикам 3-классного училища; общество вспомоществования бедным ученикам мужского и женского приходских училищ; в Инсаре – общество вспомоществования нуждающимся ученицам женских учебных заведений; в Краснослободске – общество вспомоществования нуждающимся ученикам Духовного училища; в Наровчатке – общество вспомоществования ученикам городско-

го 3-классного училища [8, 220].

В. Н-Ломове общество для оказания помощи бедным ученикам городских училищ состояло из 39 членов, в том числе двух почетных и 37 действительных.

Благотворительными обществами практиковались такие акции, как спектакли, концерты, танцевальные вечера, лотереи-аллегри со сбором пожертвований на конкретную цель или просто для увеличения денежных средств. О крупных пожертвованиях в пользу обществ давалась информация в печати, а лица, их сделавшие, становились почетными членами соответствующего общества. Губернские ведомости обычно уведомляли своих читателей о всех готовящихся благотворительных акциях.

На рубеже XIX-XX вв. в городах России распространились общества трезвости, преследовавшие воспитательно-религиозные и просветительские цели. 20 декабря 1894 г. были образованы губернские и уездные попечительства о народной трезвости. Главной их задачей было наблюдение за правильностью производства пищевой торговли, проведение антиалкогольной пропаганды, организация досуга населения с целью отвлечения от потребления спиртных напитков. Для этого в губернии открывались дешевые чайные и столовые, читальни, библиотеки, воскресные школы и вечерние классы, проводились народные чтения, гуляния и развлечения, создавались духовые оркестры и хоры. Антиалкогольная пропаганда велась путем распространения плакатов антиалкогольной тематики. Их раздавали населению, вывешивали на стенах библиотек, читален, чайных и столовых. На воскресных чтениях штатные лекторы попечительства, в основном врачи и учителя, читали лекции, сопровождавшиеся показом картин через «волшебный фонарь».

В общества входили представители всех городских сословий. Вступающий в общество давал обет на определенный срок «не пить вина и ничего хмельного, а также не склонять к этому других, содействовать делу трезвости словом и трезвым примером своим». Эти зарок давались после молебнов в церкви. Вступающие тут же записывались в члены общества трезвости, уплачивали членские взносы от 25 коп. до 1 руб. в год. Некоторые общества трезвости проводили культурно-просветительную работу среди сельского населения. Самарский губернатор в отчете за 1895 г. писал: «К широким задачам, положенным в основу попечительства о народной трезвости, все отнеслись с полной симпатией. Привлечение в качестве членов попечительств к активной деятельности лица прилагают старания и последовательному сокращению пьянства в народе, уст-

ройство же попечительствами народных чтений, собеседований, читален и библиотек, является весьма сильным средством к поднятию умственного и нравственного развития крестьянского населения» [12, 5, 6].

В 1904 г. Общества трезвости действовали в Алатыре, Ардатове, Буинске, Карсуне, Курмыше, Сенгелее, Сызране, Городище, Инсаре, Саранске, Бугульме, Бузулуке, Новоузинске [2, 377].

Общество попечительства о народной трезвости часто становилось инициатором создания в городах и крупных селах Народных домов, которые создавались главным образом на пожертвования благотворителей и устраивались по типу клубов и традиционно соединяли в себе библиотеку, читальню, вечерние курсы для взрослых. Здесь же проводили лекции, чтения, спектакли, концерты. В Пензенской губернии первый Народный дом был построен в г. Мокшан в 1903-04 гг. «В отчетном году состоялось торжественное открытие в г. Мокшане народного дома, который представляет из себя прекрасное двухэтажное здание. Помимо торговли чаем в упомянутом доме еще производятся народные чтения, а также открыта в нем для всеобщего пользования библиотека и воскресная школа. Несмотря на такое кратковременное существование со дня открытия его, он уже принес громадную пользу населению, отвлекая народ от злоупотребления крепкими напитками и давая ему возможность проводить время более разумно, что достигается главным образом устройством спектаклей, народных чтений и отпуском книг на дом» [13, 14].

Осенью 1909 г. по инициативе попечительства о народной трезвости был открыт Народный дом в Керенске, а в 1914 г. в г. Городище и Чембаре. В 1910 в г. Н. Ломове открылся Народный дом, при котором имелись бесплатная библиотека, трезвый буфет, цветник, молодой сад, каток.

1 сентября 1895 г. на основании Именного Высочайшего указа в уездных городах стали создаваться Дома Трудолюбия. В Уставе Сызранского Попечительного о Домах Трудолюбия общества было записано, что общество учреждается с целью оказания помощи бездомным, выпущенным из больницы и не имеющим еще заработка, освобожденным из мест заключения по отбытии наказания и всем вообще, впавшим в крайнюю бедность, в предоставлении возможности заниматься честным трудом. Для достижения данной цели общество планировало открыть в Сызрани Дом Трудолюбия, в котором нуждающимся представлялась работа с необходимым для этого материалом и инструментом. Общество же принимало на себя и заботу о сбыте изделий,

изготавливаемых в доме трудолюбия. Средства общества составлялись из членских взносов, единовременных пожертвований, доходов от чтений, концертов, спектаклей, танцевальных и музыкальных вечеров, базаров, выставок и т.п., устраиваемых обществом. Управление делами общества возлагалось на Правление общества и общее собрание его членов [3, 26]. В 1904 г. дома трудолюбия работали в Бузулуке, Бугуруслане, Новоузенске [2, 373].

В конце XIX в. в уездных городах получили распространение и общественные организации взаимопомощи в хозяйственно-экономической деятельности, например, добровольческие пожарные дружины. В 1893 г. в России было создано Императорское Российское пожарное общество под председательством великого князя Владимира Александровича, которое ставило своей целью создание добровольных пожарных дружин во всех уголках России. В Саранске пожарное общество было организовано в 1899 г. по инициативе председателя уездной земской управы В.К. Лиленфельда [6, 400]. В нем состояло 50 почетных членов и свыше 70 действительных. Денежные средства общества складывались из разных источников. Так, в 1903 г. членских взносов собрано 230 руб., получено пособие Императорского Российского пожарного общества 300 руб., пожертвовано разными лицами 65 руб., передано распорядителями концерта А.А. Обуховой и В.Г. Дидакторовой 191 руб., выручено от продажи фотографических карточек пожарного общества 13 руб. [7, 6, 9].

В 1898 добровольные пожарные общества возникли в Алатыре, в конце 1899 г. Симбирске, Карсуне и Сенгилее. Возникновение пожарных обществ в городах поддерживали земства, «так как первый пример городов в этом новом общественном деле может служить образцом для распространения столь желательных организаций в селениях» [4, 48-48].

Одной из форм преодоления последствий пожаров было создание системы страхования имущества. В уездных городах в этот период широкое распространение получили общества добровольного взаимного страхования. Выгодную сторону этих обществ составляло то, что страхователь не должен был платить премии выше суммы действительных расходов и убытков, тогда как в акционерных компаниях он вносил еще некоторую сумму в пользу акционеров в качестве дивиденда. Кроме того, при взаимном страховании легче было избежать убытков, происходящих от злоупотреблений, например, в виде слишком высокой оценки или даже поджогов, ибо все заинтересованные люди наблюдали друг за другом.

К организациям взаимопомощи в экономической жизни относились общества потребителей, открывавшие свои торговые точки, чтобы составить конкуренцию частным торговцам и торгующим организациям. Как правило, в уездном городе организовывалось одно-два общества потребителей. В Краснослободске существовало одно общество потребителей, к 1 января 1902 г. в нем было 126 человек, оборотный капитал общества составлял 3578 руб. и запасный – 22 руб. В Саранске к 1 января 1902 г. существовало одно общество потребителей. В него входило 287 членов, оборотный капитал достигал 11096 руб., запасный – 708 руб. [6, Л. 286, 370] И. 138. Л. 286, 370.

В уездных городах получили распространение и ссудо-сберегательные кассы. Они помогали своим членам хранить сбережения, выгодно их вкладывать, получать в ссуду необходимые для торговых и промышленных оборотов капиталы и т.д. Иногда особо нуждающимся предоставлялись безвозвратные денежные пособия. В уездных городах Симбирской губернии было 7 ссудо-сберегательных касс (в Карсуне – 2, Сенгилее – 2, Сызране – 3); Пензенской – 10 (Городище – 2, Инсаре – 2, Краснослободске – 3, Н. Ломове – 1, Саранске – 2); Самарской – 8 (Бугульме – 3, Бугуруслане – 2, Бузулуке – 3) [2].

Другим видом объединений в городах были различные общества по интересам, любительским или профессиональным (краеведческие, агрономические, коневодческие, спортивные и др.). Все они имели свой устав, кассу, иногда библиотеку. Общества врачей и краеведов на своих собраниях заслушивали сообщения на профессиональные темы; сельскохозяйственные общества, состоявшие в основном из помещиков и крепких хозяев – крестьян с хуторов, устраивали выставки плодов, продуктивного скота, лошадей. Имели распространение и любительские кружки – театральные, литературно-художественные. Вся эта сфера общественной деятельности не была обширна, однако имела широкий общественный резонанс, поскольку несла просвещение и культуру в массы горожан и населения ближайшей сельской округи.

Сельскохозяйственные общества являлись добровольными объединениями, цели которых служили интересам местного сельского хозяйства, а их деятельность была очень разнообразной. Она заключалась, с одной стороны, в решении практических вопросов (распространение тех или иных культурных растений, пород домашних животных, земледельческих орудий и т. п.), а с другой – в насаждении среди населения сельскохозяйственных знаний путем издания отдельных сочинений сельскохозяйственного со-

держания. Среди уездных городов Пензенской губернии выделялся Саранский отдел московского сельскохозяйственного общества; Самарской – Бугурусланский отдел московского сельскохозяйственного общества; Бугульминское и Бузулукское сельскохозяйственные общества; Бугульминский отдел российского общества сельскохозяйственного птицеводства.

Постепенно в уездных городах стали возникать и просветительные общества, вносящие значительный вклад в культурную жизнь уездных городов. В 1904 г. с целью просвещение городского населения и пропаганды искусства было создано Саранское общество любителей изящных искусств. В него входили учителя, служащие городской управы, члены семей владельцев слесарных мастерских и мелких промышленных предприятий. Оно распространяло книги среди населения, организовывало музыкальные и танцевальные вечера, выступления городского струнного ансамбля и духового оркестра 180-го пехотного Виндавского полка, создавало хоры, драматические коллективы, небольшие библиотеки в мастерских и на предприятиях. Драматический коллектив общества ставил в основном произведения русской классики, а в дальнейшем был преобразован в любительский театр, вошедший в организованный профессиональный театр. Подобного рода общества создавались в каждом уездном городе: в Керенске – Общество Музыкального драматического Собрания, в Н.-Ломове – Музыкальный драматический кружок, Саранске – Медицинское Общество, [8, 222] Карсуне – общество любителей сценического искусства.

В общественной жизни уездных городов большую роль играла церковь. Уже сам церковный приход можно рассматривать как общественную организацию верующих. Другой формой религиозных обществ являлись братства, создаваемые обычно для миссионерских целей. В 1896 г. отделения симбирского духовно-просветительного братства Трех Святителей, главная задача которого заключалась в распространении в народе грамотности и религиозно-нравственного просвещения в духе православной церкви, были открыты в Алатыре, Карсуне, Сенгилее.

Подводя итог, можно констатировать, что в конце XIX-начале XX в. жители уездных городов активно включались в процесс создания общественных организаций. Первостепенная роль принадлежала благотворительным учреждениям, которые были во всех уездных городах. Но при этом необходимо учитывать тот факт, что часто в силу жесткой централизации власти инициатива создания подобного рода организаций

исходила из центра. Поэтому на практике оказывалось, что деятельность многих общественных объединений не могла быть свободной и независимой. Тем не менее, значительный слой русской культуры, в том числе и общественных организаций, развивался вне государственной поддержки — в основном за счет меценатства. Основная заслуга учреждений, основанных на общественной инициативе, заключалась в том, что они способствовали становлению гражданского общества. И городу в этом процессе принадлежала важная роль.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Голиченко Г.Н. Благотворительный комитет города Саранска. 1894 – 1917 // Исторические и политические науки в контексте современной культурной традиции. -Саранск, 1999. С. 243-249.
2. Города России в 1904 году. СПб, 1906. Т. 3. Губернии срединные и юга Европейской равнины.
3. Государственный архив Ульяновской области (далее ГАУО). Ф.76. Оп. 1. Д. 337.
4. Журнал Симбирского Губернского Земского собрания очередной сессии 1899 года. Симбирск, 1900.
5. Красовский В.Э.. Столетие города Сенгилея (краткий исторический очерк). Симбирск, 1902.
6. Научный архив государственного учреждения научно-исследовательского института гуманитарных наук (далее НА ГУНИИ ГН) – И. 138.
7. Отчет Саранского пожарного общества за 1903 г. Саранск, 1904.
8. Памятная книжка Пензенской губернии 1911-1912 гг. Пенза, 1911.
9. Памятная книжка Самарской губернии на 1902 г. Самара, 1901.
10. Петерсон Г.Н. Странички старины. Саранск, 1993.
11. Российский государственный исторический архив (далее РГИА). Ф. 1282. Оп. 3. Д. 332.
12. РГИА. Научно-справочная библиотека (далее НСБ), коллекция печатных записок № 2870. Всеподданнейший отчет Самарского губернатора за 1895 г.
13. РГИА. НСБ. Коллекция печатных записок. № 2856. Всеподданнейший отчет Пензенского губернатора за 1904 год.

УДК 947(470.55/.58)

Ковылин Д.А.

ПРОМЫСЛОВЫЕ КООПЕРАТИВЫ НА ТЕРРИТОРИИ СИБИРСКОГО КАЗАЧЬЕГО ВОЙСКА В КОНЦЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВЕКА *

Аннотация. В статье раскрываются особенности развития промысловой кооперации на территории Сибирского казачьего войска во второй половине XIX–начале XX века. Анализируются основные направления работы кооперативов, значение их деятельности. Автор приходит к выводу, что казачество Сибири сыграло заметную роль в зарождении и развитии кооперативного движения, что особенно проявилось в деятельности промысловых кооперативов.

Ключевые слова: промысловая кооперация, кооперативное движение, Сибирское казачье войско, военный отдел, промысловая артель, товарищество, казачья станица.

D. Kovylin

SMALL PRODUCERS' COOPERATIVES IN THE TERRITORY OF SIBERIAN COSSACK ARMY DURING THE SECOND HALF OF THE XIXTH – THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Abstract. The article reveals the features of producers' cooperation development in the territory of Siberian Cossack Army during the second half of the XIXth – the beginning of the XXth century. The main areas of cooperation and the significance of cooperative activity are analysed. The author reaches the conclusion that the Cossacks of the Siberia played an important role in arising and growth of cooperative movement, which especially showed itself in the producers' cooperatives activities.

Key words: small producers' cooperation, cooperative movement, Siberian Cossack Army, military division, small producers' artel, association, Cossack village.

С начала XX в. кооперация, опиравшаяся во многом на крестьянскую общину, развивалась как бы вопреки проводившейся Столыпинской аграрной реформе, противопоставляя свой самобытный путь попыткам внедрить прусский или американский.

В связи с этим особый интерес представляет вопрос о кооперативном движении на казачьих территориях, на которые Столыпинская реформа «не распространялась и не могла оказать решающего влияния на формирование фермерских элементов» [1, 74]. Предпринимательский элемент

среди казачьих хозяйств дореволюционного периода имел место, но доминировало общинное землевладение казаков (при сохранении помещичьего и офицерского казачьего землевладения)[2, 296].

Известный историк казачества начала века Ф.А.Щербина характеризовал казачьи войска как «громадную земельную общину» и отмечал, что «народный обычай был неумолимым блюстителем общинных интересов... казачества» [3, 296].

Высокими темпами кооперативное движение начало охватывать казачьи земли по всей России после 1905 г. Так, например, кооперация приобрела крупную роль в хозяйственном развитии станиц Сибири.

Возникновение первых промысловых кооперативов в Сибири на территории Сибирского казачьего войска относится к началу 80-х годов XIX века. Наиболее широкое распространение и стремительное развитие промысловая кооперация в указанном регионе получила именно на территории казачьего войска.

Согласно архивным данным, одними из первых возникли молочные и маслодельные артели. В первом военном отделе Сибирского казачьего войска к 1882 г. действовало 5 маслодельных артелей, в которых работали 235 человек, во втором – 4 артели с числом работающих 215, в третьем отделе было 2 артели, в них трудились 119 человек. В первом военном отделе на 1 января 1882 г. работало 6 молочных артелей, во втором – 3, в третьем – 21. Число работающих в них на этот момент составило соответственно 232, 182 и 104 человека².

В казачьих станицах успешно развивались такие кооперативные производства, как гончарное, кузнечное, мыловаренное, столярное, слесарное, мебельное. На территории первого военного отдела к январю 1882 г. существовало 3 артели, занимавшихся гончарным производством, число работающих в них составляло 139 человек; на территории второго – 4 артели, в которых трудились 187 кооператоров; третьего – 3 гончарные артели с 114 работающими³. В ряде казачьих станиц Сибири налаживалось кузнечное производство. Первые кузнечные артели возникли в станицах Вознесенской, Архангельской и других. К январю 1883 г. в первом военном отделе действовало 5 кузнечных артелей, в которых были заняты 219 человек, во втором – 4 артели с числом работающих – 158 человек, в третьем – 3 артели со 138 работающими.

Столярным производством в первом военном отделе занимались 6 артелей, во 2-ом – 4, в 3-ем – 5. Всего столярным производством в казачьих кооперативах было задействовано 594 человек⁴.

В 90-е годы XIX века на территории Сибирского казачьего войска начинали создаваться не

* © Ковылин Д.А.

только артели, но и более крупные объединения – промышленные товарищества и общества. При товариществах и обществах организовывалась производственная деятельность по различным направлениям. Первое промышленное общество на территории Сибирского казачьего войска было основано 12 февраля в станице Николаевской. Численность людей, занятых в обществе, составила на момент открытия 245 человек, в том числе 207 казаков. При обществе организовали мыловаренное, столярное, клееварное, мебельное производство. Общество открыло свои действия на основании приказа Наказного атамана Сибирского казачьего войска С.В. Рябкова о разрешении действий общества по ходатайству учредителей, утвержденному атаманом второго военного отдела Булычевым⁵. Учредителями выступали жители станицы Николаевской, в основной своей массе казаки, но среди них были и представители интеллигенции – учителя (3 человека), врачи (2 человека), ветеринарный фельдшер и даже священник.

На первом общем собрании Николаевского промышленного общества председателем правления был избран атаман Николаевской станицы А.П. Григорьев. На собрании было отмечено, что общество создано с целью организации совместной трудовой деятельности и объединения различных мелких производителей. Председатель правления в своем выступлении сказал, что «только совместными усилиями можно добиться желаемых результатов». Общее собрание созывалось не реже трех раз в год, а в случае необходимости созывались чрезвычайные собрания. Выборы председателя правления проходили на общем собрании, осуществлялись путем прямого тайного голосования на альтернативной основе (обычно выдвигались 3 кандидатуры).

В Обществе принимались лица обоего пола, не моложе 18 лет, проживающие в станице Николаевской или в ближайших поселках, независимо от национальности, сословия, имущественного положения и других обстоятельств, что в дальнейшем было отражено в Уставе Общества, принятом в 1894 г.

На общем собрании Общества, состоявшемся 17 мая 1891 г., одной из основных задач было определено обеспечение регулярного снабжения населения Николаевской станицы и семи близлежащих поселков хлебом. Уже в июне 1891 г. в станице открыли пекарню, снабжение хлебом стало осуществляться регулярно⁶.

В 1897 г. в Николаевском промышленном Обществе работало 498 человек, из них 386 – казаков. При Обществе создавались новые производства, заметно пополнялись его ряды. 25 марта 1895 г. в станице Николаевской состоялось открытие кирпичного завода – первого кооперативного

завода в казачьих станицах Сибири. Разрешение к открытию кирпичного завода было дано Наказным атаманом Сибирского казачьего войска С.В. Рябковым⁷.

На 1 января 1899 г. в первом военном отделе действовало 2 промышленных товарищества, во втором – 4 промышленных товарищества и 1 промышленное общество, в третьем – 1 промышленное товарищество. Всего к началу 1899 г. на территории Сибирского казачьего войска работало 7 промышленных товариществ и 1 промышленное общество с числом работающих 2035 человек, из них казаков – 1892⁸. В казачьих станицах успешно функционировали строительные артели, занимавшиеся строительством жилых домов, надворных построек, административных зданий. К началу 1899 года на территории первого военного отдела насчитывалось 3 строительные артели, второго – 4, третьего – 2. Всего на территории Сибирского казачьего войска в указанный выше период действовало 9 строительных артелей с числом работающих 512 человек. Всего за 1899 г. строительными артелями было построено 189 жилых домов, 246 надворных построек и 19 административных зданий⁹.

С начала XX в. на территории Сибирского казачьего войска продолжало быстрыми темпами развиваться молочное и маслоделательное производство. К началу 1902 г. на территории первого военного отдела насчитывалось 9 молочных артелей, второго отдела – 5, третьего – 6. Всего в казачьих станицах Сибири работало 20 молочных артелей с числом работающих 1340 человек. В их распоряжении было 8160 дойных коров. Молочным артелями за 1902 г. было реализовано и сдано на продажу 612300 литров молока на сумму 160500 рублей. Также за 1902 г. было изготовлено и реализовано 32500 литров сметаны на сумму 11300 рублей. Всего в этот период на территории Сибирского казачьего войска действовало 19 маслоделательных артелей с числом работающих 1788 человек, из них казаков – 1560 человек. При артелях и промышленных товариществах функционировало к началу 1902 г. 11 маслоделательных и 5 сыроваренных заводов. Кооперативные заводы, в том числе и маслоделательные, создавались в казачьих станицах по инициативе атаманов казачьих станиц или военных отделов, об этом свидетельствуют их соответствующие приказы и распоряжения¹⁰. Это говорит о том, что атаманы Сибирского казачьего войска не только не препятствовали, но и активно способствовали развитию промысловой кооперации в казачьих станицах, являлись непосредственными участниками кооперативного движения.

Первые кооперативные маслоделательные заводы в Сибири появились в станицах Акмолинс-

кой, Александровской, Степановской, Ореховской, Таврической и других. За 1902 г. маслоделательными кооперативами станиц было выработано 1160 тонн сливочного масла, в ходе его реализации кооператоры выручили 323250 рублей. К началу 1905 г. в станицах Сибирского казачьего войска успешно работали уже 25 молочных артелей, в которых трудились 1988 человек, в том числе 1710 казаков. Всего за 1905 г. ими было реализовано 315500 литров молока на сумму 245400 рублей, сметаны – 64300 литров на сумму 23200 рублей¹¹. На 1 января 1906 г. на территории Сибирского казачьего войска действовало 28 маслодельных артели с числом работающих 2250 человек, из них 1711 – казаки. К 1910 г. в Сибирском казачьем войске находилось 19 молочных артелей с числом работающих 1876 человек, из них – 1560 казаков. Всего в 1910 г. было реализовано 1150 тыс. литров молока на сумму 336 тыс. 800 рублей; изготовлено и реализовано сметаны 14200 литров на сумму 56300 рублей¹².

К началу 1910 г. на территории Сибирского казачьего войска было уже 39 маслодельных артели, на которых трудились 2062 казака (общее число работающих – 2700 человек). На 1 января этого же года на территории войска при промышленных обществах, товариществах и артелях работало 44 маслодельных и 12 сыроваренных заводов. Всего ими в 1910 году было произведено 6150 тонн сливочного масла, от его реализации кооператоры выручили 2052135 рублей. Количество произведенного сыра в казачьих станицах Сибири составило 329 тонн, его было реализовано на сумму 286700 рублей¹³.

В 1910 г. в Омске был образован Союз молочных артелей, который первоначально включил в себя 29 молочных артелей с числом работающих 2115 человек, из них 1615 казаков. В Союз входили все молочные артели, действовавшие в то время на территории Сибирского казачьего войска. Союз молочных артелей был организован по инициативе казаков, о чем свидетельствуют заявленные ими ходатайства.

Деятельность молочных артелей регламентировалась Уставом Союза молочных артелей, а также уставами молочных артелей. Руководство молочными артелями осуществляло Правление Союза. Председателем правления Союза молочных артелей был избран атаман первого военного отдела Сибирского казачьего войска А.И. Иванов. К 1913 г. в Союзе насчитывалось 38 молочных артелей с 2912 работниками, а к 1914 г. – 45 и 3425 соответственно.

В 1912 г. молочными артелями казачьих станиц Сибири было сдано на переработку 2150 тыс. литров молока; в 1913 г. – 3530 тыс. литров; в 1914 – 5150 тыс. литров. Выручка соответственно соста-

вила 290 тысяч рублей, 445 тысяч и 641500 рублей. Росло и производство сметаны. В 1913 г. было изготовлено и реализовано 67400 литров сметаны на сумму 26400 рублей, в 1914 г. – 78300 литров на сумму 36400 рублей¹⁴.

К 1913 г. число маслодельных заводов достигло 56, а к 1914 г. – 62, с числом работающих соответственно 6300 и 7215 человек. Всего к 1913 г. ими было произведено 15550 тонн сливочного масла, в ходе его продажи кооперативы выручили 5430000 рублей¹⁵. Маслодельные артели заключали договоры о поставке масла с различными организациями, в том числе потребительскими обществами. Масло, произведенное кооперативами Сибири, отличалось высоким качеством и поставлялось не только в различные регионы России, но и за границу. В 1913 г. было вывезено за пределы Сибири 5200 тонн сливочного масла, что составило примерно треть от общего объема произведенной продукции, в том числе 1720 тонн за границу. В 1913 г. за пределы Сибири отправлено по железной дороге 240 вагонов сливочного масла, изготовленного кооперативными объединениями казачьих станиц Сибири¹⁶. Кооперативное маслоделие развивалось в Сибири весьма успешно, оно значительно преобладало над частным маслодельным производством. К 1913 г. 80% всего масла, производимого в Сибири, выпускалось кооперативами на территории Сибирского казачьего войска. Более 70% маслодельных и сыроваренных заводов были кооперативными и находились в казачьих станицах¹⁷. В 1913 г. здесь было произведено 90,2 тонны сыра, в результате реализации которого выручили 95300 рублей. Сыр продавался не только в различных регионах России, его вывозили и за границу. Всего в 1913 г. за пределы Сибири было вывезено 35200 тонн сыра, что составило примерно 40% выпущенной продукции¹⁸.

В Сибири, особенно после событий 1905-1907 гг. стремительно развивались и другие виды кооперативных промыслов и промышленных производств.

В период с 1905 по 1917 гг. на территории Сибирского казачьего войска был создан ряд новых промысловых кооперативных объединений. К 1910 г. в первом военном отделе насчитывалось 9 промышленных обществ и 14 промышленных товариществ. Всего к январю 1910 г. в Сибирском казачьем войске действовали 17 промышленных обществ и 26 промышленных товариществ; во втором – 1 промышленное общество и 7 промышленных товариществ; в третьем – 2 промышленных общества и 5 промышленных товариществ. Всего к январю 1910 г. в Сибирском казачьем войске действовало 17 промышленных обществ и 26 промышленных товариществ. Общая численность

людей, занятых в промышленных обществах и товариществах на 1 января 1910 г. составила 10200 человек, из них казаков 8440¹⁹. К 1913 г. в Сибирском казачьем войске работало 18 промышленных обществ и 35 товариществ, в них трудились 11800 человек, в том числе 11412 казаков²⁰. Характерной особенностью развития промысловой кооперации в Сибири было стремительное развитие не только мелкой кустарной промышленности и различных промыслов, но и крупной промышленности. На территории Сибирского казачьего войска появляется ряд кооперативных заводов и фабрик различных направлений деятельности. К 1910 году в казачьих станицах Сибири действовало 7 кирпичных заводов с числом работающих 385 человек.

Успешно развивалось мебельное производство. В январе 1910 года на территории Сибирского казачьего войска находилось 5 мебельных фабрик, к 1913 г. – уже 8, на них трудились 545 человек²¹.

Заводы и фабрики открывались по инициативе активных участников кооперативных объединений. Для открытия кооперативных заводов и фабрик требовалось разрешение Наказного атамана Сибирского казачьего войска. Атаманы военных отделов осуществляли контроль за деятельностью кооперативных заводов и фабрик и ежегодно представляли отчет об их работе. В апреле 1910 г. в станице Акмолинской при Акмолинском промышленном обществе на основании приказа атамана Сибирского казачьего войска генерал-лейтенанта Сухомлинова от 15 марта 1910 г. был открыт цементный завод. К 1913 г. в Сибирском казачьем войске действовали 9 цементных заводов. К этому времени цементные заводы возникли в станицах Николаевской, Павловской и других. В 1910 г. кооперативные заводы Сибири произвели 36 тонн цемента, в 1913 – 76,8 тонн.

Развивалось мыловаренное производство. В 1910 г. в Сибирском казачьем войске работали 10 мыловаренных заводов, на которых трудились 1120 человек, в 1913 г., соответственно, 13 и 1326²². Уже в конце XIX в. во втором военном отделе Сибирского казачьего войска появились первые консервные заводы – к концу 1899 г. их было 3. Позднее консервные заводы возникли и в других отделах войска, к 1910 г. их общая численность по казачьим станицам составила 10, а к 1913 г. – 16, с 1730 работниками.

Широкое распространение получило и ткацкое производство. Первая ткацкая кооперативная фабрика была открыта в первом военном отделе в станице Омской в октябре 1902 г., к 1903 г. на ней работало 112 человек. К 1910 г. в казачьем войске действовали 13 ткацких фабрик, на них трудились 1295 человек. В январе 1913 г. число ко-

оперативных ткацких фабрик достигло 18, с 2310 работниками²³.

На территории Сибирского казачьего войска на высоком уровне находилось производство кондитерских изделий. Первая кондитерская фабрика была открыта в марте 1908 г. в третьем военном отделе в станице Вознесенской. По ходатайству активных участников промышленного общества его утвердил атаман военного отдела С.И. Никитин, и, согласно приказу Наказного атамана Сибирского казачьего войска, генерал-лейтенанта Сухомлинова, фабрика начала свою работу. Позднее кондитерские фабрики были созданы в станицах Акмолинской, Петропавловской и других. На 1 января 1913 г. в казачьих станицах Сибири существовало 8 кондитерских фабрик с числом работников 957 человек. Всего за 1913 г. кооперативами Сибири было изготовлено 23,7 тонн печенья, 17,6 тонн пряников²⁴. Наиболее высокой производительностью и качеством продукции отличалась кондитерская фабрика в станице Акмолинской, о чем свидетельствуют отчеты о деятельности промышленного общества, а также и о деятельности фабрики, предоставленные атаманом первого военного отдела полковником Воронцовым²⁵. Атаманы военных отделов ежегодно представляли отчет о деятельности заводов и фабрик на их территории Наказному атаману Сибирского казачьего войска. Открытие кооперативных заводов и фабрик на территории Сибирского казачьего войска допускалось только с разрешения Наказного атамана Сибирского казачьего войска, об этом говорят соответствующие приказы и распоряжения, а также переписка Наказного атамана с атаманами военных отделов и атаманами казачьих станиц, в которой шла речь о необходимости создания заводов и фабрик, а также о различных проблемах и вопросах, которые возникали в связи с их организацией и дальнейшей работой.

При Вознесенском промышленном обществе в 1913 г. на территории Сибирского казачьего войска, на основании приказа Наказного атамана казачьего войска генерал-лейтенанта Сухомлинова был открыт первый в Сибири кооперативный металлургический завод. На нем к июлю 1913 г. трудилось 135 человек. К концу 1913 г. на данном заводе производили 32 тонны стали, 42 тонны чугуна, в 1914 г. – 47 тонн стали и 60 тонн чугуна²⁶.

В казачьих станицах было распространено кооперативное пчеловодство. В 1910 г. пчеловодством занимались 12 артелей с 756 работниками, в 1913 г. – 17 артелей с 1215 трудившимися на них, в 1916 г. число артелей выросло до 23, на них работали 1740 человек. Всего в 1910 году данными артелями было собрано 14,2 тонн меда, реализованного на сумму 18600 рублей, в 1913 г. – 24, 3 тонны на сумму 31300 рублей, в 1916 г. – 33,3 тонны на

42300 рублей.

Уже с 80-х годов XIX в. в Сибирском казачьем войске работали 4 рыболовецкие артели с числом работников 258 человек; к 1900 г. – 10 артелей с числом работников 712 человек; в 1910 – 15 с 1045 работающими, в 1913 г. эти цифры возросли соответственно до 20 и 1350. В 1910 г. было реализовано 85 тонн рыбы на сумму 38000 рублей, в 1913 – 120 тонн на сумму 56300 рублей²⁷.

По мнению работников губернского статистического комитета Акмолинской области, а также атаманов военных отделов Сибирского казачьего войска, большое значение в экономической жизни Сибири имели рыбный и охотничий промыслы, а также сбор кедрового ореха и ягод. К 1913 г. на территории Сибирского казачьего войска охотой на зверя занимались 20 артелей, 13 артелей – охотой на птиц. Общее число людей, занятых в охотничьих кооперативах, составило на 1 января 1913 года 1978 человек. В 1913 г. по доходности промысел зверя составил около 10000 рублей за 30000 штук, а птицы – 12000 рублей за 45 тысяч штук.

Сбором кедрового ореха и ягод к 1913 г. занимались 12 артелей с 715 работающими. В 1913 г. ими было собрано около 15000 пудов ореха и ягод на сумму 25 тыс. рублей²⁸.

В годы Первой мировой войны, несмотря на трудности, в Сибири продолжалось развитие промысловой кооперации. Возникали новые кооперативные объединения, новые виды производств, совершенствовали свою деятельность уже существующие промыслы и крупные кооперативные промышленные предприятия, заметно пополнялись ряды кооперативных объединений. К 1916 г. на территории Сибирского казачьего войска существовало 20 промышленных обществ и 42 промышленных товарищества с числом работающих 16500 человек, из них – 13360 казаков; к 1917 г. – 23 промышленных общества и 48 товариществ, общее число участников составило 18900 человек, из них казаков – 15120 человек²⁹.

Как и во многих других регионах, перед кооперативами Сибири (в том числе промысловыми) была поставлена первоочередная задача – оказывать помощь фронту и правильно организовывать работу в тылу – об этом говорил Наказной атаман Сибирского казачьего войска генерал-лейтенант Сухомлинов в своем обращении к участникам кооперативных объединений, которое зачитывалось на общих и чрезвычайных собраниях.

В Сибирском казачьем войске по приказу Наказного атамана Сухомлинова (приказ № 147 от 12 августа 1914 г.) было создано оружейное кооперативное производство. Уже к концу 1914 г. в казачьих станицах Сибири работало 3 оружейных завода, на них трудились 695 человек, и 2 оружейные мастерские с 27 работниками. К январю 1917

г. на территории казачьего войска работало 7 оружейных заводов с числом работников 1655 человек³⁰. Первый оружейный кооперативный завод был создан в сентябре 1914 г. в станице Омской, к концу 1914 г. возникли оружейные заводы в станицах Акмолинской и Вознесенской. Руководство оружейными кооперативами Сибири осуществляли атаманы военных отделов, они являлись их непосредственными руководителями. Наказной атаман Сухомлинов регулярно (через каждые два месяца) представлял отчеты о деятельности оружейных кооперативов в военное министерство³¹.

В 1913 г. в казачьих станицах Сибири организовали артели, занимавшиеся производством обмундирования и погон. Всего данным производством к сентябрю 1913 г. занималось 8 артелей с 513 работниками, а к 1917 г. – 14 артелей с 1045 работниками. Контроль за данным производством был возложен на офицеров Сибирского казачьего войска. Всего с 1914 по 1916 гг. артели изготовили обмундирование и погоны для 127 тыс. человек³².

К 1917 г. на территории Сибирского казачьего войска действовало 78 маслодельных заводов. В 1916 г. ими было изготовлено 32560 тонн сливочного масла, реализованного на сумму 12530000 рублей. В казачьих станицах Сибири в начале 1917 г. работало 44 кирпичных заводов, 7 цементных заводов, 10 консервных заводов, 9 мыловаренных заводов, 12 мебельных фабрик, 7 кондитерских фабрик, 5 металлургических заводов. Были созданы две кооперативные обувные фабрики – в станицах Николаевской и Вознесенской³³. Кроме производственной деятельности, кооперативы занимались культурно-просветительской работой. Одной из задач, поставленной перед кооперативами, была ликвидация неграмотности среди участников кооперативных объединений и среди местного населения. В большинстве промышленных обществ и товариществ создавались культурно-просветительские отделы, их обычно возглавляли представители интеллигенции, чаще всего учителя. Работа по ликвидации неграмотности имела ощутимые положительные результаты: если в 1905 г. в промысловых кооперативах на территории Сибирского казачьего войска неграмотными были 30% работников, то к началу 1916 г. осталось 5%³⁴.

При кооперативах создавались клубы, в них проводились различные мероприятия, беседы, развивалась творческая самодеятельность. Атаманы казачьих станиц, военных отделов, а также Наказной атаман Сибирского казачьего войска поддерживали культурно-просветительскую работу, особенно по ликвидации неграмотности, объявляли благодарность за активное участие в культурно-просветительской деятельности. Однако открытие типографий при кооперативных

объединениях Наказным атаманом Сибирского казачьего войска не разрешалось, об этом свидетельствуют отказы, изложенные в письменном виде в ответ на ходатайства по данным вопросам³⁵. Промысловые кооперативы проявляли заботу о своих работниках, а также о местном населении. Работникам кооперативов регулярно выплачивалось жалование. Минимальный его размер составлял 12 рублей, а средний 33 рубля. Кроме жалования, за успехи в работе и активное участие в деятельности кооператива, выплачивалась премия, а также в конце года дополнительное жалование (в размере заработка за месяц). Нуждающимся членам кооператива в необходимых случаях (болезнь, потеря кормильца, увечье и т.д.) оказывалась материальная помощь. Размеры устанавливались индивидуально по мере необходимости³⁶. В годы войны промысловыми кооперативами оказывалась материальная помощь фронту и семьям ушедших на фронт. Всего с 1914 по 1916 гг. промышленными кооперативами казачьих станций Сибири на оказание помощи фронту было выделено 157400 рублей, а на оказание помощи семьям ушедших на фронт – 212500 рублей³⁷.

Промысловые кооперативы Сибири охватывали значительную часть населения региона. Согласно архивным данным, в промышленных обществах, товариществах и артелях казачьих станций Сибири на 1 января 1910 г. было занято 24200 человек; к 1914 г. – 33256 человек; к началу 1917 г. – 39312. Примерно 80% из них – 31560 человек – были казаками, но среди участников промысловых кооперативных объединений были и представители других сословий – крестьяне, мещане, представители интеллигенции – учителя, врачи, инженеры, агрономы, экономисты. Среди участников промысловых кооперативов к 1917 г. было 2150 офицеров Сибирского казачьего войска.

Национальный состав кооперативов был разнообразен, при преобладании русских (81%) среди участников промысловых кооперативов были и представители других национальностей, в том числе казахи – 12%, киргизы – 5%, другие – 2%.

Среди работающих в промысловых кооперативах Сибири 78% составляли мужчины, 22% – женщины. Возраст работников промысловых кооперативов был различным: 48% – от 25 до 40 лет, 23% – от 16 до 25 лет, 29% – от 40 лет и старше³⁸.

Согласно архивным данным, промысловые кооперативы, которые находились на территории Сибирского казачьего войска, составляли 53% всего промышленного производства Сибири. Кооперативные заводы и фабрики, работавшие в казачьих станицах, составляли 44% всех заводов и фабрик Сибири³⁹. Это говорит о том, что промысловая кооперация на территории Сибирского

казачьего войска сыграла важную роль в экономическом развитии региона и активно способствовала развитию промышленности.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Исторический архив Омской области (далее – ИАОО). Ф.67. Оп.2. Д.13. Л.58-62.
2. ИАОО. Ф.67. Оп.2. Д.13. Л.58-62.
3. ИАОО. Ф.20. Оп.3. Д.112. Л.250-256.
4. ИАОО. Ф.20. Оп.1. Д.15. Л.30-36.
5. ИАОО. Ф.20. Оп.2. Д.36. Л.115-120.
6. ИАОО. Ф.20. Оп.1. Д.78. Л.80-86.
7. ИАОО. Ф.69. Оп.1. Д.49. Л.190-196.
8. ИАОО. Ф.69. Оп.2. Д.112. Л.50-52.
9. ИАОО. Ф.69. Оп.2. Д.112. Л.52-56.
10. ИАОО. Ф.69. Оп.3. Д.21. Л.180-182.
11. ИАОО. Ф.69. Оп.3. Д.251. Л.180-188.
12. ИАОО. Ф.107. Оп.1. Д.18. Л.150-156.
13. ИАОО. Ф.104. Оп.2. Д.33. Л.80-86.
14. ИАОО. Ф.104. Оп.2. Д.33. Л.168-172.
15. ИАОО. Ф.104. Оп.2. Д.39. Л.40-44.
16. ИАОО. Ф.307. Оп.1. Д.1. Л.112-118.
17. ИАОО. Ф.307. Оп.1. Д.2. Л.100-108.
18. ИАОО. Ф.307. Оп.2. Д.18. Л.200-206.
19. ИАОО. Ф.304. Оп.1. Д.32. Л.120-130.
20. ИАОО. Ф.307. Оп.2. Д.36. Л.110-120.
21. Российский государственный военно-исторический архив (далее – РГВИА). Ф.752. Оп.1. Д.17. Л.140-144.
22. РГВИА. Ф.752. Оп.1. Д.18. Л.30-36.
23. ИАОО. Ф.60. Оп.1. Д.110. Л.130-140.
24. ИАОО. Ф.60. Оп.1. Д.110. Л.45-48.
25. ИАОО. Ф.143. Оп.1. Д.35. Л.190-194.
26. ИАОО. Ф.67. Оп.1. Д.33. Л.260-266.
27. ИАОО. Ф.67. Оп.1. Д.35. Л.30-38.
28. ИАОО. Ф.67. Оп.2. Д.195. Л.63-65.
29. ИАОО. Ф.67. Оп.2. Д.197. Л.20-26.
30. ИАОО. Ф.67. Оп.2. Д.253. Л.72-76.
31. ИАОО. Ф.67. Оп.2. Д.33. Л.34-40.
32. ИАОО. Ф.67. Оп.3. Д.17. Л.82-86.
33. ИАОО. Ф.67. Оп.3. Д.45. Л.152-158.
34. ИАОО. Ф.67. Оп.3. Д.51. Л.210-216.
35. ИАОО. Ф.67. Оп.1. Д.75. Л.212-216.
36. ИАОО. Ф.104. Оп.1. Д.36. Л.200-224.
37. ИАОО. Ф.104. Оп.1. Д.48. Л.130-136.
38. ИАОО. Ф.104. Оп.1. Д.42. Л.200-206.
39. ИАОО. Ф.104. Оп.1. Д.43. Л.62-66.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Футорянский Л.И. Казачество России на рубеже веков. Оренбург, 1997. С. 74.
2. Проблемы истории казачества. Волгоград, 1995. С. 296.

КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМ И МАСОНСТВО: СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА*

Аннотация. В статье предпринимается попытка сравнительной характеристики наиболее влиятельных течений общественной мысли 2-ой половины XVIII – 1-ой четверти XIX вв. – конституционализма и масонства. Автор анализирует их особенности, прежде всего, с точки зрения решения проблемы реформирования общества и отношения к личности. Выявляются общие черты и различия (основные принципы и цели, терминология, персональный состав и т.д.). В заключение делается вывод, что у конституционализма и масонства больше точек соприкосновения, чем различий.

Ключевые слова: конституционализм, масонство, общественная мысль, реформирование, экуменизм.

V. Zakharov

CONSTITUTIONALISM AND FREEMASONRY:
COMPARATIVE CHARACTER.

Abstract. This article is about the comparative character of Constitutionalism and Freemasonry – one of the main currents of public conception at the second part of XVIII – first quarter of XIX century. The author analyses similarities and differences of their theories.

Key words: constitutionalism, freemasonry, social thought, comparative.

Конституционализм и масонство являются одними из наиболее влиятельных течений мировой общественной мысли XVIII – XIX вв., оказавших значительное влияние на развитие европейской цивилизации. Их изучению посвящен огромный массив научной литературы. Однако до сих пор в историографии фактически не предпринималось попыток их сравнительного анализа. Попробуем восполнить этот пробел и ответить на главный интересующий нас вопрос – *как же соотносятся масонство и конституционализм?* По нашему мнению, конституционализм можно охарактеризовать как *политико-правовое течение общественной мысли*, выступающее за введение Конституции как высшего закона государства, основанного как минимум на трех составляющих: определение неотчуждаемых прав и свобод личности;

введение фундаментальных законов, обязательных для всех, включая и монарха; создание законодательной ветви власти в лице Парламента, представляющей мнение народа и ограничивающей единовластие монарха (применительно к XVIII – XIX вв.) [5; 11-44, 94-97, 172-206].

Масонство, на наш взгляд, также является течением общественной мысли, но *течением*, прежде всего, *нравственно-этическим*, целью которого – поэтапное объединение всего человечества на основе христианских ценностей (братства, всеобщей любви и взаимной поддержки, альтруизма, максимальной терпимости) путем нравственного совершенствования отдельно взятой личности. В определенной степени масонство можно считать *экуменистическим движением*, попыткой создать *новую внеконфессиональную религию* вначале в рамках христианской цивилизации, а затем и всей планеты. С религией масонство сближает большая роль, отводившаяся символам, обрядам и ритуалу.

Оба общественных движения в значительной мере *пересекаются*. Во-первых, и масонство, и конституционализм *целью ставили реформирование общества*, по-разному расставлялись лишь акценты. В конституционализме упор делался на реформирование, прежде всего, политической системы с помощью правовых средств (разработка и введение Конституции и т.д.). Масонская доктрина основное внимание уделяла изменению нравственного облика людей. Идеологи масонов исходили из того, что какими бы разумными и прогрессивными не были законы и основанная на них общественно-политическая система, сами по себе они не могут даровать всемерного благополучия людям, большинству которых неведомы чувства любви и сострадания к ближнему (в этом масоны коренным образом расходились с идеологами Просвещения). Поэтому масоны ставили целью, прежде всего, изменить нравственный климат в обществе, перевоспитать постепенно большинство человечества путем нравственного, умственного и физического совершенствования каждой отдельной личности (масоны недаром уподобляли себя настоящим каменщикам, которые, прежде чем приступить к кладке здания, тщательно обрабатывают каждый камень и возводят из них фундамент). Мечтой масонов было создание в отдаленном будущем большинства, проникнутого возвышенными масонскими идеями. Тогда сами бы собой отпали уродливые формы взаимоотношений во всех сферах жизни, основанные на алчности, эгоизме и властолюбии [9; 8; 2; 10; 11; 4; 12; 1].

Масонство первоначально мыслилось как *аполитичное движение*. Но таковым оно

* © Захаров В.Ю.

осталось (да и то с определенной долей условности) только на своей родине – в Англии, где к моменту возникновения масонства уже были проведены минимальные политические преобразования, удовлетворившие большинство общества (существовал Парламент, определенные права и свободы личности, действовала Конституция, пусть и не в виде единого документа). В странах же континентальной Европы, где продолжали существовать абсолютистские режимы, и в американских колониях Англии, где действовала системы колониального угнетения, масонство по мере своего распространения стало *политизироваться* и, более того, постепенно приобретало *оппозиционную местным правящим режимом направленность*. Особенно ярко это проявилось в североамериканских колониях и во Франции, где масонство превратилось в *организационную оболочку антиправительственного движения* (благо, этому способствовал тайный характер деятельности масонских лож). Исключением является разве что Германия, но и там подобные тенденции использования масонских лож в политической борьбе были, что называется, налицо (достаточно вспомнить «Общество иллюминатов» А. Вейсгаупта) [12; 68-72].

В России тенденция политизации масонства также проявлялась в полной мере. Это и активные контакты, прежде всего, московских масонов с опальным Павлом Петровичем; и связанное с этим «дело Новикова», приведшее к первому запрету масонских лож; и распространение оппозиционных настроений, «вольномыслия» в масонских ложах союза Астреи в 1817-1821гг., активное участие в них будущих декабристов, что привело к вторичному запрещению масонства в 1822 г. [4; 412-415; 7; 186-195; 12; 111-115].

Во-вторых, с чисто формальной стороны, многие идейные принципы и даже терминология конституционализма перекликаются с масонскими, а иногда и напрямую оттуда заимствованы. Так, например, само понятие Конституция в смысле учредительного документа впервые стало употребляться именно в масонских ложах (вспомним Конституции Андерсена) [6; 73-74]. Многие лозунги Американской и Великой Французской революций, безусловно, имели масонское происхождение (Свобода, Равенство, Братство; борьба с любыми проявлениями деспотизма и несправедливости; стремление к счастью на Земле и т.д.).

Наконец, в-третьих, и на Западе, и в России четко прослеживается значительное совпадение персонального состава приверженцев конституционализма и масонства. Достаточно привести такие имена, как Б. Франклин, Т. Джеф-

ферсон и Дж. Вашингтон в США; Бриссо, Демулен, Дантон, Мирабо и, вполне возможно, Робеспьер – во Франции. В России четко установлена принадлежность к масонству таких представителей конституционного движения, как братьев Н.И. и П.И. Паниных, секретаря Н.И. Панина известного драматурга Д.И. Фонвизина, декабристов Н. Муравьева, К. Рылеева, П.Пестеля. Судя по всему, членами масонских лож являлось и большинство участников Негласного Комитета [6; 72-74; 12; 129-140; 3].

Таким образом, можно сделать вывод, что у конституционализма и масонства больше точек соприкосновения, чем различий. Масонские ложи в странах с абсолютистскими режимами часто использовались в качестве организационной формы для оппозиционной деятельности, включая и борьбу за введение Конституции, Парламента прав и свобод человека.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Брачев В.С. Масоны и власть в России. М., 2003.
2. Вернадский Г.В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.
3. Дружинин Н.М. К истории идейных исканий П.Н. Пестеля // Революционное движение в России в XIX в. Избранные труды. М., 1986.
4. История масонства. Смоленск. 2001.
5. Медушевский А.Н. Демократия и авторитаризм: российский конституционализм в сравнительной перспективе. М., 1997.
6. Минаева Н.В. Никита Иванович Панин. Исторический портрет // Вопросы истории. 2001. № 7.
7. Пигалев В.А. Баженов. М., 1980.
8. Пыпин А.Н. Русское масонство в XVIII – 1-ой пол. XIX вв. Пг., 1916.
9. Шустер Г. Тайные общества, союзы и ордена. Т. 1-2. СПб., 1905-1907.
10. Соколовская Т.О. Материалы по истории русского масонства (сборник). М., 2000.
11. Соколовская Т.О. Капитул Феникса: высшее тайное масонское правление в России (1778-1822). М., 2000.
12. Харитонович Д.Э. Масонство. М., 2001.

Казанина Л.Ю.

СТОЛЫПИНСКАЯ ПРОГРАММА МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В ОЦЕНКЕ КОНСТИТУЦИОННЫХ ДЕМОКРАТОВ (по материалам газеты «Речь»)*

Аннотация. В статье излагается позиция ведущей либеральной партии России начала XX в. относительно столыпинской программы модернизации России. На материалах печатного органа конституционно-демократической партии газеты «Речь» доказывается, что агитационно-пропагандистская деятельность кадетской партии заключалась в критике наиболее уязвимых аспектов реформ П.А. Столыпина и формировании отрицательного по отношению к ним общественного мнения, что, по мнению автора статьи, сыграло не последнюю роль в неприятии обществом столыпинского варианта модернизации России.

Ключевые слова: Столыпинский вариант модернизации России, либеральная модель, кадеты, оппозиция.

L. Kazanina

STOLYPIN'S PROGRAM OF MODERNIZATION
OF RUSSIA IN AN ESTIMATION OF THE
CONSTITUTIONAL DEMOCRATS

Abstract. The position of the main liberal Russian party of the beginning of the XX century concerning one of Stolypin's programs of modernization of Russia is stated in the article. On the materials of publication of CDP – the newspaper "Rech" – it is proved, that agitation-and-propaganda activity of the cadet's party consisted in criticism of the most vulnerable aspects of Stolypin's reforms and formation negative public opinion towards them. It, in the opinion of the author of the article, has played not last role in social aversion of Stolypin's variant of the modernization of Russia.

Key words. Stolypin's variant of the modernization of Russia, liberal model, cadets, opposition.

Российская модернизация, форсированная и направляемая сверху, стимулировала появление новых форм политической активности и дала толчок к развитию рассмотрения вопросов преобразований не только на уровне институтов государственной власти, но и в самом обществе. «Для суждения о том, как общество и народ отнес-

лись к политике нынешнего министерства, нужно подождать реакции на нее со стороны настоящих политических партий, действующих на выборах в государственную думу и представляющих собою организации, раскинутые по всей стране», - писала «Речь» - центральный орган конституционно-демократической партии [Речь 1906, 14 сентября].

На программу, предложенную министерством П.А. Столыпина и включавшую в себя две взаимосвязанные задачи: предупреждение беспорядка энергичными средствами твердой власти и подготовка и проведение реформ, печатный орган кадетов отреагировал незамедлительно: «Мы вообще не верим в чудеса, и поэтому мы не верим в способность министерства разрешить ту грандиозную задачу, за которую оно взялось. Единственный выход для всех, кто стремится к мирному разрешению кризиса, является скорейшее возобновление действия народного представительства, вокруг которого должны сорганизоваться все живые силы страны» [Речь 1906, 9 августа]. Первая часть правительственной программы, в частности деятельность военно-полевых судов, вызывала особенно сильное негодование кадетов, по мнению которых, «крестьянские экзекуции нашли в г. Столыпине особенно усердного адепта» [Речь 1906, 20 апреля]. Отмена механизма чрезвычайного положения и военно-полевых судов, по мнению кадетов, есть неперемненное условие успеха реформирования страны.

Прежде чем проводить какие-либо реформы, нужно, по мнению кадетов, ввести в России народное представительство: «Чем искреннее правительство будет стремиться к проведению реформ, тем ярче и для него будет выступать истина, что без общения со страной это невозможно и что единственная форма такого общения – это совместная и непрерывающаяся работа с народным представительством» [Речь 1906, 17 августа]. Без парламента все готовящиеся правительством реформы потерпят крах. П.А. Столыпина же кадеты считали врагом не только парламентаризма, но и конституционализма [Речь 1906, 13 октября]. Кадетский рупор осуждает кабинет П.А. Столыпина за стремление оставить всю полноту власти за собой, лишив депутатов какой бы то ни было инициативы, но переложив на них всю ответственность за свои ошибки: «Бюрократия претендует на руководство страной даже после того, как манифестом 17 октября ей определенно указана чисто исполнительная роль» [Речь. 1906, 9 сентября].

Преследуя цель добиться максимально возможных изменений наиболее важных законопроектов, кадетские лидеры избрали тактику давления на правительство путем формирования соответствующего общественного мнения посредством публикаций в печати и выступле-

* © Казанина Л.Ю.

ний в Государственной думе, стенографические отчеты о заседании которой они публиковали на страницах «Речи». Критика политики правительства П.А. Столыпина усилилась после V съезда КДП, состоявшегося в октябре 1907 года и определившего новую тактику партии, которая заключалась в отказе от самостоятельной разработки законопроектов и перенесении центра тяжести на «серьезную критику» проектов правительства, «внесении в них улучшений». «Речь» убеждала своих читателей в том, что в реформаторских проектах П.А. Столыпина не было системности, что они изменяли лишь элементы системы во имя сохранения целого – самодержавной модели управления.

Один из важнейших проектов правительства П. А. Столыпина в деле освобождения «становящейся личности» – законопроект о неприкосновенности личности, жилища и тайны корреспонденции также получил нарекания от кадетского печатного органа. Кадетские публицисты придирались не только ко всему, к чему можно придраться, но и к чему придраться было нельзя. Они почему-то решили, что законопроект относится исключительно к первой стадии ареста и обыска. Но и в этой стадии, по их мнению, «русская действительность вторгается в законный ход судебного преследования в виде надзаконных прав корпуса жандармов. Устранить эту брешь можно только, устранив их от первоначального дознания и передав его исключительно чинам судебного ведомства» [Речь 1909, 16 ноября].

По мнению кадетского рупора, в печальной летописи «конституционного» законодательства лишь одна светлая страница приковывала воспоминание и обезоруживала самую суровую критику. Это были «вероисповедные законопроекты, в которых вся Россия увидала, после стольких напрасных ожиданий, первый, хотя и запоздалый приступ к осуществлению программы 17 октября» [Речь 1910, 14 мая].

Однако, по мнению кадетов, правительство так и не сумело довести до логического завершения реформу свободы совести. В статье «Свобода совести», посвященной пятилетию действия Манифеста 17 октября, В. Караулов подводит печальный итог: «В деле свободы совести не только не вошли ни в законодательство, ни в жизнь великие обещания манифеста 17 октября, но и теперь перед нами поставлена задача вести упорную, по всему вероятно продолжительную, и быть может, временно не всегда успешную борьбу за указ 17 апреля 1905 года» [Речь 1910, 17 октября].

По мнению кадетов, задача заключается не в частных улучшениях, а в полном обновлении, в укреплении конституционного строя. Поэтому при всей первостепенной важности такие меры

как «выборность мировых судей, независимость судебной власти и отделение ее от административной идут мимо главной цели – создать такой порядок, при котором личность действительно была бы неприкосновенна и могла бы пользоваться своими естественными правами» [Речь 1906, 1 июня]. Это положение и стало основой для критики судебной реформы П.А. Столыпина. По поводу опубликованной программы деятельности министерства юстиции по законодательным вопросам «Речь» писала: «Первое, что поражает в программе деятельности, это – отсутствие в ней всякой перспективы... Перед нами не живая «программа деятельности», а систематический каталог законопроектов, накопившихся за много лет в архиве правительства» [Речь. 1906, 14 ноября].

Демократизация и гуманизация судебной системы руками столыпинского министерства казалась кадетам невозможной. По поводу проекта об изменениях порядка дознания, следствия и суда по делам о государственных преступлениях «Речь» заявила: «Мы считаем слухи о коренных реформах в области порядка преследования политических преступлений едва ли имеющими основание, и по поводу нового проекта невольно вспоминается уже внесенное в Думу законодательное предположение о неприкосновенности личности, которое в самом деле должно санкционировать полную ее неприкосновенность» [Речь 1908, 23 июля].

По мнению кадетского рупора, «министерство стало на прежний путь частичных исправлений более или менее необходимых, но не способных ни на йоту улучшить общее безотрадное состояние правосудия» [Речь 1909, 6 мая]. К числу таких поправок «Речь» относит и проект введения состязательного начала в обряд предания суду. Таким образом, один из важнейших законопроектов, обеспечивающих защиту граждан на предварительном следствии, получил у кадетов название «отдельной маленькой заплаты», которая может только увеличить пестроту, а не произвести улучшения в юстиции.

В 1910 году выступления кадетов становились все более оппозиционными. С точки зрения «Речи», политический смысл переживаемого момента находился «в противоречии с юридическим характером «обновленного строя» [Речь 1910, 28 января]. Кадеты считали, что по причине распространения действия исключительных положений компетенция гражданских судов была в значительной мере сужена и масса дел отошла сначала к военно-полевым, а затем к военно-окружным судам. Таким образом, признавая важность реформы судебной системы, кадеты и в этой сфере связывали успех с изменениями общих условий современности, с приданием законодательным

учреждениям реальной власти, и поэтому критически воспринимали любое предложение, исходившее от правительства. Кадетский рупор всегда находил, к чему придраться в новом законопроекте, акцентируя внимание на недостатках и представляя достоинства как вынужденную необходимость, которую наконец-то осознало правительство.

Либеральную печать отличало жесткое неприятие основных положений столыпинской аграрной политики, в которой она усматривала беспринципность, конъюнктурность, продворянскую направленность. Кадетская «Речь» отрицательно оценивала эти преобразования, обрушив на правительство П.А.Столыпина шквал критики в первую очередь за проведение этих проектов в обход народного представительства на основании 87 статьи Свода Основных государственных законов Российской империи [Речь 1906, 14 ноября].

Мнение партии народной свободы, отражающее ее отношение к аграрной реформе правительства, сформулировал видный теоретик-аграрник в рядах кадетской партии, бывший главноуправляющий землеустройством и земледелием Н.Н. Кутлер, который стал главным оппонентом всех аграрных мероприятий правительства на страницах «Речи»: «Противодействие помещиков предопределило всю земельную политику правительства, которое решилось на некоторые паллиативы, но отвергло и отвергает всякие решительные меры на пользу крестьянского населения в виду невыгодности их для помещиков... В результате – никакой аграрной реформы, но и никакой уверенности в успокоении крестьянской массы» [Речь 1908, 16 января].

Указ 9 ноября 1906 г. вызвал особое негодование кадетов, выступивших против разрушения общины: «Община предается простому растерзанию, общинные земли – простому разграблению, и этим путем создается мыслимо-худшая форма землевладения: дробная чересполосица общинных земель с землями, выделенными в личную собственность отдельных предприимчивых общинников. «Укрепленные» в личную собственность земли выбрасываются на рынок, и этим открывается простор для необузданной спекуляции на отдельные земли» [Речь 1907, 1 января]. Серьезное нарекание со стороны кадетского органа вызвало то, что этим законом обессиливается вся община в пользу отдельного выделяющегося [Речь 1906, 14 ноября]. Но, выступая за более осторожное отношение к общине, кадеты постоянно указывали на то, что не являются сторонниками исключительно общинной формы землепользования в духе славянофильской традиции.

Интегральная часть правительственной системы аграрных реформ – переселение крестьян в

Сибирь – встретила лишь жесткую критику со стороны кадетской печати, которая ничего конструктивного в ней не отмечала, а только указывала на серьезные просчеты правительства и осложнения в переселенческом деле, систематически, обстоятельно разбирая все дефекты ходячего и переселенческого движения, рассказывая об отчаянном и безвыходном положении переселенцев-самовольцев, об увеличении потока обратных переселенцев [Речь 1910, 14 августа; 13 октября; 7 ноября; 25 ноября; 1911, 6 января; 7 января; 30 августа]. Вывод кадетских публицистов относительно переселенческой политики, проводимой правительством, очевиден: «Если физически невозможно устраивать на местах и перевозить по железной дороге количество переселенцев, равное естественному приросту, то ясно, что на переселение нельзя смотреть как на способ решения аграрного вопроса в России» [Речь 1907, 12 июня]. Поэтому переселение крестьян в Сибирь кадетская печать считает не иначе как «похороны на государственный счет» [Речь 1909, 28 марта].

Подводя итог вышесказанному, отметим очевидное неприятие радикальной частью либерального лагеря основных положений аграрной реформы П.А. Столыпина, во-первых, потому, что кадеты видели иной путь разрешения аграрного вопроса в России; во-вторых, им приходилось лавировать в сложной политической обстановке в целях расширения своей социальной базы: лидерам партии кадетов были нужны голоса крестьян при выборах в Думу, а общинников было в три раза больше, чем хуторян. Главное внимание кадеты уделяли предотвращению ускоренного разрушения общины и правовым аспектам существования тех домохозяев, которые не желали отказываться от совместного владения землей.

Не имея возможности оказывать непосредственное влияние на правительственную политику, но обладая мощным пропагандистским аппаратом, они избрали тактику противодействия «вредным последствиям» от проводимого аграрного курса путем формирования негативного общественного мнения и внесения поправок в законы во время их постатейного обсуждения на заседаниях Государственной думы.

Не меньше нареканий со стороны кадетов вызвала реформа местного управления, которая по замыслу П.А. Столыпина, должна была стать механизмом, способствующим результативному проведению системных преобразований. Новые плоды законодательного творчества министерства в области местного управления «Речь» называет не иначе как «увеличением запасов законодательной макулатуры» и предрекает им неминуемое крушение в Государственной думе. Детальной критике подверглись «Главные начала устройства мест-

ного управления» (1906). Своих читателей «Речь» пытается убедить в том, что под видом введения новых элементов в местное управление правительство стремится сохранить его без изменений, оставив руководящую роль за крупными землевладельцами.

Не остались без внимания и соответственные критики кадетов реформы в области экономики и налоговой политики. Общую гармонию правительственной политики, характерной чертой которой является беспринципность, нарушают, по мнению Н.Н. Кутлера, два законопроекта в финансовой сфере: законопроект о введении прогрессивного налога, который «отвечает требованиям податной справедливости – и в этом его бесспорная заслуга» [Речь 1907, 24 ноября] и проект преобразования пошлин с наследства [Речь 1907, 24 ноября]. Но большая часть вносимых в Думу финансовых законопроектов, по его мнению, не имеет «никакой другой ценности, кроме приносимого ими увеличения средств казны». Таким образом, и финансовые реформы министерства П.А. Столыпина в большинстве своем вызвали скептическое отношение кадетов, несмотря на явные прогрессивные моменты, которые они вынуждены были все-таки признать.

Законодательные проекты правительства по рабочему вопросу кадеты рассматривали лишь как средство, которое использует бюрократия для того, чтобы «повлиять на широкие слои населения в свою пользу, преподнося им приятные законодательные подарки» [Речь 1906, 20 ноября]. Резкое обличение правительственных законопроектов по рабочему вопросу с тщательным анализом и разбором всех, даже самых незначительных недочетов обязательно заканчивалось утверждением о том, что для их реального воплощения на практике «необходима реформа выборов в наши муниципальные учреждения» [Речь 1906, 10 ноября], что «новейшие законодательные подарки г. Столыпина и его товарищей ставят на очередь дальнейшие законодательные вопросы, разрешение которых в демократическом духе будет под силу только демократически настроенному народному представительству» [Речь 1906, 20 ноября]. Вывод кадетского рупора по итогам 1907 года в рабочем законодательстве крайне пессимистичен: «Ничем сколько-нибудь значительным в этой области 1907 год не отмечен, и в бюллетене международного бюро труда, в котором отмечаются законы по охране труда всех стран, Россия отсутствует» [Речь 1908, 1 января].

Занимая в рабочем вопросе антибуржуазную позицию, кадеты осуждали «промышленников, которые не хотят брать на себя ответс-

твенность за проекты по рабочему вопросу» [Речь 1907, 18 февраля], и правительство, принимающее «указания промышленников и игнорирующее справедливые нужды рабочих» [Речь 1907, 15 февраля]. Несмотря на гибкое и дифференцированное страховое законодательство, разработанное правительством, кадетские публицисты отказывали в доверии министерству торговли и промышленности: «Такой свободы, какую пользуются промышленники, рабочие не скоро дождутся, если дело их охраны будет оставаться в руках министерства, главная забота которого есть охрана капитала, и потому им немного можно ожидать от работы настоящей комиссии, в которую приглашать их не считают возможным за отсутствием законных организаций, образование которых в то же время считается недопустимым» [Речь 1907, 14 февраля].

Как сторонники демократических преобразований вообще, кадеты приветствовали многие начинания правительства П.А. Столыпина в области просвещения и профессиональной подготовки населения, особенно план создания единой и общедоступной образовательной сети, включавшей начальное, среднее и высшее образование. «Речь» с удовлетворением отмечала, что программа министерства просвещения «обнимает все виды образовательных учреждений, от самых низших до высших, на первый план выдвинута забота о народной школе, и ближайшей своей задачей министерство народного просвещения считает возможно скорое осуществление общедоступности, а в последствии и всеобщности начального образования. В достижении этой цели министерство рассчитывает опереться на общество, на общественную и частную инициативу, на усилия и средства органов общественного самоуправления и частных лиц» [Речь 1906, 18 ноября].

Однако центр тяжести был перенесен с положительных моментов на критику «слабых сторон» министерской программы. Чаще всего кадетская критика представляла собой замечания не по существу предлагаемых мероприятий, а сводилась к утверждению о невозможности их осуществления в современных условиях: «Программа деятельности, рассчитанная на широкую поддержку общественных сил, висит в воздухе, раз нет налицо тех общеполитических условий, которые одни только могут вызвать пробуждение общественной и частной инициативы и гарантировать прочность и устойчивость ее начинаний» [Речь 1906, 18 ноября].

Либерально-оппозиционная печать первое место на своих страницах отводила вопросам общей политики, стремилась превратить обсуждение любого вопроса в политическую

проблему. Это в полной мере относится и к вопросам реформирования армии. Критикуя военное министерство, кадеты требовали от власти введения действительного конституционализма. Кадетские публицисты старались не вдаваться в полемику по военным вопросам, считая, что до тех пор, пока в России не водворится подлинно конституционный строй, ни о каком союзе армии с обществом не может быть и речи.

Центральное звено кадетской критики правительства – отсутствие определяющей идеи и системности в проведении реформ – находит отражение и в отношении к правительственным планам преобразования армии: «Наше военное министерство, в отношении условий, в которых ему приходится работать, разделяет большую часть нашего государственного управления: отсутствие определенной системы, неустойчивость взглядов, слабость доктрины, могущество отдельных личностей и как следствие последнего – разъедающее влияние интриги» [Речь 1909, 13 марта].

Критика кадетов затрагивала военные реформы не по существу (упорядочение принципов комплектования вооруженных сил, их перевооружение, строительство необходимой инфраструктуры), а выхватывала отдельные дополняющие изменения. Так, например, «новой реформой на старый лад» называет В. Козельцов реформу института денщиков [Речь 1908, 4 апреля].

В военном обзоре за 1909 год «Речь» писала: «Ни одной крупной реформы принципиального и длительного значения, никакой определенной программы действий, ни единой яркой мысли в нескольких сотнях приказов и циркуляров целого года!» [Речь 1910, 1 января]. Перечисляя проведенные в течение истекшего года упразднения, перестановки, восстановления, назначения, кадетский рупор отказывается признать их реформами, считая, что это лишь их имитация [Речь 1909, 25 сентября]. Успех военных реформ кадеты ставили в зависимость от общегражданского переустройства. Отсюда разоблачительный пафос достаточно редких публикаций на военные темы, неверие и скептицизм в отношении способности военного министерства осуществить коренные преобразования в военном деле.

Кадеты отказались видеть в мероприятиях, проводимых правительством П.А. Столыпина, широкую программу реформирования внутренней жизни России. Так, еще в апреле 1909 года в связи с распространившимися слухами о возможной отставке П.А. Столыпина, «Речь» писала: «Столыпин имеет мало прав на нашу защиту и ничем не заслужил ни нашей благодарности, ни

нашего сожаления» [Речь. 1909. 10 апреля]. Отказав в поддержке правительству П. А. Столыпина, кадеты негласно санкционировали убийство человека, который, по их собственному признанию (правда сделанному ему после его смерти), «поставил во главе правительственных забот превращение России в государство правовое, укрепление законности и гражданской свободы»: «Имя его перейдет в историю России, тесно связанное с целой эпохой, краткой годами, но многозначительной по содержанию» [Речь 1911, 6 сентября].

Таким образом, несмотря на то, что программа КДП и план столыпинской модернизации совпадали в главном: формирование правового государства и гражданского общества, развитие рыночных отношений, кадеты не поддерживали власть, а выступили в качестве оппозиции. Даже попытки или желания пойти на компромисс с министерством П.А. Столыпина кадеты не проявили. Кадетская критика столыпинских реформ приняла характер резкого обличения и придиорок не по существу рассматриваемого вопроса, а по отдельным наиболее уязвимым его аспектам. Реформы П.А. Столыпина представлялись кадетами как вынужденные частичные улучшения, притом запоздалые по времени и слишком незначительные в условиях, требующих более широких демократических преобразований, прежде всего развития парламентаризма. Кадеты отказывали премьер-министру в признании перспективы его программы модернизации, так как преобразования, по их мнению, не приводили к обновлению конституционного строя. Отказ от публичной поддержки правительственных реформ отчасти был продиктован соображениями предвыборной борьбы, стремлением к захвату исполнительной власти и личной неприязнью к П.А. Столыпину, отказавшему в легализации ПНС. Кадеты делали все возможное, чтобы сорвать «органическую работу» Думы и правительства [Милюков П.Н. 1991, 237] и предъявляли все новые и новые требования: об отставке правительства, о чрезвычайных полномочиях, о думском правительстве. Такая постановка вопроса свидетельствует о полном отсутствии сознания необходимости сохранения и поддержания государственной власти. Агитационно-пропагандистская деятельность кадетской партии, заключавшаяся в критике наиболее уязвимых аспектов столыпинских реформ и формировании отрицательного по отношению к ним общественного мнения, сыграла не последнюю роль в неприятии обществом столыпинского варианта модернизации России.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Речь: Центральный орган партии кадетов СПб. 1906-

1911 гг.

2. Милюков П.Н. Воспоминания. М., 1991.

УДК: 359(09)

Бажанов Д.А.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ: КОНФЛИКТ КОНЦЕПЦИЙ ДИСЦИПЛИНЫ В МАРТЕ-ОКТЯБРЕ 1917 Г.

**(на материалах 1-й бригады линейных кораблей
Балтийского флота)**

Аннотация. В статье, применяя антропологический и микроисторический подходы, на основе впервые вводимых в научный оборот архивных материалов, рассматриваются вопросы взаимосвязи политической обстановки в стране и «революционной дисциплины» моряков Балтики. Делается вывод, что новое понимание дисциплины в марте – октябре 1917 г. приводило к конфликту с офицерским составом и снижению боеспособности флота.

Ключевые слова: революция, повседневность, 1917 год, матросы, Балтийский флот.

D. Bazhanov

REVOLUTIONARY EVERYDAY ROUTINE:
THE CONFLICT OF THE CONCEPTS OF DISCIPLINE
IN MARCH AND OCTOBER 1917 (BASED ON THE
MATERIALS OF THE 1ST BATTLESHIPS BRIGADE OF
THE BALTIC FLEET)

Abstract. In this article, using anthropological and microhistorical approaches, based on new archival material, examines the relationship of the political situation in the country and the «revolutionary discipline» of the sailors of the Baltic Sea. It is concluded that a new understanding of the discipline in March - October 1917 resulted in the conflict with the officers and reduced the combat capability of the fleet.

Key words: the revolution, everyday life, in 1917, the sailors, the Baltic Fleet.

Вооруженные силы, будучи государственным-общественным институтом, отражают не только военную мощь страны, но и эффективность всех ее

систем, психологию масс, ценностные ориентиры общества. В свою очередь, показателем уровня морального духа и боеспособности служит соблюдение дисциплины – порядка поведения, основанного на строгом подчинении нижестоящих лиц приказам вышестоящих, а также инструкциям, обязательным для исполнения всеми. В Российском Императорском флоте основными источниками, определявшими правила службы, являлись военно-морской устав и военно-морской устав о наказаниях. Благодаря им была оформлена и закреплена жесткая система подчинения: матрос – унтер-офицер, кондуктор – офицер. Любая попытка выйти из этих рамок наказывалась. Меры наказания варьировались от постановки в полном обмундировании на несколько часов «под винтовку» до отправки в дисциплинарные батальоны или в тюрьму. Приговоры, в зависимости от тяжести проступка или преступления, могли выноситься офицером роты, где служил виновный, командиром корабля, корабельным или военно-морским судом. Падение императорской власти вызвало к жизни необратимые изменения, в том числе и в дисциплинарной сфере.

Первый серьезный удар был нанесен событиями 1-4 марта 1917 г., когда в ходе кровавых беспорядков в Петрограде, Кронштадте, Гельсингфорсе было убито около 90 морских офицеров. Авторитет офицеров в глазах нижних чинов был поколеблен, в том числе неспособностью отстоять свои права. Этому способствовали и первые приказы нового командующего Балтийским флотом вице-адмирала А.С. Максимова. Так, 4 марта на линейных кораблях 1-й бригады получили такой семафор из штаба бригады: «Все взыскания, наложенные властью адмирала, слагаются. Максимов». За этим последовал аналогичный циркуляр от имени начальника бригады [19, 58]. Подобные меры, являвшиеся индальгенцией на всё, что произошло, убеждали экипажи в своей безнаказанности.

Важнейшую роль в этом процессе сыграло появление и функционирование выборных организаций всех уровней. В первую очередь это касается судовых комитетов. Были они созданы и на дредноутах. Первым стал «Гангут», где выборы состоялись вечером 3 марта, ночью же комитеты появились и на трёх других кораблях [27, 310; 28, 78]. В дальнейшем право наказания нижних чинов фактически закрепилось за судовыми комитетами. В арсенале командного состава остался скромный перечень наказаний: объявление выговора (командирского в приказе, офицерского – на словах) и присмотр за провинившимся на срок не более одного дня. Но даже их матрос мог обжаловать через судовой комитет [22, 5-9].

Как же использовали комитеты своё право? Весной 1917 г. наблюдалось мало случаев, которые, так или иначе, карались. Обнаружены три, относя-

щиеся к линкору «Севастополь». 11 апреля за неподчинение унтер-офицеру кочегарам этого корабля делегаты вынесли порицание. Через несколько дней за кражу продуктов во время погрузки на корабль матроса I статьи П. Гольбикова приговорили к аресту в карцере до передачи материалов в Секцию охраны Исполнительного Комитета Совета депутатов армии, флота и рабочих Свеаборгского порта [18, 58]. Наконец, 19 апреля матроса И. Лазуткина за «недостойное поведение в отпуске» комитет постановил лишить на месяц права съезда на берег [18, 64].

Летом 1917 г. количество проступков в целом увеличилось. Появились новые проблемы: борьба с пьянством и опозданиями с берега. Перечисленные типы наказаний сохранились. Тяжесть наказания зависела от степени проступка, наличия рецидива. Так, матросам «Севастополя» А. Морозову и П. Титову за отсутствие на борту в положенный срок в первый раз было увеличено на 6 суток число вахт в кочегарке. Съезда на берег на 10 дней лишились опоздавшие на свои корабли 22 августа матрос «Полтавы» Г. Савельев и «Гангута» – А. Звербуль. Матросы «Севастополя» Ф. Стулов и И. Филатов, как провинившиеся вторично, остались без берега на 20 дней и заплатили штраф – по 20 финских марок каждый. Матроса Мылова «за неоднократное опоздание и побег с корабля с 15 мая по 21 июня» делегаты «Севастополя» постановили арестовать и отправить в секцию Охраны народной свободы [20, 2].

Нарушения корабельного распорядка комитеты наказывали довольно мягко. Так, 7 июня судовой комитет дредноута «Севастополь» назначил на 4 суток на «тяжелые работы» и объявил порицание матросу II статьи В. Ульянову за «сон и сидение на посту», как значилось в протоколе [19, 111]. Через несколько дней рассматривался пришедший 9 июня циркуляр из штаба флота о плохом дежурстве на берегу. Матросские делегаты с «Гангута» оставили на 2 недели без увольнений дежуривших в Гельсингфорсе 12 июня, так как они «позволили себе заходить в кофейни, не спросив у своего начальника» [8, 178]. На «Севастополе» 26 июня были наказаны недельным пребыванием на корабле матросы Кумец и Дуркин, курившие в непозволенном месте. В тот же день по поручению судового комитета приступили к изготовлению специальных табличек «регламентирующих, где можно курить и где нельзя» [19, 116-117]. К аналогичным мерам комитеты прибегали в случаях краж. 11 августа рассматривалось дело матроса «Гангута» А. Умрихина, а 16 – кочегара с «Полтавы» А. Попсуева. Оба обвинялись в кражах на своих кораблях обуви у сослуживцев. Попсуев украл у матроса I статьи Н. Лаптева ботинки, Умрихин – у сигнальщика Машкова – сапоги [7, 254; 8, 211].

Осенью увеличилось количество дел о кражах на кораблях бригады продовольствия. 22 сентября комитет «Севастополя» разбирал дело матроса Бара-

новского, выдававшего из кладовой сахар члену комитета I созыва и депутату Гельсингфорского Совета А. Барову. В результате Барановский был отстранен от должности кладовщика и посажен в карцер, а Баров – заплатил штраф. В тот же день комитет арестовал артельщиков 2-й и 3-й роты Белякова и Королева за воровство во время угольной погрузки куска мяса [20, 21-23]. Зафиксирован и случай, когда над вором был устроен самосуд. 29 августа к старшему врачу «Гангута» С.В. Гуткевичу явился за помощью избитый кочегар В. Румянцев. В результате проведенного затем разбирательства выяснилось, что он пытался продать украденный у матроса Сулитина бушлат. Так как его давно подозревали, он был схвачен, избит и доставлен к члену судового комитета С. Андрееву. В ходе допроса В. Румянцев сознался, что эта кража у него пятая [24, 427-430]. Осенью участилось наложение денежных штрафов. Так, комендор А. Завьялов с линейного корабля «Севастополь» в сентябре 1917 г. за долги лишился оклада на 2 месяца. Комендор В. Кузнецов с того же корабля за опоздание из отпуска на 40 суток остался без жалования на 3 месяца, а гальванер А. Семенчук за опоздание на 15 суток – на 2 месяца [20, 26-27]. Однако в этот период команды получили возможность влиять на постановления о наказаниях. Согласно данным вахтенных журналов и протоколам заседаний комитетов, с 29 июня раз в две недели на линкорах для «обсуждения общеполитических вопросов и текущих дел» проводились общие собрания [14, 15; 11, 15; 17, 23-24]. Вероятно, тем самым делегаты желали сохранить кредит доверия экипажа. Но одновременно они несколько утратили возможность правового поддержания порядка, поскольку общее собрание команды могло и не утвердить приговор. Так случилось 17 октября на «Севастополе», когда матросы отказались признать вину кочегара Г. Касперовича, оклеветавшего комендора И. Шнырика и мичмана В. Саковича в возгорании угля. Дело отправилось повторно в судовой комитет для пересмотра [20, 29].

Зато уже весной комитеты начали проводить «чистки» личного состава кораблей. Пострадали те, кто проявлял до революции строгость и требовательность, или пытался противодействовать беспорядкам. Так, на линкоре «Гангут» судовой комитет начал расследование о вине офицеров в событиях 19 октября 1915 г. В итоге депутаты выдвинули требование списания с корабля шести офицеров, наиболее, по мнению комитета, виновных. Это старший лейтенант А.И. Королёв, лейтенанты Н.Ф. Прохоров, А.Г. Хрептович, А.А. Сурандер, В.Е. Бурачек и мичман И.В. Дитерихс. На каждого из них было составлено небольшое досье, главными пунктами которого являлись отношение к событиям февраля и взаимоотношения с экипажем. На основе этих досье и предлагалась форма наказания: Королёва рекомендовалось посадить в тюрьму, остальных – отправить

в действующую армию. При этом стоит отметить, что термин «дисциплина» приобрёл ярко выраженную негативную окраску. На вопросы «отношение к подчинённым» и «как человек вне службы» в досье на старшего лейтенанта А.И. Королёва отмечено: «отношение к подчинённым в большом случае было несправедливым и дисциплинированным» и «как на службе, так и вне службы отношение к подчинённым было гордо и дисциплинарно» [23, 16]. На «Полтаве» команда потребовала списания тех офицеров, что в кровавую ночь с 3 на 4 марта отказались подчиниться экипажу и сдать оружие, за что и были заперты в своих каютах. В конечном счете, как и в случае с «Гангутом», командир «Полтавы» капитан I ранга С.В. Зарубаев 13 марта вынужден был обратиться в штаб флота со следующей просьбой: «Ходатайствую о скорейшем списании старшего офицера вверенного мне корабля капитана II ранга В.В. Котовского, лейтенанта К.И. Юдина, мичманов В.М. Карякина и Г.А. Тевяшева с зачислением их в резерв флота, как арестованных по желанию команды в ночь с 3 на 4 марта» [5, 174].

На соблюдение правил службы повлияло омоложение личного состава линейных кораблей 1-й бригады. Обуславливалось оно несколькими причинами: списаниями по состоянию здоровья, по требованиям судовых комитетов, дезертирством, увольнением старослужащих. Вопрос о пополнениях встал ещё до революционных событий. К концу февраля 1917 г. были посланы запросы на высылку на дредноуты 394 молодых специалистов из Кронштадта и 150 новобранцев из Петрограда. Таким образом, предполагалось укомплектовать дредноуты заново примерно на 10 %. За апрель и май с линейных кораблей бригады, по данным «Флагманского исторического журнала», было списано и переведено 317 нижних чинов, а за летние месяцы – 272 [1, 133; 2, 75]. Личный состав, таким образом, обновлялся дополнительно ещё на столько же. Основным источником пополнения являлись молодые матросы и специалисты призывов 1917 и 1918 гг. Вероятно, именно эта часть экипажей готова была принять складывавшееся положение, при котором революционные организации получали право управления. Капитан II ранга И.И. Ренгартен, флаг-капитан по оперативной части штаба командующего Балтийским флотом, в дневниковой записи от 17 апреля свидетельствовал об этом так: «Новую волну разложения принесли с собой новобранцы из Кронштадта...» [21, 22].

Офицеры лишились права карать нарушения. К тому же часть из них покинула по разным соображениям корабли. Только за весну и лето оставило службу 55 офицеров. Назначали на бригаду зачастую только что выпущенных мичманов. Весной для 10 из 16 прибывших офицеров назначение было первым [2, 58]. В середине июля начальник бригады контр-адмирал С.В. Зарубаев направил рапорт командую-

щему Балтийским флотом. Он так охарактеризовал ситуацию: «В течение последнего времени многие офицеры-специалисты были переведены на другие корабли. Хотя убыль и пополняется своевременно офицерами..., но состав ее [бригады – Д.Б.] настолько омоложен, что дальнейший перевод опытных специалистов и замена их молодыми, по моему мнению, является недопустимой, так как бригада должна быть сначала боевой единицей, а не только школой для молодых офицеров» [3, 127]. Вновь назначенные не были известны экипажу, а значит, их авторитет был ниже. Поэтому дисциплинарный аспект всё больше выходил из компетенции командного состава. Многие требовательные унтер-офицеры либо отстранялись от управления ротами, либо вообще изгонялись с кораблей по постановлениям судовых комитетов. А институт кондукторов, игравший большую роль в обучении и поддержании дисциплины до революции, вообще был упразднён 23 мая 1917 г. [7, 106; 4, 225].

Несомненно, что определенную роль в падении дисциплины сыграли меры по изменению формы. Они задумывались как уничтожение элементов «старого режима». Но их проведение без должной координации, не всегда последовательно, на фоне возраставшего дефицита товаров и роста их цен привело к тому, что к лету 1917 г. командование не только утратило контроль над процессом, но и не получало данных об уже произведенных изменениях [6, 44]. Поэтому даже форма офицеров бригады представляла собой смесь старых и новых элементов. Особенно часто подобные факты относились к только что выпущенным офицерам и гардемаринам, прибывавшим на дредноуты для практического обучения. Так, из 13 гардемарин, прибывших 22 мая на линейный корабль «Гангут», лишь трое были обмундированы и экипированы по всем правилам, а из четырех, явившихся на «Полтаву» – ни один [7, 147; 8, 179]. Нижние чины, видя эти отклонения, тоже перестают носить положенную форму. На снимке, запечатлевшем матросов линейного корабля «Петропавловск» на митинге летом 1917 г., единообразие формы отсутствует: многие сняли с бескозырок кокарды, кто-то заменил их якорем белого металла, часть надела белые летние чехлы на свои головные уборы [30, 44]. Тем более, что с 20 мая им было разрешено ношение штатского при увольнении на берег [6, 37]. По сути, произошло нивелирование одного из атрибутов, регламентировавших службу. Исчезновение традиционной символики стирало психологическую дистанцию офицеров и нижних чинов, разрушая тем самым и систему подчинения. Стиралось отличие всех групп военных моряков, а значит, выполнялся один из лозунгов революционного процесса: «Свобода, равенство, братство!»

Важной причиной несоблюдения экипажами правил несения службы стала доступность отпуска

в Гельсингфорс. До революции тяжелым наказанием считался запрет съезда на берег, возможность попасть в город дисциплинировала матросов и поощряла их за хорошую службу. После падения царского режима крупные митинги, проводившиеся в городе, давали возможность экипажам линейных кораблей бригады сходить на берег дополнительно. Первая демонстрация в Гельсингфорсе состоялась 4 марта. Большая часть экипажей дредноутов приняла в нём участие. Во избежание эксцессов командующий флотом вице-адмирал А.И. Непенин издал приказ, разрешавший неограниченный сход на берег. Более того, офицерам также рекомендовалось принять участие [2, 44]. 16 марта значительная часть команд «Петропавловска», «Севастополя», «Полтавы» и «Гангута» находилась на митинге, устроенном в честь приезда министра юстиции А.Ф. Керенского [2, 232; 15, 233; 9, 227]. 17 марта до трети матросов бригады было уволено на берег для участия в похоронах «жертв революции», которые продолжались до обеда [19, 63]. 4 апреля в городе состоялся парад, посвящённый месяцу со дня свержения монархии. С каждого корабля в нем участвовало по 125 матросов при 3 офицерах. Все желающие, за исключением вахтенных, в этот день могли съехать на берег [10, 5-6; 12, 99]. 18 июня, в день начала наступления на юго-западном фронте, в Гельсингфорсе прошла общегородская демонстрация протеста. Приняли активное участие в ней и экипажи дредноутов. Число увольнявшихся на берег в это день, согласно данным вахтенных журналов, составило примерно 25% от команды с каждого корабля, что являлось двукратным превышением нормы [13, 98]. 21 июня состоялся новый общегородской митинг. 16 августа в Гельсингфорсе состоялся митинг протеста против решений Государственного совещания. Вечером на всех линейных кораблях 1-й бригады прошли общие собрания команд, присоединившиеся к резолюциям митинга [28, 105].

Важным фактором, сделавшим берег более доступным, стало функционирование выборных организаций всех уровней. Судовые комитеты имели право отправить с поручением в город любого матроса в любое время. Матросы-депутаты присутствовали на заседаниях Гельсингфорсского Совета. 30 апреля начал работу Центральный Комитет Балтийского флота, куда также входили представители бригады. Принимали участие члены экипажей и в съездах различных союзов (съезды моряков Балтийского флота, Крестьянского союза, различных национальных землячеств и др.). Летом масштабы съезда возросли настолько, что в радиограмме, отправленной 25 июля 1917 г. в штаб флота начальник бригады отметил: «Замечается общее небрежное отношение к обязанностям службы и падение интенсивности занятий и работ в связи с постоянными митингами во время работ и занятий и неограниченного схода

на берег» [26, 49]. Осенью 1917 г. контр-адмирал С.Н. Тимирёв, начальник 1-й бригады крейсеров, прибывшей в Гельсингфорс, отметил в воспоминаниях: «Немало способствовала быстро прогрессирующему упадку дисциплины и сама обстановка законного, заслуженного отдыха, т.е. в переводе на обыкновенный язык – полное отсутствие какого бы то ни было дела и вечное пребывание трёх четвертей команды на берегу» [29, 109].

С другой стороны, времяпровождение на берегу всё больше воспринималось как часть службы. Грань между правилами поведения на корабле и на берегу стиралась. Поэтому проступки, совершаемые во время службы и досуга, были одинаковы. Со второй половины июля резко увеличилось число пьяных в Гельсингфорсе. Поэтому Исполнительный Комитет Гельсингфорсского Совета опубликовал в «Известиях...», предупреждение, что впредь лица в нетрезвом состоянии должны задерживаться особыми патрулями и доставляться в секцию Охраны народной свободы с публикацией их имен. Уличались матросы бригады и в кражах на берегу. В августе были осуждены матросы «Петропавловска» С.П. Шакура и Д.И. Федоров. Они обвинялись в краже дамского ридикюля с деньгами в кафе госпожи Острем. Имели место и более изощрённые аферы. В сентябре рассматривалось дело машиниста «Петропавловска» И. Макарова, сдававшего внаём «хорошую комнату с альковом», причем комната ему не принадлежала. Судовой комитет ходатайствовал перед представителями секции Охраны народной свободы «о возможно более строгом наказании» [25, 97]. Матрос О. Осипов с «Севастополя» был арестован и доставлен в Гельсингфорсский Совет после поимки его во время квартирной кражи. Она являлась для него не первой [20, 16].

Таким образом, можно утверждать, что в марте-октябре 1917 г. произошли значительные изменения в дисциплинарной области. Обусловлены они были рядом причин. Главной из них явилось лишение монопольного права офицерства отдавать приказания. На протяжении 1917 г. это право всё более переходило к выборным корабельным организациям – судовым комитетам. Заняв полноправное место в корабельной иерархии, она начали «выдавливаться» из нее командный состав. Особенно этот процесс ускорился после корниловского выступления. Иногда экипаж мог и обжаловать приговор комитета, который, как мы могли убедиться, не был столь суров, как до февраля 1917 г.

Помимо этого, определенную роль сыграл призыв большого количества молодых матросов и специалистов на линейные корабли. Они легче воспринимали нововведения, для них офицер не являлся более безоговорочным начальником. Отмена института кондукторов и демобилизация старослужащих способствовали развитию подобных

убеждений.

Тесно связано с этим и уничтожение старых атрибутов службы, имевшее политическую окраску. Отсутствие четкой координации, единого плана, запаздывание в принятии окончательных решений привели к невозможности со стороны командования контролировать ход процесса. Изменение офицерской формы в соответствии с требованиями нижних чинов стирало психологическую дистанцию офицеров и нижних чинов, разрушая тем самым и систему подчинения. В свою очередь, это способствовало дальнейшему снижению авторитета офицеров, которые не смогли отстоять свои прежние знаки отличия.

Изменился, по сравнению с дореволюционным временем, и досуг экипажей. Активная политическая жизнь привела к прекращению деятельности судовых кружков. В основном культурный досуг организовывался секциями Матросского клуба. Однако большая часть свободного времени проходила у нижних чинов на митингах, в обсуждении резолюций и постановлений. При таких условиях и возросшей доступности увольнений в Гельсингфорс корабельная служба становилась не более чем придатком к берегу. Это ещё усиливало нежелание заключать себя в рамки «фронтного» быта. Грань между правилами поведения на корабле и на берегу стиралась. Поэтому проступки, совершаемые во время службы и досуга, были одинаковы.

Наметившееся противостояние двух концепций дисциплины имело двоякие последствия. С одной стороны, оно вынуждало часть офицеров просить своего перевода на другие должности, поближе к фронту. С другой стороны, стало наблюдаться снижение качества выполняемых работ и боевой подготовки.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 477. Оп. 1. Д. 143.
2. РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 158.
3. РГАВМФ. Ф. 477. Оп. 1. Д. 230.
4. РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1006.
5. РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 1. Д. 1018.
6. РГАВМФ. Ф. 479. Оп. 2. Д. 1254.
7. РГАВМФ. Ф. 747. Оп. 1. Д. 37.
8. РГАВМФ. Ф. 751. Оп. 1. Д. 95.
9. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 1.
10. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 2.
11. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 3.
12. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 10.
13. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 11.
14. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 12.
15. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 15.
16. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 16.
17. РГАВМФ. Ф. 870. Оп. 6. Д. 17.
18. РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 141.
19. РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 148.
20. РГАВМФ. Ф. 878. Оп. 1. Д. 151.

21. РГАВМФ. Ф. р-29. Оп. 1. Д. 200.
22. РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 102.
23. РГАВМФ. Ф. р-95. Оп. 1. Д. 245.
24. РГАВМФ. Ф. р-224. Оп. 1. Д. 1.
25. РГАВМФ. Ф. р-852. Оп. 1. Д. 1.
26. РГАВМФ. Ф. р-852. Оп. 1. Д. 12.
27. Граф Г.К. На «Новике». СПб., 1997.
28. Иванов Д.И. Я – матрос «Гангута»! М., 1987.
29. Тимирев С.Н. Воспоминания морского офицера. СПб., 1998.
30. Колоницкий Б.И. Погоны и борьба за власть в 1917 году. СПб., 2001.

РАЗДЕЛ 3 НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 37.01131-051

Ялозина Е.А.

МНОГОКАНАЛЬНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ СОВЕТСКОЙ ШКОЛЫ В ГОДЫ НЭПа КАК АНТИКРИЗИСНАЯ МЕРА: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ВОПРОСА*

Аннотация. Статья посвящена проблеме финансирования советской школы в 1920-е гг. Автор рассматривает механизм формирования системы местных бюджетов, их участие в материально-техническом обеспечении школы. Показаны структура и процесс привлечения внебюджетных средств, направленных на поддержку школы. Источниковой базой исследования являются архивные документы, впервые вводимые в научный оборот.

Ключевые слова: советская школа, финансирование школьной системы, местный бюджет, внебюджетное финансирование, средства населения.

Е. Yalozina

MULTICHANNEL FINANCING OF THE SOVIET SCHOOL IN TIMES OF THE NEW ECONOMIC POLICY (NEP) AS AN ANTI-RECESSIONARY MEASURE: HISTORICAL ASPECT OF A QUESTION

* © Е.А. Ялозина

Abstract. Article is devoted to the problem of financing of the Soviet schools in 1920. The author considers the mechanism of forming the system of local budgets and their role in school material support. The structure and process of attraction of the off-budget assets directed on support of schools are shown. Base of research is provided by archival documents, which are introduced into the scientific use for the first time.

Key words: the Soviet school, financing of school system, the local budget, off-budget financing, population means.

Состояние системы образования в значительной мере определяется уровнем ее финансирования. Проблема финансирования всегда была актуальна для отечественной школьной системы. Особый исследовательский интерес в ее контексте представляют 1920-е гг., когда советская власть в сложных политических и социально-экономических условиях осуществляла поиски оптимальной модели финансирования народного образования.

Декларируя в своих первых документах основные принципы социально-экономической политики, большевики заявляли о создании всеобщей бесплатной государственной системы школьного образования. Однако последствия Гражданской войны, приоритетная необходимость восстановления народного хозяйства, внутренняя социально-политическая напряженность заставили власть приступить к НЭПу и обратиться к режиму строжайшей экономии во всех областях народного хозяйства. В интересах восстановления жизненно важных отраслей производства расходы на социально-культурные мероприятия, в том числе на народное образование, были значительно сокращены: к 1922 г. доля ассигнований государственного бюджета на народное просвещение уменьшилась в пять раз. В этих условиях Народный комиссариат просвещения (Наркомпрос) оказался не в состоянии обеспечить нормальное функционирование образовательной системы. Она была поставлена на грань выживания: началось резкое сокращение числа учебных заведений, многие школы считались действующими лишь формально, на практике они месяцами были закрыты из-за отсутствия топлива, средств, массового увольнения учителей, вынужденных искать возможность заработать и прокормиться. Народный комиссар просвещения А.В. Луначарский взволнованно говорил в то время, что дело народного образования «душит» материальная нужда, что школа умирает на глазах, а комиссариат бессилен спасти учителя от голодной смерти [1, Л. 26-28; с. 237].

Предельно ограниченные возможности

централизованного финансирования народного образования диктовали необходимость привлечения на его содержание средств местных бюджетов. Начало двухуровневого финансирования, из центрального и местного бюджетов, было положено на рубеже 1921-1922 гг. Согласно декретам СНК от 9-10 декабря 1921 г. «О местных денежных средствах» и «О местных бюджетах» на места передавалась часть расходов на содержание массовых социально-культурных учреждений, в том числе и учебных заведений, административно-хозяйственные расходы их органов управления. На государственном бюджете оставались расходы на заработную плату служащих аппарата управления и его основные операционные расходы. Начавшись в 1921 г., процесс выделения системы местных бюджетов, формирования их структуры завершился только в 1926 г. Практика школьного строительства в этот период показала, что в условиях реструктуризации финансирования из центрального бюджета, незавершенности процесса формирования местной бюджетно-финансовой системы, хронической нехватки средств центрального и местного бюджетов на поддержку учебных учреждений, – такая двухуровневая форма финансирования была не в состоянии предотвратить деструктивные процессы в системе школьного образования. В сложившейся ситуации власть обратилась к использованию многоканальной системы финансирования народного образования, основным компонентом которой, помимо средств центрального и местного бюджетов, являлись внебюджетные источники.

15 сентября 1921 г. СНК РСФСР было принято постановление «О мерах к улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений», которое по существу явилось первой попыткой советской власти в условиях кризиса приостановить стихийное разрушение школьной системы и урегулировать формы и методы привлечения внебюджетных средств для поддержания народного образования [2, с. 26]. Месяц спустя ЦК РКП(б) отправил на места циркулярное письмо «О порядке привлечения местных средств к расходам по содержанию просветительных учреждений», в котором поставил перед партийными организациями задачу оказать отделам народного образования всемерную помощь в мобилизации средств населения на нужды школы [3, с. 23]. Таким образом, в конце 1921 г. вопрос внебюджетного финансирования народного образования приобретал нормативную основу в документах государственного, партийного и ведомственного уровня.

Вопросы организационно-финансового состояния системы местных бюджетов, внебюджетного финансирования впервые стали предметом обсуждения на X Всероссийском съезде Советов

в декабре 1922 года. Было принято решение об укреплении материальной базы школ и расходовании 20% доходной части бюджета местных советов на нужды народного образования, рекомендовалось активно привлекать в качестве антикризисной меры внебюджетные источники финансирования – средства населения в различных его формах. Делегаты говорили, что поиски путей поддержки школы, которые позволили бы ей выжить в тяжелых экономических условиях, «сплошь и рядом принимали самые уродливые и ненормальные формы, это находило выражение в кустарно и неорганизованно проводимых самообложениях в сельской местности, передаче отделами народного образования учебных учреждений в частные руки, установлении платы за обучение, введении «поголовного» обложения родителей» [4, с. 11]. Было очевидно, что неудачный опыт местных властей по использованию средств населения в таких суррогатных формах требовал пересмотра и регламентации.

Как показала практика привлечения внебюджетных средств, крестьяне, понимая необходимость материальной поддержки школы, в качестве добровольной помощи соглашались выполнять работы в пользу школы, например, сделать сруб, провести мелкий ремонт. Но сбор продовольствия в пользу школ проводился с трудом. Подавляющее большинство крестьянских хозяйств после Гражданской войны, неурожая 1921 г. и его последствий испытывали серьезные экономические трудности и были не в состоянии выполнить норму по самообложению, материально поддержать школу. Перед ними стояла гораздо более насущная жизненная проблема – преодолеть голод, выжить самим. В мае 1922 г. руководство отделов народного образования признавало, что кампания самообложения провальная. В качестве причин провала указывались халатное отношение, самоустранение от кампании. Однако сложившееся положение было обусловлено не только организационными причинами, но и тем, что задачи по самообложению не соответствовали материальным возможностям крестьянства. В результате проводимое добровольно-принудительными методами самообложение как источник поддержки сельской школы и учителя в 1921/1922 учебном году, на практике не оправдало себя.

Неэффективность кампании и продолжающееся стихийное закрытие сельских школ побуждали власти в начале следующего учебного года обратиться к другой форме помощи населения школе – помощи на договорных началах. Согласно заключенным с крестьянством договорам, школы находились в ведении отделов народного образования, но содержались, преимущественно, за счет местного населения, которое имело право конт-

ролировать средства, ассигнованные на расходы школе. Процесс заключения договоров зимой-весной 1923 г. проходил трудно, но по сравнению с неэффективным принудительным самообложением населения, добровольная договорная кампания реализовывалась на 20-25% [5, Л.13], что все же давало возможность поддерживать школу и учителя. При реализации договоров проявилась и обратная сторона этого процесса. Угрожая лишением материальной поддержки, крестьянское сообщество диктовало свои условия школе: учителя, работавшие на договорных началах, обязывались преподавать письмо и арифметику в рамках дореволюционных учебных программ, а также закон божий. Отсутствие у местных властей достаточных рычагов контроля и противодействия этой тенденции (в конце 1922-начале 1923 гг. штаты окружных отделов народного образования были сокращены, а волостные отделы как структура полностью ликвидированы) ставило отделы народного образования перед выбором: отказаться от такой формы поддержки сельской школы или пожинать плоды договорной кампании «по-крестьянски». В условиях, когда школа рассматривалась как важный участок идеологического фронта, а постановка дела образования осуществлялась в соответствии с принципом, сформулированным X съездом РКП(б): «всё просвещение в коммунистическом государстве может быть только коммунистическим и никаким другим» [6, с.82], власть не могла допустить, чтобы образовательный процесс в школе шел вразрез с государственной просветительской политикой и идеологией. Весной 1923 г. исполкомы приняли решение отказаться от практики договоров с населением и приступили к поэтапному сокращению и переводу этих учебных заведений на местный бюджет.

Для поддержки школы на местах широко использовались различного рода фонды, создававшиеся из денежных и натуральных поступлений. Власть высказалась за то, чтобы на средства фондов «насаждать школы, потому что в округах нет зданий» [7, Л.38], а также закупать учебники в школы. «Насаждать школы» на свои деньги крестьяне не стали – средства фондов на тот момент не могли бы осилить решение этой задачи, да и свежо было воспоминание о договорных школах. Поэтому основным видом деятельности фондов в поддержку сельской школы стало приобретение учебников. Однако не всегда и не везде эти фонды работали активно в данном направлении. Но тот факт, что в условиях явной недостаточности бюджетного финансирования обеспечение учебниками сельской школы в 1923/1924 учебном году осуществлялось на 15-40% [8, Л. 2-3.], а то и больше, – можно рассматривать как заслугу, преимущественно, крестьянских фондов.

Наиболее стабильным источником внебюджетного финансирования школы в 1920-х гг. была ее собственная хозяйственная деятельность на пришкольном участке. Возможность наделения школ земельными участками определялась постановлением СНК РСФСР от 15 августа 1921 г. «О мерах по улучшению снабжения школ и других просветительных учреждений» [9, Ст.482]. Предполагалось, что полученные средства от реализованного со школьного участка урожая будут использованы на ремонт и содержание школы, на ее хозяйственные нужды. В свою очередь, Наркомпрос отмечал важность для школы такой статьи дохода, как урожай с земельных участков, и в своих циркулярах призывал местные власти шире использовать посевную кампанию для организации школьных участков, огородов, плантаций. Практика школьного строительства во второй половине 1920-х гг. подтверждала, что хозяйственная деятельность на пришкольном участке занимала весомое место в улучшении материально-технического состояния сельской школы, особенно при подготовке к началу учебного года, и являлась в этом смысле важным источником внебюджетного финансирования.

Другим источником внебюджетного финансирования образовательных учреждений и возможного смягчения их кризисного положения была помощь школам со стороны шефских организаций и предприятий. Кампания шефской помощи начала разворачиваться в начале 1922 года. В ходе этого мероприятия исполкомы, как правило, прикрепляли, «приписывали» школы к государственным, кооперативным, общественным организациям. Многие предприятия, проявляя инициативу, добровольно брали шефство над школами. В отчетах заведующих отделов народного образования отмечалась «энергичная, пылкая» [10, Л.20] работа шефов в этот период. Но в 1923 г. их энтузиазм заметно ослаб, шефская помощь как источник финансирования школы начала давать сбои. Тогда власти запустили механизм административно-партийного принуждения и контроля за выполнением шефских обязательств предприятиями. В таком виде эта форма поддержки школы существовала и во второй половине 1920-х годов.

Кризисное положение школы заставляло органы власти расширять базу ее финансирования за счет внебюджетных средств. Однако мероприятия такого рода эффективны, когда при их проведении берутся в расчет не только соображения экономического характера, но учитываются социальные условия, уровень жизни населения, психология традиционного общества. К сожалению, власти игнорировали тот важный факт, что залогом успешного проведения мобилизационных кампаний должно быть разумное

сопряжение социальных ожиданий с экономическими возможностями населения. В дальнейшем становилось очевидным, что чрезвычайный режим использования подобных «ресурсов» не мог быть рассчитан на длительный период и при этом оставаться достаточно эффективным. Поэтому на определенном этапе, в середине 1923 г., наступил спад, психологическая апатия. Ударные кампании и акции по привлечению сил и средств населения в помощь школе, оказав существенную помощь в ее наиболее кризисный период в 1922-1923 гг., практически исчерпали себя, уступив место другим источникам внебюджетного финансирования школы.

Важная роль в материальной поддержке школы в 1920-е гг. принадлежала родительским комитетам. Их финансовая деятельность строилась в соответствии с «Положением о комитетах содействия благоустройству школ» (комсодах), которые, начиная с 1922/1923 учебного года, были созданы при школах. Главная задача комитетов заключалась в оказании помощи школьному совету в организации материально-хозяйственной стороны жизни школы, в проведении в жизнь директив отделов народного образования. Для изыскания средств на поддержание школы комсодам предоставлялись широкие возможности: организовывать взносы родителей, проводить сборы от платных вечеров, принимать добровольные пожертвования отдельных лиц и учреждений, привлекать для оказания помощи шефов. Собранные ими в 1923-1925 гг. суммы давали возможность не только произвести ремонт, доплаты учителям, заготовить топливо, оплатить хозяйственные расходы, но и содержать библиотеки, предметные кабинеты. Во второй половине 1920-х гг. самообложение родителей учащихся по-прежнему было главным источником средств комсодов. Собранные таким образом суммы составляли около 90% всех средств, затрачиваемых школами на хозяйственные нужды [11, Л.105-213]. Практика работы комсодов по самообложению родителей учеников показала очевидную экономическую целесообразность данной формы привлечения внебюджетных средств и эффективно использовалась в дальнейшем.

Не менее важным источником внебюджетного финансирования школы была введенная в декабре 1922 г. плата за обучение. Попытки ее введения на местах предпринимались с 1921 г., однако подобные инициативы в тот период рассматривались как преступление по должности и пресекались властями в соответствии с основным принципом государственной просветительской политики о бесплатном образовании. В условиях углубляющегося экономического кризиса X Всероссийский съезд Советов вынужден был пойти

на компромисс и разрешить в виде временной меры, рассчитанной на тяжелый переходный период, введение в городских школах платы за обучение. При этом основная тяжесть переносилась на плечи более обеспеченных слоев населения, давались твердые гарантии льготных условий платности, а также бесплатности для менее обеспеченных слоев трудящихся и инвалидов войны. Регламентацией этой процедуры, установлением форм платности, выработкой соответствующих инструкций о порядке взыскания сумм и размеров платы для различных категорий учащихся совместно занимались отделы народного образования, профсоюз и исполком. Согласно изданному в январе 1923 г. «Положению о плате за право учения», плата взималась по принципу классовой дифференциации плательщиков и в зависимости от заработка родителей учащихся. Определенным социальным категориям граждан предоставлялись льготы. Положение определяло, что плата за учебу в школах городов и поселений городского типа должна взиматься с граждан, живущих на средства, получаемые от торговых, промышленных и других приносящих доход предприятий, а также со служителей религиозных культов, граждан свободных профессий (адвокаты, художники, ремесленники). С рабочих и служащих, получавших зарплату свыше 12-го разряда, плата взималась в том случае, если она была не менее 20 рублей. Отчисления от их зарплаты составляли 1-5% за одного ребенка независимо от числа обучающихся детей в семье. От платы за обучение освобождались рабочие, получавшие зарплату ниже 13-го разряда, государственные пенсионеры, безработные, круглые сироты, инвалиды труда и войны. В список льготных категорий, освобожденных от платы за обучение, входили военные – рядовые, командиры, комиссары и армейские политработники, а также работники просвещения, состоявшие на службе в учреждениях Наркомпроса [12, Л. 4-5; Л. 2, 9].

Установленная положением плата за обучение должна была вводиться в школах областных центров с 1 января 1923 г., а в школах окружных центров – с февраля 1923 г. Одни школы, уже практиковавшие платность и прежде, с введением положения всего лишь легализовали и регламентировали свои действия, другие – начали постепенно вводить положение с момента опубликования, среди них к концу года оставались и такие, где плата за обучение все еще не была введена. Первые результаты показали, что собранные школами суммы были в несколько раз меньше ожидаемых. Вместе с тем из школ начался отток учащихся, не сумевших заплатить за обучение. По этой причине к концу 1922/1923 учебного года количество учащихся в школах сократилось в среднем на 12%.

Такие последствия, безусловно, вызывали беспокойство руководителей органов народного образования, декларировавших всеобщее, однако в условиях кризиса важным было, прежде всего, сохранить саму школу. Поэтому проблема самоотсева учащихся рассматривалась как временная. Насущной задачей в дальнейшем стало упорядочение и активизация сбора платы за обучение и, таким образом, пополнение внебюджетных доходов в поддержку школы. Распоряжением Наркомпроса в 1925 г. размеры платы за обучение были изменены. В незначительной мере это коснулось рабочих и служащих, заработок которых составлял 25-120 рублей. Но для другой категории населения, чьи доходы превышали указанные, плата за обучение их детей в школе была увеличена в 1,5-3 раза. Если, к примеру, кустари-одиночки в предыдущем учебном году платили 1-3 рубля, то новое распоряжение устанавливало эту плату в размере 4 рублей. Торговцы 2-го разряда, платившие ранее 3-6 рублей, в новом учебном году вносили за своих детей плату в размере 7-8 рублей. Для торговцев 3-го разряда эта сумма составляла 10 рублей, а для граждан «свободных профессий» и служителей культа – от 10 до 25 рублей [13, Л. 54; Л. 81].

Отмена платы за обучение, постепенное упорядочение различных фондов по оказанию помощи школе, создававшихся за счет самообложения и добровольно-принудительных сборов, были осуществлены в начале 1930-х годов в связи с увеличением государственных ассигнований на народное образование. С 1933 г. при Наркомпросе РСФСР стал существовать центральный ссудный фонд из средств госбюджета на учебно-политехническое оборудование школ, а с 1934 г. начальная и средняя школы получили устойчивое государственное финансирование [14, Л. 105-107; Л. 282, 373; Л. 79]. В целом, роль указанных выше источников внебюджетного финансирования была весома и в поддержке материально-технической базы школы в годы кризиса, и в обеспечении ее дальнейшего функционирования. В связи с этим новая экономическая политика многоканального финансирования народного образования, введенная в сложных финансово-экономических условиях 1920-х гг. как наиболее оптимальная антикризисная мера, была востребована на протяжении десятилетия, хотя аккумулированные таким образом средства все же не обеспечивали устойчивости финансирования советской системы образования.

ЛИТЕРАТУРА:

- 1 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 195; Луначарский А.В. О народном образовании. М. 1958.
- 2 Народное просвещение. 1921. № 87/88.
- 3 Известия ЦК РКП(б). 1921. № 36.
- 4 Народный комиссариат по просвещению к IX Все-

- российскому съезду Советов. М.1922.
 5 ГАРО. Ф. Р-1818. Оп.1. Д.83; там же Д.96.
 6 X съезд РКП(б). Стенографический отчет. М.1921.
 7 ЦДНИРО. Ф. 4. Оп.1. Д.160.
 8 ГАРО.Ф. Р-1818. Оп.1. Д.87.
 9 СУ. 1921. № 64.
 10 ГАРО. Ф. Р-1818. Оп.1. Д.98; там же. Д.85.
 11 ГАРО. Ф. Р-1818. Оп.1. Д.102.
 12 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 193; ГАРО. Ф. Р-1818.Оп.1. Д.96.
 12 РГАСПИ. Ф. 142. Оп. 1. Д. 194; ГАРО. Ф. Р-64. Оп.1. Д.13; Ф. 2584. Оп.1. Д.19.
 14 ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 70. Д.7037; РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 26, Д.3; там же. Оп 34. Д. 854.

УДК 94(470.6)"1920"

Панкова-Козочкина Т.В.

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ КРЕСТЬЯНСТВА В ОТНОШЕНИИ МЕСТНОЙ ВЛАСТИ В 1920-Х ГГ. * (на материалах Юга России)

Аннотация. В статье представлена недостаточно изученная в российской историографии проблема отражения в социально-групповом сознании российского крестьянства образа местной власти в условиях относительного идеологического плюрализма и слабости кадрового обеспечения местных советов в 1920-х гг. На региональных архивных материалах Юга России раскрывается отношение крестьянства к потенциальным кандидатам в местные органы власти, когда предпочтение заведомо отдавалось зажиточным хозяевам, способным к реальному управлению сельскими делами лицам и настойчиво игнорировались социально-классовый, партийно-выдвиженческий и гендерно-пропорциональный подходы. Крестьяне отрицательно относились к проводившейся политике властей по большевизации местных советов. Такие категории сельского населения, как «бывшие», «кулаки», еще не были демонизированы большевиками, которые оказались вынуждены широко допустить в местные советы на Юге России казачество в условиях, когда социальные аутсайдеры деревни – бедняки и батраки – не пользовались поддержкой широких масс крестьянства.

* © Панкова-Козочкина Т.В.

стьянства.

Ключевые слова: большевики, женщины, зажиточные крестьяне, коммунисты, крестьяне, казаки, сельские советы.

T. Pankova-Kozochkina

ELECTORAL PREFERENCES PEASANTRY FOR LOCAL AUTHORITIES IN 1920. (ON THE MATERIALS IN SOUTHERN RUSSIA)

Abstract. The article presents the uncertainties in the Russian historiography of the problem reflected in the social group conscience of the Russian peasantry, the local authorities in conditions of relative ideological pluralism and the weakness of the staffing of local councils in 1920. At the regional archival materials of the South Russia revealed the ratio of the peasantry to the potential candidates to local authorities when the preference was given to wealthy owners obviously capable of real management of rural affairs of individuals and persistently ignored social class, party and promotional and gender-proportional approach. Farmers negative attitude to the policy pursued by the authorities to bolshevisation local councils. These categories of the rural population as "former", "fist" (rich peasant), have not yet been demonized by the Bolsheviks, who were forced wide to allow for local councils in the south of Russia the Cossacks in a context where social outsiders village - the poor and the laborers - not enjoyed the support of the broad masses of peasants.

Keywords. Bolsheviks, womens, rich peasants, communists, peasants and Cossacks, the rural councils.

Большевики шли к власти под лозунгами создания в России подлинной системы народовластия в форме Советов разных уровней, формировавшихся путем свободных выборов и, таким образом, максимально приближенных к населению и в полной мере учитывавших его нужды. Нельзя обвинить большевиков в том, что эти лозунги оказались пустой демагогией: советы как органы власти действительно были созданы и, с формально-юридической точки зрения, являлись базисом политической системы постоктябрьской России. По этому поводу в Конституции РСФСР 1918 г. (Гл. 1, п. 1) прямо указывалось, что «Россия объявляется Республикой Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов», и «вся власть в центре и на местах принадлежит этим Советам» [1, 2]. Территорию всей страны постепенно покрывала густая сеть органов местного самоуправления, так что, по довольно ироничному замечанию исследователей, «с коммунизмом Власть оказалась как бы размазанной по России» [2, 193].

Работники сельских советов, будучи истинно народными избранниками, казалось, должны были полностью устраивать своих избирателей и, тем самым, крепить доверие народа (точнее, по большевистской терминологии, «масс») к советской власти, вроде бы демократической по своей сути. Однако социальная реальность Советской России первого постоктябрьского десятилетия убедительно доказывала, что подобного рода властно-электоральные ожидания зачастую являлись беспочвенными или попросту ошибочными. В исторических источниках 1920-х гг. содержится прямо-таки пугающее количество упоминаний о том, что советский аппарат в деревне «очень плохой» [3, 44]. Об этом писали и обычные крестьяне, и сельские корреспонденты (селькоры, не без оснований именовавшие себя «барометр деревни» [4, 124]), и многие представители власти, в том числе из числа высшего советско-партийного руководства.

Такие кандидаты на должность «сельсоветчика», как бедняки или батраки, вызывали устойчивое неприятие сельского социума, ибо рассматривались крестьянами в качестве неисправимых лентяев или алкоголиков. Крестьяне, исходя из своего социального опыта, были твердо убеждены, что человек, неспособный правильно и рационально вести собственное хозяйство, никогда не сможет наладить общественные дела; более того, его даже нельзя допускать к ведению таких дел. Поэтому, несмотря на давление партийно-советских структур, жители села старались при первой удобной возможности устранить («провалить», «дать отвод») из числа кандидатов в сельсовет того или иного бедняка, известного односельчанам «с плохой стороны» [5, 33]. Добавим, что иной раз и сами бедняки стремились отказаться от исполнения выборной должности; мотивом самоотвода выступало, как правило, опасение, что административная работа будет отнимать слишком много времени, сил и пагубно отразится на материально-бытовом положении данного конкретного кандидата. Во время перевыборов сельсоветов осенью 1924 г. члены Сельского окружкома ВКП(б) указывали на эту тенденцию: «были случаи в некоторых селениях, когда крестьянин-бедняк, вторично единогласно избираемый в Совет, снимал шапку и умолял собрание освободить его от этой почетной должности, т.к. иначе он должен вконец разорить свое хозяйство» [6, 16 об].

В отношении женщин как вероятных членов сельсовета сельское сообщество демонстрировало еще большее неприятие: в документах 1920-х гг. неоднократно встречаются

печальные констатации того, что «женщин не избирают в совет» [7, 27]. Дело в том, что крестьяне расценивали женщину в органе местного самоуправления всего лишь как «ненужный балласт» [8, 72]. Большевистским агитаторам, ратовавшим за феминизацию сельсоветов, мужская часть деревни убежденно отвечала: «женщина балласт, нам нужны люди деловые, которые могли бы управлять советскими делами» [9, 29]. Учитывая социальную специфику Юга России, где наличествовали крупные казачьи сообщества, необходимо отметить, что казачество демонстрировало подобные же антипатии: «казаки косятся на тех женщин, которые ходят на собрания и хотят работать в сельсовете», ибо, по их мнению, «какой там толк от бабы» [10, 562]. В данном случае, как видим, сохранявшаяся в 1920-х гг. на Дону, Кубани, Ставрополье или Тереке сословная рознь между казаками и крестьянами никак не сказывалась: и те, и другие в равной мере не желали допускать женщин к управлению общественными делами.

Разумеется, стремление сельских жителей сохранить характерную гендерную асимметрию в области местного самоуправления не может считаться разумным и продуктивным. Подобные настроения представляли собой дань сельским патриархальным традициям, но опровергались целым рядом примеров успешной деятельности крестьянок и казачек на общественном поприще. Вместе с тем следует признать, что в конкретно-исторических условиях советской доколхозной деревни 1920-х гг. стремление большевиков привлечь в сельсоветы как можно больше женщин зачастую наталкивалось на непреодолимые препятствия бытового и экономического характера. Множество женщин, обремененных семьей, детьми и хозяйственными заботами, попросту не могли исполнять возложенные на них административные обязанности. Так, в 1929 г. в Ставропольском округе Северо-Кавказского края в 14 сельсоветах председателями работали женщины (тогда как в 1928 г. подобное наблюдалось только в 2 сельских советах). В архивных документах прослеживается, что женщин чаще, чем мужчин, снимают с работы и, кроме того, нередко они сами отказываются от выполнения должностных обязанностей; отмечался также случай, «когда женщина только числится на работе, фактически же не работает» [11, 5]. В конце 1929 г. Курсавский райисполком докладывал Ставропольскому окрисполкому, что в Янкульском сельсовете его председатель – женщина, – освобождена от занимаемой должности, так как «не вынесла возложенной на нее руководящей работы». Предполагалось снять с работы женщину, председательствовавшую в

Широкогорьковском сельсовете, поскольку она не справлялась со своими обязанностями [12, 1].

Что касается коммунистов как кандидатов в члены сельского совета, то в исторических источниках второго десятилетия XX века прямо отмечалось: членов компартии крестьяне «не уважают» [13, 34]. Подобное «неуважение» (и, соответственно, нежелание видеть коммунистов в органах сельского самоуправления) порождалось рядом причин.

Во-первых, сельские коммунисты имели низкий образовательный уровень и были «политически мало развиты» [14, 70], так что, по словам членов Донского окружка ВКП(б), «касающиеся их законы советские крестьяне знают во много раз лучше, чем коммунисты [в сельсоветах]» [15, 31]. Ограниченный кругозор сельских партийцев зачастую не позволял им достойно выполнять возложенные на них административные функции. Как говорили работники того же Донского окружка ВКП(б) в феврале 1926 г., «если раньше нужен был коммунист хорошо владеющий оружием, то теперь нужен коммунист, который мог бы в этих сложных задачах, выдвигаемых жизнью, разобраться. А много ли у нас таких коммунистов, которые могли бы руководить всеми этими сложными задачами и в области политики, и в области экономики, и в области кооперации и т.д.» [16, 32а] (вопрос этот звучал риторически, ибо ответ на него давала сельская действительность: коммунистов, способных «разобраться в сложных задачах» деревенской жизни, оказывалось немного). Естественно, крестьяне не хотели видеть в органах местного самоуправления совершеннейших бездарей, пусть даже они и принадлежали к правящей коммунистической партии.

Во-вторых, городские коммунисты, присланные в деревню на общественную или административную работу, имели слабое представление о сельской жизни, что вызывало негативное отношение крестьянства и казачества. Секретарь Ейского райкома РКП(б) П.М. Горюнов справедливо писал в 1925 г.: «незнающего деревню присланного в станицу парторботника, станичники не уважают, хотя бы во всех остальных отношениях он был дельным человеком. Ко всякому присланному работнику приглядываются, всякую ошибку подмечают и, может быть, вслух не скажут, но про себя отметят: “це чоловик не наш” [17, 24]. Передавая характерные особенности диалекта кубанских крестьян и казаков, населявших Ейский район и говоривших на смеси русского и украинского языков с явным преобладанием последнего, Горюнов приводил в своей работе рассказ председателя Ново-Щер-

биновского станичного совета Краснопольского о том, каким образом ему удалось завоевать доверие земледельцев: «поехал он со станичниками в город. Ехали мимо посевов. Один станичник показывает на посев и говорит: «тов. Краснопольский! Скажите вы мни дурню, яка цэ трава, ны як нэ разберу: горновка, чи шо?» и когда Краснопольский ответил правильно и назвал точно сорт пшеницы, все хитро перемигнулись: «от сразу видно, шо вин хлебоборб» [18, 24].

В-третьих, устойчивое отторжение сельских жителей вызывал волюнтаристский, командный, а то и прямо агрессивный, стиль работы коммунистов, занявших административные посты в деревне. В данном случае у крестьян имелись все основания для недовольства, ибо подобных «диктаторов с партбилетом» в кармане тогда появлялось в деревне немало. Например, члены Сальского окружка ВКП(б) признавали в 1925 г., что «большинство деревенских коммунистов работают на селе с 1920 года, [и у них] привычка командовать осталась до сих пор» [19, 88].

Наконец, в-четвертых, жителей доколхозной деревни в сильнейшей степени раздражало явное несоответствие между пропагандистскими заявлениями о, якобы, «народном» характере советской власти и отчетливо выраженным стремлением большевиков заполнить органы сельского самоуправления максимально возможным количеством членов компартии путем грубого давления на избирателей. Как говорили члены Сальского окружка РКП(б) в 1924 г., «крестьяне в большинстве селений выражают явное недовольство, если на выборах им предлагают список кандидатов в члены сельсовета, и не потому, что последние им не нравятся, а потому, что как они выражаются [«]не хотим только подымать руки[»] [20, 16об].

«Хозяйственники», которых крестьяне настойчиво требовали провести в сельсоветы, являлись по определению зажиточными хозяевами, то есть, по партийной терминологии большевиков, – «кулаками», врагами советской власти. Выбирая в советы таких хозяев, жители села надеялись на их деловую хозяйственную хватку, способную изменить в лучшую сторону ход общественных дел: «если крестьянин сумел поставить свое крестьянское хозяйство, то безусловно он сумеет быть хорошим хозяином [в сельсовете]» [21, 35], «нужно провести [в совет] тех, кто хорошо (богато) живет потому, [что] раз он может хорошо вести дело в своем хозяйстве, то поведет и в общественном хозяйстве» [22, 23]. Кроме того, крестьяне полагали, что, в случае допущения каких-либо злоупотреблений и/или должностной халатности, член сельсовета из

числа зажиточных мужиков сможет ответить за свои ошибки собственным имуществом: «если он в чем-нибудь наделает неправильностей, то у него есть имущество и, значит, с него можно взыскать потом будет» [23, 27].

Заметим, что термин «кулак» в архивных документах того времени активно и повсеместно еще не употребляется. С другой стороны, слово «зжиточные» в разных формах (прилагательное, существительное и др.), как показал контекстуальный анализ изученных нами документов, нередко использовалось в крестьянском лексиконе в качестве непосредственного синонима термина «кулак» безо всякой демонизации соответствующего образа. Причем практики советского строительства в 1920-е гг. еще не были столь сильно отягощены идеологическими догмами, и поэтому довольно часто в своих выступлениях употребляли слово «зжиточные» исключительно по его прямому назначению, подразумевая, прежде всего, самые хозяйственные слои деревни и обозначая им односельчан и станичников, умело и результативно ведущих свое хозяйство. Тем самым в крестьянском лексиконе одновременно фигурировали оба слова: «кулак» и «зжиточные», и никакого противоречия в этом не содержалось, ибо именно зажиточные крестьяне представляли социальное лицо деревни.

Помимо зажиточных крестьян, в состав обновленных советов с началом политической кампании «лицом к деревне» попало некоторое количество «бывших», – то есть представителей досоветского чиновничества, интеллигенции, офицерства (такая тенденция прослеживалась, как правило, в казачьих станицах). Именно эти люди обладали реальным опытом администрирования на местах, чего так не хватало постоктябрьской деревне. Так, весной 1925 г. председателем Мечетинского сельсовета стал «старый чиновник» [24, 31]. В марте 1927 г. сотрудники ОГПУ докладывали в Сальский окружном ВКП(б), что в станице Орловской Пролетарского района на должности секретаря сельсовета находится казак Пономарев, «бывший полицейский урядник при белых, личность антисоветски настроенная, каковой пользуясь служебным положением производит регистрацию в ЗАГСе лиц обоего пола, не достигших совершеннолетия» [25, 7]. Такие факты не могли не беспокоить правящую партию.

Региональная специфика Юга России предоставила большевикам еще один существенный повод для беспокойства. Дело в том, что в казачьих районах «оживление» советов выразилось в их «оказачивании»: представительство казаков в станичных советах заметно

выросло [26, 116-212]. Например, после выборов весны 1925 г. казаки составили 80 % членов Мечетинского станичного совета [27, 31]. Собственно, «оказачивание» советов прямо формулировалось большевистским руководством как политическая задача («лицом к казачеству»), реализация которой должна была способствовать распространению просоветских настроений в казачьих сообществах. Однако процессы пошли иначе, чем изначально предполагалось, и представителей партийно-советского руководства сильно тревожило то обстоятельство, что «казак попер в советы и у нас спрашивать не стал» [28, 34]. Иными словами, казаки, вопреки публично обозначенным для них властно-электоральным ожиданиям правящей партии, во-первых, стремились выдавить из органов местного самоуправления иногородних крестьян и, во-вторых, старались «выдвигать в советы старых общественных деятелей (атаманов) и др.» [29, 27]. Такие действия воспринимались лидерами компартии как однозначное ослабление позиций большевистского режима в станицах, с чем они, естественно, примириться никак не могли.

Все вышеперечисленные изменения в советах, являвшиеся закономерным результатом предоставленной земледельцам возможности самостоятельно формировать органы местного самоуправления, вызвали сильнейшее беспокойство в ЦК ВКП(б) и привели к свертыванию политики «лицом к деревне». Как отмечает М. Венер, «уже с осени 1925 г. партия затормозила осуществление своей политики, направленной на дальнейший подъем сельского хозяйства, вновь взяв на вооружение концепцию классовой борьбы» [30, 100] (свертывание политики «лицом к казачеству», являвшейся в казачьих регионах Юга России разновидностью политики «лицом к деревне», началось, по мнению А.П. Скорика и Р.Г. Тикиджьяна, не раньше весны 1926 г. [31, 202]).

В итоге все вернулось на круги своя, и корпорация работников сельской системы самоуправления стала вновь вызывать нарекания крестьян, указывавших на фактическое отсутствие сводных выборов («на местах еще имеется назначенчество председателей сельсоветов» [32, 7]), на грубость и самоуправство местного начальства, которое «обращается с гражданами грубо, грозит арестом» [33, 190б], на то, что «наш советско-хозяйственный аппарат бывает негибким и слабо реагирующим на нужды трудящихся масс» [34, 4]. Однако с большевистских номенклатурных позиций формирование корпорации местных управленцев не вызывало особых сомнений. Затем, с конца 1920-х гг., началась сплошная форсированная коллективизация, в ходе которой корпорация местных администраторов и вовсе отделилась от крестьянства, ибо «для

сталинской системы властвования и управления требовался специфический персонал» [35, 65].

Итак, крестьянство имело свои электоральные предпочтения в отношении местной власти в 1920-х гг., кардинально отличные от того, что предлагала, а чаще навязывала правящая партия большевиков. Социальные аутсайдеры деревни – бедняки и батраки – не пользовались поддержкой основной части крестьянства. Традиционализм деревни также выталкивал из местных властных структур женщин. Их проникновение во власть становится более-менее зримым лишь к концу 1920-х гг. Однако гендерная асимметрия в области местного самоуправления оставалась преобладающей тенденцией в формировании корпуса сельских администраторов. Деревенское сообщество наиболее жестко противостояло проталкиванию в ряды местных чиновников коммунистов, поскольку они по ряду вышеизложенных причин не могли реализовать насущные интересы крестьянства. Деревня жаждала видеть в числе своих лидеров «хозяйственников», «зажиточных», поскольку для налаживания нормальной деревенской жизни требовались не политиканствующие личности, а состоявшиеся хлеборобы, способные не просто отдавать руководящие указания, но и знающие, как именно решить ту или иную хозяйственную задачу. Крестьяне в этом видели основное предназначение местной власти в условиях восстановительного периода после кровопролитной Гражданской войны.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики. М., 1918. С. 2.
2. Пивоваров Ю., Фурсов А. Русская Система и реформы // Pro et Contra. 2000. № 4. С. 193.
3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 85. Д. 204. Л. 44.
4. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). Ф. 396. Оп. 3. Д. 580. Л. 124.
5. Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 33.
6. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 48. Л. 16 об.
7. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.
8. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 575. Л. 72.
9. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 29.
10. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 795. Л. 562.
11. Государственный архив Ставропольского края (ГА СК). Ф. р-299. Оп. 1. Д. 1396. Л. 5.
12. ГА СК. Ф. р-299. Оп. 1. Д. 1396. Л. 1.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 85. Д. 204. Л. 34.
14. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 70.
15. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.
16. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 45. Л. 32а.
17. Горюнов П.М. О казачьем вопросе (Из наблюдений и опыта работы по Ейскому району Донского округа). Ростов н/Д., 1925. С. 24.
18. Там же. С. 24.
19. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 69. Л. 88.
20. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 48. Л. 16 об.
21. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 15. Л. 35.
22. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 575. Л. 23.
23. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.
24. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.
25. ЦДНИ РО. Ф. 97. Оп. 1. Д. 76. Л. 7.
26. См.: Перехов Я.А. Власть и казачество: поиск согласия. Ростов н/Д., 1997. С. 92–96; Скорик А.П., Тикиджян Р.Г. Донцы в 1920-х годах: очерки истории. Ростов н/Д., 2010. С. 116–121.
27. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 31.
28. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 34.
29. ЦДНИ РО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 32. Л. 27.
30. Венер М. Лицом к деревне: Советская власть и крестьянский вопрос (1924 – 1925 гг.) // Отечественная история. 1993. № 5. С. 100.
31. Скорик А.П., Тикиджян Р.Г. Указ. соч. С. 202.
32. ЦДНИ РО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 109. Л. 7.
33. ЦДНИ РО. Ф. 110. Оп. 1. Д. 26. Л. 19 об.
34. Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Ф. 5938. Оп. 1. Д. 35. Л. 4.
35. Романовский Н.В. Люди Сталина: этюд к коллективному портрету // Отечественная история. 2000. № 4. С. 65.

УДК 94(470) „19” XX в.

Самсоненко Т.А.

СЕЛЬСКАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ В ЭПОХУ «ВЕЛИКОГО ПЕРЕЛОМА»: ОСОБЕННОСТИ МАТЕРИАЛЬНОГО ПОЛОЖЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОЙ РЕАКЦИИ (на материалах Юга России)*

Аннотация. В статье представлена малоизученная в российской историографии проблема социально-экономических условий жизни сельской интеллигенции в период сплошной форсированной коллективизации. На основе обстоятельного изучения, прежде всего, архивных материалов, регионально охватывающих районы Юга России, раскрываются смысловые перспективы понятия «сельская интеллигенция», показывается процесс решения вопросов материально-финансового, продовольственного снабжения, культурно-бытовых условий жизни отдельных слоев сельской интеллигенции. Тем самым исторически прослеживается ситуация, насколько удовлетворялись

* © Самсоненко Т.А.

вита́льные потребности этой категории сельского населения. Рассматриваются типичные формы социального реагирования представителей сельской интеллигенции на результаты «великого перелома» в коллективизированной деревне Юга России. Подчеркивается, что в 1930-е гг. сформировался и действовал в отношении сельской интеллигенции остаточный принцип, несмотря на принимаемые нормативно-правовые акты. Местные чиновники не торопились решать насущные вопросы по улучшению быта учителей, врачей, агрономов, библиотекарей и др.

Ключевые слова: «великий перелом», вита́льные потребности, коллективизация, колхоз, постановление, сельская интеллигенция, социальный протест.

T. Samsonenko

VILLAGE INTELLIGENTSIA DURING THE "GREAT CHANGE": FEATURES OF THE MATERIAL TERMS AND SOCIAL REACTION (ON MATERIALS OF THE SOUTH OF RUSSIA)

Abstract. The article presents one of the problems in Russian historiography. This problem was devoted to the socio-economic conditions of the rural intelligentsia in a period during the forced collectivization was made. Based on extensive research, mainly archival material covering regional areas of Southern Russia, reveals the semantic perspective the concept of "village intelligentsia". In the article showing the process of addressing the material and financial, food, culture and living conditions of individual sections of the rural intelligentsia. Thus, historically observed situation, how satisfied vital needs of this category of the rural population. A typical form of social response of the rural intelligentsia on the results of the "great change" in the collectivized village south of Russia. It is emphasized that in 1930. formed and operated in respect of the rural intelligentsia residual principle, despite on the law regulations. Local officials have been slow to address pressing issues on the welfare of teachers, doctors, agronomists, librarians, etc.

Keywords. "great breakthrough", the vital needs, collectivization, count of households, the decision, the rural intelligentsia, social protest.

Интеллигенция советской эпохи стала «протеклой» и мало чем напоминала интеллигентов дооктябрьской России, но многие ее представители осознавали свою социальную роль в обществе, а именно – защиту интересов народа, подвергавшегося большому давлению со стороны тоталитарного государства. Одним из эпизодов противостояния между интеллигенцией и коммунистическим режимом стала сплошная форсированная коллективизация в конце 1920-х – первой трети 1930-х гг. Хотя

коллективизации посвящены множество научных и популярных работ, историография противостояния сельской общественности и сталинского режима крайне скудна. Данное обстоятельство обусловило написание настоящей статьи, основанной на материалах Дона, Кубани и Ставрополя, – ведущих аграрных регионов Юга России, в которых коллективизация проводилась ускоренными темпами, со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Вопреки дооктябрьской традиции, представители местной власти на Юге России считали, что в 1920-х-1930-х гг. сельская интеллигенция представляла «из себя работников [сельских и станичных] советов, школ, агрономии и медицины»¹. Не только профессиональная деятельность, но также повседневная жизнь этих людей теснейшим образом связывалась с жизнью донских, кубанских, ставропольских сел и станиц. Поэтому сельские интеллигенты, не подвергаясь вовлечению в колхозы, тем не менее в полной мере ощутили на себе негативные результаты «великого перелома».

Надо сказать, что несогласие представителей сельской интеллигенции Дона, Кубани и Ставрополя с политикой сплошной форсированной коллективизации в значительной мере обуславливалось произошедшим в данное время ухудшением их материально-бытового положения. Иначе говоря, резко критикуя «колхозное строительство», многие сельские учителя, избачи (работники изб-читален), врачи, фельдшеры и т.д. высказывали озабоченность не столько выполнением своего долга перед народом (защита прав и интересов крестьянства), сколько обеспечением собственной жизнедеятельности и улучшением положения своих семей. Оснований же для подобной озабоченности в период коллективизации у представителей сельской интеллигенции было предостаточно.

Ведь в условиях «великого перелома» положение «просвещенцев села» (учителей, агрономов, врачей и пр.) стало, по выражению Е.А. Осокиной, «совсем плохим» [1, 54]. Обеспечивать «просвещенцев» продовольствием обязывались местные органы власти, совхозы и колхозы; на последние, учитывая их неуклонно возрастающую численность, ложилась основная нагрузка по снабжению интеллигентов и членов их семей продуктами питания, а также фуражом и топливом. Согласно принятому в январе 1933 г. правительственному постановлению, к выполняемым колхозами обязательным хлебным поставкам добавлялось специальное начисление в размере 2 %; хлеб, собранный в счет этих 2 %, использовался для создания фондов продовольственного обеспечения сельской интеллигенции [1, 55]. В постановлении, однако, ничего не говорилось о снабжении интеллигентов другими продуктами (мясом, молоком, жирами и т.д.); эту прореху в законодательстве устранили лишь

через несколько месяцев, когда 28 октября 1933 г. ЦК ВКП(б) и СТО (Совет труда и обороны) издали соответствующий документ. Наконец, весной 1934 г. рядом правительственных постановлений устанавливалось централизованное снабжение интеллигентов сахаром и чаем, а «остальные продукты, указывали представители власти, «должны были выделяться из местных фондов, формировавшихся за счет децентрализованных, сверхплановых заготовок, гарнцевого сбора» [1, 55; 2].

Формально сельские «просвещенцы» имели возможность получать продукты в размерах, которые в тяжелые времена «большого скачка» могли считаться достаточными для удовлетворения минимальных витальных потребностей. Так, Северо-Кавказский крайисполком, детализируя октябрьское постановление ЦК ВКП(б) и СТО, 21 ноября 1933 г., установил следующие месячные нормы снабжения сельских учителей и членов их семей: 0,5 кг жиров на учителя (по 0,25 кг членам его семьи; далее в скобках указаны нормы снабжения иждивенцев), 1 кг меда (0,5 кг), 12 кг овощей и фруктов учителю (12 кг), 10 кг картофеля и 12 литров молока на семью; что касается мяса или рыбы, то учитель мог получить таковые в размере 1 кг, но его домашним подобных продуктов не полагалось. Согласно постановлению крайисполкома, колхозы обязывались снабжать учителей перечисленными продуктами после выполнения своих обязательств перед государством, по конвенционным ценам и лишь «в тех случаях, когда эти продукты поступают в колхозы в фонд распределения или в фонд колхозной торговли»².

Фактически же ситуация в сфере продовольственного снабжения сельских интеллигентов в период коллективизации оставалась печальной, вопреки всем благим постановлениям. Вряд ли следовало ожидать чего-либо иного, зная особенности сталинской налогово-заготовительной политики, направленной на изъятие у советских аграриев максимально возможного количества произведенной ими продукции. Колхозы отдавали государству максимум хлеба и других продуктов и, «сами бедствуя, отказывались снабжать интеллигенцию» [1, 54]. Уже цитированное выше постановление Северо-Кавказского крайисполкома от 21 ноября 1933 г. о нормах снабжения учителей начиналось с безотрадных констатаций того, что в Мечетинском, Моздокском, Павловском и целом ряде других районов края колхозы, вопреки существующим постановлениям, снимали со снабжения школьных работников (шкрабов, по принятому в 1920-х – первой половине 1930-х гг. уничижительному сокращению)³. Учителя не представляли собой каких-либо уникальных неудачников, ибо со сходными проблемами сталкивались сельские врачи, агрономы, избачи и т.д. Например, в документах

1933 г. содержится немало жалоб агрономов на неудовлетворительное материальное обеспечение⁴. Причем жалобы эти, как правило, оставались гласом вопиющего в пустыне; непосредственный начальник южно-российских агрономов, старший агроном Северо-Кавказского Крайзернотрактора Л.П. Андреев, мог ответить им лишь одно: «мужайтесь, не падайте духом» [3, 347].

На протяжении 1934 г. ситуация никак не улучшилась. На первой Северо-Кавказской краевой партконференции в январе 1934 г. говорилось: «один план, который установлен ЦК партии и правительством, мы с вами еще не выполнили, – это план сдачи хлеба в счет 2 % по снабжению специалистов. В настоящее время этот план выполнен только на 47 %. Мы все говорим о культуре в станицах, селах и колхозах. Мы должны поставить специалистов в отношении хлеба в нормальные условия на селе, а на сегодняшний день никакого фонда для этого нет и вся работа по хлебопоставкам и сдаче в счет этого плана прекращена»⁵. Весной того же года отмечалось, что на Ставрополье сельские специалисты вынуждены покупать у единоличников «сухой бурьян» в качестве топлива⁶, а в Темрюкском районе председатель колхоза «Красная Стрелка» П.А. Вишня демонстрировал «игнорирование решений центральных и местных парторганизаций по улучшению материального положения учительства»⁷. Более того, даже к исходу 1930-х гг. положение сельских интеллигентов нередко оставляло желать лучшего. Так, в марте 1940 г. партработники Зимовниковского района Ростовской области самокритично признавали, что в ряде населенных пунктов «учителя живут в плохих бытовых условиях, без топлива и т.д.»⁸.

В источниках содержится столь значительное количество упоминаний о «совсем плохом» снабжении сельских интеллигентов в период «колхозного строительства», что бесспорным представляется вывод о широкой распространённости таких явлений, о сложившейся тенденции, а не об «отдельных недостатках», как говорилось в официальных документах. Материально-бытовые условия деревенских учителей (равно как и представителей других категорий сельской интеллигенции) часто оставались настолько неудовлетворительными, что они превращались в своеобразный эталон плохого снабжения. Показательна следующая реплика, прозвучавшая на проходившей в январе 1934 г. Вешенской районной партийной конференции. Один из партработников, выступавших на данной партконференции, мрачными красками живописал свою тяжкую жизнь и сказал буквально следующее: «мы снабжаемся хуже, чем учителя»⁹.

Не лучшим образом обстояло дело и с выплатой зарплаты сельским специалистам. Огромные финансовые средства, необходимые для про-

ведения индустриализации, отчасти изыскивались за счет советских граждан (с этой целью, например, вводились так называемые государственные займы, являвшиеся, по существу, завуалированными невосполнимыми поборами). В итоге, в начале 1930-х гг. те же многострадальные учителя не получали жалование по 3-4 месяца [1, 54]. Так, в январе 1932 г. партработники Константиновского района Северо-Кавказского края признавали, что здесь «несвоевременно обеспечивают учительство зарплатой, а также продуктами питания»¹⁰. На первой Боковской районной партконференции в феврале 1935 г. говорилось, что район задолжал учителям 18 тыс. рублей¹¹.

Нелишне отметить, что материально-бытовые проблемы сельских интеллигентов в эпоху «великого перелома» в значительной мере порождались откровенно грубым отношением к ним со стороны местного начальства (которое, впрочем, демонстрировало такое же отношение и ко всем вообще рядовым советским гражданам). Источники содержат немало убийственных сообщений о том, что представители местной администрации склоняли служащих к сожительству в обмен на продукты или брезгливо заявляли: «если кто из учителей подохнет, революция не пострадает» [1, 55]. В мае 1935 г. заведующий Обливским райОНО Е.Ф. Бизюкин (которого сотрудники НКВД характеризовали как «систематически пьянствующего»), «имея на руках зарплату учителей, при просьбе выдать ее – ответил: «купите каждый по литру, выдам деньги»¹². Не случайно работники райкома ВКП(б) и политотделов Вешенского района Азово-Черноморского края зимой-весной 1934 г. фиксировали «совершенно нетерпимое бюрократическое отношение к своевременной выдаче продуктов и зарплат [учителям] со стороны большинства сельсоветов»¹³ и призывали «сельсоветчиков» к тому, чтобы те «больше уделили внимание учительству, создали бы для них бытовые условия»¹⁴.

Сегодня, мысленно представляя сложность повседневной жизни сельских интеллигентов в период форсированной коллективизации, нам остается лишь поражаться высокому моральному духу и профессиональной добросовестности этих людей, продолжавших самоотверженно трудиться на ниве народного образования, просвещения, здравоохранения. Вместе с тем вряд ли могут возникнуть сомнения в отрицательном отношении деревенских учителей, библиотекарей, врачей, агрономов к коллективизации, осуществлявшейся под лозунгами модернизации и социальной справедливости, но принесшей сельскому социуму неисчислимые беды.

Хотя у сельских интеллигентов имелись вполне реальные и очевидные поводы для недовольства «колхозным строительством», многие

из них выступали против сталинской аграрной политики не столько из-за ухудшения собственного материально-бытового положения, сколько из-за того, что данная политика осуществлялась путем нагнетания социальной агрессии и вела к фактическому закреплению российского (в том числе южнороссийского) крестьянства. Коллективизация, в ходе которой «культивировались подозрительность и нетерпимость, формировались социально-психологические предпосылки политического экстремизма, произвола и насилия» [4, 111], способствовала созданию командно-административной системы управления. Такой вариант социалистического преобразования деревни сельская интеллигенция не могла принять по определению.

В особенности резкое неприятие коллективизации как нового этапа закрепощения крестьянства демонстрировали представители дооктябрьской генерации российской интеллигенции. Таковых в Советской России насчитывалось не столь уж мало, несмотря на то, что после 1917 г. в стране «шло наступление на представителей старой буржуазной интеллигенции как на вновь объявленного маргинала» при одновременном создании «народной интеллигенции», социально и политически близкой большевистскому режиму [5, 115]. Подчеркивая факт «социальной засоренности» сельской интеллигенции, участники проходившей в ноябре 1928 г. Донецкой окружной конференции бедноты заявляли: «Есть очень много чуждого элемента в составе учительства [–] это дочки попов, кулаков, торговцев и т. д. [...] нужно взяться за это дело и очиститься от чуждого элемента»¹⁵. Однако радикальное «очищение» оказывалось невозможно, ибо привело бы к острейшему дефициту кадров на селе. Поэтому в 1931 г. начальник Константиновского районного отделения ОГПУ Кулаков сокрушался, что «на краевой съезд учителей-ударников из нашего района поехало 6 человек, из которых 1 офицер, 1 сын кулака-лишенца, и 3 попа, а молодежь наша, новые кадры не выдвигаются»¹⁶. Наличие в составе сельской интеллигенции значительной (хотя и неуклонно сокращавшейся в условиях политического террора 1930-х гг.) группы интеллигентов досоветской формации являлось существенным фактором, определявшим остроту реакции деревенской общественности на «попытку широкомасштабной социальной инженерии» [6, 7], каковой стала сплошная форсированная коллективизация.

Протест сельской интеллигенции Дона, Кубани и Ставрополя против «колхозного строительства» находил выражение в разных формах. Наиболее распространенной являлась пассивная протестная реакция, когда интеллигенты упорно игнорировали или саботировали различные хозяйственно-политические кампании, к реализации которых их привле-

кала местная власть (сбор налогов, агитация за самообложение или подписку на государственный заем, и т.д.). По этому поводу вполне определенно высказывались члены Зимовниковского райкома ВКП(б) в апреле 1930 г.: «Культурные силы на селе, учителя, ветврачи и другие, не использованы. Деревенская интеллигенция пассивно смотрит на проведение различных мероприятий партии и соввласти»¹⁷.

Другой, довольно распространенной формой протеста сельской интеллигенции против многочисленных «перегибов» коллективизации, являлись критические высказывания, – либо в устной форме, либо в письмах, направляемых в редакции советских газет и журналов, в органы власти или лично большевистским «вождям». Устная критика, разумеется, не мыслилась интеллигентами в качестве публичной; она озвучивалась, как правило, в узком кругу друзей, знакомых, сослуживцев. Однако даже такая «критика вполголоса» не могла укрыться от властей, ибо в России всегда хватало добровольных доносчиков. Еще современники Николая I, указывая на цвет жандармской униформы, печально шутили, что «нынче в России у каждого если не голубой мундир, то голубая подкладка или хотя бы голубая заплатка». Форма сотрудников ОГПУ-НКВД не имела столь впечатляющей цветовой гаммы, но это никак не уменьшило численность внештатных доносчиков (или, выражаясь официальным языком, агентов). Представители ОГПУ-НКВД в своей профессиональной деятельности пользовались услугами значительного количества осведомителей, поскольку сотрудничество с органами госбезопасности считалось своего рода почетной обязанностью советских граждан. Полномочный представитель ОГПУ по Северо-Кавказскому краю Курский прямо призывал делегатов Первого краевого съезда колхозников-ударников в марте 1934 г.: «Каждый колхозник, каждый ударник в первую очередь должен быть таким же чекистом, как и мы... вы здесь должны быть своего рода маленькими чекистами»¹⁸.

Учитывая вышеизложенное, нет ничего странного в том, что представителям власти становились известны критические выпады сельских интеллигентов в адрес коллективизации и колхозной системы, даже произнесенные в узком кругу. Эта критика советской действительности оказывалась весьма нелицеприятной для местных властей. Так, в январе 1932 г. участники XI Константиновской районной партийной конференции говорили: «У нас учительство ведет разлагательскую работу в колхозе, заявляя о том, что МТС это помещичий тип хозяйства»¹⁹.

Эпистолярная критика «колхозного строительства» была гораздо безопасней для сельской интеллигенции (если, конечно, у автора письма хватало сообразительности не указывать свой адрес). Во многих письмах, приходивших в начале 1930-х гг. в редакции советских газет

и журналов или коммунистическим лидерам, содержались гневные высказывания в адрес сталинского «большого скачка», принесшего голод и разорение гражданам СССР. Например, в июле 1932 г. из Краснодарского района Северо-Кавказского края в редакцию «Известий ЦИК СССР и ВЦИК» поступило письмо следующего содержания: «Рабочие и особенно крестьяне голодают, мрут с голоду массами, гибнут. Виновики этому – Сталин и его вольные и невольные сподручники (Молотов, Калинин и проч. «вожди»). Они душат трудовой народ, исковеркали жизнь миллионам, извратили, опозорили великую идею великого и дорогого вождя Ленина – коллективизацию. Они заклятые враги рабочих и трудящихся крестьян... Так дальше нельзя. Долой тупого, грубого, низкого, чванливого «вождя» – Сталина и его сподручников – Молотова и компанию! Да здравствует подлинно ленинская партия!» [7, 411].

По справедливому замечанию В.А. Бондарева, авторами писем, подобных процитированному выше, являлись, чаще всего, именно сельские интеллигенты. Подобный вывод напрашивается потому, что в такого рода посланиях (которые В.А. Бондарев характеризует как «письмо-протест») «часто обращает на себя внимание довольно высокий уровень грамотности авторов. Крестьянские послания в большинстве своем содержат все характерные особенности писем, написанных «простыми людьми» (отсутствие пунктуации, зачастую масса ошибок, сумбурность изложения и пр.). Отсутствие во многих «протестных посланиях» данных специфических огрехов позволяет утверждать, что часто наиболее резкие письма отправляли вождям и в центральные органы власти не только простые крестьяне, но и члены ВКП(б), комсомольцы, представители интеллигенции, местного руководства и т.д.» [8, 412]. Разумеется, сталинский режим, никогда не отличавшийся излишней гуманностью, не собирался терпеть осуждающие замечания в свой адрес. Против любых противников, – будь то интеллигенты или простые крестьяне, – верные последователи Сталина в органах власти на местах применяли жесткие меры.

Итак, сплошная форсированная коллективизация оказывала сильное воздействие и на такой социальный слой советской деревни, как сельская интеллигенция. Социально-экономические условия ее существования в этот исторический период значительно ухудшились, причем не всегда удовлетворялись даже элементарные витальные потребности. В этой ситуации сельская интеллигенция не только смогла выжить, но и вносила свою весомую лепту в социальный протест против сталинского режима.

ПРИМЕЧАНИЯ:

- ¹ Центр документации новейшей истории Ростовской области (ЦДНИ РО). Ф. 30. Оп. 1. Д. 46. Л. 3.
- ² Государственный архив Ростовской области (ГА РО). Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 3232. Л. 45. 46.
- ³ ГА РО. Ф. Р-1390. Оп. 6. Д. 3232. Л. 45.
- ⁴ ГА РО. Ф. Р-2573. Оп. 1. Д. 92. Л. 1106. 25–2506, 2606.
- ⁵ Государственный архив новейшей истории Ставропольского края (ГАНИ СК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Л. 60.
- ⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 120. Д. 118. Л. 97.
- ⁷ ЦДНИ РО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 11. Л. 51.
- ⁸ ЦДНИ РО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 66. Л. 31.
- ⁹ ЦДНИ РО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 51. Л. 22.
- ¹⁰ ЦДНИ РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 60. Л. 7.
- ¹¹ ЦДНИ РО. Ф. 31. Оп. 1. Д. 1. Л. 4.
- ¹² ЦДНИ РО. Ф. 87. Оп. 1. Д. 44. Л. 9.
- ¹³ ЦДНИ РО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 38. Л. 44.
- ¹⁴ ЦДНИ РО. Ф. 36. Оп. 1. Д. 51. Л. 27.
- ¹⁵ ЦДНИ РО. Ф. 75. Оп. 1. Д. 109. Л. 7.
- ¹⁶ ЦДНИ РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 122. Л. 7.
- ¹⁷ ЦДНИ РО. Ф. 44. Оп. 1. Д. 6. Л. 51.
- ¹⁸ ГАНИ СК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 42. Л. 178, 188.
- ¹⁹ ЦДНИ РО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 60. Л. 17.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Осокина Е.А. Иерархия потребления. О жизни людей в условиях сталинского снабжения. 1928 – 1935 гг. М., 1993.
2. (Примечание) Гарнец – это мера объема сыпучих тел. 1 гарнец = 1/8 четверика (3,2798 л). Гарцевый сбор собирался при помоле зерновых культур.
3. Бондарев В.А. Российское крестьянство в условиях аграрных преобразований в конце 20 – начале 40-х годов XX века (на материалах Ростовской области, Краснодарского и Ставропольского краев). Дис... докт. ист. наук. Новочеркасск, 2007.
4. Ташпеков Г.А. Жизнь крестьянства 30-х годов в свете деревенских частушек // Социс. 2002. № 9.
5. Борисов В.А. Социальная мобильность в советской России // Социс. 1994. № 4.
6. Данилов В.П., Маннинг Р., Виола Л. Редакторское вводное слово к сборнику документов // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927 – 1939. Документы и материалы. В 5-ти т. / Т. 1. Май 1927 – ноябрь 1929 / Под ред. В.П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 1999.
7. Из «политических сводок» писем в редакцию «Известий ЦИК СССР и ВЦИК». 6 июля 1932 г. // Трагедия советской деревни. Т. 3. Конец 1930 – 1933. М., 2001.
8. Бондарев В.А. Фрагментарная модернизация постоктябрьской деревни: история преобразований в сельском хозяйстве и эволюция крестьянства в конце 20-х – начале 50-х годов XX века на примере зерновых районов Дона, Кубани и Ставрополья. Ростов н/Д., 2005.

УДК 94 (470) «1946-1953»

ПОДБОР, ВЫДВИЖЕНИЕ И РАССТАНОВКА РУКОВОДЯЩИХ ПАРТИЙНО-СОВЕТСКИХ КАДРОВ В ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ.*

Аннотация. В статье на основе ранее не исследованных архивных материалов анализируется деятельность Политбюро и Секретариата ЦК ВКП(б) в послевоенные годы по подбору, выдвижению и расстановке руководящих партийных, государственных и военных кадров на партийно-государственные должности. Показаны основные этапы, раскрывается трехуровневая процедура принятия кадровых решений, а также методика выдвижения и назначения различных кандидатур на руководящие должности.

Ключевые слова. Политбюро и Секретариат ЦК ВКП(б), руководящие кадры, этапы назначения, трехуровневая процедура, методика выдвижения и назначения.

V.Turin

SELECTION, PROMOTION AND ARRANGEMENT OF SUPERVISING PARTY AND SOVIET SHOTS IN POST-WAR YEARS.

Abstract. In article on a basis of the earlier not investigated archival materials activity of the Political bureau and Central Committee VKP Secretary (b) in post-war years on selection, promotion and arrangement of supervising party, state and military shots on the party-state posts is analyzed. The basic stages are shown, three-level procedure of acceptance of personnel decisions, and also a technique of promotion and appointment of various nominees to supervising posts reveals.

Key words. Politburo and Secretariat of the Central Committee of the CPSU(b), the leading cadres, the stage of purpose, a three-level procedure, the method of nomination and appointment.

После окончания Великой Отечественной войны большое значение в деятельности Секретариата и Политбюро ЦК партии получили вопросы подбора, выдвижения и расстановки руководящих кадров на партийно-государственные должности.

Как показывает анализ данной проблемы, процесс выдвижения и назначения человека на руководящую должность состоял из нескольких этапов:

1. Подбор Управлением кадров ЦК (профиль-

* © Тюрин В.И.

ным отделом ЦК) кандидатуры на тот или иной пост, составление анкетно-биографической справки;

2. отбор из нескольких подобранных кандидатур наиболее подходящей;

3. согласование кандидатуры на уровне заинтересованных министерств, ведомств и учреждений;

4. проверка кандидатуры компетентными органами (Министерство госбезопасности) и получение согласия;

5. рассмотрение и одобрение кандидатуры на заседании Секретариата ЦК;

6. утверждение решения Секретариата на Политбюро ЦК (обычно методом опроса и визирования решения членами и кандидатами в члены Политбюро).

Перед утверждением на Политбюро кандидатура каждого ответственного работника партийной, советской, военной, хозяйственной и иной сферы деятельности рассматривалась и утверждалась лично Сталиным.

Тщательно составлялись и проверялись кадровыми службами и органами МГБ биографические справки кандидатов на вакантные должности. Первостепенное значение имели обязательные рекомендации лиц, выдвигавших людей, и результаты проверки органов госбезопасности. Обращает на себя внимание институт обязательных рекомендаций вышестоящих должностных лиц, своего рода поручителей. Руководители министерств и ведомств были ответственны за своих выдвиженцев и отвечали за них своим положением.

В исследуемый период в системе кадровой политики и практики СССР большое внимание уделялось процедуре и методике выдвижения и назначения на руководящую должность. В качестве примера выдвижения и назначения кадров можно привести такой документ, как записка председателя Внешнеполитической комиссии ЦК ВКП(б) В. Григорьяна, направленная в декабре 1949 г. И. Сталину и демонстрирующая процедуру назначения на руководящую должность.

«Тов. Сталину. Сов. Секретно. 14 декабря 1949 г.

Внешнеполитическая комиссия ЦК ВКП(б) вносит предложение утвердить председателя Комитета радиовещания при Совете Министров СССР т. Виноградова С.А. заведующим отделом МИД СССР по делам ООН.

Тов. Виноградов С.А., рождения 1907 г., член ВКП(б) с 1925 г., имеет высшее образование... (дается краткая характеристика кандидата).

Вопрос о внесении кандидатуры тов. Виноградова в предварительном порядке согласован с тов. Молотовым В.М. и тов. Сусловым М.А. Проект постановления ЦК ВКП(б) и справка на тов. Виноградова прилагаются. Прошу рассмотреть»[1]. Копии

письма были разосланы всем членам Политбюро с пометкой «т. Сталин – «за»».

Лично Сталину кадровые записки направлялась в случаях назначения на руководящие должности, находящиеся в номенклатуре Центрального Комитета партии, прежде всего, в аппарате ЦК, а также в Министерстве иностранных дел, Министерстве госбезопасности, Министерстве Вооруженных сил и других силовых структур.

Кадровые записки с предложением кандидатур на руководящие должности социально-экономического блока направлялись на имя того заместителя Председателя Совета Министров СССР, который курировал и «наблюдал» данное министерство или ведомство.

Например: «Заместителю Председателя Совета Министров СССР тов. Молотову В.М. 23 июня 1951 года.

Согласно Вашей просьбе Транспортный отдел ЦК ВКП(б) занимался подбором кандидатуры на должность заместителя министра морского флота по вопросам судоремонта. Было рассмотрено 23 руководящих работника Министерств: морского флота, судостроительной промышленности и транспортного машиностроения, в том числе 10 директоров заводов и 7 начальников главных управлений.

Транспортный отдел ЦК ВКП(б) считает, что на должность заместителя министра морского флота подходят т.т. Лариошин М.Ф., 1909 года рождения, русский, член ВКП(б) с 1942 года, начальник седьмого Главного управления МСП; Соколов П.А., 1903 года рождения, русский, член ВКП(б) с 1927 года, начальник первого Главного управления МСП... (предложены еще три кандидатуры).

По нашему мнению, наиболее подходящим кандидатом является т. Лариошин, работавший в течение 13 лет на заводе № 202 г. Владивостока. Тов. Лариошин вырос на нем от мастера цеха до главного инженера – заместителя директора завода. По отзывам работников аппарата ЦК ВКП(б), знавших т. Лариошина по Владивостоку, он характеризуется положительно...

Министр морского флота т. Новиков с т. Лариошиным беседовал, признал его хорошим специалистом - судоремонтником, подходящим работником для занятия должности заместителя министра по судоремонту и обещал договориться с министром судостроительной промышленности т. Малышевым В.А. об отпуске т. Лариошина на работу в Министерство морского флота.

Заведующий Транспортным отделом ЦК ВКП(б) Чумаченко»[2].

К данной записке прилагалась справка о кандидате на должность, в которой сообщались следующие данные: дата и место рождения, национальность, членство в ВКП(б), образование, был ли за границей, состоял ли в других партиях, какие имеет

награды, есть ли взыскания, является ли депутатом, работа в прошлом. В конце справки стояла графа – «предложение о назначении».

Исследование вопроса показывает, что процедура принятия важных кадровых решений в Центральном Комитете была трехуровневой.

Нижний уровень – вначале кандидатуры выдвиженцев рассматривались тем членом Политбюро или заместителем Председателя Совета Министров СССР, который курировал данное ведомство.

Средний уровень – персональные кадровые вопросы рассматривались на Секретариате ЦК, заседания которого проходили почти каждый рабочий день. Сталин, как правило, на этих заседаниях не присутствовал, хотя был Генеральным секретарем. Заседания Секретариата вел Секретарь по кадрам – до середины 1946 года Маленков, затем в 1946-1948 годах – Жданов и А. Кузнецов, с середины 1948 года – вновь Маленков. При положительном решении в постановлении Секретариата ЦК говорилось: «утвердить» такого-то товарища на такой-то пост или «принять предложение» такого-то министра о назначении такого-то товарища на определенную должность.

Но решения Секретариата ЦК не являлись окончательными – они выносились на утверждение Политбюро ЦК. Это был высший уровень принятия важных кадровых постановлений. Опросным порядком решения Секретариата письменно (вкруговую) утверждалось всеми членами Политбюро, начиная со Сталина, и затем оформлялось как постановление или распоряжение Политбюро. Как правило, в постановлении сообщалось, кто назначается на ту должность, которую замещал выдвиженец.

Приведем ряд постановлений Политбюро ЦК ВКП(б), посвященных назначению ряда руководящих партийных, государственных и военных кадров. В качестве примера назначения на ответственные партийные должности можно привести следующие кадровые решения Политбюро ЦК.

«Политбюро. Выписка из заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 19 ноября 1946 г. «О т. Боркове Т.А.»

1. Утвердить т. Боркова Т.А. заместителем начальника Управления по проверке партийных органов ЦК ВКП(б).

2. Внести на утверждение Политбюро. Секретарь ЦК Жданов»[3].

«Политбюро. Выписка из заседания Секретариата ЦК ВКП(б) от 26 апреля 1949 г. «О первом секретаре Кабардинского обкома ВКП(б)»

1. Отозвать первого секретаря Кабардинского обкома ВКП(б) т. Мазина Н.П. в распоряжении ЦК ВКП(б) на другую работу.

2. Утвердить первым секретарем Кабардинского обкома ВКП(б) т. Бабица В.И., отозвав его с учебы в высшей партийной школе при ЦК ВКП(б).

Секретарь ЦК Маленков»[4].

Показательно постановление Политбюро ЦК, касающееся аппаратных должностей в ЦК – «О заведующем Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)» от 19 июля 1949 года:

«1. Утвердить Секретаря ЦК ВКП(б) т. Суслова М.А. заведующим Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), освободив от этой работы т. Шепилова Д.Т.

2. Предоставить т. Шепилову полуторамесячный отпуск для лечения, согласно заключению Лечсанупра Кремля.

3. Поручить секретариату ЦК вопрос о работе т. Шепилова Д.Т. решить по возвращению его из отпуска.

Секретарь ЦК Маленков»[5].

Вопросам назначения партийных работников посвящены многие другие решения Политбюро. Например: «О первом секретаре Курганского обкома ВКП(б) от 16 июля 1947 года, «Вопрос Ленинградского обкома ВКП(б)» от 21 февраля 1948 года, «Об Уполномоченном ЦК ВКП(б) по Узбекской ССР» от 22 марта 1949 года, «О первом секретаре Кабардинского обкома ВКП(б)» от 26 апреля 1949 года, «О т.т. Лазутине П.Г. и Кузнецове А.А.» от 16 июня 1949 года, «О заведующем Отделом пропаганды и агитации ЦК ВКП(б)» от 19 июля 1949 года, «О первом секретаре Крымского обкома ВКП(б)» от 5 августа 1949 года, «О тов. Хрущеве Н.С.» от 13 декабря 1949 года и т.д.[6]. Все они посвящены организационно-кадровым вопросам, связанным с назначениями заведующих отделами ЦК, первых секретарей обкомов ВКП(б), других категорий партийных руководителей.

Блок решений Политбюро отражает назначения руководящих советских (государственных) работников. Например:

«Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О т. Федорове А.Г.» от 12 ноября 1946 г.

1. Утвердить т. Федорова А.Г. – слушателем Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б), освободив его от работы председателя исполкома Архангельского областного совета депутатов трудящихся.

2. Внести на утверждение Политбюро. Секретарь ЦК Жданов»[7].

Наряду с персональными, довольно часто практиковались коллективные кадровые решения Политбюро. К примеру: «Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопросы Министерства путей сообщения» от 12 ноября 1946 г.

Утвердить т.т.:

1. Фатеева А.Е. – начальником Забайкальской железной дороги, освободив его от работы заместителя начальника Красноярской железной дороги». Далее идет перечень других «назначенцев» по МПС [8].

«Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О т.т. Соколове Т.И. и Соколове Л.И.» от 12 ноября 1946 г.

1. Освободить т. Соколова Т.И. от работы председателя Новосибирского облисполкома, в связи с переходом его на работу в Совет по делам колхозов при Правительстве СССР.

2. Утвердить т. Соколова Л.И. председателем Новосибирского облисполкома, освободив его от работы секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) по пропаганде и агитации.

Секретарь ЦК Жданов»[9].

На уровне Политбюро ЦК утверждались не только персоналии, но и коллегии министерств. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «Вопросы Министерства торговли СССР» от 16 ноября 1946 г.:

«1. Утвердить коллегию Министерства торговли СССР в составе т.т.: Любимова А.В. (председатель)... (далее идет перечень 10 членов коллегии – заместителей министра).

2. Принять с поправками предложение т. Любимова о распределении обязанностей между министром торговли и его заместителями.

Секретарь ЦК Жданов»[10].

Вызывает интерес Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О т.т. Пальцеве А.С. и Муровенко А.Г.» от 22 ноября 1946 года.

Оно гласило: «Утвердить т.т.:

Пальцева А.С. – заместителем министра государственного контроля СССР, освободив его от работы главного контролера Министерства государственного контроля СССР по Министерству черной металлургии.

Муровенко А.Г. – главным контролером Министерства черной металлургии, освободив его от работы заведующим сектором Управления кадров ЦК ВКП(б).

Секретарь ЦК Жданов» [11].

Были и другие решения Политбюро ЦК, касавшиеся назначения номенклатурных советских работников: «О Дроздове Г.Т.» от 10 сентября 1945 года, «О наркоме торговле РСФСР» от 12 сентября 1945 года, «Вопрос Наркоминдела СССР» от 25 сентября 1945 года, «О назначении Малышева В.А. народным комиссаром транспортного машиностроения СССР» от 14 октября 1945 года, «О наркоме авиационной промышленности» от 30 декабря 1945 года, «О заместителях народного комиссара угольной промышленности восточных районов СССР» от 30 января 1946 года, «О составе коллегии Народного комиссариата автомобильной промышленности СССР» от 11 марта 1946 года, «О назначении Кабанова И.Г. министром электропромышленности» от 28 июня 1946 года, «О т. Вознесенском Н.А.» от 7 марта 1949 года, «О т. Чадаеве Я.Е.» от 16 августа 1949 года, «Вопросы Совета Министров СССР» от 7 апреля 1950 года, «О назначении тов. Попова Г.М. министром сельскохозяйственного машиностроения» от 14 марта 1951 года и т.д. [12].

Данные документы Политбюро посвящены

назначению высших государственных чиновников – утверждению председателей Совета Министров СССР и союзных республик, состава правительств, министров, заместителей министров СССР и РСФСР, утверждению коллегий министерств, председателей краевых и областных исполкомов депутатов трудящихся.

Большая группа решений Политбюро посвящена назначению руководящих военных кадров – Министерства Вооруженных сил и Министерства госбезопасности. В качестве примера можно привести постановления Политбюро ЦК «О назначении Генералиссимуса Советского Союза товарища Сталина И.В. Народным Комиссаром Вооруженных Сил и Верховным Главнокомандующим Вооруженных Сил Союза ССР» от 25 февраля 1946 года, «О составе руководящих работников главных управлений, управлений и отделов Министерства госбезопасности СССР» от 3 июня 1946 года, «О Хрюкине Т.Т. и Ворожейкине Г.А.» от 7 декабря 1946 года, «Вопросы Министерства Вооруженных сил СССР» от 7 декабря 1946 года, «О назначении министра Вооруженных сил СССР генерала армии Булганина Н.А. заместителем председателя Совета Министров СССР» от 5 марта 1947 года, «Вопросы Министерства Вооруженных сил СССР» от 10 июня 1948 года, «О назначении маршала артиллерии Яковлева Н.Д. заместителем министра Вооруженных сил» о 15 ноября 1948 года, «О начальнике Главного политического управления Вооруженных сил» от 7 февраля 1949 года, «О начальнике Главного штаба ВВС и заместителе Главкома ВВС» от 26 апреля 1949 года и многие другие [13];

Ряд кадровых решений Политбюро касались утверждения кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Данному направлению кадровой деятельности были посвящены два вида решений. Во-первых, это персональные постановления Политбюро, которые в достаточно большом числе оформлялись в период между всеобщими выборами по кандидатурам взамен выбывшим депутатам. Таково, например, решение Политбюро «О кандидате в депутаты Верховного Совета СССР по Сухиничскому избирательному округу № 164 Калужской области» от 10 мая 1949 года». В нем говорилось: «Принять предложение Калужского обкома ВКП(б) об утверждении кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР (Совет Союза) по Сухиничскому избирательному округу т. Павлова В.И. – первого секретаря Калужского обкома ВКП(б). Секретарь ЦК Маленков» [14].

Важно заметить, что Политбюро как высший кадровый орган в стране официально «утверждал» кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР, предложенных местными партийными властями. Выборы депутатов затем проводились, хотя во многом они носили уже формальный характер. По-

казательно, что на место ушедшего депутата предлагалась кандидатура первого секретаря обкома партии. В то время было правомочным соединять депутатские и партийные должности – по статусу все первые секретари обкомов партии должны были быть и членами Центрального Комитета партии, и депутатами Верховного Совета СССР.

Раз в пять лет перед всеобщими выборами – в 1946, 1950 гг. – Политбюро в обязательном порядке утверждало большие коллективные списки кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Пример – постановление Политбюро «О кандидатах в депутаты Верховного Совета СССР» от 21 февраля 1950 года [15]. В нем, в частности, говорилось: «Принять предложения обкомов, крайкомов и ЦК Компартий союзных республик о выдвижении кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР. Секретарь ЦК Маленков» [16].

В приложении к данному постановлению содержался длинный перечень всех кандидатов в депутаты Верховного Совета СССР по двум палатам – Совету Союза и Совету Национальностей. В списке Совета Союза первым (не по алфавиту) шел академик Вавилов С.И. – «Президент АН СССР, беспартийный депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва», вторым – Сталин И.В. – «Председатель Совета Министров СССР, член ВКП(б), депутат Верховного Совета СССР 2-го созыва» (должности даны так, как сформулированы в постановлении). В этом списке фамилии членов Политбюро и Секретарей ЦК, видных ученых и военачальников перемежались с фамилиями знатных сталиваров и доярок.

То есть в процессе отбора, подбора и назначения руководящих кадров на ответственную должность действовали следующие организационные принципы: принцип обязательной административной проверки выдвигаемых кадров; принцип строгой ответственности рекомендуемых лиц; принцип согласования со всеми заинтересованными инстанциями; принцип личного согласия вождя; принцип коллективного утверждения членами Политбюро (что имело формальный характер).

Исследование данного вопроса показывает, что для кадровых выдвижений и вообще для кадровой работы того периода было характерно: внимательное изучение и тщательный подбор руководящих кадров; необязательность учета личного мнения выдвиженца; последовательность прохождения должностей снизу вверх; частая ротация работников, с тем, чтобы они не «засиживались» на одних местах; перемещение кадров с партийных должностей на государственные и наоборот; формирование кадрового резерва и работа с ним.

Государственная кадровая политика – это не только выдвижение и назначение кадров; это и их отстранение, освобождение от занимаемых должностей. Наряду с выдвижением и ротацией номенк-

латурных работников Секретариат и Политбюро ЦК рассматривали и утверждали вопросы освобождения работников от замещаемых должностей в процессе их ротации, а также снятия несправившихся и дискредитировавших себя руководителей с занимаемых постов. В этом отношении Сталин был строг к своим подчиненным. Как правило, решения высших партийных и кадровых органов сопровождались мотивацией снятия того или иного ответственного работника со своего поста и определением его дальнейшей профессиональной судьбы.

Вопросы снятия руководящего состава с занимаемых должностей были тесно связаны с вопросами укрепления партийной и государственной дисциплины. Нередко отстранение руководящего лица от занимаемой должности было заключительным этапом партийного или государственного расследования какого-нибудь персонального дела ведомствами Шкирятова или Мехлиса.

Анализ данного вопроса показывает, что главными причинами отстранения номенклатурных работников от занимаемых должностей были следующие. На первом месте стояла политическая причина, то есть утрата тем или иным руководящим лицом политического доверия со стороны высшего руководства страны и лично Сталина. В случае потери политического доверия и обвинений в «предательстве партии», «измене Родине» и т.д. следовали неотвратимые санкции, связанные с увольнением человека, вплоть до инкриминации ему 58-й «антисоветской» уголовной статьи и расстрела. Так произошло с Н. Вознесенским и всей «ленинградской группой». К этой категории относятся случаи, когда руководители совершали серьезные, с точки зрения высшего руководства, политические ошибки в идеологической работе и хозяйственном строительстве.

Не секрет, что при Сталине эффективность работы любого руководителя, особенно министров и первых секретарей обкомов партии, определялась, прежде всего, реальными результатами их работы и работы вверенных им ведомств и территорий. Следующий фактор, который влиял на сохранение или утрату высокого поста – моральные качества ответственного работника. Лиц, уличенных в моральной неустойчивости, бытовой нечистоплотности, пьянстве, а тем более в разворовывании государственной собственности, увольняли без сожалений. Была еще одна причина увольнений руководящего состава – это окружение себя непроверенными лицами, не оправдавшими себя в работе, неустойчивыми и политически невыдержанными, слабыми в деловом и моральном отношении, проваливающих порученное им дело. После войны были единичные случаи сокращения ответственных работников в связи с оргштатными мероприятиями.

Процедура снятия ответственного работника

с партийного, государственного или хозяйственного поста была соответствующими партийными и кадровыми органами хорошо отработана. Перед снятием руководящего работника с того или иного высокого поста Комиссия партийного контроля при ЦК ВКП(б) (Шкирятов) и Министерство госконтроля (Мехлис), как правило, проводили комплексную проверку его деятельности. При необходимости подключались МГБ и МВД. После этого заслушивался отчет проверяемых работников на Секретариате ЦК или в Правительстве СССР. Далее принималось решение, оформлялось и издавалось соответствующее постановление Политбюро или Секретариата ЦК. Поэтому постановления по персональным делам имели, как правило, развернутый характер с анализом состояния дел в проверяемом ведомстве или на проверяемой территории и итоговой резолюцией – определенной санкцией (административным, партийным взысканием или передачей дела в суд).

В качестве характерного примера отстранения ответственного должностного лица от должности можно привести одно из постановлений Политбюро ЦК партии – «О неудовлетворительном руководстве Ставропольского крайкома ВКП (б) хлебозаготовками» от 19 ноября 1946 года. В нем, в частности, говорилось:

«1. ЦК ВКП(б)... признал совершенно нетерпимым положение дел с хлебозаготовками в Ставропольском крае и установил, что крайком ВКП(б) и его первый секретарь т. Орлов при проведении хлебозаготовок встали на путь небольшевистского отношения к интересам государства, самоустранились от руководства этим важнейшим государственным делом и тем самым дезорганизовали работу партийных и советских организаций края по заготовкам хлеба... На 10 ноября с.г. план сдачи хлеба государству по Ставропольскому краю выполнен всего лишь на 58,8%.

ЦК ВКП(б) постановляет:

1. Снять т. Орлова А.Л. с поста первого секретаря Ставропольского крайкома ВКП(б) как неспособного проводить линию партии и обеспечить интересы государства в деле хлебозаготовок, отозвав его в распоряжение ЦК.

2. Признавая, что председатель крайисполкома т. Баранов за плохое руководство хлебозаготовками тоже заслуживает снятия с поста, сделать ему последнее предупреждение.

3. За плохую работу объявить строгий выговор уполномоченному Министерства заготовок по краю т. Канашенок С.С.

4. Командировать в Ставропольский край сроком на 15 дней т. Ларионова А.М. для принятия совместного с крайкомом партии и крайисполкомом мер по усилению хлебозаготовок.

5. Утвердить первым секретарем Ставрополь-

ского крайкома ВКП(б) т. Бойцова И.П., освободив его от обязанностей первого секретаря Калининского обкома ВКП(б).

Секретарь ЦК Жданов.

Разослать: в ЦК компартий союзных республик, крайкомам, обкомам ВКП (б)»[17].

Характерно, что снятие высокого партийного начальника произошло не по политической, а по хозяйственной причине, как неспособного организовать хлебозаготовки в хлебопроизводящем регионе страны. Возможно, такая строгая мера наказания и не состоялась, если бы в стране в 1946 г. не было голода. Но номенклатурный работник не исчезает бесследно – он переводится в кадровый резерв ЦК для «перевоспитания».

Это постановление имело воспитательный характер для других региональных партийно-советских руководителей, так как было циркулярно разослано всем. Обращает на себя внимание заострение центром вопроса о приоритетности интересов государства перед местными вопросами. Здесь вновь И. Сталин позиционирует себя как последовательный государственный деятель, который борется с местничеством и строго спрашивает со своих «наместников» в регионах.

ИСТОЧНИКИ:

1. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 163. Д.1540. л. 128.
2. РГАСПИ. Ф. 82. Оп. 2. Д.394. Л. 183.
3. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.1492. Л. 142.
4. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.1524. Л. 126.
5. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.1528. Л. 90.
6. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1492, 1522, 1524, 1526, 1528, 1529, 1538, 1540 (протоколы Политбюро)
7. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.1492. Л. 29.
8. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.1492. Л. 32.
9. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.1492. Л.30.
10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.1492. Л.106.
11. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д.1492. Л.145.
12. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1496, 1522, 1524, 1526, 1527, 1529, 1536 (протоколы Политбюро)
13. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919 – 1951: Каталог. Т. 3. 1940-1952. М., 2001. С. 398-929.
14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1524. Л.232.
15. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1524, 1526, 1542 (протоколы Политбюро)
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1542. Л.150.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1492. Л.88.

Болотов С.В.

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ И НАЧАЛО «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»*

Аннотация. В статье рассматриваются основные вехи истории участия Русской Православной Церкви в советской международной политике в начале «холодной войны». Показано, что патриотическая деятельность Русской Православной Церкви в годы Великой Отечественной войны стала основой для продолжившегося сотрудничества духовенства и советских политических лидеров на международной арене.

Ключевые слова: Русская Православная Церковь, международная политика, «холодная война», экуменизм, движение за мир, сталинизм.

S. Bolotov

RUSSIAN ORTHODOX CHURCH AND THE BEGINNING OF THE COLD WAR.

Abstract. Patriotic activity of Russian Orthodox Church in years of Great Patriotic war became a basis for cooperation of clergy and soviet political leaders in the international scene. This article is about history of Russian Church in a soviet foreign policy in the beginning of the Cold War.

Key words: Russian Orthodox Church, foreign policy, Cold War, ecumenism, anti-war, Stalinism.

С окончанием Великой Отечественной войны перед руководством Советского Союза встала задача укрепления своего влияния во всем мире. Благодаря работе отечественных и зарубежных историков, особенно активной в последние двадцать лет, стало известно, что советское руководство намеревалось решить эту задачу с помощью Русской Православной Церкви (далее РПЦ). Лидеры советского государства, прагматично рассматривая РПЦ как инструмент внешней политики, во время Великой Отечественной войны отступились от своего традиционного курса на подавление Церкви, и пошли на организационное укрепление Московской Патриархии [1, 70]. В начале 1945 г. её возглавил патриарх Алексий (Симанский), сменивший скончавшегося в 1944 г. патриарха Сергия (Страгородского). С разрешения И.В. Сталина и созданного по его инициативе Совета по делам РПЦ при Совете Народных Комиссаров под руко-

водством полковника госбезопасности Г.Г. Карпова Церкви передавалось необходимое имущество и ценности. Стали открываться храмы и церковные учебные заведения, а численность духовенства возросла за счет освобожденных из тюрем и лагерей и новоопределенных в священники и архиереи.

10 апреля 1945 г. в Кремле состоялась встреча Патриарха Алексия, митрополита Николая (Ярушевича) и протопресвитера Н. Колчицкого с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, основной темой которой российские историки с подачи В.А. Алексеева [2, 347] единодушно считают послевоенное устройство Европы. По итогам встречи советским руководством были санкционированы многочисленные контакты церковного руководства с представителями других христианских Церквей. Так, вскоре после встречи с И.В. Сталиным в Болгарию, Югославию и Румынию были отправлены делегации Московской Патриархии. Эти визиты содействовали укреплению нарушенных войной связей между славянскими народами, исповедовавшими православие. Архиепископ Псковский Григорий (Чуков), возглавлявший одну из делегаций, как и митрополит Николай (Ярушевич), стал активным церковным дипломатом и в этом качестве с 1945 по 1955 гг. кроме Болгарии посетил с официальными поручениями Финляндию, Францию, Сирию, Ливан, Египет, Румынию и США. Сам патриарх Алексий, в сопровождении митрополита Николая, 22 мая 1945 г. отправился в большую поездку, посетив Святую Землю, Кипр и страны Ближнего Востока, в ходе которой встретился с Иерусалимским, Александрийским и Антиохийским патриархами. Кроме того, митрополит Николай совершил визит в Великобританию, где встречался с королем Георгом VI, архиепископом Кентерберийским и с эмигрантской русской общиной [4, 121]. Повсюду делегации Московской Патриархии получали теплый прием, а со своей стороны – уверяли зарубежные Церкви и общественность в наличии полной религиозной свободы в СССР и вообще выставляли Советский Союз в выгодном свете. Имели место и ответные визиты представителей Православных Церквей в Москву.

Необходимость дальнейшего участия РПЦ во внешней политике СССР была обусловлена целым рядом факторов. Прежде всего, это была задача дальнейшего укрепления советского влияния в странах социалистического лагеря, которая решалась, в том числе, с помощью Церкви, которой предлагалось вести просоветскую агитацию. С окончанием войны Патриархия получила в свое распоряжение приходы Украины и Белоруссии, а также не столь многочисленные, но очень важные приходы прежде независимых от

* © Болотов С.В.

Москвы управляющих русскими православными приходами в Западной Европе митрополитов Евлогия (Георгиевского) и Серафима (Лукьянова) [5, 289]. Восстановившая свои международные связи, РПЦ традиционно имела серьезное влияние на верующих тех стран Восточной Европы, где существовали Православные Церкви – Болгарская, Румынская, Сербская, Польская, Чехословацкая и Албанская. Все эти страны, за исключением Сербии (Югославии), со временем вошли в организации советского блока – СЭВ и ОВД.

Другая внешнеполитическая задача РПЦ проистекала из радикально антисоветской позиции другой влиятельной религиозной организации – Ватикана, который с 1939 г. возглавлял Папа Пий XII, известный своими яркими антикоммунистическими воззрениями, активно включившийся в «холодную войну» против СССР. Прямым следствием этого стало стремление советского руководства ликвидировать подчинявшиеся Римскому Папе униатские приходы в тех странах Восточной Европы, которые формировали социалистический лагерь, и вообще противодействовать католической антисоветской риторике.

Еще одной внешнеполитической задачей, поставленной перед церковным руководством, стало активное участие в международном движении за мир, который был необходим как сильно пострадавшему от военных действий Советскому Союзу, так и Западной Европе.

Наконец, выгода от участия РПЦ во внешней политике СССР, по мнению ряда исследователей, объяснялась еще и общим повышением эффективности воздействия советской пропаганды на население капиталистических стран, особенно верующих. Эта точка зрения подкреплена соответствующими высказываниями советских вождей [6, 307; 3, 202]. Впрочем, также существует мнение, что поддержка советской пропаганды со стороны священноначалия РПЦ превращала Русскую Церковь в глазах людей Западного мира в проводника советского влияния [7, 34]. По всей видимости, имеют право на существование обе точки зрения. За убеждения людей развернулась настоящая пропагандистская война.

Для осуществления Церковью международной деятельности 4 апреля 1946 г. в составе синодальных учреждений РПЦ был организован Отдел внешних церковных сношений, который возглавил митрополит Николай (Ярушевич). Кроме того, митрополит Николай также стал членом Всеславянского комитета и активно участвовал в международном движении за мир.

По мере продвижения Советской Армии на Запад во время Второй мировой войны в ведение РПЦ попали епархии и приходы, прина-

длежащие ей до Первой мировой войны и затем отошедшие от неё. Советскому правительству было выгодно включение их в состав Русской Церкви, оно всемерно поддерживало этот процесс, полагая, что Церковь направит воссоединяемые общины на тот же патриотический путь, которым шла во время войны вся паства Московской Патриархии в СССР.

Поначалу успешно шло воссоединение и русских эмигрантских приходов. Русские православные общины в Германии, Австрии, Венгрии, Югославии, Великобритании и многих других странах Европы, Африки и Азии выразили желание объединиться с Русской Церковью. Этому способствовали патриотическое движение в годы войны и гордость за свою Родину, связь с которой для большей части эмиграции была осуществима лишь через церковные каналы. После избрания в 1945 г. Патриарха Алексия духовенство дальневосточных епархий Зарубежной Русской Православной Церкви (далее РПЦЗ), возглавляемое митрополитом Харбинским и Маньчжурским Мелетием (Заборовским), стало возносить за богослужениями его имя, хотя это повлекло за собой угрозы японских властей. Эти епархии вскоре были приняты в юрисдикцию Московской Патриархии, так же, как и Русская Духовная Миссия в Китае [8, 76]. В следующем году в юрисдикцию РПЦ перешла Чехословацкая Православная Церковь, а также были установлены тесные связи с Православной Церковью Болгарии [9, 233]. Все эти перемены немедленно сказались на содержании печатных органов русской эмиграции по всему миру, которые стали значительно более благожелательны к Советскому Союзу. Возвращению эмигрантских приходов под юрисдикцию Московской Патриархии способствовал временный кризис РПЦЗ. Однако затем Зарубежная Церковь сумела укрепить свое положение и выступить против международных инициатив РПЦ. 10 мая 1946 г. Архиерейский Собор РПЦЗ в Мюнхене по поводу обращения патриарха Алексия заявил: «Мы не находим для себя нравственно возможным пойти навстречу этим призывам до тех пор, пока высшая церковная власть в России находится в противоестественном союзе с безбожной властью» [10, 137].

Негативно сказались на настроении русских эмигрантских приходов политические акции тех стран, где они находились. Так, например, священники русских приходов Египта и Южной Кореи, вернувшиеся под юрисдикцию Московской Патриархии, были арестованы и высланы из этих стран. Подобные акции имели место и в других государствах. Не особенно благополучно складывались дела в Польше, где местная Пра-

вославная Церковь стремилась к автокефалии от Русской Церкви и в этом находила решительную поддержку польского правительства. Лишь после длительных переговоров Москва согласилась с самостоятельностью польского православия.

Советское правительство считало, что РПЦ может и должна сыграть важную роль в борьбе против Католической Церкви, занимавшей резко антикоммунистические позиции. Эта борьба считалась одной из серьёзнейших задач государственной религиозной политики, поскольку Ватикан был важным актором «холодной войны». Согласно сталинскому плану, в Москве в противовес Ватикану должен был быть создан новый мировой религиозный центр. Вскоре эти планы трагическим образом сказались на судьбе Греко-католических Церквей в СССР. Среди верующих Западной Украины исторически существовала сильная тяга к православию, но грубое вмешательство государственных органов в вопросы веры скорее помешало искреннему воссоединению униатов с Русской Церковью, хотя и значительно ускорило этот процесс. Сначала униатскому епископату предложили самоликвидироваться. Но выяснилось, что все пять униатских архиереев не желают переходить в православие, после чего они немедленно были арестованы. К весне 1946 г. 997 из 1270 униатских священников Западной Украины присоединились к инициативной группе по воссоединению во главе с протоиерем Г. Костельником, созданной в мае 1945 г. [4, 123]. 8–10 марта 1946 г. на Львовском Соборе Греко-католического духовенства и мирян они решили воссоединиться с Русской Православной Церковью и упразднить Брестскую унию 1596 г. Осуществление этой акции контролировал первый секретарь ЦК Компартии Украины Н.С. Хрущев, который на все свои действия запрашивал санкции И.В. Сталина. Потеря такого большого числа приходов нанесла ощутимый удар по Ватикану.

Тем временем в Кремле была разработана новая программа по борьбе с католицизмом. Была поставлена задача не только окончательно ликвидировать униатскую Церковь в СССР, но и подготовить проведение аналогичных мероприятий в некоторых других странах. Задача удалась: униатская Церковь практически прекратила существование в СССР, в 1948 г. она перестала существовать в Румынии, а в 1950 г. – в Чехословакии. Кроме того, Кремль желал создать альянс христианских Церквей в виде международного движения во главе с РПЦ для борьбы с Ватиканом.

Надо заметить, что идеи противостояния католическому влиянию исходили не только из СССР. Митрополит Алеутский и Северо-Амери-

канский Вениамин (Федченков), эмигрировавший из России еще во время революции, в своих записках так обрисовал негативный образ Ватикана: «Католицизм внутренне – на стороне Франко, Петэна, Чемберлена и Гитлера. Потому – католицизм против не только Православия, но еще более против Советского Союза: там он видит разрушение и имущества своего, и оков, коими связал свободу народов Рим. Католицизм агрессивен» [11, 24]. Для распространения подобных взглядов и усиления своего влияния Московская Патриархия, при поддержке советских властей, взяла курс на активное участие и захват лидерства в экуменическом движении за объединение всех христианских конфессий.

По замыслу И.В. Сталина, участие РПЦ в экуменическом движении и укрепление её влияния в Европе и мире должно было иметь логическое завершение в создании «Московского Ватикана» как центра мирового православия, для чего нужна была поддержка со стороны всех Православных Церквей. Советское военное и политическое присутствие в странах Восточной Европы, избрание 22 февраля 1946 г. Греческим Патриархом Максима V, слывшего русофилом, делало воплощение этих планов в жизнь вполне реальным. Однако эти планы стали встречать деятельное сопротивление, в том числе со стороны разведок и различных организаций западных стран, начавших активно вмешиваться в дела Всемирного Православия. Ситуацию усугубили болезнь Патриарха Максима, широкая кампания по дискредитации РПЦ, развернувшаяся в западной прессе, а также противодействие Ватикана. Вскоре у Московской Патриархии возникли трения с Англиканской Церковью, которая не собиралась уступать в борьбе за лидерство в экуменическом движении.

Когда советскому и церковному руководству стало понятно, что вступление в экуменический диалог не приведет к достижению цели, отношение к экуменизму резко изменилось. На открывшемся 8 июля 1948 г. Всеправославном совещании в Москве [12], куда в итоге приехали делегации 11-ти автокефальных Церквей из 13-ти, по настоянию русской стороны было принято решение отказаться от участия в экуменическом движении. На Ассамблею Всемирного Совета Церквей в Амстердаме в августе 1948 г. приглашенные туда представители РПЦ ехать также отказались. Основное внимание участников совещания было переключено на осуждение политики Ватикана. В резолюции совещания по этому вопросу говорилось об антихристианском характере учения о главенстве в Церкви Папы и его непогрешимости, а также о причинении римскими епископами «огромного вреда единс-

тву Вселенской Церкви Христовой и вообще делу созидания спасения человека на земле». Тем временем в результате закулисной борьбы Греческим Патриархом стал американский ставленник Афинагор I, показательно прибывший в Стамбул на самолете президента США Г.С. Трумена. Патриарх Афинагор, настроенный к СССР нелояльно, способствовал превращению войны Москвы и Ватикана в затяжной конфликт, отголоски которого слышны и в наши дни.

1948 год стал рубежом в церковно-государственных отношениях. В СССР возобновились гонения на Православную Церковь: вошло в практику грубое давление на Синод, ходатайства об открытии церквей, семинарий и духовной академии в Киеве стали отклоняться, церковные здания изымались под хозяйственные нужды, закрывались монастыри [13, 426]. Возобновление политики давления и репрессий в отношении РПЦ было связано с разочарованием И.В. Сталина в Церкви как рычаге дипломатической работы и провалом его средиземноморских планов в отношении Греции, Израиля и Турции. Московская Патриархия со своей стороны также не могла, несмотря на все публичные просоветские декларации, быть вполне довольна новой сталинской религиозной политикой. Об ограниченном характере потепления государственно-церковных отношений свидетельствует тот факт, что за 1944-1947 гг. в СССР власти разрешили открыть лишь 1270 храмов [14, 45]. Для сравнения можно сказать, что нацистами за годы оккупации на территории СССР было открыто порядка 9-10 тысяч православных храмов [15].

Тем не менее, поддержка позитивного образа СССР в глазах западной общественности как миролюбивого государства дипломатическими и пропагандистскими мерами имела для советского руководства в послевоенные годы важнейшее значение [7, 39]. Хотя Советский Союз сделал серьезные шаги в области ядерного вооружения и вскоре провел успешные испытания ядерной бомбы, он все еще сильно уступал США как по числу ядерных зарядов, так и в области средств их доставки. Нарастание напряженности в условиях «холодной войны», уязвимость страны перед ядерной бомбардировкой требовали не допускать военных конфликтов с США и их союзниками.

В конце 1940-х гг. активизировалось общественное движение за мир во всем мире, а Московская Патриархия с санкции Кремля активно включилась в это движение. В апреле 1949 г. на конгрессе в Париже движение сторонников мира положило начало работе Всемирного совета мира (далее ВСМ). Представитель Московской Патриархии был выбран в состав Постоянного

совета ВСМ. С мая 1949 г. в Журнале Московской Патриархии появился постоянный раздел «В защиту мира». Большой вклад внесла РПЦ в 1950 г. в сбор подписей под Стокгольским воззванием Постоянного комитета Всемирного конгресса сторонников мира о запрещении ядерного оружия. После начала войны в Корее патриарх и Священный Синод послали в Совет безопасности ООН обращение от 21 августа 1950 г., в котором настаивали на прекращении американских бомбардировок и выводе иностранных войск из Кореи. Протестовали они также против вооруженной борьбы с греческими коммунистами, которая, так же как и война в Корее, являлась важным эпизодом «холодной войны».

Постепенно стала затухать борьба с Ватиканом. В 1949 г. Папа Римский опубликовал акт об отлучении от Католической Церкви католиков-коммунистов, а также всех сочувствующих. Разумеется, Патриарх Алексей немедленно выступил с публичным заявлением, в котором с негодованием раскритиковал эту акцию. Но без мощной поддержки советского государства конфронтация православных иерархов с католическими ослабевала.

Таким образом, несмотря на то, что РПЦ занималась международной деятельностью, полезной для государства, интерес к ней со стороны советских вождей неуклонно падал. Хотя митрополит Николай (Ярушевич) и продолжал восхвалять миролюбивый курс СССР и клеймить его оппонентов с международных трибун, но неоднократные попытки патриарха Алексея добиться новой встречи с И.В. Сталиным и как-то изменить ухудшающуюся ситуацию закончились неудачей. Со смертью вождя активная международная деятельность РПЦ оказалась свернутой, а церковное руководство столкнулось с угрозой новых полномасштабных гонений, которые планировал новый советский лидер Н.С. Хрущев. И хотя в середине 1950-х гг. желание политической верхушки использовать РПЦ во внешнеполитических акциях все же победило, смерть И.В. Сталина и смена руководства страны четко обозначили границу между последующими этапами участия Церкви во внешней политике СССР и первоначальным этапом периода начала «холодной войны».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Болотов С.В. Русская Православная Церковь в международной политике СССР 1940-х гг. // Преподавание истории в школе. 2009. № 9.
2. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. М., 1991.
3. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется. М., 1992.
4. Левченко И.В. Русская православная Церковь и государство. Иркутск, 1997.
5. Общественная мысль Русского зарубежья: Энцикло-

- педия / Отв. ред. В.В. Журавлев; отв. секр. А.В. Репников. М., 2009.
6. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве. М., 2005.
 7. Gerald Buss. The Bear's Hug: Religious Belief and the Soviet State. London, 1987.
 8. Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае. СПб., 1993.
 9. Скурат К.Е. История Поместных Православных Церквей. Т.2. М., 1994.
 10. Соллогуб А.А. Русская Православная Церковь Заграницей. 1918-1968. Т. I. Нью-Йорк, 1968.
 11. Вениамин (Федченков), митр. «За Православие помилует меня Господь...». Дневниковые записи. СПб., 1999.
 12. Деяния совещания глав и представителей автокефальных Православных Церквей. М., 1948.
 13. История РПЦ от восстановления патриаршества до наших дней. Т. 1. СПб., 1997.
 14. Гордун С. Русская Православная Церковь в период с 1943 по 1970 год // Журнал Московской Патриархии. 1993. №1.
 15. Шкаровский М.В. Разделяй и властвуй. Политика нацистской Германии и Русская Православная Церковь на оккупированных территориях // НГ-Религии. 2003, № от 19 ноября.

УДК 94 (470.4) «1917/1991»: 792

Петрова И.С.

ТЕАТР И ЗРИТЕЛЬ. 1945-1953. (На материалах областей Нижней Волги)*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос о взаимодействии театров со зрителем. Показаны основные мероприятия, направленные на привлечение жителей городов и деревень в учреждения искусства после окончания Великой Отечественной войны в Нижнем Поволжье. Автор осветил цели и итоги этой деятельности.

Ключевые слова: Россия, Нижнее Поволжье, культура, искусство, театр

I. Petrova

THEATER AND SPECTATOR. 1945-1953.
(BASED ON THE DOCUMENTS OF THE LOWER VOLGA REGION).

Abstract. The article examines the issue of interaction between theater and the spectator. The main measures used to attract towns people and country

people in the Lower Volga region into the theaters after the World War II are analyzed. The author elucidates goals and outcomes of this activity.

Key words: Russia, the Lower Volga, culture, art, theater

Творческая деятельность театров не может совершенствоваться без участия зрителей. Наполненность зала, его сопереживание происходящему на сцене, аплодисменты и сборы от спектаклей – важнейшие условия развития искусства. В послевоенные годы произошли изменения не только в театре, но стал другим и его посетитель. За годы Великой Отечественной войны в РСФСР было разрушено 208 театров и музеев [6, 44]. Значительные потери понесли и культурные учреждения Нижнего Поволжья. В Сталинграде были уничтожены все здания, в Астрахани поврежден драмтеатр. Сократилась численность театральных коллективов. Одни актеры не вернулись с фронта, другие попали в лагеря. Учебные заведения, готовившие молодых актеров, находились в стадии восстановления. Подвергся изменению репертуар театров в связи с изданием в 1946-1948 гг. постановлений ЦК ВКП (б) по вопросам литературы и искусства. Ужесточение репертуарной политики привело к тому, что и в столичных, и в провинциальных театрально-зрелищных учреждениях шли одни и те же спектакли. Зрители, многие из которых побывали за границей, пережив тяготы войны и выйдя из нее победителями, ожидали иных перемен в искусстве, а не тех пафосных пьес, схем и штампов, предлагавшихся им на подмостках местных театров. Ведь здесь происходил смотр не только искусства, но и жизни.

Проблема работы со зрителем в послевоенные годы фактически не освещена в исследованиях [1; 2; 3; 4, 180-191; 7, 54]. Автор данной статьи предпринял попытку проанализировать основные формы привлечения населения в театры, цели и результаты этой деятельности. При этом использованы документы и материалы одного из типичных регионов страны – Нижнего Поволжья, где были представлены все основные жанры театрального искусства и действовали театры не только регионального, но и республиканского значения.

Одним из важнейших факторов, влиявших на посещаемость культурных учреждений в послевоенный период, являлись цены на билеты. В 1945 г. в театрах Астрахани, Саратова и Сталинграда они составляли от 2 до 13 рублей на утренние спектакли и 5-18 рублей на вечерние. В 1952 г. – 3-10 и 5-15 рублей соответственно. Судя по стоимости посещения театров Нижнего Поволжья в 1945-1952 гг., политика государства была направлена на поддержание стабильности цен [8,11; 20, 21; 22]. В то же время

* © Петрова И.С.

визит в Саратовской театр оперы и балета (ТОБ) обходился сравнительно дорого (от 8 руб. 24 коп. до 12 руб. 74 коп.), что объяснялось его особым статусом. В драматических театрах цены на билеты были ниже, чем в музыкальных (в среднем на 2 руб.). Тем не менее, наиболее посещаемыми в послевоенные годы в регионе были в Астрахани – драмтеатр (ввиду отсутствия музыкального жанра), в Саратове – ТОБ, в Сталинграде – театр музкомедии. В детских же учреждениях искусства – в Саратовском и Сталинградском кукольных театрах, Астраханском ТЮЗе билеты оставались самыми дешевыми, и они постоянно работали с убытками.

С целью привлечения населения в театры партийные органы, Комитет по делам искусств РСФСР и соответствующие отделы облисполкомов Астраханской, Саратовской и Сталинградской областей рекомендовали организовывать различные формы работы со зрителем. Самыми распространенными среди них были: обсуждения спектаклей зрителями, творческие встречи и коллективные посещения.

Особо важное значение имели обсуждения театральных постановок. Если в первые послевоенные годы они проводились редко и не во всех театрах, то в конце 1940-х-начале 1950-х гг. обсуждения по указанию обкомов и горкомов ВКП(б) получили широкое распространение. Чаще всего организовывались зрительские конференции с участием школьников, студентов и рабочих, которые высказывали мнения о постановках сразу же после их просмотра. Наибольшее внимание уделялось обсуждению спектаклей по произведениям советских авторов, получивших высокую оценку зрителей («Старые друзья» Л. Малюгина, «Дочь фельдмаршала» И. Рубинштейна, «Бронепоезд 14-69» Вс. Иванова и др.) [9, 1-3; 12, 17; 77].

Результаты обсуждения публиковались в местной периодической печати. Такая форма работы позволяла услышать зрительские отзывы, устранить не замеченные официальной критикой промахи и, в то же время, пропагандировать советское искусство. Особенно часто проводились конференции в Саратовском ТЮЗе. Их отличительной особенностью являлось участие в них не только актеров, но и руководящих работников учреждений культуры разного уровня. Так, в ноябре 1948 г., на зрительской конференции выступили с докладами художественный руководитель ТЮЗа Ю. Киселёв, а также заместитель начальника Главного управления театров Комитета по делам искусств Совета Министров СССР Слитор [10, 5]. Не случайно ТЮЗ являлся одним из самых посещаемых театров в Саратове.

Не менее распространенной формой работы со зрителем являлись творческие встречи, которые были приурочены к юбилеям артистов (например,

к 50-летию П. Яснопольской – актрисы Сталинградского драмтеатра), либо проводились с ведущими актерами (например, с народным артистом РСФСР С. Муратовым, работавшим в Саратовском драмтеатре). Эти встречи были нацелены на пропаганду творческих достижений театров и являлись откликом на пожелание зрителей, с нетерпением ждавших общения с любимыми артистами. Их назначение состояло также в отвлечении зрителей от повседневных трудностей, воспитании советского патриотизма. Важен был и практический результат – пополнение доходов театров.

Нередко организовывались коллективные посещения спектаклей за счет средств предприятий, учреждений и профсоюзных организаций. Обычно в театры направлялись школьники и работники ведущих заводов региона. При этом преследовались две цели – повышение интереса к театральному искусству у подрастающего поколения и расширение круга зрителей среди сравнительно высокооплачиваемых категорий работников.

В послевоенные годы в СССР была широко распространена шефская работа. Театры занимались повышением политического и культурного уровня рабочих, колхозников, военнослужащих и др. В Нижневолжском регионе этот вид деятельности приобрел наибольшие масштабы в Сталинграде. Только Сталинградский театр музыкальной комедии за 1946-1948 гг. дал 230 шефских спектаклей (25 % от общего количества), обслужив при этом 104 тыс. зрителей и собрав 1736,6 тыс. руб. (29 % от всего дохода) [11, 24 об.; 31 об.; 28 об.].

Артисты посещали крупнейшие стройки страны: Волго-Донской канал, гидроэлектростанции, а также промышленные предприятия, сельские районы. В репертуаре были в основном советские пьесы – «Хлеб наш насущный» Н. Вирты, «За тех, кто в море» Б. Лавренёва, «Старые друзья» Л. Малюгина и др. Вот некоторые отзывы на спектакли театра имени М. Горького, показанные в 1948 г.: «понравился воинам», «спасибо за истинное удовольствие», «вызывают прилив бодрости и стремление трудиться еще упорнее», «с громадным интересом просмотрели» и т.д. Особенно популярны были ведущие актёры драмтеатра Е. Евгеньева, К. Синицын, Е. Мязина, Н. Соколов.

О результатах популяризации театрального искусства свидетельствуют показатели посещаемости астраханских, саратовских и сталинградских театров. В 1946 г. в них побывали 1151,1 тыс., в 1948 г. – 895,9 тыс., в 1950 г. – 1608 тыс. человек [12, 109; 227; 21; 21; 9; 9; 6; 17; 2 об.; 29; 3; 24 об.; 31]. Таким образом, в 1948 г. театры Нижнего Поволжья посетило на 255,2 тыс. человек меньше (т.е. на 22 %), чем в 1946 г., что связано, на наш взгляд, с последствиями постановлений ЦК ВКП(б) по вопросам литературы и искусства, пик активности в реализации которых

приходится как раз на эти годы. Активная работа со зрителем способствовала повышению этого показателя: число зрителей в 1950 г. увеличилось на 712,1 тыс. человек, т.е. 80 % по сравнению с 1948 г. В конце 1940-х – начале 1950-х гг. посещаемость театров в Нижнем Поволжье была выше, чем в среднем по стране [5, 297]. Доходы же театров региона характеризовались следующими цифрами: 1946 г. – 8397,4 тыс., 1948 г. – 9854,2 тыс., 1952 г. – 13168,9 тыс. руб. [13, 143; 7, 36 об.; 33; 192, 214; 227 об.; 21; 6; 5; 2 об.; 1; 199, 202; 26; 24; 31; 13].

Несмотря на положительную динамику доходов, театры Нижнего Поволжья работали в 1948-1952 гг. с убытками в условиях отсутствия государственной дотации. За указанный период ни разу не выполняли планов Астраханский ТЮЗ, Саратовский и Сталинградский театры кукол, не использовавшие активных форм работы со зрителем. Незначительное перевыполнение планов периодически имело место в Саратовском ТЮБ, Астраханском и Сталинградском драмтеатрах. В более выгодном положении находился Саратовский ТЮЗ, отличавшийся не только высоким качеством своих спектаклей, но и активной работой со зрителем. В целом, задача по увеличению посещаемости театров Нижнего Поволжья в послевоенные годы была выполнена, что способствовало формированию не только идейно-политических взглядов советских граждан, но и повышению их нравственно-эстетического уровня.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Акимов Н.П. Не только о театре. Л.-М., 1966.
2. Бояджиев Г.Н. Душа театра. Киев, 1983.
3. Голуб Ю.Г., Баринев Д.Б. Судьбы российской художественной интеллигенции в условиях сталинского режима. Саратов, 2002.
4. Зись А. Театр // Виды искусства в социалистической художественной культуре. М., 1984. С.180-191.
5. Культурное строительство СССР: Стат. сб. М., 1956. С.297.
6. Народное хозяйство РСФСР за 70 лет: Стат. ежегодник. М., 1987. С.44.
7. Федченко М.Н. Молодежь и театральное искусство Урала (1945-1960) // Культура Зауралья: прошлое и настоящее. Курган, 2000. Вып.3. С.54-58.
8. Государственный архив Волгоградской области (далее: ГАВО). Ф.Р-6029. Оп.1. Д.4. Л.11; Д.6. Л.20, 21; Д.18. Л.22.
9. Государственный архив Астраханской области (далее: ГААО). Ф.Р-2235. Оп.1. Д.31. Л.1-3; ГАВО. Ф.Р-6065. Оп.2. Д.12. Л.12, 17; Государственный архив новейшей истории Саратовской области (далее: ГАНИСО). Ф.6220. Оп.1. Д.44. Л.77.
10. ГАНИСО. Ф.594. Оп.2. Д.1082. Л.5.
11. ГАВО. Ф.Р-6029. Д.7. Л.24 об.; Д.11. Л.31 об.; Д.13. Л.28 об.
12. Российский государственный архив литературы и искусства (далее: РГАЛИ). Ф.Р-2075. Оп.15. Д.1022. Л.109; Д.1034. Л.227; ГААО. Ф.Р-3018. Оп.1. Д.18. Л.21;

- Д.30. Л.21; Д.39. Л.9; Государственный архив Саратовской области (далее: ГАСО). Ф.Р-1070. Оп.2. Д.54. Л.9; Д.74. Л.6; Ф.Р-1104. Оп.1. Д.122. Л.17; Д.137. Л.2 об.; Д.159. Л.29; ГАВО. Ф.Р-686. Оп.18. Д.79. Л.3; Ф.Р-6029. Оп.1. Д.7. Л.24 об.; Д.11. Л.31.
13. РГАЛИ. Ф.Р-2075. Оп.15. Д.689. Л.143; Д.843. Л.7, Л.36 об.; Д.935. Л.33; Д.1141. Л.192, 214; Д.1153. Л.227 об.; ГААО. Ф.Р-3018. Оп.1. Д.18. Л.21; ГАСО. Ф.Р-1070. Оп.2. Д.74. Л.6; Д.117. Л.5; Ф.Р-1104. Оп.1. Д.137. Л.2 об.; Д.188. Л.1; ГАВО. Ф.Р-686. Оп.18. Д.18. Л.199, 202; Д.134. Л.26; Ф.Р-6029. Оп.1. Д.7. Л.24; Д.11. Л.31; Ф.Р-6065. Оп.1. Д.11. Л.13.

УДК: 902.571.56

Бурнашева Н.И.

ПОТРЕБИТЕЛЬСКАЯ КООПЕРАЦИЯ ЯКУТИИ В УСЛОВИЯХ ВОССТАНОВЛЕНИЯ И РЕФОРМИРОВАНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА (вторая половина 1940-х- начало 1960-х гг.)*

Аннотация. Статья посвящена истории развития потребительской кооперации Якутии в послевоенные десятилетия. Показана деятельность кооперации, направленная на удовлетворение потребностей сельского населения. Рассматриваются проблемы развития сельского хозяйства в период восстановления экономики и в период реформ. Обобщена роль потребительской кооперации в развитии торговли и в обеспечении сельских жителей разнообразными товарами и услугами.

Ключевые слова: кооперация, кооперативное движение, потребительская кооперация, история кооперации, история сельского хозяйства, история Якутии.

N. Burnasheva
YAKUT CONSUMERS' COOPERATIVE SOCIETY
DURING THE RESTORATION AND REFORMING OF
AGRICULTURE (from second half of 1940th-to the
early 1960th)

Abstract. The article is devoted to the history of

* © Бурнашева Н.И.

Yakut consumers' co-operative society development after Second World War. Cooperation activity for food-supplying of the village population is shown. Problems of the agricultural development are considered in economy restoration and during of the reform period. The role of the consumers' co-operative society for the trade development and in the providing of peasants with the various goods and services is appreciated.

Key words: cooperation, co-operative movement, consumers' co-operative society, cooperation history, agriculture history, history of Yakutia.

С окончанием Великой Отечественной войны советский народ приступил к мирному созидательному труду. Перед страной встали задачи ликвидации последствий опустошительной войны, перевода экономики на мирные рельсы, восстановления хозяйственных связей, поиска ресурсов для дальнейшего экономического и культурного строительства. Экономические и социально-политические перспективы развития страны в новых условиях были определены "Законом о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг.", который предусмотрел мощный подъем народного хозяйства на основе преимущественного роста тяжелой индустрии. Важнейшим условием достижения поставленных экономических и социально-политических задач было признано рациональное размещение производительных сил и вовлечение в хозяйственный оборот наиболее перспективных природных ресурсов. Особенностью первого послевоенного пятилетнего плана являлось расширение материально-технической базы народного хозяйства за счет укрепления индустриальной базы восточных территорий страны.

Одной из наиболее сложных проблем послевоенного времени являлось восстановление и дальнейшее развитие сельского хозяйства. В результате тяжелых последствий войны, усугубившихся засухой, сельскохозяйственное производство находилось в состоянии глубокого спада. Наблюдалось снижение валового сбора зерновых. Если в 1940 г. было собрано 95,6 млн. т зерна, то в 1945 г. - 47,3, в 1946 г. - 39,6 млн. т [1, 272]. Для вывода сельского хозяйства из состояния кризиса руководством страны были определены главные направления деятельности: упрочение материально-технической базы производства, организационно-хозяйственное укрепление колхозов, всемерное развертывание инициативы тружеников села, эффективное использование общественного земельного фонда и техники. В законе о четвертом пятилетнем плане было указано на недопустимость нарушений Устава сельскохозяйственной

артели и колхозной демократии – выборности и отчетности правлений колхозов перед общим собранием членов сельскохозяйственной артели. Принимались меры, направленные на повышение дисциплины труда в колхозах, МТС и совхозах. Согласно решениям пленума ЦК партии (февраль, 1947 г.), руководство сельским хозяйством должно было стать оперативным и дифференцированным, учитывающим особенности сельскохозяйственного производства, сопровождаться повседневной организаторской и политической работой в массах.

Закон о пятилетнем плане предусмотрел и меры, направленные на подъем благосостояния народа. Среди них первоочередными являлись задачи отмены нормированного снабжения населения предметами первой необходимости, постепенного снижения цен и проведение денежной реформы. С переходом на мирные условия работы на предприятиях и в учреждениях были отменены обязательные сверхурочные работы, восстановлены 8-часовой рабочий день и ежегодные оплачиваемые отпуска. Но, несмотря на принимаемые меры, материальное положение людей оставалось тяжелым. Сохранялось, особенно в колхозах, неоправданно высокое налогообложение, сдерживалось развитие подсобного хозяйства, ощущалась нехватка продовольствия и товаров первой необходимости.

Как и всей стране, военные годы принесли неисчислимые страдания населению Якутии. Самой тяжелой и невосполнимой была гибель людей на полях сражений, а также потери среди мирного населения от голода, вызванного неурожаем. Последствия войны тяжело отразились на экономическом развитии Якутии. В наиболее сложном положении оказалось сельское хозяйство. В годы войны значительно сократилось поголовье скота, уменьшились посевные площади, ослабла материально-техническая база сельского производства. Губительным последствием засухи стал падеж основного богатства якутских колхозов – крупного рогатого скота и лошадей. Результатом стало сокращение поголовья на 38,2%, в том числе коров – на 42,5%, лошадей – на 83,8%, оленей – на 60%. За эти же годы производство мяса колхозами республики сократилось в 3,6 раза [2, 33,67]. Крайнее истощение и ослабление финансовых и материальных ресурсов сельского хозяйства Якутии привели к резкому ухудшению уровня жизни и социально-бытовых условий сельского населения.

Для изменения существующего тяжелого положения руководством страны были разработаны мероприятия, направленные на улучшение материального положения жителей села. В связи с засухой первых послевоенных лет советским правительством была оказана значительная фи-

нансовая и материальная помощь колхозам Якутии. В 1947-1948 гг. из государственных фондов им было выделено 8,5 тыс. т семенной ссуды, на 2,3 тыс. т была списана недоимка колхозов государству, предоставлены продовольственная ссуда колхозникам в размере 1 тыс. т хлеба и кредит для приобретения кормов в сумме 2 млн. руб. В 1949-1950 гг. колхозам Якутии наполовину были снижены задания по поставке хлеба и списана задолженность по всем видам поставок по состоянию на 1 января 1949 г. [3, 158]. Одновременно создавалась благоприятная основа для развития основной отрасли хозяйства республики – животноводства. Традиционно удельный вес продукции животноводства в валовом производстве сельского хозяйства составлял 83-86% [4, 125]. Серьезным практическим шагом, открывшим реальные перспективы для развития животноводства в республике, стало возвращение колхозникам Якутии свыше 20 тыс. голов скота, изъятого ранее из их личных хозяйств. В результате этого за 1944-1946 гг. поголовье крупного рогатого скота в личном пользовании колхозников увеличилось на 62,3 тыс., количество бесскотных колхозных дворов в республике к началу 1947 г. составило 10,7%, сократившись, по сравнению с 1943 г., почти в 5 раз [3, 158].

Важную роль в развитии сельского хозяйства в послевоенные десятилетия выполняла система потребительской кооперации. С середины 1930-х гг. на нее были возложены задачи обеспечения жителей села промышленными товарами и оказания им разнообразных услуг. Для этого потребительская кооперация была освобождена от работы в городах. В условиях послевоенного восстановления народного хозяйства для улучшения снабжения населения товарами местного сельскохозяйственного производства потребительская кооперация направила свои усилия на улучшение работы колхозного рынка, на организацию встречной продажи непродовольственных товаров колхозам и колхозникам. В 1948 г. в составе потребительской кооперации Якутии находились 60 производственных предприятий, включая мастерские бытового обслуживания, в том числе 7 промкомбинатов [5, 142]. В этот период большое внимание уделялось расширению системы общественного питания, снабженческой и сбытовой деятельности кооперативов. Особое место в ряде задач, стоящих перед потребительской кооперацией в условиях Якутии, занимала работа в северных округах республики. На кооперацию было возложено объединение труда кочевого населения и организация снабжения их товарами и продовольствием. Сложность выполнения этой задачи заключалась в чрезвычайной удаленности округов с кочевым населением от

центра, в бездорожье и малонаселенности северных территорий. Тем не менее, система потребительской кооперации в полном объеме выполняла поставленные перед ней плановые задания по завозу товаров и продвижению их в районы республики. По итогам 1949-1950 гг. потребительская кооперация Якутии была объявлена в числе победителей Всесоюзного социалистического соревнования кооператоров. Особо была отмечена работа районного магазина Нюрбинского райпотребсоюза. При подведении итогов было объявлено, что рост розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли в Якутии шел более быстрыми темпами, чем по Союзу в целом. Так, в 1950 г. розничный товарооборот торговой сети республики увеличился в 2,5 раза, составив 136,6 млн. руб. [5, 145].

Стабилизации финансового состояния системы способствовало решение правительства СССР о передаче ей руководства, контроля и организационно-хозяйственного обслуживания рыболовецких кооперативов, ранее находившихся в подчинении рыболовпотребсоюза. В связи с этим в 1952 г. правительством страны потребительской кооперации Якутии были предоставлены дополнительные скидки на ряд товаров, льготы по их завозу. Центросоюзом на пополнение оборотных средств союзу «Холбос» была предоставлена ссуда в сумме 26 000 тыс. руб. [5, 147]. Огромное значение для развития потребительской кооперации Якутии сыграло объединение в 1952 г. железнодорожной и водной транспортных магистралей. Это позволило ликвидировать оптово-перевалочные базы в Иркутске, Качуге, Жигалово и Заярске, а также Иркутскую торговую контору, значительно сократило транспортные расходы, ускорило товародвижение на основе установления прямых связей с поставщиками товаров – промышленными предприятиями страны.

Вместе с тем, несмотря на принимаемые меры, темпы развития сельского хозяйства и кооперативной торговли продолжали оставаться низкими. Одной из главных причин медленных темпов их развития являлось сохранение в стране прежней командно-бюрократической системы. Еще продолжали действовать методы военного времени, неограниченной оставалась роль партийных органов в управлении экономикой, в регулировании хозяйственных и социально-бытовых проблем. Решение проблем сельского хозяйства было направлено в сторону ужесточения дисциплины и порядка в сельском хозяйстве, борьбы с различными административными нарушениями, подъема ответственности колхозов перед государством. Развитие кооперативной торговли сдерживалось государственным давле-

нием на кооперацию, ограничивающим инициативу и самостоятельность кооперативной системы.

Переломным в послевоенной истории страны стал период смены политического руководства, когда был принят ряд конкретных, практических мер в отношении сельскохозяйственного производства и потребительской кооперации. Публичное осуждение культа личности И.В. Сталина на XX съезде партии, разоблачение преступлений сталинского режима вызвали глубокие перемены в общественном сознании. Важным условием дальнейшего развития общества являлось преодоление последствий сталинизма, принятие мер по развитию внутрипартийной демократии, возвращению к принципу коллективности руководства, развитию критики и самокритики. В августе 1953 г. на сессии Верховного Совета СССР, а затем в сентябре того же года на Пленуме ЦК КПСС были намечены первоочередные меры государственной помощи сельскому хозяйству и выработаны основы новой аграрной политики. Центральное место в концепции аграрных преобразований уделялось задачам повышения государственных закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, улучшения технической оснащенности колхозов и совхозов, изменения системы планирования сельскохозяйственного производства. В рамках совершенствования налоговой политики были снижены налоги с личных подсобных крестьянских хозяйств. Особое внимание новое руководство страны уделило проблемам развития животноводства. В целях практического решения существующих проблем государственные заготовительные цены на скот и птицу были повышены более чем в 5 раз, на молоко и масло – вдвое. В то же время государственные розничные цены на эти продукты остались прежними, поэтому повышение заготовительных и закупочных цен на колхозную продукцию заметно сблизило соотношение между новыми ценами и себестоимостью сельскохозяйственной продукции. Принятые государством меры заметно укрепили экономику колхозов и значительно повысили материальное положение колхозников. Только за 1958-1959 гг. увеличение закупочных цен на рыбу и пушнину дало прямой материальный доход колхозам и колхозникам Якутской АССР в размере 579,2 млн. руб., не считая их списанных задолженностей по налогам, натуральным и денежным ссудам государства [4, 46].

После 1953 г. появились положительные изменения в развитии внутриколхозной демократии. Большую роль в этом сыграло постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 6 марта 1956 г. "Об Уставе сельскохозяйственной артели и дальней-

шем развитии инициативы колхозников в организации колхозного производства и управлении делами артели" [8, 290-297]. Колхозам было рекомендовано самим дополнять и изменять отдельные положения принятого сельскохозяйственной артелью колхозного устава с учетом местных, конкретных условий колхоза. Введение нового порядка планирования сельского хозяйства и предоставление прав колхозам в отношении Устава расширили внутриколхозную демократию, подняли производственную активность колхозников. В послевоенный период значительно улучшилось материальное положение населения благодаря отмене карточной системы, проведению денежной реформы, понижению цен на товары массового потребления. В эти годы в стране проводились мероприятия по повышению благосостояния народа: для рабочих и служащих сокращался рабочий день, был принят Закон о государственных пенсиях, началось осуществление программы повышения заработной платы низкооплачиваемым группам рабочих и служащих, увеличивались масштабы жилищного строительства.

Начавшийся в середине 1950-х гг. подъем сельского хозяйства, снижение норм обязательных поставок государству колхозниками продукции животноводства, переход к денежной оплате труда, увеличение товарных фондов создали объективные предпосылки для развития потребительской кооперации. Кооперативная торговля получила возможность увеличения розничного товарооборота, расширяла продажу товаров производственного и хозяйственного назначения, развернула комиссионную торговлю и продажу книг. Важную сторону деятельности потребительской кооперации занимали оказание бытовых услуг и организация общественного питания. На потребительскую кооперацию возлагалась и деятельность по закупке различных видов продуктов и сырья. Большой удельный вес в заготовительном обороте кооперации Якутии заняли закупки сельскохозяйственных продуктов и сырья по ценам, складывающимся на рынке. Часть закупленной продукции кооперация перерабатывала на своих предприятиях по производству колбасных изделий, хлебопекарнях и кондитерских цехах. В 1960-е гг. перед потребительской кооперацией ставилась задача увеличения розничного товарооборота государственной и кооперативной торговли, при обеспечении более высокого роста розничного товарооборота на селе. Это, в свою очередь, потребовало расширения торговой сети и ее специализации, особенно в сельской местности, оснащения торговой сети современным оборудованием и широкого применения прогрессивных форм и методов торгов-

ли. Важнейшими задачами являлись ускорение продвижения товаров с производства в торговую сеть, устранение промежуточных звеньев в заводе товаров, широкое распространение практики кольцевого завоза. В конце 1950-х гг. потребительская кооперация начала планомерную работу по специализации торговой сети. Вместо ранее существовавших смешанных магазинов в райцентрах и крупных селах появляются новые магазины типа сельмагов, культмагов, которые в свою очередь специализируются на отделах: тканей, готового платья, парфюмерии, галантереи, бакалеи, хлеба, мяса-рыбы. Всего, за период с 1932 по 1966 гг. общий товарооборот кооперативной торговли Якутии вырос с 3,7 до 151,7 млн. руб., то есть возрос в 41 раз [2, 122].

Огромное значение для развития кооперации и кооперативного движения в стране имело изменение отношения государства к внутриколхозной демократии. В период политической «оттепели» были предприняты попытки расширения внутрикооперативной демократии. С целью сделать доступным членство в потребительских обществах для более широких слоев населения были снижены ставки паевых взносов, при колхозах и других предприятиях стали создаваться комиссии для содействия кооперации из числа избранных пайщиками уполномоченных и групп уполномоченных в крупных сельских населенных пунктах. И все же меры по изменению положения кооперации в обществе не имели характера глубоких, коренных реформ. В управлении потребительской кооперацией продолжала действовать жестко централизованная система, демократические права пайщиков все чаще подменялись решениями административного аппарата.

Период с 1953 по 1964 гг. для сельского хозяйства и потребительской кооперации, занятой торговым обслуживанием сельских жителей, был очень сложным и противоречивым. С одной стороны, 1953 г. дал труженикам села надежду на возможность выхода из тяжелейшего кризиса, с другой, бесконечные метания партийного и советского руководства в поисках путей и методов развития не давали реальных практических результатов. Со времени январского (1955 г.) Пленума ЦК КПСС, поставившего задачу в ближайшие пять лет увеличить производство основных продуктов животноводства в 2-3 с лишним раза, начался постепенный отход от курса сентябрьского (1953 г.) Пленума ЦК КПСС. В речи на совещании работников сельского хозяйства областей и автономных республик Северо-Запада РСФСР 22 мая 1957 г. Н.С. Хрущев предложил в ближайшие годы догнать США по производству мяса, масла и молока на душу населения. Эти сугубо волюнтаристские решения привели к провалу плана

крутого подъема сельского хозяйства. В августе 1958 г. состоялось региональное совещание по развитию производительных сил Якутской АССР, на котором была разработана программа ускоренного разрешения продовольственной проблемы. Основные показатели развития сельского хозяйства Якутии на ближайшие 15-20 лет были призваны решить задачу в кратчайший срок догнать и перегнать США по производству мяса, молока и масла. До 1980 г. в республике планировалось создать продовольственно-сырьевую базу, способную обеспечить возрастающее до миллиона человек население республики продовольствием, а промышленность – сельскохозяйственным сырьем [3, 161]. Составленная экономистами Якутии без объективного анализа состояния и перспектив сельского хозяйства фантастическая программа была обречена на провал. Было очевидным, что для осуществления столь грандиозной программы республика не располагает достаточными трудовыми, материально-техническими и природными ресурсами. Сельское хозяйство Якутии в целом развивалось очень медленными темпами. Низкой оставалась материальная заинтересованность тружеников села в увеличении сельскохозяйственной продукции, аграрный сектор народного хозяйства республики не располагал ни естественными, ни материально-техническими ресурсами. Имеющийся производственный потенциал не в состоянии был увеличить производство основных видов сельскохозяйственной продукции. Постановления партии и правительства этого периода отмечали повсеместный и массовый характер нарушений Устава сельскохозяйственной артели, выражавшийся в расхищении общественных земель колхозов, растаскивании колхозной собственности, в нарушении демократических основ управления делами колхозов.

В целом, период со второй половины 1940-х до середины 1960-х гг. стал временем преобразований в политической и экономической сферах, когда активно происходил процесс духовного возрождения общества. Характерными чертами этого времени являлись трудовой энтузиазм, небывалый подъем творчества и оптимизма народа. Создание новых отраслей производства, промышленное освоение восточных районов страны открыли новые возможности и перспективы для экономического развития страны. Однако главными сдерживающими факторами развития этого периода стали непоследовательность и противоречивость реформ, проводимых сверху. Они не всегда учитывали климатические и региональные особенности производства, игнорировали материальную и финансовую заинтересованность предприятий и отдельных граждан. Тормо-

зили развитие экономики излишняя централизация и увлечение административно-командными методами управления. Непоследовательность аграрной политики, проявления волюнтаризма и использование командно-административных методов в управлении хозяйством стали главными причинами того, что рост производства сельскохозяйственных продуктов значительно отставал от роста потребностей в них населения страны. Находясь под давлением жесткого государственного управления и контроля, потребительская кооперация не имела возможности в полной мере осуществлять свою деятельность на свободных, демократических началах. В результате, к 1965 г. коренного улучшения в развитии сельского хозяйства и кооперативной торговли так и не произошло. Тем не менее, страна, ценой невероятных усилий, выполнила главную задачу восстановления экономики и значительного повышения уровня жизни и благосостояния народа после самой разрушительной и разорительной войны, заложив основы будущего развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Народное хозяйство СССР за 60 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М.: Статистика, 1977. 710 с.
2. Якутия за 50 лет в цифрах. Якутск: Статистика, 1967. 174 с.
3. Аргунов И.А. Социальная сфера образа жизни в Якутской АССР (История формирования и современные проблемы). Якутск: Кн. Изд-во, 1988. 232 с.
4. Ковлеков С.И. Сельское хозяйство Якутии (1946-1970 гг.). Якутск: ЯНЦ СО РАН, 1992. 200 с.
5. «Холбосу» 50 лет. Якутск: Якутское кн. изд-во, 1969. 215 с.
6. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М.: Политиздат, 1968. Т. 4.

УДК 94 (47).085

Мищенко Т.А.

ТЕМА «ЖЕНЩИНА И ТРУД» НА СТРАНИЦАХ СОВЕТСКИХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛОВ 1960-1970-Х*

Аннотация. В статье автор обращается к советским общественно-политическим журналам 1960-1970-х гг. с целью выявления обозначенных в публикациях проблем положения

женщин в советском обществе и анализа предлагаемых путей решения «женского вопроса». Как следует из материалов печати, в 1960-е гг. ставилась задача достичь полного равенства между полами в рамках реализации концепции «построения коммунизма». Для этого предполагалось устранить двойную нагрузку на женщину на производстве и в быту. С середины 1970-х гг. с принятием новой идеологической концепции «развитого социализма», решение проблемы сочетания труда и материнства виделось через систему государственного стимулирования.

Ключевые слова: положение женщин, советское общество, материнство, неравенство в быту, низкоквалифицированный труд

T. Mishchenko

THE THEME "WOMEN AND WORK" ON THE PAGES OF SOVIET SOCIAL AND POLITICAL JOURNALS 1960-1970'S.

Abstract. The author refers to the Soviet socio-political journals 1960-1970's. to identify the problems identified in the publications of women in Soviet society and analysis of proposed solutions to the «woman question». In the 1960's. considered necessary to achieve the final equality between the sexes for the concept of «building communism». This was supposed to eliminate the double burden on women in the workplace and at home. Since the mid 1970's. fixing a new ideological concept of «developed socialism», the solution combining work and motherhood could be seen through government incentives.

Key words: women, motherhood, inequality in the home, low-skill

Проблема исследования тенденций в изменении статуса женщины в советском обществе является достаточно востребованной в научной тематике. В настоящее время не вызывает сомнения актуальность выявления закономерностей исторического развития гендерных отношений, определения влияния гендерных стереотипов мышления на распределение ролевых функций в обществе. Возникновение гендерного подхода в науке дает возможность оценить положение женщин и мужчин в обществе в различные эпохи, определить систему социологической дифференциации людей, порождающую дискриминацию в отношении женщин в различных сферах жизнедеятельности. Особую роль в формировании гендерных стереотипов играли средства массовой информации, которые способны формировать гендерный образ, наиболее ярко и оперативно транслировать его, создавать идеал для массового подражания. В

* © Мищенко Т.А.

этой связи обоснованным выглядит обращение многих исследователей Н.И. Ажгихиной [1], О.А. Ворониной [4], И.А. Правкиной [15], Д.В. Захарова [8] и др. к трансформации женских образов в периодической печати 1930-1990-х гг.

Исследование «женского образа» в журналах 1930-х годов – «Крестьянка», «Работница», «Работница и крестьянка» предприняла Т.Дашкова [7]. И.А. Правкина выбрала предметом своего анализа освещение социального статуса женщин в журнале «Советская женщина» в 1960-1980-х гг. [15]. Используя журналы «женской ориентации», авторы вводят в научный оборот часто уникальный фактический материал, передают атмосферу эпохи. При всем многообразии гендерного анализа материалов периодики исследователями недостаточное внимание уделяется журналам общественно-политической направленности. Общим местом стало утверждение о содержащемся в официальной советской пропаганде штампе «женский вопрос в СССР решен давно и навсегда» [3,6]. В монографии М. Баклей и Л.Эствуд 1930-е гг. обозначены как время утверждения на государственном уровне установки, «что женский вопрос в СССР решен» [15]. Н.Л. Пушкарева указывает на десятилетие 1960-1970-х гг. как на период в историографии, когда внимание советских историков было обращено к истории «раскрепощения» женщин в годы Советской власти [17].

Возможно, на негативную оценку содержания публикаций в периодике 1960-1970-х гг. по гендерным проблемам оказала критика времен перестройки: «Сегодня еще нередко можно встретиться с романтическим идеальным, неадекватными реальности представлениями о положении женщины в нашем обществе, во многом порожденными бесспорной очевидностью преимуществ социализма. В научных исследованиях в массовом общественном сознании укоренились взгляды на женский вопрос как на якобы раз и навсегда решенный, утвердилась некритическая оценка существующей здесь ситуации» [25, 26].

В то же время именно период 1960-1970-х гг. характеризуется появлением нового подхода в идеологической трактовке женского вопроса. В партийных документах в завуалированной форме начинает признаваться его нерешенность, а на страницах общественно-политических периодических изданий разворачивается дискуссия по проблемам социального статуса женщин. Поэтому следует признать актуальным обращение к советским общественно-политическим журналам 60-70-х гг. с целью выявления обозначенных в публикациях проблем положения женщин в советском обществе и анализа

предлагаемых путей решения «женского вопроса». В качестве источников данного исследования выступают журналы «Коммунист» (в том числе союзных республик), «Советские профсоюзы», «Агитатор», «Партийная жизнь», «Культура и жизнь», «Научный коммунизм», «Политическое самообразование», «Рабочий класс и современный мир», «Новое время», «Социалистическая законность», в которых были выявлены 97 публикаций по проблемам женщин в СССР и в мире.

Часть исследуемых публикаций появлялась в журналах к Международному женскому дню 8 марта (26), другая часть статей содержит полемику о преимуществах социалистического устройства общества и сравнительный анализ положения женщины в СССР и буржуазных странах (16). Но большинство публикаций (55) содержит сведения по проблемам труда и быта советских женщин.

Общая идеологическая установка при рассмотрении «женского вопроса» заключалась в определении социального освобождения женщин как части общей классовой борьбы за освобождение всех угнетенных, которая сливается с революционно-преобразовательной деятельностью пролетариата. Идея социального равенства распространяется и на отношения между полами, марксизм определял путь устранения дискриминации женщины в обществе через ее участие в общественном производстве, «так как это выводит женщину из ограниченного круга семейных интересов, делает ее экономически независимой в семье, приобщает ее к общественно-политической жизни» [22].

При этом советская идеология утверждала возможность установления равного положения мужчины и женщины только в условиях определенного общественного устройства. «В эксплуататорском классовом обществе господство частной собственности на средства производства создает социальные условия неравенства женщины, в том числе в трудовых отношениях. Освобождение женщины, ее полное равноправие с мужчиной возможно лишь с установлением общественной собственности на средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком» [22].

Зарубежные авторы обратили внимание на то, что с 1960-х гг. в СССР дискуссии о социальных различиях между мужчинами и женщинами приобрели статус научно обоснованных и активно включились в полемику с советскими идеологами. Д. Рихтер считает, что во время «холодной войны» официальная пропаганда в СССР и США измеряла успех политической системы декларируемым отношением к женщине: «СССР

и США состязались между собой в хвастовстве, какие выгоды они представляют женщинам у себя дома, как они их защищают и как плохо с ними обходятся в стране-оппоненте» [19,39]. С другой стороны, у советского режима, как и у сторонников капитализма на Западе, существовал резко отрицательный взгляд на феминизм. «Буржуазно-либеральное движение за права женщин, известное под названием «феминизм», оказалось бессильным отстаивать права женщин. Оно было заранее обречено на неудачу, так как игнорировало социальные корни угнетения женщины. Кроме того, это движение ставило перед собой невыполнимую задачу – уравнение женщин в правах с мужчинами, не уничтожая капитализма» [6,106]. В данном случае советские средства массовой информации присоединились к противникам феминизма на Западе, определявшим его как идеологию, направленную на разрушение различий между мужчиной и женщиной.

Советские авторы стремились изобличить недостатки буржуазных теорий «женского вопроса», которые «... стремятся очернить преимущества социализма, его неоспоримые достижения в решении женского вопроса в социалистических странах. Буржуазные идеологи боятся того, что притягательная сила советского опыта растет с каждым годом» [6,106]. Н.К. Дарчиева в своем историографическом анализе называет несколько буржуазных исследований, фальсифицирующих положение женщины в СССР, причем без ссылок на эти работы и без цитат из них: «...Например, востоковеды В. Мотейль, А. Бенигсен, Ш. Келькеджей, проявляя симпатии к дореволюционному прошлому Средней Азии, идеализируют традиции и обычаи, основанные на исламе, всячески тормозившие развитие народного образования среди женщин... Французский ученый А. Пьер в своей книге «Женщины в Советском Союзе» объясняет успехи советских женщин в экономической области демографическими причинами, например численным превосходством женщин. Подобное объяснение дает и американский экономист Н. Джордж в книге «Женщина в советской экономике» [6, 108]. Важно отметить, что в этой полемике относительно решения «женского вопроса» в двух разных общественных системах проявляется главное принципиальное отличие: сознательная целенаправленная реализация советской властью марксистской концепции равноправия полов и стихийные изменения положения женщины на Западе.

Успехи в деле равноправия полов были призваны демонстрировать достижения высокого уровня занятости и образования советских

женщин. В качестве «положительной статистики» общественно-политические журналы часто приводят одни и те же цифры: женщины составляют 51% всех рабочих и служащих, занятых в народном хозяйстве [11,348]; в 1970 г. доля занятых в народном хозяйстве женщин трудоспособного возраста (16-54 г.) составляла 82% [12,143]. Среди 20-29-летних (по материалам Всесоюзной переписи населения 1970 г.) в народном хозяйстве было занято в народном хозяйстве 85% женщин, что всего на 5% ниже соответствующего показателя у мужчин [24,62].

Е.Б. Груздева и Э.С. Чертихина отмечали более высокие темпы роста численности женщин – рабочих и служащих, нежели мужчин. В 1922-1972 гг. число рабочих и служащих возросло в целом по СССР на 89 млн. человек, или в 19 раз, мужчин – в 10 раз, работающих женщин – в 30 раз [5,133]. По данным статистического сборника «Женщины в СССР», удельный вес лиц, имеющих высшее и среднее образование, среди работающих женщин и мужчин одинаков и составляет 75% [5,134]. Авторы публикаций использовали тот факт, что советские женщины реализовали полученные наравне с мужчинами права на труд и образование, свидетельствующие, по их мнению, о неоспоримых преимуществах социализма.

В то же время исследования «решения женского вопроса в СССР», опубликованные в общественно-политических журналах 1960-1970-х гг., не содержат вывода о безоговорочном установлении равенства полов. Публикации 1960-х гг. обнаруживают следующую идеологическую установку: «В период развернутого строительства коммунизма возрастает роль женщины... Эмансипация женщин в целом осуществлена. Однако устранение остатков фактического неравенства женщины в быту – длительный процесс, который будет завершен в результате осуществления постепенного перехода от социализму к коммунизму» [23, 55].

Идея специфичности женской рабочей силы (работают не просто женщины, а хозяйки, матери, жены) нашла свое отражение в заботе государства об улучшении условий труда и быта женщин в преддверии окончательной цели – построения коммунизма, активно провозглашавшейся в 1960-е гг. Программа КПСС 1961 г. предусматривала предоставление женщинам относительно более легкой, но достаточно хорошо оплачиваемой работы, ликвидацию пережитков, связанных с неравноправным положением женщины в быту.

Для периодической печати 1960-х гг. освещение этих проблем и поиск их решения является наиболее актуальным. Было признано,

что домашний труд – приготовление пищи и покупка продуктов, уход за детьми, уборка жилого помещения, стирка и т.д. – отнимает у женщин много времени и энергии. Сотни цифр, добытых наукой, обрели характер «злобы дня»: «По данным бюджетного обследования более ста семей Минского автозавода, работающие женщины тратят не менее четырех-пяти часов на домашний труд в будни и семь-восемь часов в выходные дни» [23, 55].

Решать эту проблему предлагалось по нескольким направлениям: развивать сеть детских учреждений за государственные средства, сокращать длительность рабочего дня на производстве отдельно для женщин с тем, чтобы женщина-работница могла больше внимания уделять семье [21, 43]. Дискуссию в периодической печати по данному вопросу вызывал тот факт, что «... сокращение рабочего времени отдельно для женщин, то есть увеличение его на домашний труд, не только не устранило остатков бытового неравенства женщин, а напротив, углубило его, узаконив необходимость для них выполнения всей домашней работы» [23, 58]. Именно в 1960-е гг. со страниц журналов раздавались голоса о необходимости разделить домашние обязанности между мужчинами и женщинами: «Для строителей коммунизма не может быть двух жизненных правил – одно на производстве, другое – в семье. Коллективизм и взаимопомощь должны пронизывать как отношения на работе, так и дома. Это не означает, конечно, полного «уравнивания» мужчины и женщины, «погружения» его в домоводство. Это означает лишь, что поскольку затраты времени и сил на домашний труд велики, они не должны вваливаться только на плечи женщины» [23, 59]. Подобной точки зрения придерживался и представитель левой партии «Коммунисты Швеции» Р. Эман: «Поскольку речь идет о весьма длительном процессе, я не могу не поддержать часто высказываемую в советской печати точку зрения, что наряду с усилиями, направленными на дальнейшее «обобществление» домашнего труда, необходимо постоянно добиваться его нового и товарищеского разделения между супругами, занятыми на производстве» [26, 75]. В начале 1970-х гг. тема необходимого равенства обязанностей супругов в быту исчезает со страниц общественно-политических журналов. Появление новой идеологической парадигмы о построении общества «развитого социализма» по-своему отразилось на рассмотрении проблем сочетания женщинами производственного труда и домашних обязанностей. В Конституции СССР 1977 г. объявлялось о построении развитого социалистического общества, высшей целью

называлось построение бесклассового коммунистического общества, а главными задачами на этом пути – «...создание материально-технической базы коммунизма, совершенствование социалистических общественных отношений и их преобразование в коммунистические, ...повышение материального и культурного уровня жизни трудящихся...» [10].

Публицистический акцент переносится на использование «средств интенсификации домашнего хозяйства». К ним относились некоторые виды общественно-организованных услуг (общественное питание, коммунальное и бытовое обслуживание населения и др.), те сферы производства и торговли, которые изготавливают и реализуют полуфабрикаты: коммунальные удобства современного жилища, различные электромеханизмы, заменяющие ручной труд, а также химические средства, применяемые для уборки помещений, стирки, чистки одежды, обуви. В 1975 г., объявленном ООН Годом женщин, заявлялось, что проблемы сочетания женщиной производственного труда и материнства по-прежнему сохраняются: «... На первом этапе строительства коммунизма еще не созданы все необходимые предпосылки для гармоничного сочетания женщиной профессиональных, общественно-политических, семейных ролей. Поэтому закономерное для социализма широкое привлечение женщин к профессиональной деятельности сопровождается возникновением ряда противоречий, когда, в частности, труд в коллективе в определенной мере ограничивает материнство, а материнство – труд» [24, 62].

Изучение проблем женского труда и положения женщины в семье и трудовом коллективе приобретает в 1970-е гг. научный характер. Партийная установка: «... чтобы женщины в массе своей выполняли работу не менее квалифицированную, чем мужчины, но одновременно трудились в благоприятных для их здоровья условиях» [14, 10] реализовалась в изучении причин, побуждающих женщину трудиться [2, 22], возрастного аспекта профессиональной занятости и различных установок юношей и девушек на получение профессии [24, 22], феминизации некоторых профессий: «Существует группа специальностей, где одинаково эффективно применение мужского и женского труда, причем в ряде из них число женщин значительно преобладает над числом мужчин. Это относится к учителям школ (в 1974 г. женщины составляют 71%), врачам (70%). Такая «феминизация» ряда профессий имеет и очевидные негативные последствия... Обремененность женщины заботами о воспитании детей и семейными делами затрудняет ее использование на работах, связанных с частны-

ми выездами в служебные командировки, при ненормированном рабочем дне» [18,13].

Особое внимание уделялось занятости женщин на трудоемких, однообразных, малопривлекательных работах, не требующих высокой квалификации. «Женщины уступают мужчинам в квалификации. Подобное несоответствие приводит подчас к тому, что в некоторых отраслях производства женщины меньше зарабатывают, чем мужчины. Так, обследование пятнадцати тысяч рабочих ряда киевских предприятий легкой и обувной промышленности показало, что средний доход женщин основного производства составляет 86% дохода мужчин» [5,133-147]. Наличие диспропорций в квалификации, а следовательно, оплате труда мужчин и женщин объяснялось «омоложением брака» и совпадением возраста активного материнства с периодом профессионального роста [см.: 23]. Е.Б. Груздева и Э.С. Чертихина, опираясь на данные социологического исследования в Таганроге в 1978 г., указывали на необходимость повышения квалификации женского труда не только для уравнивания в заработной плате с мужчинами, но и для решения бытовых проблем: «Квалифицированный профессиональный труд способствует формированию у работниц таких деловых качеств, как организованность, инициативность, повышает значимость свободного времени. Эти черты проявляются и в бытовой сфере жизни, в частности в стремлении женщины рационализировать домашнее хозяйство, упорядочить и интенсифицировать домашний труд» [3,137].

В решении проблемы «женщина и труд» в 1970-е гг. основной эффект достигался развитием системы воспомоществования через общественные фонды потребления. В отчетном докладе ЦК КПСС XXIV съезду КПСС 30 марта 1971 г. Л.И. Брежнев в качестве ближайшей перспективы указывал на рост общественных фондов потребления. «Объем их намечено увеличить в 1,4 раза и довести в 1975 г. до 90 миллиардов рублей. Эти средства пойдут на дальнейшее улучшение медицинского обслуживания, развития образования и воспитания подрастающего поколения. За счет общественных фондов будет осуществлен и ряд других важных социальных мероприятий, в том числе будут улучшены условия жизни и быта многодетных и малообеспеченных семей, работающих на производстве женщин, пенсионеров, учащихся» [13, 241].

Тема количества и качества государственной адресной помощи женщинам становится наиболее обсуждаемой на страницах общественно-политических журналов во второй половине 1970-х гг.: «...Вместе с тем вопросы быта до сих пор еще остаются «узким местом». Все еще ост-

ра жилищная проблема. При широком развитии детских учреждений в некоторых коллективах не ликвидированы очереди нуждающихся в детских садах и яслях. Много жалоб поступает на работу торговых предприятий, столовых, ателье, прачечных и других служб быта. Иные руководители не удосуживаются позаботиться о том, чтобы здесь же, на предприятии, трудящаяся женщина могла, например, приобрести продукты к столу, полуфабрикаты. Нельзя забывать, что проблемы, связанные с совершенствованием быта, имеют не только социально-экономическое, но и политическое значение» [11,13]. Делая упор на неэкономические методы поощрения труда, предприятие прикрепляло к себе женщин дополнительной социальной защитой (дома отдыха, дошкольные учреждения, пионерские лагеря). З.М. Саралиева и Е.С. Балабанова отмечают: «Только факт работы на предприятии уже давал доступ к дешевым или бесплатным для работника благам. Постепенно осуществлялось привыкание человека к застрахованности от крайней бедности, гарантированным материальным благам: бесплатной медицине, бесплатному образованию, увеличению общественных фондов потребления» [20, 9].

Анализ публикаций в советских общественно-политических журналах 1960-1970-х гг., посвященных проблеме труда женщин, отражает актуальность «женского вопроса» для советской идеологии. Основная политическая установка гендерных отношений в СССР соединила радикальные марксистские и традиционные патриархальные ценности. Утверждалось, что женщина может освободиться от неравенства только в социалистическом обществе, через вовлечение в общественное производство. В то же время главной функцией женщины в обществе оставалось материнство, возведенное в ранг государственной задачи.

Итак, в 1960-е гг. в рассмотрении «женского вопроса» в СССР признавалось необходимым достичь окончательного равенства между полами для реализации концепции «построения коммунизма». Для этого предполагалось устранить двойную нагрузку на женщину на производстве и в быту. С середины 1970-х гг., по мере закрепления новой идеологической концепции «развитого социализма», решение проблемы сочетания труда и материнства виделось через систему государственного стимулирования в виде правовых льгот и ограниченной материальной помощи. При этом различные льготы адресовались в основном женщине-матери и направлялись через предприятие, где она трудилась. Таким образом, осуществлялся гендерный контракт, который А.А. Темкина и Е.А. Здра-

вомыслова называют «контрактом работающей матери», что подразумевало обязательность для советской женщины как общественно-полезного труда, так и выполнение миссии – материнства как женского природного предназначения [9,11].

ЛИТЕРАТУРА:

1. Ажгихина Н.И. Гендерные стереотипы в современных масс-медиа. М.1999.
2. Александрова Т. Почему хотят работать советские женщины// Новое время. 1975. №10.
3. Васильева Л.Е. Роль женщины в социально-экономической и политической сферах жизни советского общества в 1945-1965гг.: на материалах Саратовской области. Автореферат дисс... канд. ист.н. Саратов, 2004.
4. Воронина О.А. Свобода слова и стереотипный образ женщины в СМИ// Знамя. 1999. №2.
5. Груздева Е.Б. Чертихина Э.С. Женщины в общественном производстве развитого социализма// Рабочий класс и современный мир. 1975. №6.
6. Дарчиева Н.К. Критика некоторых буржуазных фальсификаций положения женщины в СССР// Научный коммунизм. 1975. №6.
7. Дашкова Т. Трансформация женских образов на страницах советских журналов 1920-1930-х годов [Электронный ресурс] // Женский дискурс в литературном процессе России конца XX века. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/dashkova.htm.
8. Захаров Д.В. Трансформация образа женщин в средствах массовой информации России в 70-90 гг. XX века на примерах журналов «Работница», «Крестьянка», «Космополитен». Дисс... к.и.н. М., 2004.
9. Здравомыслова Е.А., Темкина А.А. Гендерное изменение социальной и политической активности в переходный период / Центр независимых социальных исследований. СПб. 1996.
10. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик : принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 года. М., 1978.
11. Народное хозяйство СССР. 1922-1972 гг. М., 1972.
12. Население в СССР. Справочник. М., 1974.
13. Отчетный доклад ЦК КПСС XXIV съезду КПСС 30 марта 1971 г.// Брежнев Л.И. Собрание сочинений в 9 томах. Т.3. М., 1970-1982.
14. Передовая// Коммунист. 1975. №4.
15. Правкина И.А. Концептуальные основы государственной политики в отношении женщин в СССР: историографический аспект// Женщина в российском обществе. 1997. №3.
16. Программа Коммунистической партии Советского Союза. Принята XXII съездом КПСС. М., 1972.
17. Пушкарева Н.Л. Женская история в России: приоритеты, направления, методы// Женщина в российском обществе. 1996. №4.
18. Ремизова Е.В. Некоторые правовые вопросы обеспечения женского равноправия в СССР// Вестник Московского университета. Серия XII/ Право.1975. №4.
19. Рихтер Д. Идеологии о роли женщины в обществе в США и России в период «холодной войны»// Женщина в российском обществе. 1997. №3.
20. Саралиева З.М. Балабанова Е.С. Социальное иждивенчество и адаптация женщин к новым экономическим условиям// Женщина в российском обществе. 1997. №1.
21. Сонин М.Я. Бюллетень научной информации. Труд и заработная плата. М., 1962. №10.
22. Страна Советов за 50 лет. Сборник статистических материалов/под ред. В.И. Толкуновой. М., 1967.
23. Ткаченко В. Ликвидация остатков бытового неравенства женщин// Коммунист Белоруссии. 1963. №10.
24. Чередниченко Т.А. Молодая женщина: работа и материнство// Рабочий класс и современный мир. 1979. №4.
25. Шинелева Л.Т. Женщина и общество: декларации и реальность. М., 1990.
26. Эман Р. Реальный путь освобождения женщин// Проблемы мира и социализма. 1972. №10.

УДК 324(470) «1996/2000»

Ордомская Е.А.

РОЛЬ РОССИЙСКИХ ПРЕЗИДЕНТСКИХ ВЫБОРОВ 1996 И 2000 ГОДОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ОЦЕНКА НЕМЕЦКОЙ АНАЛИТИКИ*

Аннотация. В статье рассматриваются основные направления немецкой историографии в изучении проблемы трансформации постсоветской политической и социально-экономической системы. Проанализировав работы известных немецких историков, политологов и экономистов, автор статьи приходит к выводу, что в оценке немецкой аналитики российские президентские выборы 1996 и 2000 годов с учётом кризисного развития процесса демократического транзита в стране ознаменовали завершение институциональной и социально-экономической трансформации.

Ключевые слова: президентские выборы, постсоветская трансформация, немецкая историография, современная политическая система России.

E.Ordomskaya

* © Ордомская Е.А.

ROLE OF RUSSIAN PRESIDENTIAL ELECTIONS IN 1996 AND 2000 IN POST-SOVIET TRANSFORMATION: AN ESTIMATION OF GERMAN ANALYTICS

Abstract: In the article some basic directions of the German historiography in studying of the transformation problem of the post-Soviet political, social and economic system are investigated. The author of the article after analyzing the works of well-known German historians, political scientists and economists concludes that taking into consideration the crisis development of the democratic transit process in the country the Russian presidential elections in 1996 and 2000 have finished the institutional, social and economic transformation.

Key words: presidential election, Post-Soviet transformation, German historiography, modern political system of Russia.

Постсоветская трансформация является одной из ведущих тем в немецких исследованиях современных восточноевропейских политических процессов. Исследование данной проблемы проводилось в рамках комплексного изучения на базе немецких научных центров, существующих как при ведомственных научно-исследовательских институтах, специализирующихся на истории Восточной Европы, так и при ведущих университетах Германии. Несмотря на возможные различия в методологических подходах [1, 181], предметная область исследований объединена общей проблемой анализа процессов политической, экономической и социальной трансформации в современной России.

Системная трансформация, представляющая собой переход к качественно новому состоянию организации общества, во многих исследованиях, особенно в классической транзитологии, определялась понятием «демократический транзит», предполагающий в конечном итоге переход к демократии. Однако по мере накопления исследовательского опыта сформировалось мнение, что имеют место не только переходы к демократии, но и транзиты от одного авторитарного режима к другому. Поэтому в современных исследованиях эти процессы более осторожно называют политическими трансформациями. При анализе российской современной политической системы многие немецкие исследователи не отрицают возможного становления демократии, но в своей особой гибридной форме. Так, например, немецкий исследователь Тимм Байхельт обозначил современную российскую политическую систему термином «демократура» – то есть демократическая система, в которой заметно присутствуют авторитарные формы [2, 607]. Широко распространенным понятием формы российской демократии в ряде немецких политологических

работ также является «делегативная демократия», более отражающая, по мнению авторов [3], специфику российской политической системы.

В то же время известный немецкий политолог Маргарета Моммзен в своих исследованиях выделяет целый ряд форм демократии, характеризующих определенный политический этап российской действительности: «дефектная демократия», «управляемая демократия» и т. д. [4].

В немецких исследованиях проблема демократизации современной России не только «определяется», но и подробно характеризуется рядом конкретных причин кризисного развития. Кризис демократического становления, по мнению многих немецких исследователей, присущ практически каждой структуре постсоветской трансформации: экономической, институциональной, социальной.

Кёльнский экономист Роланд Гётц обращает к теоретическим аспектам кризисного развития процессов экономической трансформации. На основе сравнительного анализа стандартных моделей с реальными трансформационными процессами в Восточной Европе и России и применения неоклассических, марксистских, монетаристских, кейнсианских и институционалистских теорий автор приходит к выводу, что у проблем, возникших в ходе экономической трансформации, есть системные причины, связанные с имплантацией рынка в советский «планово-рыночный гибрид» [5]. Таким образом, определяется связь процессов политической и экономической трансформаций. Трудности консолидации рыночной экономики в России обусловлены ее неустойчивой политической системой. К такому выводу приходит и ряд других немецких специалистов [6] при исследовании особенностей экономической трансформации в России.

Кризисное состояние российской социальной трансформации характеризуется отсутствием «посредующих» структур для решения социальных конфликтов. Кёльнский политолог Ханс-Хеннинг Шрёдер основную причину этому видит в «приватизации политики экономическими элитами», оказывающей негативное воздействие на консолидацию гражданского общества [7]. Его дополняет в своих выводах другой немецкий специалист, Клаус фон Байме, принимая за кризисное состояние социальной трансформации далеко зашедший процесс социального расслоения и ввиду этого отсутствие сильного среднего класса, способного быть гарантом стабильной демократической системы [8, 543].

Проблемы институциональной трансформации российской политической системы, по мнению немецких исследователей, кроются в неразвитости политических и правовых институтов, их незавершенном оформлении в процессе консолидации демократии. Маргарете Моммзен, исследуя историю возникновения правительственных органов,

приходит к выводу, что все они выросли из советских органов, будучи «со смелой импровизацией» приспособленными к новой концепции, но с сохранившимися «родовыми признаками» советской системы [9, 41].

Большое внимание немецкие политологи уделяют развитию политических партий и партийной системы. Практически все они едины в том, что консолидации партийной системы также не произошло: «политические партии находятся в тени, реальную политику определяют разнообразные группы элит» [10, 270], «политические партии практически не участвуют в процессе принятия политических решений» [11, 136] и т.д.

Незавершенность формальных институтов в России, по оценке немецких исследователей, делает их более уязвимыми для использования в интересах элит. Тем самым определяется особое место анализа элит в немецких исследованиях, посвященных российским трансформационным процессам. Большое внимание привлекают и отдельные политики: Б.Н. Ельцин, Г.А. Зюганов, А.И. Лебедь и, особенно, В.В. Путин, которые в последние годы были предметом повышенного внимания не только немецких средств массовой информации, но и конкретных исследований [12]: «Личности играют в сегодняшней России значительно большую роль, чем в западных обществах, поскольку институты либо не стабильны, либо отсутствуют вовсе» [13, 276].

В пессимистических взглядах западных исследователей на проблему постсоветской трансформации прослеживаются и позитивные тенденции, и во многом это связано с таким политическим институтом современной России, как президентские выборы. Известный немецкий политолог Эберхард Шнайдер приходит к выводу, что «фаза институциональной трансформации России из государственно-коммунистического в демократическое государство» закончилась с президентскими выборами 1996 г., «с образованием центральных конституционных органов и развитием избирательной системы на основе демократической конституции», но при этом отмечает, что для дальнейшей консолидации политических представлений необходима стабилизация партийной системы и представлений интересов в форме общественных и экономических союзов, а также построение гражданского общества, которое могло бы препятствовать успехам «диктаторских припадков» [14, 7].

Практически все немецкие исследователи постсоветской трансформации останавливали свое внимание на президентских выборах, считая их определяющим фактором в становлении демократической системы. В целом изучение президентских выборов в немецких научных центрах характеризуется использованием междисциплинарного под-

хода, с целью широкого освещения выборов в контексте всей структуры системной трансформации. Стоит указать, что основное внимание в немецкой историографии было уделено непосредственно президентским выборам 1996 г., но в ряде работ рассматриваются и последующие выборы Президента, как с целью закрепления авторских выводов исследования, так и в компаративном ключе.

Подробно остановимся на исследовательских работах немецких политологов и экономистов о российских президентских выборах 1996 и 2000 гг.

Основной задачей исследования немецких специалистов в указанном направлении являлось определение места и роли президентских выборов в постсоветской трансформации, их влияние на этот процесс. Данная задача находит свое отражение и во многом определяется ответом на вопрос: «были ли президентские выборы демократическими?»

Этому, в частности, посвящает одну из своих работ Тимм Байхельт [15]. Автор статьи «Еще раз о выборах в России. Были ли они демократичными?» начинает с анализа официальной оценки выборов Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ): «Для выборов в Государственную думу 1995 года оценка ОБСЕ, приведенная спустя 5 дней после выборов, достаточно сдержанна и сводится к тому, что выборы были проведены свободно и честно. Однако в заключительном заявлении по итогам обеих туров президентских выборов слово «свободно и честно» уже не присутствуют. Положительная оценка относится исключительно ко дню выборов» [15, 116].

Т. Байхельт, будучи наблюдателем на выборах в нескольких российских регионах, в своей статье не стремится однозначно ответить на поставленный вопрос, а больше обращает свое внимание на выявленных случаях внешнего давления на избирателей в ходе предвыборной кампании 1996 г., в итоге ставя под сомнение проведение «свободных» выборов в России. Так, одним из инструментов давления он считает влияние средств массовой информации на электорат накануне голосований. Здесь он обращается к отчету Европейского Института средств массовой информации (ЕИСМИ), который констатировал по итогам выборов, что действующему президенту перед голосованием телевидение уделяло больше внимания, чем другим кандидатам. Об этом также пишет Эберхард Шнайдер в своей статье «Российские президентские выборы 1996»: «В распоряжении Ельцина находилось 53 % телевизионного времени, у Зюганова – 18%, у Лебеда – 7%, у Явлинского – 6%, у Жириновского – 5%, у остальных кандидатов вместе – 11%» [16, 6]. Освещение Ельцина в СМИ не просто превысило все допустимые нормы равноправия, но и оказалось доминирующим.

Телевидение является одним из самых влиятельных инструментов в предвыборной борьбе и зачастую решает исход выборов. Но и само телевидение оказывается под влиянием власти, определяющей победу «нужного» кандидата. Немецкий исследователь Петер Хюбнер, специализирующийся на исследованиях средств массовой информации, в своей работе «Медиа-война Ельцин-Путин-Березовский против Лужкова-Примакова-Гусинского...» рассматривает противостояние двух крупных телевизионных каналов – ОРТ и НТВ, известное своим политическим и информационным размахом накануне президентских выборов 2000 г. Основной мотивацией участия магнатов в «медиа-дуэли» автор считает опасение Б.А. Березовского и В.А. Гусинского потерять позиции своего влияния на политическую борьбу и оказаться в дальнейшем «за бортом» при победе оппозиционного кандидата [17]. Такими же опасениями было обусловлено, как замечает П. Хюбнер, и поведение СМИ накануне выборов Президента РФ в 1996 г. Автор, исследуя информационное поле предвыборной борьбы между Б.Н. Ельциным и Г.А. Зюгановым, заключает, что, несмотря на предпочтение действующего президента, средства массовой информации зачастую проявляли лояльность и к главе оппозиционной партии, на всякий случай обезопасив себя от иного исхода «непредсказуемой» гонки [18].

Т. Байхельт, продолжая исследование воздействия «внешних факторов» на исход голосования, останавливает свое внимание на возможных фальсификациях в подсчетах голосов. Здесь его мнение как бы «раздваивается» между невозможностью создать такой прецедент фальсификации, который бы определил исход голосования, при статистически сложном процессе подтасовки, с одной стороны, и не до конца доказанной вероятностью отсутствия подтасовок в силу непрозрачности процесса подсчета голосов, с другой стороны.

К такому же выводу приходит Э. Шнайдер при исследовании президентских выборов 2000 г. [19]. Автор считает недоказуемой цель возможной фальсификации голосов за В. Путина в силу как отрицательного воздействия на его репутацию демократа, так и отсутствия необходимости в этом при такой благоприятной предвыборной конъюнктуре.

В итоге, вопрос о демократичности президентских выборов остается открытым ввиду отсутствия однозначного ответа на него в трудах немецких исследователей.

При анализе роли президентских выборов в становлении демократического процесса такие известные немецкие экономисты и политологи, как Р. Гётц, О. Хишоу, К. Майер и др. обращаются к проблеме влияния этих выборов на экономическую трансформацию. По их мнению, теоретически само

экономическое положение определяет исход выборов, который в то же время сам имеет большое значение для экономического преобразования в России. В работе «Президентские выборы в России: дискуссия об экономических альтернативах» [20] Р. Гётц сравнивает оппозиционные экономические программы фаворитов предвыборной гонки 1996 г. Б. Ельцина и Г. Зюганова. Несмотря на различие идейного содержания программ экономического развития, автор приходит к выводу о наличии привлекательного для российского избирателя «рационального ядра» в каждой из них. Хотя сами итоги голосования, по мнению автора, мало определялись предвыборными программами кандидатов, но избрание Б. Ельцина («как меньшего из зол») определило направление в сторону рыночной экономики, что свидетельствует о позитивном влиянии президентских выборов на экономическую трансформацию.

Исследование президентских выборов в немецкой историографии далеко выходит за рамки проблемы определения их места в постсоветской трансформации и находит свое отражение в ряде частных вопросов, таких, как выявление факторов, влияющих на итог российских президентских выборов, понимание самого института выборов и демократических принципов в сознании российского избирателя, смена политической и экономической элиты в контексте президентских выборов и т.д. При этом не всегда учитывается, что априорно принимаемые зарубежными аналитиками за идеал принципы и ценности западной демократии подчас не вполне согласуются с ментальными, национальными, исторически закрепившимися традициями и представлениями россиян. Тем не менее, критически оценивая постсоветскую трансформацию, ограниченную «исторически сложившимися структурами и менталитетом» [21, 30], немецкая аналитика в целом склонна считать, что современная Россия располагает значительным потенциалом демократического развития.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Погорельская С. Постсоветская трансформация: взгляд из Германии // Pro et Contra. 1999. т. 4. № 3. С. 174-187.
2. Beichelt T. Konsolidierungschancen des russischen Regierungssystems // Osteuropa. 1996. № 6. S. 597-609.
3. Brie M. Russland: Das Entstehen einer «delegierten Demokratie» // Systemwechsel 2: Die Institutionalisierung der Demokratie. Opladen, 1996. S. 143-178; Bos E., Steinsdorff S. Zu viele Parteien - zu wenig System // Systemwechsel 3: Parteien im Transformationsprozess. Opladen, 1997. S. 101-141; Kraus P.A. Assoziationen und Interessenrepräsentation in neuen Demokratien // Systemwechsel 4. Die Rolle von Verbänden im Transformationsprozess, Opladen 1999, S. 39 и др.

4. См. работы: Mommsen M. Wer herrscht in Russland? Der Kreml und die Schatten der Macht. München: C.H.Beck, 2003; Моммзен М. Исполнительная власть в системе российского государства и тандем Путин/Медведев // Россия: итоги последнего десятилетия (1998 – 2008) и перспективы развития. Сб. ст. / Под общ. ред. Г. Горцка, Р. Крумма. М.: РОССПЭН, 2010. С. 33-66 и др.
5. Götz R. Theorien der ökonomischen Transformation // Osteuropa. 1998. № 4. S. 339-354.
6. Heinrich H.-G. Vom realen Sozialismus zum surrealen Kapitalismus // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 1997. S. 279-289; Höhmann H.-H. Wirtschaftslage und Stand der ökonomischen Systemtransformation in Russland // Aus der Politik und Zeitgeschichte. 1997. S. 13-22; Schmidt F. Rußland - Land der Extreme // Aus der Politik und Zeitgeschichte. 1998. S. 34-38 и др.
7. Schröder H.-H. Russische Wirtschafts- und Gesellschaftseliten im Übergang // Der Osten Europas im Prozeß der Differenzierung: Fortschritte und Mißerfolge der Transformation. München, 1997. S. 266-277.
8. Beyme K. Sozialer Wandel und politische Krise in Russland // Osteuropa. 1998. № 6. S. 559-565.
9. Моммзен М. Исполнительная власть в системе российского государства и тандем Путин/Медведев // Россия: итоги последнего десятилетия (1998 – 2008) и перспективы развития. Сб. ст. М.: РОССПЭН, 2010. С. 33-66.
10. Schröder H.-H. Russische Wirtschafts- und Gesellschaftseliten im Übergang // Der Osten Europas im Prozeß der Differenzierung: Fortschritte und Mißerfolge der Transformation. München, 1997. S. 266-277.
11. Bos E., Steinsdorff S. Zu viele Parteien - zu wenig System // Systemwechsel 3: Parteien im Transformationsprozess. Opladen, 1997. S. 101-141.
12. Pleines H. Wirtschaftseliten und Politik im Russland der Jelzin-Ära (1994-1999). Münster: LIT, 2003; Simon G. Gennadij Sjaganow: Das politische Weltbild des Präsidentschaftskandidaten // Aktuelle Analysen des BIOst. 1996. № 15; Schneider E. Alexander Lebed - Jelzins Kronprinz? // Aktuelle Analysen des BIOst. 1996. № 42; Rahr A. Wladimir Putin. - München: Universitas, 2000 и др.
13. Heinrich H.-G. Vom realen Sozialismus zum surrealen Kapitalismus // Österreichische Zeitschrift für Politikwissenschaft. 1997. S. 279-290.
14. Schneider E. Die russische Präsidentschaftswahl 1996 // Bericht des BIOst. Köln. 1996. № 50.
15. Beichelt T. Nochmals zu den Wahlen in Rußland. Waren sie demokratisch? // Osteuropa. 1997. № 2. S. 116-128.
16. Schneider E. Die russische Präsidentschaftswahl 1996 // Bericht des BIOst. Köln. 1996. № 50.
17. Hübner P. Der Medienkampf Jelzin-Putin-Beresowskij gegen Lushkow-Primakow-Gussinskij // Aktuelle Analysen des BIOst. 2000. № 5.
18. Hübner P. Präsidentschaftswahlen in Russland: Aussichten für die Medienfreiheit unter Jelzin und Sjaganow // Aktuelle Analysen des BIOst. 1996. № 37.
19. Schneider E. Präsident Putin: Aufstieg zur Macht und erste innenpolitische Schritte // Bericht des BIOst. 2000. № 29.
20. Götz R. Präsidentschaftswahlen in Russland: zur Diskussion um wirtschaftspolitische Alternativen // Aktuelle Analysen des BIOst. 1996. № 33.
21. Simon G. Welchen Raum läßt die Geschichte für die Modernisierung Rußlands? // Spontaner oder gestalteter Prozeß? / H.-H. Höhmann. Baden-Baden, 1999.

РАЗДЕЛ 4. ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА, СРЕДНИХ ВЕКОВ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

УДК 297.1

Маргарян А.Г.

ПОНЯТИЕ АЛ-ВИЛАЙА В РАННЕ-ШИИТСКОЙ ИДЕОЛОГИИ*

Аннотация. Цель статьи – определение понятия *ал-вилайа* на основе материала ранне-шиитского источника – *Китаб ал-махасин* («Книга достоинств») Ахмада ал-Барки (ум. в 887 или 893 г.). Материал этого ранее не изучавшегося отечественными востоковедами сочинения позволяет конкретно рассмотреть одно из центральных положений шиитской догматики на раннем этапе ее формирования и способствует более глубокому пониманию истории развития шиитского ислама в период после «сокрытия» последнего, 12-го шиитского *имама* Мухаммада б. ал-Хасана («исчез» после 873/874 г.).

Ключевые слова. Ал-вилайа, имам, догмат, хадис, шиитская идеология

A. Margaryan
THE CONCEPT OF AL-WILAYA IN THE EARLY
SHIITE IDEOLOGY

Abstract. The goal of this article is to provide a definition of the concept of *al-wilaya* as presented on the pages of *Kitab al-Mahasin* ("The Book of Merits") by Ahmad al-Barqi (d. 887 or 893 CE). Overlooked by Russian Islamicists, *Kitab al-mahasin* offers a reevaluation of this key concept in Shiite ideology during the early stage of its

* ©Маргарян А.Г.

formation as well as a deeper understanding of the history of the development of Shiite Islam in the period after Muhammad b. al-Hasan (disappeared after 873/874 CE), the last Shiite *Imam*, had gone into "occultation".

Key words: Al-wilaya, imam, dogma, hadith, Shiite ideology.

По сравнению с изученностью современного шиитского ислама, что во многом обусловлено политическими событиями на Ближнем Востоке в течение последних десятилетий, период становления и формирования раннешиитской идеологии менее исследован как российскими, так и западными учеными.

Таблица

Частотность упоминания понятия ал-вилайа в первых 5 главах Китаб ал-махасин (всего 11 глав)					
Гл. 1 «Книга сравнений» (51 хадис)	Гл. 2 «Книга воздаяний» (152 хадиса)	Гл. 3 «Книга наказаний» (143 хадиса)	Гл. 4 «Книга чистоты» (201 хадис)	Гл. 5 «Светильники мрака» (467 хадисов)	Всего
2	1	6	10	8	27

Большое количество источников на арабском и персидском языках, посвященных этому переломному периоду в истории шиитского движения, ждут своего открытия для современной гуманитарной науки. Переведена и исследована лишь малая часть шиитских источников, изучение которых расширяет понимание структуры и идеологии шиитского ислама на раннем этапе ее формирования. Цель статьи – выявить объем понятия *ал-вилайа* – одного из краеугольных догматов в шиитской идеологической системе в период после исчезновения («сокрытия») последнего, 12-го шиитского *имам*а. Новизна работы состоит в том, что впервые на русском языке вводится в научный оборот конкретный материал по истории развития шиитского ислама на раннем этапе формирования его догматики. Полученные результаты могут быть использованы при изучении истории формирования и становления идеологии шиитского ислама в период VII – IX вв. и способствовать более глубокому пониманию современных политических процессов на Ближнем Востоке.

Методика исследования основана на анализе цепей *иснада*, т.е. цепей имен передатчиков преданий, которую разработали и применяли в своих трудах сотрудники Арабского кабинета Ленинградского отделения Института востоковедения АН СССР (ныне Институт восточных рукописей РАН) – П.А. Грязневич, К.А. Бойко, С.Б. Певзнер и С.М. Прозоров. Основная задача исследователей состояла в том,

чтобы наиболее полно и объективно воссоздать историю арабской исторической литературы по материалам арабских источников [1].

Эта методика росписи, обработки и анализа арабского текста, содержащего *хадисы*, с помощью оперативной программы Windows Office Microsoft Excel была адаптирована к работе над *Китаб ал-махасин* («Книга достоинств») [2] Ахмада ал-Барки (ум. в 887 или 893 г.), что позволило реализовать потенциал методики Арабского кабинета, не нарушая основных ее принципов. Программа позволила подсчитать и вывести статистические данные по исследуемому вопросу и установить частотность упоминания понятия *ал-вилайа* в главах *Китаб ал-махасин*, посвященных шиитской догматике.

В монографии британского исламоведа А.Дж. Ньюмана «Период формирования *имамитского шиизма*» [3], посвященной раннему этапу истории развития шиитского движения, понятие *ал-вилайа* определяется как привязанность (*affection*), приверженность к *имам*ам из семьи дома Пророка (*ахл ал-байт*). Автор отметил лишь одно из значений *ал-вилайа*. Однако данные полученные мною в результате анализа содержания *хадисов* *Китаб ал-махасин*, посвященных понятию *ал-вилайа*, позволили выявить другие аспекты этого понятия.

Это – *ал-хубб* («любовь к *имаму*»), *ал-мавадда* («духовная привязанность к *имаму*»), *ас-сила* («связь с *имамом*»). Следует подчеркнуть, что именно в такой последовательности Ахмад ал-Барки приводит данные понятия в *Китаб ал-махасин*, что отражает степень их важности в шиитской догматике. Об этом косвенно свидетельствует и частотность упоминания понятий *ал-хубб* (10 *хадисов*), *ал-мавадда* (4 *хадиса*), *ас-сила* (6 *хадисов*) в *Китаб ал-махасин*.

В совокупности эти понятия обозначали способы выражения признания исключительности и божественной природы правления шиитских *имам*ов из семьи дома Пророка.

Под *ал-хубб* подразумевалось признание сердцем. Так, Абу 'Абд Аллаха^а (*)^б сказал: «Кто любил нас, семью дома Пророка и признал сво-

им сердцем любовь к нам обязательной, с языка того потекут ручьи мудрости, в сердце того возобновится вера...» [4].

Понятие *ал-мавадда* отражало важность признания правления шиитских *имамов* на духовном уровне. Так, *ал-Хасан б. 'Али*^c (*) говорил: «Сказал посланник Аллаха (**)»: «Вменяйте в обязанность духовную привязанность (*ал-мавадда*) к нам, семье дома Пророка, ибо представший пред Аллахом, будучи духовно привязанным к нам, семье дома Пророка, войдет в рай благодаря нашему заступничеству...» [2, 105].

Понятие же *ас-сила* («связь с *имамом*») подразумевало идейную приверженность к шиитским *имамам* и предполагало доказательство данной приверженности делом. Так, *Абу Джа'фар*^e (*) сказал: «Когда настанет день Воскресения, соберет Аллах первых и последних, и глашатай возгласит: «Восстаньте те, у кого есть заслуга пред посланником Аллаха». И восстанут немногие из людей, и он спросит: «Какие у вас заслуги пред посланником Аллаха (**)»? И они скажут: «Мы были связаны с семьей дома Пророка после него». И он скажет им: «Идите и обходите людей, и у кого из них была заслуга пред вами, берите его за руку и вводите в рай"...» [2, 109].

Ключевое положение понятия *ал-вилайа* в шиитской идеологии подтверждается рядом *хадисов*, где *ал-вилайа* провозглашается одной из основ ислама наряду с его нормативными предписаниями. Так, *Абу Джа'фар* (*) сказал: «Ислам зиждется на пяти основах – молитве, милостыне, паломничестве, посте, признании правления *имамов* из семьи дома Пророка (*ал-вилайа*), и тебя призывали только к признанию правления *имамов*...» [5, 429].

Декларация догмата *ал-вилайа* как одной из основ ислама сопровождается разъяснением его ключевого положения по отношению к другим основам исламского вероучения по степени важности их исполнения в религиозной практике. Так, *Абу 'Абд Аллах* (*) сказал: «Ислам зиждется на пяти вещах – на молитве, милостыне, паломничестве, посте и признании правления *имамов* (*ал-вилайа*)». *Зурара* спросил: «Что из этого самое достойное?» Он ответил: «Признание правления *имамов* – самое достойное из них, потому что это – ключ к ним, а Угодник Аллаха (*ал-вали*, – *имам* из рода 'Али^f) – путеводитель к ним». Я спросил: «Что следующее по достоинству?» Он ответил: «Молитва (*ас-салам*), поскольку посланник Аллаха (**) сказал, что молитва – опора религии». Я спросил: «Что следующее по достоинству?» Он ответил: «Милостыня, поскольку он (Пророк) связал ее с молитвой и начал с молитвы прежде милостыни, и (еще) посланник Аллаха (**) сказал, что милостыня уносит с собой

грехи». Я спросил: «Что следующее по достоинству?» Он ответил: «Паломничество, поскольку Аллах сказал: {Люди должны отправляться в паломничество к Священному Храму, если могут, и те, кто не уверовал, Аллах богаче этих двух миров} (Коран 3:91,92). И посланник Аллаха (**) сказал: «Принятое паломничество лучше двадцати дополнительных молитв. Кто совершит обход вокруг Священного Храма единожды, тому Аллах засчитает неделю, а кто исполнит хорошо два коленапреклонения, тому Аллах простит». Я спросил: «Что следует за этим?» Он ответил: «Пост». Я спросил: «Почему же пост последний из всего этого?» Посланник Аллаха (**) сказал: «Пост – это щит от ада». Затем сказал: «Воистину, достойнейшая из вещей – то, в чем не нужно каяться, если оно миновало тебя, без того, чтобы вернуться к этому и исполнить то же самое. Воистину, молитву, милостыню, паломничество, признание правления *имамов* – ничто не заменит их, кроме как их исполнение. Воистину, пост, если он миновал тебя, или ты не держал до конца срока, или путешествовал во время поста, то можно его совершить в другие дни или исправить этот грех уплатой *саадаки*, и не будет тебе приговора – из этих четырех вещей дозволено тебе возместить только это». Затем добавил: «Вершина этого дела (дела шиитов), самое главное в нем, ключ к нему, врата к этим вещам и к довольству Милосердного – это повиновение *имаму* после того, как ты признал его. Воистину, Аллах сказал: {Кто повинуется посланнику – повинуется Аллаху, и кто следует тому, кого мы послали, будет под нашей защитой} (Коран 4:82). Если человек совершает молитву ночью, постится днем, платит (в качестве) милостыни со всего своего имущества, совершает паломничество всю свою жизнь, но не признает правления (*ал-вилайа*) Угодника (*вали*) Аллаха, чтобы поддерживать его и совершать все свои деяния в соответствии с его указаниями, то у него нет права на воздаяние от Аллаха, и он не из числа верующих» [5, 430].

Из приведенных примеров явствует, что в понимании шиитских богословов *ал-вилайа* подразумевала свидетельствование о признании правления шиитских *имамов* из семьи дома Пророка. Однако принципиальное шиитское добавление *ва 'Али валийу Аллах* («*Али* – угодник Аллаха») к исламскому символу веры (*аш-шахада*) *ла илаха илла Аллах ва Мухаммад расулу Аллах* («Нет божества кроме Аллаха, Мухаммад посланник Аллаха») еще отсутствует в *хадисах Китаб ал-махасин*.

Истинность догмата *ал-вилайа* шиитские *имамы* подкрепляли Кораном и авторитетом пророка Мухаммада. Так, *Абу Джа'фар* (*) сказал: «Когда было ниспослано {В тот день, когда мы

призовем всех людей со своими *имамами*} (Коран 17:71), мусульмане сказали: “О, посланник Аллаха! Разве не ты *имам* для всех людей?” Посланник Аллаха (**) ответил: “Я – посланник Аллаха для всех людей, но после меня будут *имамы* от Аллаха для людей из дома семьи моей, которые будут пребывать среди людей, но их будут обвинять во лжи и их будут притеснять *имамы* неверия и заблуждения и их приверженцы. Но только тот, кто помогал им (*имамам* из дома семьи Пророка), последовал за ними и признал их истинными, тот – от меня и со мной и встретит меня, а тот, кто притеснял их, помогал притеснять их и обвинял их во лжи, тот – не от меня и не со мной, и я от него отрекаюсь” [4, 84].

Из исследованного материала *Китаб ал-махасин* явствует, что к концу IX в. шиитские богословы тщательно разработали и сформулировали догмат об *ал-вилайа*, который подразумевал не только признание исключительного права шиитских *имамов* из семьи дома Пророка на правление в исламской общине, но и вменял в обязанность шиитов следовать этому как религиозному предписанию. Таким образом, можно констатировать, что в понимании шиитов в период после «сокрытия» последнего, 12-го шиитского *иамма ал-вилайа* – это вера в божественную миссию шиитских *имамов* на земле, повиновение их воле, знание о том, кто истинный *имам*, и следование его предписаниям в жизни.

ПРИМЕЧАНИЕ:

- a Шестой шиитский *имам* – Джа’фар ас-Садик (ум. в 765 г.)
- b В тексте одной звездочкой обозначена форма прославления *имам*а – Да приветствует его Аллах!
- c Второй шиитский *имам* – ал-Хасан б. ‘Али б. Аби Талиб (ум. в 678 г.)
- d В тексте двумя звездочками обозначена форма прославления пророка Мухаммада – Да благословит его Аллах и да приветствует!
- e Пятый шиитский *имам* – Мухаммад ал-Бакир (ум. в 733 г.)
- f Четвертый праведный халиф и первый шиитский *имам* – ‘Али б. Аби Талиб (убит в 661 г.)

ЛИТЕРАТУРА:

1. Прозоров С.М. Романов М.Г. Методика извлечения и обработки информации из арабских источников// Восток. № 4. Санкт-Петербург, 2003. С. 117
2. Ал-Махасин ли-л-мухаддис ал-джалил ас-сика Аби Джа’фар Ахмад б. Мухаммад б. Халид ал-Барки Джуз’ 1 – 2, Кумм. 1416/1995 г.
3. Andrew J. Newman. The Formative Period of Twelver Shi’ism, Hadith as Discourse Between Qum and Baghdad, Leeds, 2000. P. 55.
4. Ал-Махасин, ал-Барки, глава-2, хадис-103 (нумерация хадисов Ал-Махасин в тексте обозначены номером главы . номером хадиса: [2.103]).

УДК 94:39 (575.4)

Доржиева Д.Д.

НОВОГОДНЯЯ ОБРЯДНОСТЬ УЙГУРОВ В КОНТЕКСТЕ ФОЛЬКЛОРНО- ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ДАННЫХ О НАВРУЗЕ*

Аннотация. В статье описывается новогодняя обрядность Навруза: приготовление ритуального блюда – сумальяка, обряд поминовения предков, пережитки земледельческих культов, сохранившиеся у современных уйгуров Восточного Туркестана. Подчеркивается важность изучения Навруза для выяснения древних культурно-исторических связей между народами Ближнего Востока, Передней, Средней и Центральной Азии.

Ключевые слова: Навруз, новогодняя обрядность уйгуров Восточного Туркестана, земледельческие культы

D. Dorzhieva

UIGUR'S NEW YEAR'S CEREMONIALISM IN A
CONTEXT OF FOLKLORE AND ETHNOGRAPHICAL
DATA ABOUT NAVRUZ.

Abstract. The article have the description of new year's ceremonial rites of Navruz, exactly, preparation ritual dish - sumalyak, funeral rites of ancestry, survivals of agricultural cults are preserved by modern uigurs of the East Turkestan. The importance of explore Navruz in help to finding-out the ancient uigur's cultural and historical contacts with peoples of the Near East, Front, Middle and Central Asia is accentuated.

Key words: Navruz; uigur's new year's ceremonialism of the East Turkestan, agricultural cults

Территория Восточного Туркестана издавна была своеобразным «полигоном» культурных, религиозных, хозяйственных взаимодействий между разными народами. Многочисленные культурные взаимовлияния (VII-IX вв.) коренного и более позднего, пришлого (согдийского и уйгурского) населения привели к смешению и частичному синтезу культурных традиций, что отразилось в таком явлении духовной культуры, как праздники [21, 26].

Особое место среди всех календарных праздников уйгуров занимает Навруз – старинный, до-

* © Доржиева Д.Д.

исламский древнеиранский праздник, вобравший в себя культурные традиции нескольких цивилизаций.

Навруз – праздновавшийся в день весеннего равноденствия, как известно, самый важный и радостный праздник не только у уйгуров, но и многих других народов. Новый год отмечают все народы мира, в зависимости от местного календаря. У некоторых народов не всегда Новый год совпадает с весенним равноденствием, но начало Нового года во всех странах, с древних времен было связано с началом сельскохозяйственных работ.

В литературных источниках имеются многочисленные упоминания и описания празднования Навруз в древности и при дворцах мифических и персидских шахов. Происхождение и сущность Навруза, а также его обряды и ритуалы зафиксированы в таких письменных памятниках, как Авеста, «Шах-наме» Фирдоуси, произведениях Низами и др. Наиболее подробные сведения встречаются также в трудах классиков средневековой науки и культуры: М. Наршахи (X в.), А. Бируни (X-XI в.), О. Хайяма (XI-XII в.) и др. Причем ими еще в те времена был отмечен земледельческий, народный характер праздника.

В приложении «Шах-наме» Фирдоуси отмечает, что из числа многочисленных праздников зороастрийской религии выделялся, прежде всего, Навруз (Новый год), праздновавшийся в день «вхождения Солнца в созвездие Овна», т. е. весеннее равноденствие (по современному иранскому календарю – 22 марта) [18, 112-119]. В частности, только в Навруз должна была происходить торжественная коронация нового шахиншаха, и с момента этой коронации начиналось новое летоисчисление (по годам его правления). В прошлом по сообщению средневековых авторов существовало два Навруза – официальный, государственный и другой – простонародный. Они не совпадали по времени празднования. Официальный праздник отмечался при дворе шахов, его наместников в провинциях, областях. А народный связан с полевыми работами и отмечался простыми земледельцами.

Омар Хайям отмечал: «Зороастрийская религия, как религия земледельческих народов, была основана на культе Солнца и тесно связанном с ним культе огня. Солнце рассматривалось как «наместник бога» [20, 137-138]. С этим было связано то, что главным праздником этой религии был день весеннего равноденствия – Навруз. Зороастрийская традиция, возродив своими корнями глубоко уходящий праздник весны, прославляла Аша Вахишта и огонь. Большинство зороастрийских праздников и обрядов были связаны с временами года и носили сезонный характер: празднование Навруза, шести гаханбаров, культ предков

и др. Ритуальная церемония Навруза много веков назад означала воздание хвалы главным и святым для зороастрийцев элементам: огню, воде, земле.

Немаловажное значение для изучения Навруза имеют высказывания Бируни [3, 156, 220]. Касаясь праздников, он их разделяет на мирские и религиозные. Но одновременно упоминает о праздновании Навруза в первый день месяца фервердин – Маха, указывает на его связи с солнечным календарем и описывает те обычаи и обряды, которые бытовали в те отдаленные времена среди иранцев. Бируни неоднократно говорит о земледельческом характере Навруза. Н.П. Лобачева, ссылаясь на Бируни, пишет: «В этот день люди взяли за правило лить воду, брызгать водой на землю, делать подарки, качаться на качелях, дарить сахар, сажать вокруг блюда семь разновидностей злаков на семи полосах, по всходам которых затем судили о качестве злаков в данном году, делать омовение, обливаться дождевой водой» [8, 156].

Другим важным источником для изучения Навруза является работа К.А. Иностранцева. Он пишет: «Справлявшийся торжественно Навруз имел и имеет, как праздник весеннего обновления природы, первостепенное значение в народном календаре земледельческой Персии» [6, 112].

С.П. Толстов также на основе мусульманского мифа о Хусейне усматривает древние элементы, восходящие к идеологии средневекового ближневосточного общества, связанные с архаическими культами умирающих и воскресающих божеств [17, 200]. Неоднократно в литературных источниках встречается мнение о связи шиитского культа Хусейна с культом семитского Таммуза-Адониса. В связи с распространением ислама мусульманское духовенство попыталось дать празднику религиозную окраску. Но в сознании народа Навруз ассоциировался только с весной, с пробуждением природы.

В Восточном Туркестане (по сообщению китайского путешественника X в. Ян Вандэ) турфанцы еще до их исламизации отмечали Навруз и обрызгивали друг друга водой, что было характерным ритуалом этого праздника. Люди наряжались в лучшие новые одежды, украшали головные уборы бумажными цветами и веселились под музыку все вместе — мужчины, женщины, старики, дети, молодежь, собираясь где-нибудь вне селения, за городом, на предназначенном для подобных торжеств месте (мусалла) [4, 201]. Путешественники XIX в., побывавшие на праздниках уйгуров, отмечали, что такие специальные места находились обычно с восточной стороны города. Это мог быть естественный пригорок или склон горы, но чаще сооружали насыпь в несколько метров высотой или высокий деревянный помост; во время праз-

днества там размещались музыканты, вокруг — пришедшие горожане [15, 110]. Подобные сооружения существовали и в начале XX в. Например, в Яркенде насыпь и помост с восточной стороны города так и называли «холм Навруза» [5, 42].

На таких традиционных местах собраний уйгуры устраивали праздничные игры (козлодрагание, соревнования в стрельбе из лука на лошадях и другие спортивно-развлекательные состязания), которые символизировали изгнание зимы и радостную встречу весны.

Среди обрядов, исполняемых в праздник Навруз, центральной церемонией было приготовление ритуальной пищи из пророщенных зерен пшеницы — сумальяка. Традицию выращивания пшеницы для приготовления ритуального блюда известны на востоке с древности. По сообщениям античного автора Плутарха (42-126 в. н.э.), среди мидийцев злаки, особенно пшеница, считались священными, и при наступлении нового года из них приготавливали священный напиток «омами» [11, 314]. В древнеиндийской мифологии упоминается о ритуальном, опьяняющем напитке, приготавливаемом из сока растений сомы. Аналогию этому напитку найти трудно. Однако параллель в древнеиранском ритуале — хаома — указывает на большую древность культа сомы. Кроме того, в «Авесте» упоминается о почитании двух древнеиранских божеств Митры и Хаумы (древнеиндийск. «Сома») [1, 119]. Это свидетельствует о древнем происхождении сомы, но что это за растение до сих пор не ясно. В тоже время ритуал приготовления сумальяка на Новый год имеет некоторые аналогии с культом древнего напитка сома-хаома. Главное, выращивание пшеницы для солода считалось и считается символом обновления, оживления природы, плодородия, и, кроме того, оно имело магическое значение. Подтверждением этого является то, что сумальяк в народе считалась обрядовой, священной и лечебной пищей, способствовавшей умножению рода.

Так, Г.П. Снесарев, касаясь данного обряда среди оседлых узбеков Хорезма (культурно близких уйгурам), пишет: «Основная цель обряда — достижения плодородия и благосостояния в текущем году — четко прослеживается во всех материалах. Поев сумальяка, будешь многодетной; детей будет столько, сколько крупинки в сумальяке; будет во всем обилие и богатство, все участницы сумальяка достигнут долголетия. Следует обратить особое внимание на то, что приготовленным сумальяком, как правило, одевают бесплодных женщин» [13, 97].

У уйгуров с сумальяком в прошлом был связан ряд поверий, запретов и рекомендаций, носивших явно магический характер. Например, если в середине разлитого в подносы сумальяка

за ночь образовывалось небольшое углубление, значит его благословил пророк своим посохом, что предвещало хороший урожай на предстоящий сезон. Огонь под казаном, где варился сумальяк, должна разжигать «счастливая» женщина, в доме которой был достаток, добрые отношения и здоровые дети, а руководила обрядом самая уважаемая и знающая местные обычаи женщина. К месту приготовления сумальяка не подпускали мужчин, иноверцев и женщин с «дурным глазом». Иногда в некоторых регионах в казан клали щепотку соли от «дурного глаза» [п.м. 2006 г., Ахметова].

В процессе приготовления сумальяка особое место занимала магическая семерка. При этом пшеницу промывали в семи водах, прорастала пшеница семь дней, а пророщенную пшеницу (и другие зерна) после толчения в ступе по частям опять промывали в семи водах, а затем вокруг подноса с зернами проводили семь линий и по их росткам определяли, каким будет урожай будущего года.

В час наступления равноденствия уйгуры выкладывали сумальяк на скатерть и стригли зеленые верхушки, одновременно исполняя специальные обрядовые песни, в них прослеживается одна идея: умиловать сверхъестественные силы природы, чтобы в новом году было изобилие [п.м. 2006 г., Ахметов].

Известный исследователь обычаев и религиозных представлений у узбеков Г.П. Снесарев писал: «Пожалуй, ни один из весенних обрядов Средней Азии не имеет столь разительных параллелей в классических культах умирающих и воскресающих божеств древности, как повсеместно бытующий здесь обряд приготовления ритуального кушанья, именуемого сумальяк. Обычай варки сумальяка, связанный с Новрузом, в разных местах Средней Азии варьировал в деталях, но содержание его было неизменно: это чисто женский обряд магического характера, имеющий целью обеспечить богатый урожай текущего года и личное благополучие участниц обряда» [13, 99]. Поскольку традиционные верования узбеков и уйгуров близки, есть основания предполагать, что приготовление сумальяка является пережитком культа умирающего и воскресающего божества.

Особое место в праздничных обрядах, совершавшихся в день весеннего равноденствия, занимал обряд поминовения предков. По представлениям уйгуров, главная цель Навруза заключалась в том, чтобы напоить, накормить и развеселить покойных. Обряд поминовения выделялся как особый праздник — Праздник умерших — и отмечался в ближайший к Наврузу четверг или пятницу.

Главной поминальной пищей этого дня были яйца. Они широко применяются в заупокой-

ном культе многих народов мира как символ воскрешения жизни, но особо следует отметить, что яйца как атрибут занимали видное место в весенней обрядности суннитов, где тоже служили символом жизненной силы и плодородия: издавна в Навруз было принято варить, красить и играть яйцами.

Утром в день праздника жители деревень, надев новую одежду, захватив с собой крашенные яйца, а также лепешки и различные сладости, отправлялись на кладбище, где после общей молитвы располагались у семейных могил. Прежде всего участники церемонии поправляли могилы, очищали их, затем начиналась общая трапеза. В заключение обряда остатки пищи раздавались детям, беднякам или просто прохожим со словами: «Пусть он прикоснется к душе умершего!». Так, в жертвенной пище живые стремились соединиться с их усопшими предками.

Но то же время в уйгурском обычае посещения кладбища на Навруз прежде всего обращает на себя внимание сопутствующая ему атмосфера непринужденного праздничного веселья. В этот день все старались быть жизнерадостными, прощали обидчиков, находившиеся в ссоре должны были помириться. Общая трапеза у семейных могил сопровождалась игрой на музыкальных инструментах и исполнением народных песен. Молодежь устраивала катание на качелях. Дети запускали в небо воздушных змеев, бегали с корзинами между могилами, каждый из присутствующих должен был одарить их сладостями [п.м. 2007 г., Зулъпикаров]. В этом случае очевидно, что обряд поминовения предков сливался с обычаем выезжать семьями и целыми кварталами на лоно природы, во время весенних празднеств.

Среди древнейших верований, сохранившихся в качестве пережитков в составе календарно-обрядовых праздников уйгуров, особое внимание привлекают обряды и обычаи, связанные с древнейшими земледельческими культами, такими как культ растительности, воды, огня. На современном этапе древнейшие религиозные представления, связанные с обрядовыми функциями растительности, уже давно позабыты, но сохранился их символический смысл, уходящий своими корнями в глубокую древность.

Что касается применения уйгурами ритуальных растений в быту, то необходимо отметить растение руты, которой приписывали магические свойства. Для очищения пространства, для лечения болезней, для предохранения от злых духов, сглаза уйгуры используют воскурение специальной травой адресман (рута), ею трижды обносят очищаемый предмет или человека, настаивают на воде и купают ребенка, чтобы не сглазили. По поверьям уйгуров, адресман обладает семью це-

лебными свойствами. Во время Навруза уйгуры окуривают дом и членов семьи, как бы очищая от старых последствий уходящего года [п.м. 2007 г., Зулъпикаров].

По древнеиранским верованиям, рута считалась одной из древнейших священнейших созданий. Представление о сакральных свойствах руты широко было распространено у всех народов Передней и Средней Азии. К.И. Иностранцев руту называет «предохраняющей от дурного глаза» [6, 98]. К руте обращались в последнюю среду перед Наврузом для «очищения» от невзгод, недугов и неприятностей старого года. Для этого зерна руты, посыпав соли, зажигали и дымом окуривали человека, которого хотели уберечь от болезней [п.м. 2007 г., Зулъпикаров].

Использование растения руты как лечебного средства настолько было широко распространено, что древние иранцы отмечали праздник Эсфанд (Эсфандом называется последний месяц солнечного иранского года – примерно с 22 февраля, ближе к весне). Венецианец Пьетро делла Валле, совершивший путешествие в многие страны Востока, включая и Иран (XVII в.) сообщает, что иранцы справляют один из праздников, который они называют Эсфанд, по имени одного сорта травы, которая первой появляется из земли [10, 79]. Этот праздник, по словам автора, не имел отношения к лунному календарю. Эсфандом в Иране и Средней Азии называлось растение руты.

Среди уйгуров этот праздник фольклорно-этнографическими материалами не зафиксирован, нет сведений и в литературных источниках. Вероятно, почитание и использование растения руты быту и во время праздника Навруз является отголоском данного праздника (т.е. Эсфанда).

Обряд почитания деревьев наблюдался автором статьи в селе Кольджат Алматинской области Республики Казахстан. Перед въездом в село на обочине дороги имеется деревянная беседка с растущим посередине деревом. Во время Навруза местные жители привязывают разноцветные ленточки – вотивы – на ветки, прося благословение на следующий год [п.м. 2007 г. Ахметов]. Также у уйгуров сохранилась традиция сажать деревья в день Навруза. М. Миррахимов по этому поводу пишет: «Оставшись до сих пор верными старинным языческим преданиям, мусульмане считают себя связанными сажать в день Навруза в своих садах цветы или деревья, следуя в данном случае древнему языческому обычаю ежегодного символического празднования в Адонисовых садах пробуждающейся природы, рождения весны после долгого зимнего сна» [9, 180].

По поводу культа воды и божества воды в науке есть несколько различных мнений: например, Э. Тэйлор полагал, что особого культа общего

божества воды не сложилось [14, 380]. Другие ученые (Г.П. Снесарев), исследуя культуру древних неевропейских народов, пришли к выводу, что культ воды и общее божество воды в религии этих народов все-таки существовали [13, 75]. Отношение к воде как очищающему средству, естественно, основано на реальном свойстве ее – смывать грязь. Поэтому вполне понятна та роль, которую получила вода в древней лечебной практике, в различных очистительных обрядах, архаических культах уйгуров. Во время праздника Навруз сохранились у уйгуров и обряды, связанные с водой: например, обряд перепрыгивания через ручей для «очищения от грехов» прошедшего года. В дни праздника некоторые девушки исполняли особый обряд – шли к реке и там заходили по колено в проточную воду и пели песни, прося хозяина вод дать им хорошего жениха в этом году [п.м. 2007 г., Насырова]. Но главным все же оставался всеобщий обычай шуточно-магического обливания и обрызгивания друг друга водой с пожеланием богатства и процветания в новом году.

Немаловажное значение во время празднования Навруза отдается культу огня. Общеизвестные и широко распространенные примеры ритуального потребления огня сторонники мифологической школы выводили из древнего культа молнии. Богатейший материал по этому вопросу собран в сочинении А.Л. Куна «Происхождение огня и божественного напитка» [7, 73]. Та же тенденция была и у других авторов. «В земном огне, - писал А.Н. Афанасьев, - древнейшие арийские племена видели стихию, родственную с небесным пламенем грозы, огонь, разведенный на домашнем очаге, точно так же прогоняет нечистую силу тьмы и холода и заготавливает насыщенную пищу, как и молнии, разбивающие темные тучи, дарующие земле теплые весенние дни и урожаи» [2, 34]. Многочисленные этнографы отметили у разных народностей земного шара веру в очистительную, целительную, оплодотворяющую силу огня. Безусловно, эти свойства огня и породили идею об очищении с его помощью.

У уйгуров сохранились следы почитания огня. В дни праздника Навруз, вернее, в последнюю среду, старались прикоснуться к пламени огня, чтобы почувствовать его благотворительную силу (в данный момент очистительную), прыгали через костры, угоняли скот (часто между кострами), что было связано, по поверьям народа, с оплодотворяющей силой огня [п.м. 2007 г. Ахметов]. Этот последний обычай Дж. Фрэзер объясняет желанием, с одной стороны, дать возможность людям и скоту получить частицу жизненной энергии солнца, с другой – подвергнуть их очистительной силе огня [19, 107]. Причем, через костер часто перепрыгивали, держась за руки, парами. Все ука-

занные действия, связанные с огнем, накануне и в дни праздника, выступают как вера в очистительную силу огня, отгоняющую нечистую силу прошлого (старого года). Вера в очистительную силу огня у уйгуров перешла и на такие производные элементы огня, как дым, уголь, головешки. Этим же объясняется окуливание людей и домашних животных в праздничные дни дымом руты (адресман). Кроме перепрыгивания через костры, выполнялись магические и обыкновенные пляски [п.м. 2007 Ахметов]. С.А. Токарев пишет, что пляски вокруг костров известны многим народам мира [16, 147-163].

Данные фольклора и этнографические материалы о праздновании Навруза выявляют неразрывную связь новогоднего праздника с земледельческими культами, указывают на его древние корни и помогают выяснить историческую преемственность, культурно-бытовые и этнокультурные связи уйгуров Восточного Туркестана с другими народами Ближнего Востока, Передней, Средней и Центральной Азии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Авеста. Наука. СПб. 2005. 286 с.
2. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. Т. I. Лит. учеба. М. 1865. - 118 с.
3. Бируни А. Избранные произведения /отв. ред. С.Х. Сирожиддинов. Фан. Ташкент. 1982. - 344 с.
4. Бичурин Н.Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т.1. Наука, М-Л. 1950. 442 с.
5. Гедин С. В сердце Азии. Памир, Тибет, Восточный Туркестан. Т.1. Гос. Тип., СПб. 1899. 96 с.
6. Иностранцев К.А. Древние арабские известия о праздновании Новруза Сасанидской Персии. СПб. 1904. - 119 с.
7. Кун А.Л. Очерки Кокандского ханства. ИИРГО. Т. XII. 1876. - 114 с.
8. Лобачева Н.П. Древние обряды, верования и культы народов Средней Азии. Наука. М. 1986. - 304 с.
9. Миррахимов М. Праздник Навруз. Адиб. Душанбе. 1983. - 196 с.
10. Нигмат А. Земледельческие календарные праздники древних таджиков и их предков. Адиб. Душанбе. 1989. - 357 с.
11. Плутарх. Сочинения. Изд-во С.-Петербургского ун-та, СПб. 2008. 980 с.
12. Полевые материалы автора 2006-2007 гг. в СУАР КНР и Республику Казахстан (г. Кульжа, Турфан, Урумчи, Алматинская область РК, в тексте - п.м. Ахметов, Зулпикаров, Насырова).
13. Снесарев Г.П. Реликты домусульманских верований и обрядов у узбеков Хорезма. Наука. М. 1969. - 365 с.
14. Тэйлор Э. Первобытная культура /пер. с англ., примеч. А.И. Першица. Политиздат. М. 1989. - 572 с.
15. Тимковский Е.Ф. Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 г. Ч. 2. СПб. 1824. 378 с.
16. Токарев С.А. Религии в истории народов мира. Республика. М. 2005. - 542 с.

17. Толстов С.П. Древний Хорезм. Наука. М. 1948. - 560 с.
18. Фирдоуси А. Шах-наме. /под ред. Е.П. Челышева. Тера. М. 1991. - 732 с.
19. Фрэзер Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии./Пер. с англ. М.К. Рыклина. Эксмо. М. 2006. - 658 с.
20. Хайям О. Науруз-наме /пер. Б.А. Розенфельда. Гайрат. М. Ашхабад. 1986. - 202 с.
21. Чвырь Л.А. Обряды и верования уйгуров в XIX-XX вв.: очерки народного ислама в Туркестане. Наука. М. 2006. - 288 с.

fragment, attributive by Miss Olga Filatova as the introduction tune of his opera «Eugene Onegin». Czech-Russian contacts demonstrated interaction's attraction, which were realized in the ground of Slav music culture.

Key words: Czech history, The National Theatre in Prague, Slav music.

В перипетиях европейской истории Чехия Нового времени неизбежную борьбу за национальные достижения проявляла и на поле музыкальной культуры, особенно – невербализированной (следовательно, нецензурированной) – инструментальной, знаменуя собою, тем не менее, будто внешне замаскированный, но на деле – интонационно четкий призыв верности высоким истокам духовной памяти, достоинству народного самостояния, восстановлению государственной независимости. Музыка – и вокальная, хранившая чешский язык, и инструментальная, культивировавшая чешские интонации – совершенно явственно осуществила первые конкретные шаги на пути (после Белогорской трагедии 1620 г.) восстановления национальной самостоятельности.

Чешская нововременная культура настолько прочно взрастала на завещанных традициях, что их соблюдение постепенно, но неуклонно, путем концентрации духовных установок, финансовых средств и художественных усилий, привело к «собиранию нации», не допустив ее распыления, растворения, поглощения, исчезновения. Изучение чешского ареала европейской истории культуры Нового времени как научная проблема отличается комплексным характером исследования, актуальность которого насыщается продуктивностью славянского опыта.

Реконструктивный просмотр историко-документальной «киноленты» чешской культуры Нового времени выделяет «кадры», раскрывающие перипетии рождения Национального театра, музыкальные страницы деятельности которого составили объект рассмотрения данной статьи, где предметным вектором изложения стали чешско-русские контакты. Исследовательской базой обобщения явились отобранные автором и вводимые в научный оборот материалы Российского государственного архива литературы и искусства (далее: РГАЛИ) и его бывшего «спецхрана».

Блестящей и драматичной страницей европейской истории культуры становится даже процесс возведения здания Национального театра Праги, ставшего символом самостояния нации и генетически взаимосвязанного с музыкальной культурой Чехии. Корреспондент журнала «Артист» К. Штендик в серии своих статей, под знаковым наименованием «Из чешской Праги», документально достоверно и художественно при-

РАЗДЕЛ 5. НОВЕЙШАЯ ИСТОРИЯ

УДК 940.2(437)+940.5(437)

Филатова О.И.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ТЕАТР ПРАГИ: ЧЕШКО-РУССКИЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ КОНТАКТЫ*

Аннотация. Знаковый интерес истории культуры Чехии Нового времени представляет Национальный театр Праги, славянские приоритеты которого отражены рядом письменных свидетельств: корреспонденции «Из чешской Праги», гастрольные афиши, эпистолярное наследие, автограф Чайковского – музыкальный фрагмент, атрибутированный автором данной статьи как вступительный мотив оперы «Евгений Онегин». Чешско-русские контакты выявляют взаимное тяготение, реализованное на ниве славянской музыкальной культуры.

Ключевые слова: история Чехии, Национальный театр Праги, музыкальный славизм.

O. Filatova

TNE NATIONAL THEATRE IN PRAGUE: CZECH-RUSSIAN MUSICAL CONTACTS

Abstract. Significant interest of Modern History's European culture is presented by the National Theatre in Prague, which Slavonic priorities were personified in written documents: reports «From the Czech Prague», tour's placards, memoirs, the musical autograph by Tchaikovsky – melody

* © Филатова О.И.

влекательно запечатлел необыкновенную историю дважды (!) произведенного строительства театрального здания, оба раза взметнувшегося на собранные народом средства (вторично – из-за таинственно возникшего, в преддверии открытия, разрушительного пожара).

Постигшая Национальный театр трагедия лишь укрепила мощь и рвение нации иметь и создать свой собственный рупор культуры, «о котором когда-то мечтал весь чешский народ, как о своей надежде лучшей, самостоятельной жизни», сыгравший (и играющий) неоценимую роль в истории. По поводу возведения цитадели для «чешской театральной музыки» К. Штендик афористично подметил важные ментальные свойства национального характера [1]: «Чешский народ в роковые минуты всегда имел довольно энергии, чтобы выйти победоносно из беды».

На торжественное и долгожданное открытие Национального театра 18 ноября 1882 г. со всех уголков чешских земель съезжались целые «театральные поезда», чтобы любоваться на «дело рук своих», приветствуя «новую зарю своей художественной и общественной жизни, новый порыв в культурной независимости» [2]. Отмечая завоеванное профессиональное положение Национального театра Праги: «наряду с первыми театрами Европы», которое удерживается, буквально, с момента рождения, а также видя в том надежду народа – как «залог своей лучшей будущности», К. Штендик приводит в пример горделивую надпись: «Народ – себе», венчающую «корону» здания, подчеркивающую и независимость выбора, и вдохновение его осуществления.

Краеугольный камень в фундамент планируемого к возведению здания Национального театра Праги закладывал и первый классик чешской музыки Бедржих Сметана, сопроводив свое символическое действие действительно историческими словами: «В музыке – жизнь чехов». Природная славянская музыкальность воплотилась на чешской земле и профессионально, и социально, и ментально.

Рассуждая относительно репертуара музыкальных спектаклей на сцене Национального театра Праги, К. Штендик приводит в пример постановки русских опер, осуществленные силами чешских музыкантов. Сочинения Глинки (опера «Жизнь за царя»), и, конечно, Чайковского, который сам прибыл продиректировать чешской премьерой («Евгения Онегина», имевшей «громадный успех»), становились популярными, переворачивая представления о художественных возможностях музыкального искусства, выявляя сокрытые силы и зывая к делу славянской солидарности.

Напоминая старочехам истории былых триумфов русской драматургии в Чехии, К. Штендик

фактически призывал не бояться «испортить отношения с венским правительством». Упоминает критик и сочинения соотечественника – чешского композитора Э.Ф. Направника, прослужившего полвека в России, – успешную премьеру оперы «Гарольд». Постановки произведений славянских и, особенно, русских авторов на сцене Национального театра Праги действительно становились значительными страницами чешской истории.

Статус знаковых событий европейской культуры относился и к гастролям российских музыкантов на чешской земле; среди которых первым в Новое время проложил дорогу в Чехию основатель и глава «Могучей кучки» русских композиторов Милий Алексеевич Балакирев (1836-1910), приехавший специально для осуществления постановок опер Михайлы Ивановича Глинки (1804-1857) на сцене Национального театра Праги. Как отмечал [3] советский композитор Рейнгольд Морицевич Глиэр, «начиная с Серова и Стасова русская музыкально-критическая мысль часто обращалась к народным истокам чешской музыки и творчеству чешских композиторов»: и в том проявлялось единство демократических художественных установок славянских музыкальных деятелей.

Творческая судьба кумира русской классики Петра Ильича Чайковского также была овеяна светлыми чешскими воспоминаниями. Памятным рубежом в жизни Национального театра Праги явились премьеры сочинений Чайковского, а также приезды самого композитора в Чехию (дважды). В материалах («спецхрана») РГАЛИ сохранилась фотокопия [4] необычного – музыкального автографа П.И. Чайковского, представляющего собою ноты мелодической фразы, расшифрованной автором данной статьи. Заключенная подписью композитора, эта выписанная интонация оркестрового вступления к опере «Евгений Онегин» была оставлена им во второй приезд в Чехию – 6 декабря 1888 г. (в 1888 г. шло первое триумфальное европейское турне русского гения по маршруту: Лейпциг, Гамбург, Берлин, Прага, Париж, Лондон).

Периоду постановки в Праге оперы «Пиковая дама» принадлежат имеющиеся в РГАЛИ (в этом же фонде – «Национальный театр Праги»), ротокопии двух писем П.И. Чайковского, направленных им к исполнительнице заглавной роли – к певице Ружене Брадачовой-Выкоукаловой /Růžena Bradáčová-Vykořkalová – О.Ф./ и написанных в изящной манере, по-французски. Первое письмо композитора от 18 августа 1892 г. [5] содержит обращение к пани Ружене с просьбой выслать ему на память сценический (фото)портрет в роли, которую «Вы блестяще исполнили в Праге». Во втором письме [6], направленном из дома композитора в подмосковном Клину 28 февраля 1893 г., Петр Ильич в восхищенном слого обра-

чается к пани Ружене с благодарностью «за этот чудесный подарок» и обещанием: «Я навсегда сохранию в памяти Ваше великолепное исполнение роли Графини в “Пиковой Даме”. Целую Ваши руки и остаюсь Вашим преданным и признательным слугой». Очевидно, под подарком имеется в виду (фото)портрет певицы в этой роли, но можно понимать, следуя галантному стилю, и сами незабываемые впечатления.

К процессу реконструкции гастрольной деятельности российских музыкантов в Чехии относятся также материалы рекламного характера, которые, однако, полно фиксируют предлагаемый в них репертуар. Так, сохранилась ротокопия [7] составленной по-немецки Программы организованного венцем Игнацем Кугелем «Большого концерта» европейского гастрольного тура (русской) Национальной вокальной капеллы Надины Славянской (I и III концертные отделения) и Велико-русского «Балалайка-оркестра» (выступавшего по контрасту – в качестве II концертного отделения). Для дополнительного привлечения интереса зрителей афиша извещала, что сорок человек капеллы будут одеты в старинные русские костюмы XVI и XVII вв.

И если в I отделении концерта анонсировалось звучание народных песнопений, подготовленных для хорового исполнения Надиной Славянской, то III отделение предполагало звучание романсной музыки русских композиторов Нового времени: П.И. Чайковский (1840-1893), К.П. Вильбоа (1817-1882), А.С. Даргомыжский (1813-1869), А.Е. Варламов (1801-1848). Во II отделении концерта, для переключения внимания публики, выступал Велико-русский оркестр народных инструментов под управлением Василия Андреева, представляя на суд зарубежных слушателей и свои «ходовые» мелодии – «Светит месяц» и «Барыня».

Пражане тем временем, что весьма примечательно, оказывается, вели любопытный и целенаправленный учет, составляя списки выступавших у них в концертах и спектаклях Национального театра славянских артистов («Славянские гости в Национальном театре: 1884-1899»). Документальный список, например, указывает [8], что в период с 1 апреля по 5 апреля 1886 г. прошли гастроли Хора русских певцов под управлением Д.А. Агренева-Славянского. Дмитрий Александрович Агреньев (1836, или 1834-1908), взявший псевдоним Славянский, успешно начав карьеру в амплуа оперного тенора, затем действительно всю жизнь посвятил собиранию и популяризации народной песенности.

В 1867 г. в Праге Д.А. Агреньев-Славянский создал Общество славянских певцов (восемь человек – октет), выступавший в очень любимом чехами тембровом звучании сугубо мужского вокала;

его смешанный хор «Славянская капелла», зародившись от двадцати пяти участников и достигнув шестидесяти, в гастрольный период разрастался до полутора сотен человек. Все выступления «Славянской капеллы» носили ярко выраженный зрелищно-театрализованный характер: богатые боярские костюмы, стилизованные в виде боярских хором декорации. Именно Дмитрий Александрович первым на эстраде представил исполнение причитаний и былин, а его супруга Ольга Христофоровна, урожденная Позднякова (1847-1920), русская фольклористка, издала (1896) двухтомный «Сборник песен, исполняемых в народных концертах Д.А. Агренева-Славянского, собранных в России и в славянских землях О.Х. Агреньевой-Славянскую».

Среди других известных персон от России, в частности, трижды в 1888 г. указан П.И. Чайковский [9] за датами: 21 февраля – вместе с дирижером и пианистом, кузеном С.В. Рахманинова, Александром Ильичем Зилоти (1863-1945); затем 30 ноября – как дирижер концерта из собственных сочинений, и 6 декабря – как дирижер пражской премьеры своей оперы «Евгений Онегин». Второй классик чешской музыки Антонин Дворжак был тем восхищенным музыкантом, который ожидал и тепло принимал Петра Ильича Чайковского в Чехии. Приезд Чайковского и премьерные спектакли его опер («Евгений Онегин», «Пиковая дама») в Пражском Национальном театре, в том числе – под управлением самого композитора («Евгений Онегин»), немало способствовали поднятию престижа молодой русской музыкальной школы в Европе.

Знакомство двух великих славянских композиторов произошло в 1888 г. В феврале месяце – первая встреча в первый приезд Чайковского в Прагу, причем Петр Ильич был приглашен домой к Дворжакам отобедать, о чем записал 2/14 февраля в Дневник [10]: «Обед у Дворжака. Жена его простая, симпатичная женщина и отличная хозяйка». В ноябре месяце продолжались дальнейшие контакты, ознакомление с творчеством, дарение нот – во второй приезд Чайковского в Прагу, для дирижирования (24.XI./6.XII.) премьерой «Евгения Онегина». В благодарность Чайковский, уже в течение одиннадцати дней второго приезда, стал хлопотать над организацией ответного визита Антонина Дворжака в Россию с концертами; к решению задуманной задачи Петр Ильич привлек также и библиотекаря Чешского Королевского музея Адольфа Осиповича Патеру (1836-?), который всегда охотно оказывал содействие гостям. Выступления Дворжака состоялись (1890) в Москве и Санкт-Петербурге.

Так Национальный театр Праги Нового времени постоянно уделял специальное и пристальное внимание культурным контактам в сла-

вянском мире, плодотворно проявленное и в чешско-русском направлении. Чешские премьеры музыки русских авторов, чешские постановки русского оперного репертуара, русские гастролы на чешской сцене демонстрировали обоюдопользную и позитивную заинтересованность, доброжелательность.

Таким образом, в оживших коллизиях музыкальной культуры Чехии Нового времени высветляется целеполагание необходимости продолжения исследовательско-поисковой архивной работы и дальнейшего восполнения сохранившегося «пунктира» истории. Каждый отдельный ее вектор способен предстать и яркой гранью конкретной судьбы творческой личности, и важным штрихом сложения общей картины события, и ценным документированным вкладом опыта славянского взаимодействия.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА:

1. Штендик К. Из чешской Праги [информационные заметки] // РГАЛИ: Ф. 1571 («Из коллекции Г.В. Юдина» / «Юдинская коллекция»/). Оп. 1. Ед. хр. 3980 (Редакция журнала «Артист». 1889. № 4/221). Л. 1.
«Это был тяжелый удар судьбы для чешского народа, потерявшего политическую самостоятельность, но готовившегося вступить на культурное поприще с другими европейскими народами. <...> Чехи одной рукой стирали слезы, невольно вступившие им в глаза при печальном известии, а другой начали снова собирать по копейке – и удивительно: через несколько дней после пожара собрался из всех концов чешского королевства один миллион на деньгах, так что судьба нового Национального театра была решена».
2. Там же. Л. 1-2.
3. РГАЛИ: Ф. 2085 (Глиэр Р.М.). Оп. 1. Ед. хр. 351. Л. 10.
Цитируемая работа Р.М. Глиэра представляет собою машинописный Отзыв (8.XII.1958) о работе И.Ф. Бэлзы «Очерки развития чешской музыкальной классики», которая стала «первым обобщающим трудом по истории чешской музыки не только в русской, но и в мировой музыковедческой литературе», признанным в СССР в качестве диссертации на получение ученой степени доктора искусствоведения.
4. РГАЛИ: Ф. 924 (Пражский Национальный театр – Národní divadlo). Оп. 1. Ед. хр. 33. Л. 1.
Документ представляет собою лист формата 84x146 мм, оригинал которого хранился в Чехии у издателя журнала «Hyperion» Карла Янского по адресу: Praha XII Třebožského ulice, číslo 10.
5. РГАЛИ: Ф. 924. Оп. 1. Ед. хр. 34. Л. 1 /перевод – О.Ф./.
6. Там же. Л. 1 /перевод – О.Ф./.
7. РГАЛИ: Ф. 924. Оп. 1. Ед. хр. 35. Л. 1 /перевод – О.Ф./.
Программа представляет собою лист формата 312x211 мм, имеющий, к тому же, классицистическое изображение – графическое оформление.
8. РГАЛИ: Ф. 924. Оп. 1. Ед. хр. 36. Л. 1-об /перевод – О.Ф./.
9. Там же. Л. 1 /перевод – О.Ф./.
10. РГАЛИ: Ф. 2985 (Киселев В.А.). Оп. 1. Ед. хр. 17. Л. 1-об.

УДК 008 (100)

Печищева Л.А.

СОТРУДНИЧЕСТВО МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ИНДИЕЙ В ОБЛАСТИ НАУКИ, ОБРАЗОВАНИЯ И КУЛЬТУРЫ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА*

Аннотация. Научное сотрудничество и культурный обмен между Германией и Индией восходит еще к середине XX века, однако именно начало XXI века стало важным периодом формирования нового подхода к развитию германо-индийского сотрудничества в области науки, образования и культуры. Вступившие в силу документы («Программа германо-индийского сотрудничества в 21 веке», 2000 г.; «Зеленая карта для IT - специалистов», 2000 – 2004 гг.; «Инициатива внешней политики ФРГ в сфере науки», 2009 г.) показывают заинтересованность, как Германии, так и Индии в продолжении развивать не только политические, торгово-экономические, военные отношения, но и сотрудничество в области науки, образования и культуры в начале XXI века.

Ключевые слова: германо-индийское сотрудничество в области науки, образования культуры в начале XXI века; официальные встречи канцлера Германии Ангелы Меркель с президентом Индии Пратибхой Патил и индийским премьер-министром Манмоханом Сингхом; «Программа германо-индийского сотрудничества в 21 веке», 2000 г.; «Зеленая карта для IT - специалистов», 2000 – 2004 гг.; «Инициатива внешней политики ФРГ в сфере науки», 2009 г.

L. Pechishcheva
COOPERATION BETWEEN GERMANY AND
INDIA IN SCIENCE, EDUCATION AND CULTURE IN
THE 21ST CENTURY

Abstract. Scientific cooperation and cultural exchange between Germany and India are traced back to the middle of the 20th century, however the beginning of the 21st century became the significant period in forming a new approach to German – Indian cooperation in science, education and culture. These having come into force documents ("Agenda of German-Indian cooperation in the 21st century", 2000; "Green Card for IT-specialists", 2000 – 2004; "Initiative Aussenwissenschaftspolitik", 2009) show us the interest both of Germany, and India not only

* © Печищева Л.А.

in developing of political, trade-economic, military relations, but also in science, education and culture at the beginning of the 21st century.

Key words: German – Indian cooperation in science, education and culture at the beginning of the 21st century; official meetings of German Chancellor Angela Merkel and Indian President Pratibha Patil, and Indian Premier-minister Manmohan Singh; “Agenda of German-Indian cooperation in the 21st century”, 2000; “Green Card for IT-specialists”, 2000 – 2004; “The Initiative of German Science Domestic Politics”\ “Initiative Aussenwissenschaftspolitik”, 2009.

В наши дни глобальные вызовы, такие, как изменение климата, борьба с международным терроризмом, создание новых вакцин от пандемий, изучение новых источников энергии, не под силу решить только одной стране, необходимы усилия всего мирового сообщества для преодоления этих проблем, при этом следует задействовать лучшие умы из разных областей науки. Поэтому не случайно, Министерство иностранных дел ФРГ в 2009 г. выступило с программой «Инициатива внешней политики в сфере науки» (“Initiative Aussenwissenschaftspolitik” [14]), которая была призвана сделать науку объединяющим звеном между Германией и ее международными партнерами. Одним из важных партнеров Германии в области науки является Индия. По словам профессора Зейеда Хаснайна, биолога и ректора университета в городе Хайдарабаде (Индия), а также обладателя Гумбольдтской премии – 2009 г., наука не знает границ. З. Хаснаин сотрудничает уже 10 лет с немецким профессором Йоргом Хакером (Институт Им. Р. Коха в Берлине), они основали совместное Германо-Индийское бюро IGLO, благодаря которому родились более 10 совместных научных проектов.

Научное сотрудничество между Германией и Индией восходит к 1950-м гг. и закреплено в двух межправительственных соглашениях 1971 г. и 1974 г. [11]. Индийская наука и достижения, в особенности космические исследования, современные технологии, биотехнологии, имеют превосходную репутацию как в Германии, так и во всем мире. После США и Японии Индия занимает третье место по количеству полученных стипендий и грантов Гумбольдтского Университета (ФРГ), одного из самых престижных университетов в мире. В 1998 г. семь индийских технических институтов и девять немецких технических университетов приняли совместную программу, помогающую этим партнерским институтам в обмене студентами со степенью магистра. Целью этой программы было способствовать развитию совместных исследовательских проектов. С 2001 г. группа индийских студентов и молодых ученых принимает участие в

ежегодной конференции обладателей Нобелевской премии в Линдау (ФРГ) [13]. На этой конференции неоднократно присутствовали и экс-министр образования Индии Капил Сибал (Kapil Sibal), и Федеральный министр образования и научных исследований ФРГ Аннета Шаван (Annette Schavan). Примером германо-индийского сотрудничества в области обмена современными технологиями и новыми разработками, IT-специалистами являлось введение Германией 1 августа 2000 г. [7] основанной на балльной системе оценок мигранта программы «Зеленая карта» (Green Card für IT-Fachkräfte), осуществлявшейся в ФРГ в 2000-2004 гг. Данная программа была направлена на стимулирование экономического развития Германии и привлечение квалифицированных иностранных работников в отрасли, связанные с развитием информационных технологий. Отбор претендентов осуществлялся в соответствии со специально разработанной балльной системой оценки характеристик мигрантов [9]. Период действия визы и разрешения на работу был ограничен сроком действия контракта иностранного работника с немецким предприятием (но не более пяти лет). Таким образом, почти за четыре года действия программы около 16,8 тысяч иностранных IT-специалистов получили разрешения на жительство и работу в Германии [1]. Большинство трудящихся-мигрантов, получивших «Зеленую карту», являлись выходцами из Индии (27,7%) [8]. Как показали проведенные исследования, программа «Зеленая карта» в целом оказала позитивное влияние на развитие немецкой экономики и повышение ее конкурентоспособности. Вместе с тем ухудшение экономической конъюнктуры в Германии в 2000-е гг. не обошло стороной и сектор информационных технологий. Так, согласно исследованию М. Верана, около 22% обладателей «Зеленой карты» были за время своей работы в Германии, как минимум, один раз безработными [12]. Наибольшее значение программа оказала на развитие малых и средних предприятий.

В 2004 г. экс-канцлер Германии Герхард Шрёдер (Gerhard Schröder) учредил Индо-Германскую научную группу в Дели – так называемые профессиональные циклы лекций посредством Интернета и двустороннего научного веб-сайта. В 2004 г. Общество Макса Планка (Max Planck Society) заключило соглашение с Индийским департаментом по науке и технологиям (India's Department of Science and Technology, DST), целью соглашения являлось развитие партнерских отношений между Германией и Индией в этой области. Позже Немецкий исследовательский фонд (German Research Foundation, DFG) заключил соглашение с Индийским департаментом по науке и технологиям (DST) и уже в ноябре 2006 г. был открыт головной офис

в Дели, а также офис на юге Индии, в Хайдарабаде. В феврале 2007 г. во время поездки в Индию Аннета Шаван подписала соглашение о создании Индо-германского научного центра в Дели (Indo-German Science and Technology Centre, IGSTC). В 2007 г. по инициативе Германии была проведена конференция по науке и технологиям, где обсуждались новые стандарты в области науки и технологий между Индией и ЕС.

Во время официального визита канцлера Ангелы Меркель в Индию в конце октября 2007 г. [3] важными темами для обсуждения с президентом Индии Пратибхой Патил и индийским премьер-министром Манмоханом Сингхом были также наука и технологии. Делегация, сопровождавшая канцлера Германии, включала Федерального министра образования и научных исследований ФРГ Аннету Шаван и шесть представителей ведущих немецких исследовательских институтов. Ангела Меркель и индийский премьер-министр Манмохан Сингх запустили передвижной проект «Научный экспресс» - совместная программа между Обществом Макса Планка и Индийским департаментом по науке и технологиям, которая спонсировалась Немецким федеральным министерством образования и науки. В течение семи месяцев «Научный экспресс» путешествовал по городам Индии с целью привлечения внимания индийских студентов, учёных, инженеров и бизнесменов из 56 индийских городов к совместным научным проектам Индии и Германии. Во время этого визита госпожа А. Шаван заявила о запуске программы «Новый путь в Индию» ("A New Passage to India"), совместный проект студенческого обмена между Германией и Индией, включающий обучение и исследовательскую работу немецких и индийских студентов и молодых ученых. К этому проекту подключилась немецкая организация Службы академических обменов Германии ДААД (Deutscher Akademischer Austauschdienst, DAAD), спонсирующая талантливых молодых ученых, ежегодно выделяя на этот проект 4,3 млн. евро. [2]. Одна из последних встреч Индо-Немецкого комитета по науке и технологиям состоялась в немецком городе Юлих (федеральная земля Северный Рейн-Вестфалия, ФРГ), в мае 2008 г. На встрече обе стороны проявили интерес к продолжению развития сотрудничества в таких областях, как биотехнологии, окружающая среда, энергетика, здравоохранение, космический туризм. Во время визита в Индию А. Шаван в сентябре 2008 г. состоялось открытие Индо-Германского центра по науке и технологиям (IGSTC) в Дели.

Что касается культурного обмена между Германией и Индией, то он был оформлен в соглашении, вступившим в силу в сентябре 1969 г. [11]. С этого времени германо-индийские консультации в области культуры проводятся каждые

три года, развиваются, реализуются совместные проекты и программы. Одними из таких консультаций между Германией и Индией в области культуры состоялись в октябре 2005 г. В настоящее время существуют шесть филиалов Института им. Гёте в Индии, названные Макс Мюллер Бхаванс (Max Mueller Bhavans) в честь основателя курсов немецкого языка и культуры в Индии. Институты им. Гёте в Индии осуществляют профессиональную языковую подготовку, а также распространяют всю необходимую информацию об обучении и исследовательской работе в Германии. Примерно 12000 человек ежегодно посещают языковые курсы немецкого языка в шести индийских городах, где есть представительства Института им. Гёте (Дели, Калькутта, Ченнай, Бангалор, Мумбаи и Пуна). Немцы также проявляют интерес к языку и культуре Индии. Индийский культурный центр размещается в Индийском посольстве в Берлине, его главной целью является распространение информации о культуре, традициях Индии, создание языковых курсов (хинди), а также этот центр выделяет гранты на обучение в Индии.

Согласно подписанному в мае 2000 г. министрами иностранных дел Германии и Индии соглашению о германо-индийском стратегическом сотрудничестве в XXI веке «Программы германо-индийского сотрудничества в 21 веке» ("Agenda für die Deutsch-Indische Partnerschaft im 21. Jahrhundert") [4], укрепление германо-индийского сотрудничества в области культуры является одним из приоритетных направлений. Помощь государственных и неправительственных организаций способствует культурному обмену Германии и Индии, а также совместным проектам. Одним из главных инструментов культурного и научного обмена между Германией и другими государствами, в том числе и Индией, является многолетняя успешная работа Германской службы академических обменов (ДААД). В 2009 г. организация ДААД разработала новую программу для Индии ("A New Passage to India") [6], целью которой является развитие обучения и исследовательской работы в Индии. Организация ДААД помогла 12 немецким и 11 индийским институтам в создании партнерских отношений и обмене студентов и профессорско-преподавательского состава, а также дала возможность индийским ученым работать в Германии. Совершенно новая программа разработана и для индийских школьников, в Дели находится Немецкая школа, в которой индийские школьники могут сдать экзамен на немецкий международный аттестат зрелости, (в 2010 г.) [10].

Немецкие правительственные и неправительственные организации также помогают сохранять индийское культурное наследие. К примеру, в начале 2009 г. были завершены при поддержке

Германии реставрационные работы королевского дворца в Джайпуре.

Политика ФРГ в сфере науки и образования нацелена на укрепление Германии как инновационного региона, разрабатывающего новые технологии и внедряющего их в разные сферы жизни, но также особое внимание уделяется и развитию демократических ценностей в конфликтных регионах мира (Ирак, Афганистан). В России, Индии, Чили, Таиланде, Колумбии открываются новые научно-исследовательские центры, сотрудничающие с немецкими институтами. Также создаются за рубежом (в Индии, Японии, России, США) Германские дома науки и инноваций (DWIN), так называемые «витрины науки Германии по всему миру». Большая часть средств из бюджета ФРГ идет на поддержку талантливых студентов и молодых ученых, динамично развиваются программы международных студенческих обменов благодаря сотрудничеству ДААД, Фонду им. Александра фон Гумбольдта, Институту им. Гёте и т.д. Ежегодно МИД ФРГ выделяет на науку, исследования и технологии, как в Германии, так и во всем мире более 250 млн. евро. [5]. Благодаря этому создается все больше новых стипендиальных программ, ведется работа над созданием новых технологий, в эту орбиту с каждым годом включается все больше международных партнеров.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Алешковский И.А. Иммиграционная политика и экономическое развитие стран принимающих мигрантов (на примере действия «Зеленая карта» в Германии). Политика народонаселения: настоящее и будущее: Четвертые Валентеевские чтения: Сборник докладов \ Ред. В.В. Елизаров, В.Н. Архангельский. М., 2005. С. 187-192.
2. Chitra Deepa A. More stars add lustre to Indo-German cooperation // The Hindu. 22.09.2008.
3. Christoph Heinzle. Startsignal für die deutsch-indische Zusammenarbeit // Tagesschau.de. 30.10.2007.
4. Hilmar König. Fischer formuliert in Indien "Agenda für das 21. Jahrhundert" // Welt online. 19.05.2000.
5. Katja Lüers. Köpfe und Herzen erobern // DAAD-magazin. de. 22.01.2009.
6. Ruth Kuntz-Brunner. Der Tiger ist los und keiner schaut hin // Duz Magazin 05\09. 24.04.2009.
7. Zingel, Wolfgang Peter. Indien: Erfolgreich als Dienstleistungsexporteur, in: Draguhn, Werner (Hrsg.), Indien 2000. Politik, Wirtschaft, Gesellschaft, Hamburg, S. 343 – 363.
8. Germany and India to strengthen strategic partnership // Die Bundesregierung Deutschland online. 23.04.2006.
9. Germany, Immigration Act (2002), Act to control and restrict immigration and to regulate the Residence and Integration of the EU Citizens and Foreigners. Roland Detsch. German Information Centre Pretoria. February, 2009.
10. Beziehungen zwischen Indien und Deutschland [Электронный ресурс]: <http://www.auswaertiges-amt.de/>

- [diplo/de/Laenderinformationen/Indien/Bilateral.html](http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Laenderinformationen/Indien/Bilateral.html)
11. Cultural exchange [Электронный ресурс]: <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/en/Laenderinformationen/01-Laender/Indien.html>
 12. Report of The Independent Commission on Migration to Germany «Structuring Immigration – Fostering Integration», [Электронный ресурс]: http://www.eng.bmi.bund.de/frame/dokumente/Bestellservice/ix_66078.htm
 13. Scientific and technological cooperation [Электронный ресурс]: <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/en/Laenderinformationen/01-Laender/Indien.html>
 14. Ziele der Außenwissenschaftspolitik [Электронный ресурс]: <http://www.auswaertiges-amt.de/diplo/de/Aussenpolitik/KulturDialog/Aussenwissenschaftsinitiative2009/Ziele.html>

УДК 327(091)

Каширина Т.В.

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЙ КУРС РОССИИ НА АМЕРИКАНСКОМ НАПРАВЛЕНИИ В 2000-2004 Г.*

Аннотация. В статье рассматривается американское направление российской внешней политики в 2002-2004 годах, в основе которой лежал прагматизм, сбалансированность и твердое отстаивание национальных интересов. Показаны изменения российско-американских отношений в связи с террористической атакой 11 сентября 2001 года.

Ключевые слова: российско-американские отношения, антитеррористическая коалиция.

T. Kashirina
FOREIGN POLICY OF RUSSIA ON THE
AMERICAN DIRECTION IN 2000-2004

Abstract. In article the American direction of the Russian foreign policy in 2002-2004 in which basis the pragmatism laid, equation and firm upholding of national interests is considered. Changes of the Russian-American attitudes (relations) are shown in connection with terrorist attack on September, 11, 2001.

Key words: the Russian-American relations, an antiterrorist coalition.

* © Каширина Т.В.

К концу 90-х годов, к моменту прихода к власти президента В.Путина, отношения между Россией и США, бывшими противниками по «холодной войне», находились в неопределенном состоянии. Конфронтация между Москвой и Вашингтоном ушла в прошлое, но и провозглашенное в 1993 году стратегическое партнерство не состоялось.

В 90-е годы XX века в российской внешней политике на американском направлении сменили друг друга две концепции: в первой половине 90-х – козыревская концепция «америкоцентризма»; во второй половине 90-х – концепция «многовекторности» Примакова, с твердым отстаиванием российских национальных интересов. Пришедший к власти президент Путин провозгласил доктрину «интеграционизма», имеющую определенную преемственность с предыдущими концепциями российско-американских отношений.

В программной статье «Россия на рубеже тысячелетий», вышедшей 30 декабря 1999 г. – за день до отставки Ельцина, – Путин отмечал: «Россия переживает один из самых трудных периодов в своей многовековой истории. Пожалуй, впервые за последние 200-300 лет она стоит перед лицом реальной опасности оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира». Отдавая отчет в относительном ослаблении потенциала страны, Путин в то же время полагал, что Россию преждевременно отпевать в качестве великой державы. Россия уже давно не урезанная карта Советского Союза, а самостоятельное государство, вполне самодостаточное, приобретает все большую и большую уверенность в себе.

Президент критически высказывался в отношении либералов козыревской школы. Явным камнем в их огород выглядело заявление о том, что «Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции». Продолжая линию Примакова, он разделял концепцию многополярного мира, выступая «против попыток искусственного возврата к одностороннему решению ключевых проблем мировой политики и экономики, против разделения мира на ведущих и ведомых».

При этом, отвечая на вопрос о путях преодоления отставания России, Путин заметно усиливал акцент на необходимости более тесного сотрудничества с Западом, отвергая идею опоры на собственные ограниченные ресурсы и объявляя стратегическим курс на экономическую открытость и интеграцию в мировую экономическую систему. Это сочеталось с повышенной дипломатической активностью, основанной на принципах независимости и прагматизма: «Самостоятельность на-

шей внешней политики не вызывает сомнений. Основу этой политики составляют прагматизм, экономическая эффективность, приоритет национальных задач» [1].

Логика Путина легла в основу Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной Президентом в июле 2000 г., где содержалась развернутая и структурированная система приоритетов.

В документе отмечалось, что международная обстановка, сложившаяся к началу XXI века, потребовала переосмысления общей ситуации вокруг РФ, приоритетов российской внешней политики и возможностей ее ресурсного обеспечения. Наряду с определенным укреплением международных позиций РФ проявились и негативные тенденции. Не оправдались некоторые расчеты, связанные с формированием новых равноправных, взаимовыгодных, партнерских отношений России с окружающим миром, как это предполагалось в Основных положениях концепции внешней политики РФ от 23 апреля 1993 г.

Высшим приоритетом внешнеполитического курса России объявлялась защита интересов личности, общества и государства.

В Концепции подчеркивалась активная роль России в происходящих современных фундаментальных и динамичных переменах в межгосударственных отношениях; отмечалась негативная тенденция к установлению однополярного мира при экономическом и силовом доминировании США. Негативно оценивалась стратегия односторонних действий в решении межгосударственных противоречий, которая подрывала основы правопорядка. Отмечалось, что Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений на основе взаимного учета интересов и коллективного решения ключевых проблем.

Президент справедливо отмечал ограниченное ресурсное обеспечение внешней политики РФ, что затрудняло успешное отстаивание ее внешнеэкономических интересов, сужало рамки ее информационного и культурного влияния за рубежом.

Концепция подчеркивала, что РФ проводит самостоятельную и конструктивную внешнюю политику, основанную на последовательности и предсказуемости, взаимовыгодном прагматизме.

В формировании нового мироустройства, отмечалось в документе, главную роль должна играть ООН. Россия придает большое значение своему участию в Группе восьми.

В области укрепления международной безопасности Россия выступает за дальнейшее снижение роли фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении

стратегической и региональной стабильности. В этих целях РФ: будет неукоснительно выполнять взятые на себя обязательства по действующим договорам и соглашения в области ограничения и сокращения вооружений; готова идти на дальнейшее сокращение своего ядерного потенциала на основе двусторонних договоренностей с США и – в многостороннем формате – с участием других ядерных держав. Россия будет добиваться сохранения и соблюдения Договора по ПРО 1972 года – краеугольного камня стратегической стабильности. Реализация США планов создания ПРО территории страны неизбежно вынудит РФ принять адекватные меры по поддержанию на должном уровне своей национальной безопасности.

Концепция подчеркивала, что применение силы в решении международных конфликтов должно происходить только с санкции ООН. Неприемлемыми являются попытки внедрить в международный оборот концепции типа «гуманитарной интервенции» и «ограниченного суверенитета» в целях оправдания односторонних силовых акций в обход СБ ООН.

Документ рассматривал в качестве важнейшей внешнеполитической задачи борьбу с международным терроризмом. РФ выступает за дальнейшую разработку мер по усилению взаимодействия государств в этой области; будет целенаправленно противодействовать незаконному обороту наркотиков и росту организованной преступности совместно с другими государствами.

Реально оценивая роль НАТО, Россия сохраняет негативное отношение к расширению НАТО и к ее политике ведения силовых операций без санкции СБ ООН, что является угрозой национальным интересам России.

РФ готова к преодолению значительных трудностей последнего времени в отношениях с США, сохранению создавшейся на протяжении почти 10 лет инфраструктуры российско-американского сотрудничества. Несмотря на наличие серьезных, в ряде случаев принципиальных разногласий, российско-американское взаимодействие является необходимым условием улучшения международной обстановки и обеспечения глобальной стратегической стабильности.

Прежде всего это касается проблем разоружения, контроля над вооружениями и нераспространения ОМУ, а также предотвращения и урегулирования наиболее опасных региональных конфликтов. Только при активном диалоге с США возможно решение вопросов ограничения и сокращения СЯВ. Во взаимных интересах поддерживать регулярные двусторонние контакты на всех уровнях, не допускать пауз в отношениях, сбоев в переговорных процессах по основным политическим, военным и экономическим вопросам [2].

На начальном отрезке президентства Путина установился некоторый период ожидания в области отношений России и США. Российское руководство не желало усугублять наметившуюся конфронтацию между странами. Камнем преткновения выступало намерение американской администрации начать развертывание НПРО, сталкивавшееся с жесткими возражениями Москвы: если США выходят из Договора по ПРО, Россия, в свою очередь, выйдет из системы договорных отношений по ограничению и контролю над вооружениями и приступит к проведению самостоятельной политики в области ядерного сдерживания. В качестве альтернативного пути обеспечения безопасности, в том числе и от ракетной угрозы со стороны «стран-изгоев», Путин предлагал дальнейшие глубокие сокращения стратегических вооружений в рамках будущего Договора СНВ-3, создание общей глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий, разработку совместной с Западом системы ПРО.

Одновременно, отдавая дань «многовекторности» российской внешней политики, активизировались контакты с Китаем, Индией, Ираном, Северной Кореей.

Определенным водоразделом в мировой политике стала атака террористов на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон 11 сентября 2001 г., создавшая основу для налаживания межгосударственного сотрудничества России и США. Появились перспективы совместной борьбы с общим врагом – международным терроризмом.

Надо отметить, что оба государства постарались использовать открывшуюся возможность. Россия – в плане перспективы наладить стратегическое партнерство с лидером Запада – США, хотя бы в рамках антитеррористической коалиции. А Америке нужна была международная поддержка выдвинутой ими концепции «превентивных, упреждающих ударов». Для осуществления полномасштабной борьбы с международным терроризмом (а на практике – для укрепления гегемонистских устремлений) Соединенным Штатам необходимо было получить доступ в Центральную Азию, отчасти в Грузию, которая ранее рассматривалась как зона эксклюзивного стратегического влияния РФ, и на применение военной силы в непосредственной близости от этого пространства (Афганистан). Более того, Россия оказала поддержку США организацией и вооружением антиталибского Северного альянса, предоставлением разведывательной информации, воздушных коридоров для военных самолетов, доступа к базам в бывших советских республиках, а также доставкой гуманитарных грузов.

Президент Путин был первым, кто принес

соболезнования и оказал поддержку американскому президенту в антитеррористической кампании. На саммите в Вашингтоне и в Кроуфорде в ноябре 2001 г. было подписано Совместное Заявление о новых отношениях между Россией и США. В Заявлении говорилось, что ни одна из сторон не рассматривает другую в качестве противника или источника угроз. В документе совершенно справедливо подчеркивался принцип верховенства закона в международных отношениях. Но утверждения о том, что ОБСЕ (организация, на которую делает ставку Россия) является региональной организацией, а НАТО – всеобъемлющей, открывало путь к разногласиям [3].

Для изменения двусторонних отношений значение имели подвижки в самом Вашингтоне, где почувствовали и осознали необходимость совместных действий против международных террористов, и получаемые от этого дивиденды. Это предопределило повышение заинтересованности администрации Дж. Буша-младшего в укреплении партнерства с Россией.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий. //Независимая газета. – 30.12.1999.
2. Концепция внешней политики РФ. Москва. 28 июня 2000 года. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003. /Под ред. Богатурова А.Д. Т.4. Документы. 1945-2003. /Сост. Е.Г.Капустян и др. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2004. С.536-550.
3. Совместное заявление президента РФ В.В.Путина и президента США Дж.Буша о новых отношениях между Россией и США. 13 ноября 2001 года. Там же. С.562-563.
4. Послание президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию. Москва. 2002 г.//Дипломатический вестник. 2002. № 6. с.3.
5. Современные международные отношения и мировая политика: Учебник./А.В.Торкунов и др.. МГИМО(Университет) МИД РФ; Отв. Ред. А.В.Торкунов. -: Просвещение: МГИМО, 2004. – С.740.
6. Договор между РФ и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Москва. 24 мая 2002 г. СИМО. Т.4. С.564-565.
7. Современные международные отношения и мировая политика. С.741-742.
8. Послание президента РФ В.В.Путина Федеральному собранию. Москва. 16 мая 2003г. СИМО. Т.4. с.570-578.

РАЗДЕЛ 6. ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 316

Ахметов А.А.

КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ ВЛАСТИ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР АКТУАЛИЗАЦИИ СЕПАРАТИЗМА В РОССИИ В 90-Е ГОДЫ XX ВЕКА*

Аннотация: В настоящей статье автор рассматривает кризис легитимности государственной власти как условие, при котором пробуждаются все факторы, детерминирующие сепаратизм. На основе анализа политического процесса 90-х годов XX века автор показывает, что в регионах сепаратистские тенденции усиливаются по мере делегитимации федеральной власти.

Ключевые слова: легитимность, сепаратизм, политическая элита, кризис государственной власти, укрепление вертикали власти, федеративные отношения, авторитаризм, баланс интересов.

A. Akhmetov

CRISIS OF LEGITIMACY AUTHORITIES AS A KEY FACTOR
MAINSTREAMING SEPARATISM IN RUSSIA 90-S OF THE
XX-TH CENTURY

Abstract. In this article author regards the crisis of public authorities as condition of actualization of separatism. On basis of analysis of last decades political process, author has proved, that separatism exhibits a tendency to increase in activity when federal authorities are in crisis.

Key words: legitimacy, separatism, separatist, political elite, crisis of public authorities, credibility gap, consolidation of public authorities, federative relations, authoritarianism, balance of interests, harmonization of interests.

Исходной посылкой рассуждений автора служит гипотеза, что кризис легитимности государственной власти является идеальной питательной средой для развития сепаратизма, а трещины, образуемые кризисом в государственном организме – путями, маршрутами сепаратизма. Учитывая наличие разноречивых взглядов ученых на данный вопрос [1,12-24], предлагается понимать под легитимностью (от лат. *legalis* – законность) государственной власти признание законности и поддержку власти большинством населения, от-

* © А.А.Ахметов

существование стремления в сопротивлении ей со стороны основной части граждан. В этом отношении автор разделяет взгляд на легитимность Э. Берка, рассматривавшего ее не как самостоятельный феномен, а как характеристику определенного политического режима, как результат построения такого типа отношений между государством и гражданами, при котором достигается определенный уровень удовлетворенности граждан режимом [2]. Поэтому под кризисом легитимности понимается такое падение авторитета органов государственной власти в глазах населения, которое трансформируется в недоверие граждан к институтам и фигурам, олицетворяющим власть. Показателем кризиса является политический протест населения, вектор которого может быть центристским – нацеленным на смену политического режима, и центробежным – направленным в сторону сепаратизма. В латентной форме кризис проявляет себя в социологических опросах, общественных мнениях и настроениях, результатах голосований на выборах.

Кризис легитимности власти, как правило, сопутствует государственной кризисной энтропии, сопровождающейся ростом нестабильности в экономической, политической и других сферах, и является одним из завершающих аккордов системного кризиса. В таких ситуациях, как отмечает С. Кара-Мурза, «речь идет не об изолированных конфликтах и противоречиях – политических и социальных – а об их соединении в одну большую, не объяснимую частными причинами систему цивилизационного кризиса. Он охватывает все общество, от него не скрыться никому, он каждого ставит перед «вечными» вопросами. Под сомнение при этом ставится не законность и праведность той или иной структуры государства, а и те исторические события, которые предопределили путь всей цивилизации» [3,104]. Именно такими параметрами характеризовался кризис советской власти в конце 1980-х гг.

Ситуация, когда властная структура поколеблена в своем основании, будь то православие, самодержавие, народность, руководящая и направляющая роль коммунистической партии или единство партии и многонационального советского народа, является идеальной средой для актуализации всех дремлющих оснований сепаратизма. И геополитическая периферийность, и цивилизационная инакость, и социокультурная самость, и историческая память о порабощении, – все эти основания сепаратизма, пробуждаясь, оказываются востребованными региональными элитами, заинтересованными в манипулировании общественным сознанием для перераспределения властных полномочий в свою пользу. Популярность у населения местных сепаратистских

элит, как правило, растет по мере делегитимации федеральной власти.

Традиционным типом легитимности власти для России, учитывая классификацию типов легитимности по М. Веберу, являлся симбиоз традиционализма и харизматической легитимности – легитимность автократическая. Самодержавная, имперская и советская легитимность, по сути, представляли собой один архетип, основания которого образовывались пересечением двух векторов. Из центра к периферии – автократия, бюрократия и принуждение, от периферии к центру – патернализм, этатизм, некритичность, безусловное подчинение, вера и отчуждение. С этой точки зрения, отличие характера российского общества от западноевропейского определяется не столько соглашением подданных и государственной власти об обоюдном соблюдении законов, сколько молчаливым сговором об обоюдной безнаказанности при их нарушении. Поэтому в российской цивилизации, где стороны перманентно нарушали законы, государство выступало не «примиряющим», а «усмиряющим» началом, а подданные — «безмолвствующим большинством» [4, 43]. Традиционно российская легитимность выражалась в абсолютно специфическом типе отношений между властью и населением: по-отечески заботливая власть, всепроникающая и бюрократически всеохватная, конвертировала «строгость» и «заботу» в безоговорочное подчинение, некритическое иррациональное уважение и боязнь.

Эти основания уязвимы в нескольких отношениях: во-первых, автократическая легитимность в значительной степени «увязана» с личностью руководителя (вождя), во-вторых, автократия основывается на силовом давлении и ей свойственна переоценка возможностей принудительного ресурса великодержавности; в-третьих, автократии присущ самоизоляции, негативно сказывающийся на адаптационных возможностях политической системы: ее замкнутость уменьшает адекватность реагирования на вызовы, в том числе сепаратистские.

Отчужденность общества и власти есть одно из оснований автократической легитимности. Однако в условиях кризиса государственности при недостаточной харизматичности вождя, истощенности принудительных ресурсов центральной власти, системном социально-экономическом кризисе отчужденность населения периферии от центральной власти нарастает и меняет свое качество. Из основания легитимности она превращается в отрицание самой легитимности, которое выражается через равнодушие населения регионов к власти и судьбе единой государственности в целом. Эта закономерность во многом объясняет и то равнодушие, с которым российское общество

воспринимает падение политических режимов, и ту способность людей отвернуться от власти в трудную для нее минуту, и ту их готовность проявить себя самым неожиданным и радикальным (сепаратистским) образом на крутых поворотах истории. Так было и в начале XVII в., и во время свержения самодержавия в России, и в период крушения коммунистического режима.

Так, во время августовских событий 1991 г. партийная власть в Грозном поддержала ГКЧП, до последнего пыталась «держаться» за советскую легитимность и пряталась за ней от нарастающего недовольства кризисными явлениями. Однако отрицание центральной власти имело такую инерционную силу, что выразилось в неприятии и новой – демократической – власти и олицетворяющих её фигур Ельцина и Хасбулатова.

Политический класс в Чечне счел за лучшее не сопротивляться отторжению, а возглавить его. Отчуждение как отношение и самоотстранение от федерального центра, как стратегия политического и правового поведения закономерно привели к декларации о суверенитете, пикантность которой состояла в том, что Чечено-Ингушетия объявлялась «свободной» и от СССР, и от Российской Федерации, и на ее территории переставали действовать как союзные, так и российские законы. Отказ провести референдум о целостности СССР – закономерный следующий сепаратистский шаг, на который пошло чечено-ингушское руководство.

В других регионах страны в канун и сразу же после распада СССР на волне кризиса центральной власти также усилились сепаратистские настроения, реализовавшиеся в тенденции «парада суверенитетов». Наряду с Чечено-Ингушетией, в советское время о своем суверенитете заявили Татарстан и Якутия. В результате, по подсчетам Минюста России, к концу 1990-х гг. из 50 тысяч нормативных актов субъектов РФ примерно одна треть не соответствовала федеральной Конституции и законам [6,12]. Становление легитимности нового режима, олицетворяемого Б. Ельциным, вскоре осложнилось противостоянием между президентом и парламентом. Борьба за власть этих институтов лишь подчеркивала нефункциональность и неэффективность нового (самопрезентовавшегося в качестве демократического) политического режима, который поначалу получил кредит доверия населения.

Есть основания предполагать следующее. Понимание федеральной элитой своей ситуативной слабости и общей недееспособности решать непрерывно усугубляющиеся социально-экономические проблемы регионов явилось причиной того, что «центр» вел себя лояльно по отношению к проявлениям сепаратизма и не препятствовал изменению статуса национальных образований,

созданию в некоторых из них института президентства. В тот же период федеральный центр вынужден был подписывать договоры с отдельными республиками, по которым он сам отходил от положений Конституции РФ и передавал им ряд своих полномочий не только по предметам совместного ведения, но и по вопросам своей исключительной компетенции. Понятно, что лояльность центральной власти сепаратизму регионов не могла компенсировать ее слабости, что неизбежно вело к нарастанию центробежных и дезинтеграционных тенденций.

Режим Б. Ельцина на начальных этапах функционирования использовал стратегии легитимации «через прошлое» (отрицание коммунистического наследия) и «через будущее» (обещание населению демократического завтра по западному образцу). Вторая стратегия обещала быть исключительно плодотворной: согласно опросам общественного мнения, осенью 1991 г. около половины россиян готовы были ради будущего процветания страны и изобилия терпеть на начальном этапе реформ и рост цен, и безработицу, и «временное» снижение уровня жизни. Однако реакция населения на социально-экономические последствия «шоковой терапии» конституировала исчерпание обоих источников и делегитимацию центральных институтов власти. В результате становление демократической легитимности завершилось кризисом власти осенью 1993 г.

Кризис легитимности новой власти усиливался, поскольку либеральные по содержанию реформы осуществлялись сверху, по принципам автократии, как и все реформы в истории России. Негативные последствия либерально-автократических реформ неизбежно приводили к падению авторитета (особенно в национальных регионах) центральной власти. Социокультурная «инопланетность» новых реформаторов, персонифицируемых народом в лицах Гайдара (либерализация цен) и Чубайса (антинародная приватизация) также не способствовала укреплению ее популярности.

Авторитарно организованные реформы в России, как правило, заканчивались контрреформами, контрреволюциями (сверху) или революциями. В начале 1990-х гг. актуализировались многие угрозы, но наиболее реальной оказалась опасность «революции снизу» – сепаратизма, поскольку падение авторитета центральной власти позволило региональным элитам, играя на антицентристских настроениях населения, разыгрывать сепаратистские карты и набирать «очки» политической популярности. Так, «в национальных республиках в те годы развивались массовые национальные движения, вожди которых могли вывести на улицы тысячи сторонников республикан-

ского суверенитета. Бывшая коммунистическая номенклатура (они составляли большинство региональных лидеров) использовали эту энергию, дабы сохранить за собой власть, а политические неопиты вроде руководителя чеченского национального движения генерала Дудаева – для прихода к власти» [7].

Относительно краткий период замедления сепаратистских тенденций и в некоторой степени их приостановки приходится на период 1993-1994 гг. Именно осенью 1993 г., применив силовой метод преодоления кризиса власти и инициировав принятие Конституции, согласно которой объем и содержание полномочий Президента РФ были значительно расширены, центральная власть отказалась от попыток возведения для себя оснований в виде демократической (рациональной) легитимности и принялась активно реставрировать автократию. Такая тактика удержания власти показала свою ситуативную эффективность: силовые действия федеральной власти в октябре 1993 г. и принятие новой Конституции привели к восстановлению вертикали власти и ее легитимации на реставрированных авторитарных основаниях. Эта тенденция была отражена региональными лидерами – они вынужденно перешли к сотрудничеству с федеральным центром. Поэтому усиление авторитарных тенденций сопровождалось (на начальных этапах) «мирным» укреплением федерации и преодолением тенденций сепаратистских. Федеральная и региональная элиты, используя стратегию «ты мне – я тебе», компромиссы и взаимные уступки, опираясь каждая на свою ситуативную легитимность, к взаимному удовлетворению сумели в ходе длительного переговорного процесса перераспределить властные полномочия. При этом использованные тактики поведения элит лежали в большей степени в плоскости прагматизма, чем права и рационализма.

Тем не менее, позитивный результат процесса согласования интересов был конституирован принятием Договора об общественном согласии (1994 г), подписанным всеми субъектами федерации, кроме Чечни, и договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральным центром и органами власти ряда республик (1994-1995 гг.). Подписание договоров в значительной степени ограничило сепаратистские амбиции региональных элит: они вынуждены были признать, что «реализация прав субъектов федерации возможна только при обеспечении государственной целостности России, ее политического, экономического и правового единства» [8,9].

Но самый взрывоопасный очаг сепаратизма – Чеченская республика – сохранялся и разрастался. В декабре 1994 г. федеральные власти с исполь-

зованием исключительно авторитарной стратегии силовой вседозволенности пытались подавить чеченский сепаратизм. Чеченский кризис 1994-1995 гг. стал пиком второго кризиса легитимности режима Б. Ельцина. Непопулярность у населения Чеченской военной кампании привела к падению рейтинга президента. Это означало, что реставрация автократической легитимности провалилась. В начале 1996 г. в сознании россиян Б. Ельцин уже ассоциировался и с неудачами либеральных реформ, и с бессмысленным чеченским кровопролитием, которые завершились не преодолением сепаратизма, а подписанием Хасавюртовских соглашений. Они не конституировали разрешение конфликта, а лишь фиксировали откладывание решения проблемы на несколько лет.

Таким образом, авторитарные источники и ресурсы легитимности были исчерпаны. Рейтинг Президента Ельцина в 1996 г. достиг критически низкой отметки. Для исправления ситуации властью была предпринята попытка реставрации демократической легитимности, причем вновь с использованием стратегий «через прошлое» и «через будущее». Потенциала ренессансных стратегий хватило до 1999 г.: его окончательное исчерпание было конституировано заявлением Ельцина: «Я ухожу...»

Реставрация демократической легитимности положительно сказалась на федеративных отношениях, которые перешли на стадию относительной стабилизации, что, в свою очередь, привело к снижению сепаратистских тенденций. После дефолта, объявленного федеральным правительством в августе 1998 г., начался всплеск экономического сепаратизма. Но примечательно как раз то, что, несмотря на мрачность прогнозов политиков и политологов, в один голос сокрушавшихся о «потере» России как о состоявшемся факте, экономический и финансовый сепаратизм регионов был довольно быстро преодолен. При этом были использованы не силовые или авторитарно-бюрократические, а исключительно правовые меры воздействия. Уже к октябрю 1998 г. вернувшие отношения между регионами и федеральным центром в правовое поле.

Таким образом, сепаратизм актуализируется на пиках кризисов легитимности государственной власти. За время президентского правления Б. Ельцина было три таких кризиса – сначала демократической, затем авторитарной, затем снова демократической легитимности. Каждый из кризисов сопровождался ростом сепаратистских тенденций. Последний кризис был отмечен вторжением чеченских и дагестанских ваххабитских боевых формирований в Дагестан и возобновлением на Кавказе военной операции, которую журналисты окрестили «Второй Чеченской войной».

ЛИТЕРАТУРА:

1. Бляхер Л.Е., Огурцова Т.Л. Приключения легитимности власти в России, или воссоздание презумпции виновности //Полис. 2006. №3. С.12-24.
2. Берк Э. Правление, политика, общество / Пер. с англ. М.: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле», 2001.
3. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М.: Эксмо, 2008. С.104.
4. Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России. СПб: Изд-во БГТУ, 2003. С.43.
5. Хасбулатов Р.И. Чеченская трагедия стала результатом деформации федеральной власти //Государство, политика и сепаратизм. 2000. №12. С.14.
6. Лучин В.О. Конституционные деликты // Государство и право. 2000. № I. С.12.
7. Паин Э. Федерализм и сепаратизм в России: мифы и реальность /<http://www.politnauka.org/library/territor>
8. Договор об общественном согласии. - М.: Юридическая литература, 1994. С.9.

ограничений.

Ключевые слова: жилищная политика, ипотека, коммерциализация жилья, доступность жилья.

G. Konyakhin

HOUSING COMMERCIALIZATION POLICY IN RUSSIA AND ITS NEGATIVE CONSEQUENCES

Abstract. There is a short review of the housing commercialization in Russia and its negative consequences for the majority are given. The features slowing investment in housing building processes and predicting market economy development are described. There is the decision offered: housing building value and quality increasing and housing procurability market forming.

Key words: housing policy, mortgage, housing commercialization, housing procurability.

Государственная жилищная политика является своего рода иллюстрацией степени озабоченности политической элиты сохранением социально-политической стабильности. Жилье всегда было и остается важнейшим социальным благом, а его наличие, качество и комфортность отражается в общественном сознании и в социально-политическом поведении не только как показатель социального благополучия, но и как индикатор социальной защищенности. Соответственно, количественные показатели социальной обеспеченности граждан «доступным и комфортным жильем» могут перейти в качество социально-политического поведения и внутривластной обстановки, являясь, в случае «критической» недостаточности, одной из причин ее дестабилизации. Поэтому жилищная политика (в большей степени, чем другие направления внутренней социальной политики), как правило, нацелена на предотвращение социальной напряженности и, соответственно, на удержание и укрепление государственной власти.

Жилищная проблема сама по себе является непреходящей и вечной: ее устранение невозможно ни при какой успешной жилищной политике. Однако государство качественно меняет подходы к жилищной политике в сторону повышения уровня ее социальной ориентированности, как правило, в те моменты социально-политического развития, когда нерешенность жилищной проблемы (в совокупности с другими социальными проблемами) становится настолько острой, что грозит перерастанием в социально-политическую напряженность.

Конституция 1993 года фиксирует, что РФ является социальным государством. Вместе с тем полезно было бы сначала договориться хотя бы

УДК 336

Коняхин Г. В.

ПОЛИТИКА КОММЕРЦИАЛИЗАЦИИ ЖИЛИЩНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА В РОССИИ И ЕЕ СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ*

Аннотация. В статье на основе официальных данных проведен критический анализ процессов коммерциализации жилья в России и ее негативных последствий для основной части населения страны. Характеризуются факторы, тормозящие инвестиции в жилищное строительство и препятствующие становлению свободной конкуренции в инвестиционной и строительной деятельности. Делается однозначный вывод о том, что коммерциализация строительной отрасли как направление государственной жилищной политики пока не принесла позитивных социально-политических эффектов. Выход из создавшегося положения автор видит в необходимости существенного увеличения объемов и качества жилищного строительства, формирования рынка доступного жилья путем снятия существующих организационных, административных и правовых

* © Коняхин Г. В.

о главном – где тот критерий, по которому государство считается социальным. Жилищная политика российского государства 90-х годов XX века не позволяет оценивать ее как социально ориентированную политику. Одним из ее следствий стало нарастание социальной напряженности. Отсутствие у населения возможностей для покупки жилья, катастрофическое состояние жилищного фонда, крайне неудовлетворительное состояние системы жилищно-коммунального хозяйства, почти повсеместное аварийное состояние инженерных сетей и коммуникаций, низкая платежеспособность подавляющей части населения с каждым днем все сильнее влияли на социальную стабильность в обществе. Положение в жилищной сфере усугублялось результатами, вызванными тенденциями пауперизации населения. Так, к 2000 году резко возросла «глубина обеднения», то есть степень отрыва доходов от прожиточного минимума. Если в 1997 году совокупный дефицит денежного дохода населения с доходами ниже прожиточного минимума составлял 46,3 млрд. руб., то в 1999 г. он вырос до 140,1 млрд., а в 2000 г. составил 194,6 млрд. (5,1% объема всех денежных доходов) [1].

Негативный эффект нерешенности жилищной проблемы и социально безответственной политики государства стал настолько очевиден к концу 90-х годов, что для сохранения социальной стабильности (очередной раз в российской политической истории) необходим был поиск новых подходов к формированию и осуществлению жилищной политики.

Одновременно был исчерпан популистский потенциал либеральной риторики и веры граждан в мифы о наступлении социального благоденствия по типу «западного образа жизни». Граждане, ранее утратившие надежду на отдельную квартиру к 2000 году, почти разуверились и в какой-либо возможности построить «свой дом» на личные средства. Поэтому государство должно было анализировать не только опыт собственно политики, но и сопровождавших ее пропагандистских кампаний с тем, чтобы верно оценить уроки прошлого опыта, заимствовать эффективные подходы и решения и избежать прошлых ошибок.

Объективные количественные показатели жилищной сферы на конец XX века в России были удручающими. Общий объем жилищного фонда России составлял 2,85 млрд. кв. м (19 млн. жилых строений). Однако из них: 62,1 процента старше 30 лет, 3,1 процента (88,7 млн. кв. м) – ветхий и аварийный фонд, в котором вынуждены были жить более 2,5 млн. человек; более 15 млн. человек проживало в панельных зданиях, построенных в 50-60-е годы; около 40 млн. человек – в неблагоустроенных квартирах. Средняя обеспеченность жильем в России составляла 19,7 кв. м на человека

– в два-три раза меньше, чем в развитых странах (в Испании, например, (Мадрид) она составляла 24 кв. м на человека, во Франции и Великобритании (Париж, Лондон) – 32 кв. м на человека, а в Швеции (Стокгольм) – 40 кв. м на человека) [2].

В результате проводимой в 90-е годы XX века либеральной жилищной политики не только «не встретились», но и «разошлись» возможности гражданина, с одной стороны, и предложения со стороны рынка жилья – с другой. Поэтому, исходя из этой предпосылки, предполагалось, что, сохраняя общую либеральную нацеленность жилищной политики, можно достичь повышения уровня ее «социальной ориентированности» и искомого социально-политического эффекта посредством реализации двух взаимосвязанных императивов: во-первых, повышением объемов и качества жилищного строительства, т.е. увеличением и удешевлением предложения на рынке жилья; во-вторых, повышением возможностей граждан по приобретению жилья, т.е. увеличением платежеспособного спроса на рынке жилья.

Реалии же были иные. В условиях перехода к рынку доля капитальных вложений государства в данный сектор экономики сократилась с 85% в конце 80-х годов до 20% в конце 90-х годов [3]. Разгосударствление целой отрасли иллюстрирует тенденцию, в рамках которой государство не утратило, а самостоятельно отказалось от главного рычага проведения политики «обеспечения» жильем: государственной застройки и раздачи квартир социально незащищенным категориям граждан. При всех недостатках, этот подход был и остается наиболее социально ориентированным и эффективным: бюджетные вложения имеют прямой социальный и политический эффект.

В основной своей части сектор жилищного строительства был приватизирован к концу 90-х годов: более 90% строительных организаций стали частными компаниями. Чтобы каким-то образом «компенсировать» социальную эффективность государственной монопольной жилищной застройки и социального распределения жилья, государство сосредоточилось на деятельности, нацеленной на стимуляцию притока инвестиций в строительную индустрию. Однако эта тактика оказалась недостаточно эффективна, поскольку до сих пор не сформированы механизмы, обеспечивающие приток необходимого объема внебюджетных инвестиций.

Важнейшим фактором, затормаживающим приток инвестиций в строительство, остается административный механизм, способствующий развитию коррупции, и, напротив, препятствующий становлению свободной конкуренции в инвестиционной и строительной деятельности. Все дело в том, что инвесторы и застройщики оказываются в

прямой зависимости от местных администраций, выделяющих земельные участки под застройку. Бюрократические механизмы осложняют сбор даже первичного пакета исходно-разрешительной документации. Процессы согласования и проведения экспертиз градостроительной и проектной документации также усложнены.

Проведение торгов, как правило, иллюстрирует механизмы олигополистической конкуренции, в ходе торгов конкурентные процедуры реально не применяются. От подачи заявки на предоставление земельного участка под строительство до утверждения акта приемки объекта в эксплуатацию и государственной регистрации права на объект недвижимости проходит от 1,5 до 3,5 лет. В этом процессе может быть задействовано от 25 до 40 различных инстанций, в которых надо получить до двухсот подписей. Все это, в конечном итоге, приводит к удорожанию строительства и повышению цены продаваемого жилья. Основным же инструментом упрощения и ускорения всех согласительных процедур для заинтересованных физических и юридических лиц по-прежнему остаются взятки чиновникам. Все эти обстоятельства не могли не вызывать устойчивого роста цен на жилье на первичном и вторичном рынках – средняя цена на первичном рынке в два-пять раз стала выше себестоимости строительства, а цена на вторичном рынке приближалась к цене на первичном рынке, что «подстегивало» дефицит жилья [4]. Эти тенденции лишь в настоящее время в незначительной степени скорректированы в результате действия объективных факторов, связанных с финансово-экономическим кризисом 2008-2009 года.

Еще одним последствием коммерциализации строительной отрасли стало нарастание тенденции хаотичной застройки населенных пунктов и городов. Городские власти иногда противостоят корыстному напору спекулянтов городской недвижимости, но, не поддержанные гражданским обществом в этом противостоянии, нередко сдаются.

Важным негативным последствием коммерциализации стало нарастание диспропорций в развитии городов и регионов. В то время как Москва продолжает оставаться самой большой и самой оживленной (несмотря на финансовый кризис) стройплощадкой по строительству муниципального и коммерческого элитного жилья, региональные центры и малые города России хиреют и нищают, не представляя интереса для инвесторов и застройщиков. Процессу строительной централизации противостоит процесс политической децентрализации. Исследователи отмечают, что, судя по многим признакам, в российском обществе развиваются

антицентралистские настроения. Активизация региональных элит и националистически нацеленных политических антрепренеров являются основными факторами роста этих настроений. Однако диспропорции в застройке как наглядная иллюстрация центростремительных «перекосов» являются дополнительным раздражителем гражданских настроений. Одновременно неуклонно растет региональное самосознание россиян. Рядом исследователей такой рост рассматривается как объективный процесс, но в условиях финансово-экономического кризиса существует возможность для реализации его дестабилизирующего социально-политического потенциала.

Иными словами, существуют все основания для вывода о том, что коммерциализация строительной отрасли как направление государственной жилищной политики пока не принесла позитивных социально-политических эффектов. Юлий Липец отметил, что в Советском Союзе власть решала экономические задачи при социальных ограничениях. Мы полагаем, что это высказывание вполне может быть соотнесено с уходом российского государства из строительной отрасли и коммерциализацией строительства. Не меньше оснований существует и для того, чтобы согласиться с другим тезисом ученого, согласно которому «... надо бы делать обратное – решать социальные задачи при учете экономических ограничений» [5]. Время для подобной постановки целей давно наступило.

Для существенного увеличения объемов и качества жилищного строительства, формирования рынка доступного жилья необходимо снять существующие организационные, административные и правовые ограничения. В качестве инструмента решения всех существующих проблем в сфере жилищного строительства и обеспечения социально ориентированного разворота политики жилищной застройки, в начале нового столетия предполагалось принятие Долгосрочной стратегии массового строительства жилья. В ней должны определяться цели, задачи и механизмы государственной жилищной политики на период до 2020 года, а также первоочередные меры по ее реализации до 2012 года. В качестве стратегической цели государственной жилищной политики в Стратегии провозглашено создание устойчивой системы обеспечения доступности жилья и комфортных условий проживания всех категорий граждан, включая: обеспечение жильем социального использования малоимущих граждан; оказание государственной поддержки отдельных категорий граждан, по отношению к которым существуют установленные законодательством государственные обязательства по обеспечению жильем, либо тех, которые имеют специфические

жилищные потребности; оказание государственной поддержки граждан с доходами ниже средних, позволяющих им обеспечивать себя жильем в основном рыночными методами; создание условий для удовлетворения жилищных потребностей граждан со средними доходами и доходами выше средних за счет собственных и заемных средств [6]. Однако после разработки Стратегия была направлена на доработку. Таким образом, сейчас не существует системы продуманных и последовательно реализуемых мер, нацеленных на нейтрализацию негативных социально-политических последствий коммерциализации застройки и на активизацию ее социального потенциала.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Куда идет Россия. Белая книга реформ /Сост. Батчиков С.А., Глазьев С.Ю., Кара-Мурза С. М.: Алгоритм, 2007. С.276 -278.
2. См.: Там же.
3. См.: Там же.
4. Государственная жилищная политика. Часть 2. Жилищная политика России после 1991 года // Уником: универсальная ипотечная компания. СПб., 2008. URL: <http://www.uni-ipoteka.ru/publications/realty/p106/> (16.03.09).
5. Смирнягин Л. Трудное будущее российских городов //Pro et contra. 2007. №1. С.60.
6. Долгосрочная стратегия массового строительства жилья //Коммунальный комплекс России. - (39). – Сентябрь. - 2007.

УДК 338

Модянова Т.В.

ОБРАЗОВАНИЕ КАК ИНСТИТУТ СОЦИАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ*

Аннотация. В статье образование рассматривается как социальный институт, выполняющий цивилизационную (экономическую, социальную, гуманитарную и культурную) роль в обществе, как процесс усвоения накопленного человечеством научного знания, приобретения определенных навыков и умений для последующего выполнения социально значимых функций. На основе исторического анализа показывается диалектическая связь образования и социализации: образование, участвующее в социальной интеграции, обеспечивает становление социально значимой личности, а социализация, интегрированная в общий процесс обучения, воспитания и развития личности, стано-

вится неотъемлемой составляющей образования.

Ключевые слова: образование, социальный институт, социализация, развитие, интеграция.

T. Modyanova
EDUCATION AS AN INSTITUTIONAL
STRUCTURE

Abstract. The author regards education as an institutional structure, which has got a lot of social functions to carry out. In this article it is regarded as an adoption process of knowledge and science, which had been stored by the humanity, as mastering of abilities and skills. The main function of education is safeguarding of economic, social, humanitarian and cultural progress of the society.

According to historical analysis, there is dialectical interdependence between education and socialization. Education plays an important role in moulding of personality, the all-round development of individuality and its social integration. At the same time, socialization is closely connected with the educational process.

Key words: education, social institution, socialization, development, integration.

Образование – объективная необходимость человеческого бытия. Во все исторические периоды эволюции человеческой цивилизации оно было направлено на развитие личности, ее творческих способностей, эстетического мировосприятия и этического отношения к деятельности, формирование духовного облика человека. Различные философы и философские школы, начиная с древности, пытались выявить комплекс идей, которые позволили бы глубже понять и успешнее поддерживать формирование индивидуальной и общественной культуры, разрабатывали системы образования и воспитания для своих учеников и общества в целом. Некоторые их идеи используются в образовании до сегодняшнего времени.

Еще у Гераклита [1] логос, которым обладает душа человека, назван самообогащающимся, растущим, совершенствующимся. Греческие философы, отдававшие своему образованию много времени и сил, видели в этом глубокий жизненный смысл. Например, в пифагорейском братстве (философской школе, основанной Пифагором) придерживались такого образа жизни, который предусматривал стремление к прекрасному и благопристойному, а это, по их мнению, в первую очередь, занятие наукой и самообразование [2]. По мнению Платона [3], учеников следовало обучать в соответствии с их способностями, а не давать всем одно и то же образование. Правда, платоновскую концепцию образования можно назвать аристократической – статус подлинного че-

* © Модянова Т.В.

ловека, склонного к созерцанию и размышлению, предусматривался для немногих, но эти немногие зарабатывали право на исключительность своими прирожденными способностями и выявлялись постепенно. Определенный образ жизни представлялся наилучшим, но все дети должны были иметь право и возможность изучать предметы, готовящие их к жизни.

Другой греческий философ – Аристотель – полагал, что люди должны быть подготовлены для подобающего им места в жизни, и им нужно помочь развить свойства, необходимые для решения соответствующих задач. Хороший гражданин, по мнению Аристотеля, не только требует от государства защиты своих личных прав, но и желает внести личный вклад в общественное благополучие. Аристотель предложил модель нравственного воспитания, широко популярную до сих пор, – тренировать детей в подходящих типах поведения, прививать им ценности, взращивая их в деятельности, предназначенной для развития соответствующих добродетелей [4].

Идеи Платона и Аристотеля были развиты в эссе Мишеля де Монтеня, считавшего, что нельзя внушать ребенку готовые истины, когда он еще не способен судить об их достоверности, – ему надо помочь научиться самому наблюдать мир и на основании этих наблюдений размышлять, сравнивать, оценивать, вырабатывать самостоятельные суждения. Ж.-Ж. Руссо утверждал, что человек рождается на свет совершенным, но воспитание его уродует. Он полагал, что необходимо способствовать выявлению дарований ребенка и побуждать его к самостоятельному приобретению личного опыта.

Вслед за Ж.-Ж. Руссо Г. Спенсер всячески критиковал современное ему традиционное образование, считая, что зазубривание текстов, ничего не говорящих ни уму, ни сердцу, подавляет творческую активность и убивает самостоятельность мышления. В системе И. Канта главной функцией образования являлось усовершенствование человеческой природы. Основными задачами при этом были: дисциплинировать; культивировать, т.е. прививать знания; цивилизовывать, т.е. сообщать знания мира, необходимые в человеческом обществе; морализовывать, т.е. создавать настроение, под влиянием которого избирались бы лишь добрые цели [5]. Наконец, в XX в. Дж. Дьюи, один из самых высоких авторитетов в философии образования [6], восторженно говоря об идеях своих предшественников, считал, что образование должно быть приспособлено к человеку, чтобы оно подбиралось для каждого индивидуально [7].

Значение, в котором понятие «образование» употребляется в настоящее время, вошло в оборот в конце XVIII в. под влиянием Гете, Песталоцци

и неогуманистов, которые, в противоположность воспитательной технике просветителей, под образованием понимали общий духовный процесс формирования личности [8].

Мы понимаем образование как социальный институт, выполняющий цивилизационную (экономическую, социальную, гуманитарную и культурную) роль в обществе, и как процесс усвоения накопленного человечеством научного знания, приобретения определенных навыков и умений для последующего выполнения социально значимых функций..

Социокультурная функция образования заключается в том, чтобы использовать преемственность исторически сложившихся культурных ценностей в процессе социализации личности, при этом человек рассматривается не только как носитель культурных ценностей, но и как творец новых. Х. Гадамер отмечал, что образование теснейшим образом связано с понятием культуры и обозначает в конечном итоге специфический человеческий способ преобразования природных задатков и способностей [9]. Аналогично, для Г. Гегеля общая сущность человеческого образования состоит в том, что человек делает себя во всех отношениях духовным существом [10].

Социокультурный подход в трактовке целей и задач образования прослеживается и у ведущих отечественных исследователей. Так, на рубеже XIX - XX вв. С.И. Гессен рассматривал образование как процесс приобщения человека к культурным ценностям науки, искусства, религии, нравственности и др. Диалектика образовательного процесса представлялась ему в виде передачи новому поколению готового культурного содержания, являющегося главным побуждением к выработке своего собственного содержания культуры [11].

В гуманистической направленности образования целевая установка состоит в том, чтобы не сформировать, а найти, поддержать и развить человека в человеке и заложить в нем механизмы самореализации, саморазвития, саморегуляции, необходимые для его свободной гражданской и профессиональной ориентации и способности развернуть свой внутренний духовный потенциал. В реализации этой цели определяющую роль играют субъекты образовательного процесса, которые должны «инструментировать» его как свободно избираемую обучающимся деятельность; т.е., во-первых, создавать наилучшие условия для его целенаправленного социально значимого развития, воспитания, обогащения знаниями и опытом; во-вторых, управлять этим процессом в согласовании с его внутренними потребностями и интересами. Иными словами, «инструментирование» должно быть таковым, чтобы индивидуум смог обрести себя, выбрать и выстроить собствен-

ный мир ценностей, войти в мир знаний, овладеть творческими способами решения научных и жизненных проблем, открыть рефлексивный мир собственного «я» и научиться управлять им.

В классической науке образование представляется как процесс и результат усвоения систематизированных знаний, умений и навыков, как необходимое условие подготовки человека к жизни и труду [12]. Знание как сумма истин, необходимых для усвоения, является содержанием образования и организационной основой образовательного процесса (логическое распределение и строгая последовательность изучения учебных дисциплин).

Необходимо признать, что классическая наука сыграла ведущую роль в определении направлений развития человеческой цивилизации, но в эпоху перехода человечества в информационную стадию развития она обнаружила свою ограниченность именно на уровне жесткой дифференциации и обособленности. В условиях нового этапа цивилизационного развития социума наука должна критически переоценить свою историческую и мировоззренческую значимость. Объективный процесс превращения научной мысли в планетарное явление, на что в свое время указывал В.И.Вернадский, должен нарастать. Соответственно должно усиливаться влияние науки в ее интегративной форме на все виды жизнедеятельности человека, в том числе на его мировоззрение и мировосприятие.

Традиционное нормативное образование может выпустить первоклассного специалиста в определенной области, но имеющего весьма расплывчатые представления о мироустройстве, общих законах функционирования и развития социума, человеческой цивилизации и ее будущих перспектив развития и т.д.

Образование в этом случае направлено на формирование рационального, логико-вербального, репродуктивного мышления, а деятельность обучаемого жестко регламентирована. Задача преподавателя – перевести научное общественное знание в личностное знание обучаемого для его дальнейшей практической деятельности. Классическая педагогика полагает, что приобретая готовые знания и навыки, таким образом обучаемые постигают внутреннюю логичность ситуаций и будут ею руководствоваться на практике. Однако, учитывая, что им придется жить в мире ускоряющихся изменений, знания простых ситуаций, где достаточно механического осуществления отдельных операций с одним объектом, недостаточно. К тому же вместе с усвоением готового дифференцированного знания усваивается и репродуктивный характер мышления.

Подобная модель образования, свойствен-

ная абсолютному большинству стран мирового сообщества, во второй половине XX столетия исчерпала себя.

Устранить такое положение и дать свободу мышлению может не реформирование блока общемировоззренческих дисциплин инновационными методами – это путь тупиковый, а лишь предоставление возможности личности для самообразования и образовательной самореализации посредством открытости образования на протяжении всей жизни, то есть непрерывного образования.

Под непрерывным образованием понимается не механическое движение личности от дошкольного к общему среднему, профессиональному, послевузовскому образованию, а гармоничный процесс циклического обновления знаний на каждом из указанных этапов развития. Особую роль при этом играет инновационное обучение – принципиально новая организация учебного процесса, содержание и методы которой направлены на формирование творчески активной личности. У всех этих моделей образования (непрерывное, инновационное, дистанционное), на наш взгляд, есть одно сходство. Они могут функционировать в традиционной системе образования, выстроенной в соответствии с идеалами и нормами классической науки и функционирующей, как закрытая, когда всякие инновации возможны только централизованным путем. При этом дистанционное обучение отражает технологию получения и доставки знаний, непрерывное – преемственность разноуровневых программ, инновационное – новые подходы к организации учебного процесса и субъектно-объектные отношения между его участниками.

Таким образом, классическое понимание образования как социального института напрямую связано с развитием человеческого потенциала. Лишь участвуя в социальной интеграции, экзистенциальном самочувствии, реализации жизненного успеха образование становится непреходящей социокультурной ценностью общества и действенным институтом социализации личности. Сама же социализация, интегрированная в общий процесс обучения, воспитания и развития личности, в свою очередь, становится неотъемлемой составляющей образования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Блинников Л.В. Великие философы: Словарь-справочник. - М.: Логос, 1999. - С.12.
2. История политических и правовых учений. - М.: Компания Спутник+, 2000. - С.32.
3. Платон. Соч. в 4 тт. Т. 3. - М., 1994. - С.126.
4. Аристотель. Соч. В 4 тт. - Т. 3. - М., 1983. - С.376.
5. Кант И. Сочинения. Соч. В 6 томах. - Т. 3. - М., 1963. - С.107.

6. Примечание: Философия образования оформилась в самостоятельную дисциплину во второй половине XX в. Она рассматривает, как происходит умственное и нравственное развитие человека в культурной среде и как может (и должна) содействовать этому процессу система образования.
7. Гусинский Э.Н., Турчанинова Ю.И. Введение в философию образования. - М.: Логос, 2001. - С.224.
8. Философский энциклопедический словарь. - М., 2001. - С.311.
9. Гадамер Х.-Г. Истина и метод. - М., 1988. - С.51.
10. См.: Там же. - С.54.
11. Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию. - М., 1995. - С.378.
12. Советский энциклопедический словарь. - С.907.

УДК 323

Чекулаев Е.П.

РОЛЬ «ПРЯМЫХ ЛИНИЙ» И ИНТЕРНЕТ-БЛОГА В ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКЕ РФ В 2000-е ГОДЫ*

Аннотация. Статья посвящена определению места «прямых линий» и интернет-блога в информационной политике РФ в 2000-е гг. Автором определяются особенности данных форм информационного взаимодействия в политическом процессе. Развитие информационно-коммуникационных технологий оказывает существенное воздействие на политический процесс, упрощая и удешевляя процесс информационного взаимодействия между обществом и государством. Такие формы, как «прямые линии» и интернет-блог активно используются в политическом процессе и привлекают внимание со стороны общества.

Ключевые слова: информационное взаимодействие, информационная политика, политический процесс.

E. Chekulaev

THE ROLE OF "PRESIDENT HOTLINES" AND BLOG IN INFORMATION POLICY OF RUSSIA IN 2000-S.

Abstract. The article is devoted to determination of importance of "president hotlines" and blog in information policy of Russia in 2000-s. Special features

* © Чекулаев Е.П.

of these forms of information cooperation in political process is determined in the article. Communication technologies development considerably influences political process and makes the information cooperation process easier and cheap. Such forms as "president hotlines" and blog are actively using in political process and they attract public attention.

Key words: information cooperation, information policy, political process.

Влияние развития современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их повсеместного проникновения в общественную жизнь имеет поистине колоссальное значение для определения основных направлений дальнейшего развития, в том числе и в политической сфере жизни общества. Так, по мнению М.М. Лебедевой, «политическое развитие мира всегда было связано с научно-техническим прогрессом, который не только обеспечивал экономический и социальный рост, но и фактически формировал политическую систему мира» [1].

В связи с тем, что роль информации как источника и движущей силы для общественного и государственного развития трудно переоценить, а информационные процессы имеют важнейшее значение как для внутренней политики, так и для внешнеполитической деятельности руководства страны, государственную информационную политику следует определить как систему, объединяющую цели, являющиеся выражением государственных интересов в информационной сфере; стратегии и тактики принятия решений в управлении процессами в данной области; методов их осуществления, разрабатываемых и применяемых государственной властью с целью регулирования и совершенствования как самих процессов информационного взаимодействия в общественной жизни и государстве, так и процессов технологического обеспечения данного взаимодействия.

Одним из наиболее важных направлений информационной политики государства является деятельность по взаимодействию с средствами массовой коммуникации (СМК), Интернет-сообществами. Данная проблема регулярно поднимается в общественных дискуссиях и находится в центре внимания общественных дискуссий. Кроме этого, деятельность государства в данной сфере дополняется кругом проблем, связанных с реализацией гражданами и юридическими лицами права на свободное получение и распространение информации для массового пользования, гарантированного Конституцией РФ.

Новые технологии все активнее привносятся в политику и в том числе в сферу взаимодействия представителей государственной власти и общества. А поскольку на современном этапе

развития массовых коммуникаций возможности информационного взаимодействия сторон расширяются, параллельно происходит как процесс развития существующих каналов массовой коммуникации, так и новых нетрадиционных средств информационного взаимодействия.

Что касается традиционных средств информационного взаимодействия (к ним в первую очередь следует отнести средства массовой коммуникации), то среди них лидирующие позиции по-прежнему занимает телевидение.

Тенденцией в области информационной политики политического руководства стало формирование единого формата информационного вещания на подавляющем большинстве СМК, доступных большинству населения России. Кроме этого, отдельные элементы информационного освещения политического процесса в РФ можно найти также и в аналитических программах, и даже в телевизионных сериалах и спортивных передачах, а подход к способу подачи информации принимает отчасти и черты развлекательного телевидения [2]. Подобная ситуация является благоприятной для всестороннего информационного воздействия на общественное сознание.

Развитие ИКТ во многом определило те изменения, которые происходят в области информационного обмена между представителями государственной власти и обществом. Так, в деятельность традиционных СМК, в особенности телевидения, привносится эффект «интерактивности». Этот фактор стал определяющим и в процессе общения президента РФ с гражданами страны. В связи с этим особенное внимание следует уделить таким «интерактивным» формам информационного освещения политического процесса, как «горячие линии» и интернет-блог.

Такая форма информационного взаимодействия, как «прямые линии Президента», выполняет несколько функций. Во-первых, подобная форма создает эффект общения Президента страны и рядовых граждан страны без посредников, дает гражданам возможность обратиться с вопросом к руководству страны. «Эффект интерактивности» в данном случае достигается благодаря организации работы специально создаваемого для данной цели центра приема и обработки вопросов, поступающих посредством звонков, электронной почты и sms-сообщений, который прорабатывает огромный по масштабам объем работы. Кроме этого, впечатление общения «без посредников» складывается благодаря прямым включениям из различных регионов страны.

Во-вторых, «прямые линии Президента» выполняют роль интерпретации принимаемых политических решений. Так, в силу достаточно

низкого интереса к теме политики, широкого распространенного среди значительной части российского общества на сегодняшний день, программные положения, которые излагаются в форме декларируемых политических целей и задач, зачастую не доходят до «конечного потребителя», то есть общества. В ходе же общения президента с гражданами «напрямую» перед руководством страны предстают возможности в менее официальной обстановке довести до граждан основные цели, сформулированные политическим руководством страны, а также методы и средства решения поставленных задач.

В-третьих, данная форма информационного взаимодействия выполняет также интеграционную функцию. Так, сама форма общения «без посредников» и вербальные средства, которые используются Президентом, призваны продемонстрировать общность и единство российского общества. Эта задача выполняется благодаря апелляции к совместным достижениям, общим целям, общественному развитию и укреплению государства. На практике это зачастую реализуется при помощи использования таких оборотов, как «мы», «вместе», «все» и др. Данные обращения затрагивают не только события современности, но и историю страны. Общее прошлое, достижения соотечественников и преемственность поколений в данном случае используются для объединения граждан государства на современном этапе. Особенно актуальными данные обращения становятся в периоды нестабильности и напряженности, во время политических и социальных изменений» [3].

В-четвертых, «прямые линии» представляют собой форму обратной связи. Обработка вопросов, полученных от граждан страны, позволяет провести анализ и определить основные общественно значимые проблемы, волнующие людей.

В-пятых, данная форма информационного взаимодействия выполняет функцию поддержания имиджа Президента в роли эффективного политического лидера. Демонстрация разрешения проблем рядовых граждан занимает в этом процессе отдельное место, способствуя формированию положительного отношения к личности Президента.

Среди интерактивных форм общения важное значение имеют возможности информационной сети Интернет, которая, по мнению ряда исследователей, представляет собой целую «среду обитания» с новыми возможностями. Развитие ИКТ существенно упрощает и удешевляет процесс информационного взаимодействия между гражданами, а также между обществом и государством. На сегодняшний день многие представители политического руководства приходят к осознанию, что применение новых технологий способно принести

практическую пользу. Но, к сожалению, возможности Интернет технологий используются не в полной мере. Так, по большей части, в политике они используются по аналогии с традиционными СМИ, то есть как односторонний канал распространения информации. Возможности же получения обратной связи и диалога с аудиторией зачастую остаются невостребованными.

Новой формой в процессе освещения событий политического процесса в России стало использование такой формы общения в информационной сети Интернет, как блог.

Блог (от англ. «web-log» - интернет-журнал) представляет собой некоторое подобие дневника, в котором высказывается позиция автора по произошедшим с ним событиям. Преимуществом данной формы интерактивного взаимодействия является то, что в данной форме присутствует возможность получения обратной связи от читателей, ознакомившихся с содержанием публикуемых в нем материалов. Блоги начали активно применяться в политике и в предвыборной борьбе. Особенно показателен в этом отношении пример выборов, проходивших в 2008 г. в США. Данный канал массовой коммуникации активно применялся в том числе и действующим Президентом США Бараком Обамой, который таким образом сделал ставку на привлечение внимания со стороны молодого поколения избирателей.

Использование блога как формы общения, в том числе Президентом РФ, с интернет-аудиторией ознаменовало собой перелом в отношении к возможностям сети Интернет в политическом процессе России. Если ранее возможности глобальной сети зачастую пользовались, по аналогии с традиционными СМИ, лишь для публикации информационных сообщений, то возможность общения «без посредников» с Президентом приковывает многих представителей общественности к данному ресурсу.

Отличительной особенностью использования блогов является также то обстоятельство, что интернет-блог дает возможность диалогичности общения, без посредников в лице СМИ, политических партий и экспертов.

Единственным ограничением в использовании данного ресурса остается фактор относительно низкого распространения возможностей доступа в Интернет на территории России среди населения. Однако тенденцией последних лет является то, что расширяются возможности доступа в Интернет, а также снижается его стоимость.

В то же время социологические исследования показывают, что интернет-аудитория в массе своей во многом формируется из числа молодого поколения и представителей среднего возраста, которые вполне могут выступать в роли лидеров

общественного мнения и активно распространять свои взгляды, в том числе и вне сети Интернет. Именно по этой причине внимание к активному использованию новых современных каналов и форм обмена информацией играет важную роль в процессе эффективного информационного взаимодействия государства и общества.

В заключение следует сделать выводы о роли «прямых линий» и интернет-блога в информационной политике РФ. Влияние развития современных информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) и их повсеместного проникновения в общественную жизнь имеет поистине колоссальное значение для определения основных направлений дальнейшего развития, в том числе и в политической сфере жизни общества. Развитие ИКТ существенно упрощает и удешевляет процесс информационного взаимодействия между гражданами, а также между обществом и государством.

В деятельность традиционных СМИ, в особенности телевидения, привносится эффект «интерактивности». К «интерактивным» формам информационного освещения политического процесса следует отнести «горячие линии», интернет-блог Президента. «Прямые линии Президента» как форма информационного взаимодействия выполняет функцию поддержания имиджа Президента в роли эффективного политического лидера. Если ранее возможности глобальной сети зачастую пользовались по аналогии с традиционными СМИ, лишь для публикации информационных сообщений, то возможность общения «без посредников» с Президентом приковывает многих представителей общественности к такому ресурсу, как интернет-блог.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Лебедева М.М. Мировая политика. – М.: Аспект Пресс, 2003.
2. Фоссато Ф. Виртуальная политика и российское ТВ. // Журн. «Pro et Contra». Июль-август. 2006. С. 13-28.
3. Башук А.И. Коммуникативные стратегии политического ритуала// URL: <http://politex.info/content/view/179/40>.

Волобуева Т.О.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИМВОЛИКА В ИСТОРИИ КОСТЮМА*

Аннотация. В статье рассматривается история использования политической символики

* © Волобуева Т.О.

в одежде в связи с революциями, борьбой политических партий и другими историческими событиями. Раскрывается маркировочное значение формы одежды (например, санюлоты и т. д.), цвета (например, красный в революционной традиции), аксессуаров. Прослеживаются изменения в использовании различных видов маркировки одежды в политической борьбе. Так, для второй половины XX в. характерен переход от символического значения покроя и цвета одежды к ее превращению в агитационное средство. Это происходит с размещением на одежде (чаще всего на футболках) политической рекламы в виде разного рода принтов – портретов политических деятелей, лозунгов, предвыборных слоганов и т. д.

Ключевые слова: политическая символика, одежда, аксессуары, политические партии и движения, революции, избирательные кампании

T Volobueva

POLITICAL SYMBOLICS IN CLOTHES

Abstract. In article the history of use of political symbolics in clothes in connection with revolutions, struggle of political parties and other historical events is considered. The value of the form of clothes as a marker (for example, sans-culottes etc.), colours (for example, red in a revolutionary tradition), and accessories reveals. Changes in use of various kinds of marks of clothes in political strike are traced. Thus, for second half of XX century is characteristic transition from symbolical value of breed and colour of clothes to its transformation into propaganda means. It occurs to placing on clothes (more often on T-shirts) political advertising in the form of any prints – portraits of politicians, slogans, pre-election slogans etc.

Key words: political symbolics, clothes, accessories, political parties and movements, revolutions, election campaigns.

В последнее время проблемы политической моды и политической символики привлекают внимание исследователей. По этой тематике проводятся научные конференции [11], защищаются диссертации [1;2;7], публикуются статьи. О.Б. Вайнштейн принадлежит одна из немногих журнальных статей, специально посвященная политическим аспектам истории костюма [4]. Очень важной функцией моды она считает возможность одежды выражать политические смыслы. Это связано с функционированием костюма как семиотической, знаковой системы. Костюм – это социальный маркер, включающий набор смысловых рядов. Одним из таких рядов и являются политические символы. По мнению Т.Н. Быковой, главной особенностью

политической символики является синтез разных знаков из иерархии знаковых систем. В её статье перечисляются области применения политических символов, к числу которых относится и политическая мода как отражение соответствующих пристрастий сторонников партий и общественных движений, проявляющихся в одежде и поведении [3,147].

В какой-то степени данные сюжеты затрагивались и в нашей статье о протестной моде в России второй половины XIX в. [6]. Но не всякая протестная мода, которая часто имеет социокультурную направленность, претендует на роль политического маркера. Довольно наглядный пример представляют так называемые стилиаги в советском послевоенном обществе. Сами они в погоне за «заграничным обликом» не вкладывали в это стремление ни протестной позы, ни политического смысла. В определенной мере этот смысл был навязан моде ее неприятием как со стороны власти, так и со стороны послевоенных «шинелей и ватников». Вспомним такие ставшие слоганом строки о стилиагах: «Сегодня слушает он джаз, а завтра Родину продаст».

В данной статье не рассматривается национально-государственная политическая символика (гербы, флаги, гимны, облачения монархов). Наш предмет исследования – та политическая символика, которая связана с политическими движениями и партиями, революциями и избирательными кампаниями, с социально-политическими конфликтами в обществе. Соответственно, в фокусе внимания находятся периоды обострения общественно-политических отношений в разных странах и в разное время, для которых характерны как появление новых политических символов, так и политическая маркировка одежды и аксессуаров.

Политическая символика в одежде и аксессуарах характерна для новой и новейшей истории. Самое раннее ее появление, акцентированное на политическом аспекте костюма, можно рассмотреть на материале национально-освободительного движения в Нидерландах.

1566 год, страна – часть Испанской империи Филиппа II. Испанский гнет – финансовый и тоталитарный, сопровождаемый разгулом инквизиции, был непереносим. Делегация голландских дворян во главе с графом Эгмонтом является на прием к наместнице этой испанской провинции Маргариты Пармской. Они пришли вручить петицию с просьбой об отмене эдиктов, согласно которым в Нидерландах увеличивалось число епископских кафедр и устанавливалась инквизиция. Все участники нидерландской делегации были одеты крайне скромно, не так, как положено дворянам. Своим протестным костюмом они подчеркивали: Нидерланды ограблены в результате фис-

кальной политики Мадридской короны. Дворяне направляются сквозь строй нарядных испанских грандов. Гранды в высоких воротниках, не позволяющих опускать голову, озирают надменно и презрительно делегатов. И кто-то из грандов бросает реплику: *гёзы* (от фр. – нищие). Так из протестного костюма родилось слово, ставшее вскоре в годы Нидерландской национально-освободительной революции знаковым. Выступавшие против испанского владычества конфедераты стали носить, подобно нищенствующим монахам, одежду пепельно-серого цвета и особый значок в виде пфеннига, на котором были изображены нищенская сума и две протянутые руки. Морскими и лесными *гёзами* именовали себя партизаны, ликвидировавшие испанское владычество и создавшие Голландскую республику – первую республику в Европе.

Еще один пример связан с другой революцией – английской XVII в. В битве при Нейзби солдаты Карла I были одеты в белые кафтаны и носили белые шарфы, а их противники были в мундирах из красного сукна с оранжевыми шарфами (армия Кромвеля получила унифицированную форму по решению парламента незадолго перед битвой в начале 1645 г.). Так армии сторонников парламента и короля получили цветовые обозначения: первая – Красной, вторая – Белой. Есть предположение, что эта цветовая гамма опосредствовано была перенесена в политическую лексику времени Гражданской войны в России. С той же английской революцией связана и политическая символика движения левеллеров 1647–1649 гг., носивших ленточки цвета морской волны.

Костюм стал отличительным знаком и для политических движений Французской революции конца XVIII в. В годы якобинской диктатуры самоназванием революционеров стал термин *санкюлоты*. Наименование это произошло от фр. *sans* – без и *culotte* – короткие штаны. В отличие от аристократов, носивших короткие штаны, французское простонародье носило длинные штаны. И в этом случае часть одежды – штаны стали социальным и политическим маркером, отличавшим революционеров от роялистов. Члены Якобинского клуба носили куртку-карманьолу, что было своеобразной униформой. Другим отличительным знаком являлся головной убор – фригийский колпак. Общепринятым символом революции он стал не сразу: 19 марта 1792 г. в Якобинском клубе было прочтено письмо мэра Парижа, осуждавшего ношение красного колпака. 19 июня 1792 в клубе снова вспомнили запрет, но уже на следующий день во время захвата Тюильри санкюлотами король сам был вынужден надеть красный колпак, поданный ему на пике.

Начиная с мая 1790 г., Национальное собрание вручает мэрам шарфы в полоску. И полоса-

тая одежда с этого времени становится не только модной, но и идеологической. В эпоху Консульства приобретает свой окончательный вид французский флаг. Мишель Пастуро, изучавший семантику цвета в истории костюма, отмечает, что утробие полосок в одежде до принятия революционного трехцветного флага встречалось крайне редко [9, 55].

С падением якобинской диктатуры появились молодые люди и девушки, которые носили «антиреволюционный» протестный костюм. Щеголи заматывались шейными платками до ушей и наряжались во фраки и очень короткие жилеты, которые застегивались через одну пуговицу. Они завивали волосы и носили прически «собачьи уши». От шляпы с высоко загнутыми полями пошло прозвище этих модников – *анкруаябль*, что означает невероятный. Девиц, которые одевались в полотняные рубашки *шмиз*, с большим декольте, короткими рукавами и поясом под грудью, называли *мервеёз* (в переводе – удивительная). Головы их украшали огромных размеров чепцы с лентами. Особо хотелось бы отметить так называемые «балы жертв», которые устраивала золотая молодежь. У них вошло в моду сбрасывать волосы на затылке, как у подготовленных к казни на гильотине. Девушки также коротко стригли волосы, подражая прическам жертв, и носили красные ленточки на шее. Историк Т. Карлейль в 1837 г. писал: «Среди бесчисленных балов разного рода обратим внимание читателя на один род – на так называемые балы жертв. У всех танцующих на левой руке надет черный креп. Чтобы быть допущенным на такой бал, нужно, чтобы вы были жертвой террора или чтобы вы потеряли кого-нибудь из родственников во время террора. Мир усопшим; будем танцевать в память их! Потому что, как бы то ни было, нам надо танцевать» [8].

В XIX и XX вв. одним из самых распространенных революционных политических символов-маркеров стал красный цвет. Вначале в ходе революций 1830 и 1848 гг. во Франции и Германии он был цветом восставших революционных масс. Под влиянием итальянского национально-объединительного движения в России в женскую моду вошли красные рубашки-гарибальдийки с широкими рукавами и шляпки «а-ля Гарибальди», наподобие мужской ермолки. После Парижской коммуны красный цвет становится символом пролетарского международного революционного движения.

Вообще использование определенного цвета как маркера той или иной политической партии – не редкость. Например, в Греции зеленый цвет является политическим символом партии ПАСОК (Всегреческое социалистическое движение) и имеет как маркер глубокие исторические корни, уходящие во времена Византийской империи, где

он знаменовал цвет жизни и свободы. В Болгарии Союз демократических сил ведет политические кампании, используя в качестве символа светло-синий цвет. С 2009 г. этот цвет стал названием «голубой коалиции» консервативных сил.

Протестный костюм в России второй половины XIX в. был отражением и выражением оппозиционных как социальных (по отношению к сословности), так и политических (по отношению к самодержавию) настроений в среде учащейся молодежи. К проявлениям протестной моды относятся одежда нигилистов, эмансипированных дам и курсисток. В субкультуре нигилизма существовал неписанный кодекс правил аскетического поведения. Он с пунктуальной точностью указывал, что следует носить [5, 436]. Следование моде в одежде и прическах считалось признаком пошлости. Протестный костюм возник в субкультуре нигилизма как вызов господствующей моде, как оппозиция культуре дворянского общества. Этот костюм включал в себя красную косоворотку под студенческой блузой или клетчатым пледом, широкополую шляпу и синие очки. Студенты-нигилисты не брились, носили длинные волосы и ходили по улице с суковатыми палками. Наряду со студентами, благонамеренное образованное общество пугали стриженные курсистки в очках и темных простых платьях (без кринолинов). По воспоминаниям современников, курсисткам не было прохода на улице от насмешек, косых взглядов и брошенной вслед фразы: «нигилистка».

После Первой мировой войны агрессивные политические партии начали с целью захвата власти и расправы с противниками создавать вооруженные отряды. Эти вооруженные отряды – сквадристы в Италии и штурмовики в Германии носили костюмы по типу военной униформы. Первой известной организованной фашистской военизированной группировкой были чернорубашечники Бенито Муссолини в Италии. У них была униформа: черные рубашки, брюки темно-зеленого цвета и краги. Впоследствии подобная униформа была скопирована идеологическими собратьями в других странах. Адольф Гитлер, считая себя продолжателем и наследником прусской традиции культа мундира, ввел коричневые рубашки (СА) и черную униформу (СС). В нацистской Германии униформа служила пропагандистским целям и, как отмечает автор книг о III Рейхе О.Ю. Пленков, «гитлеровские пропагандисты усугубили отношение к униформе, сделав его инструментом организованного омассовления; всякая организация имела свою униформу, практически весь народ был в униформе, что было действенным средством ликвидации индивидуализма, всеобщей мобилизации, поскольку нацистская система власти требовала орудий, а не личностей» [10,

40]. Другие фашистские движения пользовались различной цветовой символикой: «серебряные рубашки» в США, «золотые рубашки» в Мексике, «синие рубашки» в Ирландии и Канаде.

Примером распространения во второй половине XX века протестной моды с неявным политическим оттенком может служить субкультура хиппи. Антисоциальное движение хиппи стало самым ярким явлением шестидесятых годов. Через одежду и музыку хиппи выражали несогласие с политикой правительства. В конце 1960-1970 гг. поношенная одежда хиппи ассоциировалась с контркультурой и означала отказ от ценностей потребления. Идя навстречу новой молодежной моде, торговые фирмы развернули продажу вещей с искусственно созданными эффектами поношенности. Символом протеста против буржуазной моды стали джинсы, которые из одежды американских фермеров и ковбоев превратились в одежду протеста левых студентов и хиппи, а затем, к началу 1970-х, в самую популярную массовую моду в стиле «унисекс».

Завершающим штрихом к настоящему времени будет характеристика использования политической символики в ходе современных избирательных кампаний. Начнем с ее применения на «костюмном поле» в ходе «оранжевой революции» на Украине в 2004 г. Главным разработчиком концепции избирательной кампании Виктора Ющенко на президентских выборах был политтехнолог и психиатр Ярослав Лесюк. На протяжении всей кампании и в протестном стоянии на киевском Майдане в качестве политических символов использовались не только знамена, но также ленточки, шарфы, накидки, косынки, сумочки и другие элементы одежды оранжевого цвета (на почтовой марке, выпущенной в период президентства Ющенко, изображена толпа, представленная людьми в костюмах с оранжевыми ленточками и шарфиками). Наряду с ними своего рода символом «оранжевых» стали и апельсины и разного рода плакаты (имелось, например, фото кошки в оранжевом комбинезоне). Выбор оранжевого цвета, ранее не присущего украинской политической символике, оказался удачным. Яркий и нестандартный цвет «бросался в глаза» и, как считалось, обладал «энергетикой», скрытой «тайной» воздействия на людей («оранжевый шабаш», по выражению супруги проигравшего кандидата Людмилы Янукович). Но, разумеется, конечная победа Виктора Ющенко над Виктором Януковичем объяснялась не «цветом», а умело поставленным пиаром и высоким уровнем организации оппозиционных сил. В «оранжевой революции» проявились новые черты политической манипуляции массами. Отметим такие, как тщательно продуманная в деталях, вплоть до символики, избиратель-

ная и митинговая тактика, создание «оранжевого» бренда и превращение выпуска политической символики в коммерческое предприятие (ленточки раздавались бесплатно). В противовес оранжевому цвету оппозирующая партия регионов сделала своим партийным символом голубой цвет. Так, термины «оранжевые» и «голубые» вошли в украинскую политическую лексику.

В период последних выборов президента на Украине широко развернулась торговля политическими, или, как сейчас говорят, креативными футболками с портретами политиков и разного рода слоганами. Наряду с футболками «за» появились футболки «против», компрометирующие кандидатов в президенты. Многие надписи были злыми и ехидными. Например, имелась «прикольная» тишотка с надписью, критикующей обещания тогдашнего премьера «Ищу Юлькино мясо за 20 гривен и бензин за 3.50», сопровождаемая изображением увеличительного стекла и красного сердца – одного из символов Тимошенко. На другой футболке была изображена голова зайца из мультфильма «Ну, погоди!» с подписью «Арсений» (имелся в виду кандидат в президенты Арсений Яценюк по ироничному прозвищу «Кролик»).

Мода на футболки и майки с политическими лозунгами имеет уже более чем шестидесятилетнюю традицию. Она берет начало с предвыборной президентской кампании 1948 г. в США, в которой участвовал в качестве кандидата губернатор Нью-Йорка Т. Дьюи. Тогда по заказу были изготовлены тишотки с принтом на груди. Эта самая ранняя футболка с политической символикой находится в коллекции Национального музея американской истории Смитсоновского института. В дальнейшем использование футболок с политической символикой было стимулировано массовыми студенческими волнениями в странах Западной Европы. Часто на футболках хиппи можно было увидеть антивоенные лозунги: против участия США в военных действиях во Вьетнаме и знак «пацифик». Распространялись на Западе также тишотки с надписями, направленными против участия СССР в военных действиях в Афганистане. С 1970 гг. и до сих пор пользуются популярностью футболки с изображением Че Гевары.

В перестроечной России пропагандистские и сувенирные футболки с надписями отражали реалии времени. Они охотно раскупались иностранцами. На иностранцев рассчитаны и надписи типа «Kalashnikov world tour» с изображением автомата и перечислением стран, в которых оказывалась советская военная помощь (Афганистан, Ангола и др.).

Во время последних президентских выборов в США появилось большое количество разнообразных тишоток с портретом Барака Обамы.

Среди надписей на них были, например, такие «Barac is the Futurum», «Progress», «Hope». Последнюю надпись можно перевести как «надежда» или «надеюсь». Сторонниками Обамы был даже найден оригинальный рекламный ход. На специально созданном ими сайте проводился политический конкурс «народная тишотка», собравший 600 предложений по образцам дизайна.

В настоящее время можно выделить так называемые партийные футболки, футболки, связанные с избирательными кампаниями, и футболки с портретами политических деятелей. Они могут быть либо рекламирующими либо протестными.

Производство и продажа одежды и аксессуаров, содержащих политический смысл, стало прибыльным коммерческим делом. Так, на сайте одной французской фирмы появилась реклама о продаже точной копии френча Мао Цзедунa. Согласно трактовке в рекламе символического значения деталей френча, пять пуговиц обозначают основные ветви власти КНР: административную, исполнительную, законодательную, судебную и контрольную; четыре кармана – конфуцианские добродетели: вежливость, верность, честность и целомудрие; три пуговицы на рукаве – три народных принципа: национализм, демократия и социализм.

Использование костюма (или его элементов) как политического маркера имеет, таким образом, весьма длительную историческую традицию. В ходе формирования и развития этой традиции складываются различные типы политической символики. Это цветовая маркировка, например, маркировка революционных сил красным цветом. Это и создание костюма по протестному принципу «наоборот»: санюлоты и анкруаябли. Это и подчеркивание унифицированной формой принадлежности к определенной политической организации (партийная форма). Можно утверждать, что политическая символика в одежде, особенно характерная для новейшей истории, часто приходит на смену маркировке по сословной и имущественной принадлежности.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арзамасцева А.Г. Политическая культура России в контексте формирования политических символов. Дисс. ... канд. политических наук. Казань, 2004.
2. Бабайцев А.В. Политические символы. Дисс. ... канд. философских наук. Ростов н/Д. 2001.
3. Быкова Т.Н. Политическая символика: к проблеме определения и происхождения// Вестник Севастопольского национального технического университета. Вып. 91:Политология. 2008. С. 147.
4. Вайнштейн О.Б. «Банты, рюши, цветы и кокарды»: теоретические и политические аспекты моды// Неприкосновенный запас. 2004. №5. <http://magazines.russ.ru/nz/2004/37/van14.html>. Дата обращения 11.04. 2010.

5. Водовозова Е.Н. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты. М., 1987. С.436
6. Волобуева Т.О. Протестная мода в России. Вторая половина XIX века//Роль университетов в поддержке гуманитарных научных исследований. Сб. материалов международной научно-практической конференции. Тула.2008. С. 266-271
7. Волошина С.И. Идеино-политические предпосылки моды в отечественной культуре XX века. Дисс. ... канд. культурологических наук. Нижневартовск, 2004.
8. Карлейль Т. Французская революция. История. М., 1991. С. 531.
9. Пастуро М. Дьявольская материя. История полосок и полосатых тканей. М., 2008. С. 55.
10. Пленков О.Ю. Третий Рейх. Секретные материалы. СПб., 2005. С. 40.
11. Поцелуев С.П. Мода и свобода (Заметки о научной конференции). // Политическая концептуалогия: Журнал метадисциплинарных исследований. 2009. № 1.

УДК 323.329

Свиридов В.П.

РОЛЬ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Аннотация. Автором рассматриваются актуальные проблемы взаимосвязи интеллигенции и политической элиты в современной России. Проведён анализ влияния интеллигенции как особой группы на трансформацию современного российского общества. Предложена своя модель строения российской интеллигенции. Выявлена основная причина политической слабости российской интеллигенции.

Ключевые слова: Интеллигенция, политическая элита, демократия, реформа, трансформация

V. Sviridov

THE ROLE OF INTELLECTUALS IN THE TRANSFORMATION OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Abstract: The author considers the actual problems of the relationship of intellectuals and political elite in modern Russia. The analysis of the influence of the intelligentsia as a distinct group on the transformation of contemporary Russian society. Propose their own model of the Russian intelligentsia. The basic cause of the political weakness of the Russian intelligentsia.

Key words: Intelligentsia, democracy, reform, transformation

Для того чтобы наиболее точно определить роль интеллигенции в российском обществе, необходимо прежде выяснить, что подразумевается под словом «интеллигенция» в контексте данной статьи. В дискуссии о том, кого включать в понятие «интеллигенция», нужно сделать выбор и остановиться на чём-то одном. Для начала возьмём определение, которое даёт Большой энциклопедический словарь: ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ (от лат. *intelligens* - понимающий, мыслящий, разумный), - общественный слой людей, профессионально занимающихся умственным, преимущественно сложным, творческим трудом, развитием и распространением культуры. Другие словари дают практически то же определение, в котором однозначно говорится, что это – люди умственного труда. С этой точки зрения мы и начнём рассмотрение роли интеллигенции в российском обществе.

Интеллигенция на протяжении всей истории своего существования постоянно искала пути достижения всеобщего блага и ставила наиболее болезненные вопросы о судьбе народа и российского государства. Как правило, на поставленные вопросы интеллигенция не всегда давала ответы. Она сыграла ключевую роль в Октябрьской революции, но значительная часть её подверглась политическим репрессиям, как только стала выражать оппозиционные взгляды.

Формирование современной российской интеллигенции было связано с крушением Советского Союза, приходом к власти демократов и либералов, началом этапа реформ в России. Изначально у интеллигенции в этот период существовал довольно прочный авторитет – именно деятели интеллектуальной сферы первыми воспользовались продекларированной в начале перестройки гласностью. Итальянский историк Дж. Боффа справедливо полагает, что ближнее окружение М.С. Горбачёва подтолкнуло его к тесному сотрудничеству с интеллигенцией в экономических и политических реформах, как только осознало, что в её среде можно найти более активную поддержку, чем в рядах КПСС.

Анализ роли интеллигенции в трансформации современного российского общества, по нашему мнению, логичнее провести через при-

зму подхода итальянского исследователя Антонио Грамши. Согласно гипотезе Грамши власть держится не только на насилии, но и на согласии всех властных группировок между собой и с населением. Положение, при котором достигнут достаточный уровень согласия различных группировок власти и населения, он называет гегемонией. Именно советская интеллигенция выступила новой политической группой, лоббирующей политические и экономические реформы, чем и воспользовалась новая элита.

Интеллигенция на новом трансформационном витке российского общества сделала схожие ошибки с теми, что совершила в 1917 году. Тогда интеллигенция подхватила лозунги революционеров, надеясь, что построение обещанного справедливого общества стоит политического риска. В первой половине девяностых годов интеллигенция так же закрыла глаза на то, что политическая элита вместо гражданского общества, социального и правового государства, цивилизованного предпринимательства, самостоятельных профсоюзов и развитой партийной системы создала олигархический режим и растущий коррумпированный бюрократический аппарат. В итоге, как и в начале XX века, интеллигенция встала на службу нового политического режима. Хотя в годы построения социализма в нашей стране при Сталине новая интеллигенция была создана практически с нуля и соответствовала интересам руководящей партии.

Как отмечают венгерские социологи Г. Конрад и И. Селиньи, ещё до начала перестройки сама интеллигенция претерпела изменения – различия между ней и рабочим классом увеличились. Произошло это в условиях увеличения численности горожан среди советского населения. Об утрате политического доминирования советского рабочего класса в пользу интеллигенции свидетельствуют и данные статистики. К примеру, в конце 1980-х гг., общая доля рабочих и крестьян в Советском Союзе уменьшилась более чем в два раза, а хозяйственных руководителей и прочих управленцев возросла в три раза. Иными словами, согласно подходу А. Грамши рабочий класс постепенно утрачивал свою политическую гегемонию в СССР в пользу новой элиты, которая начала сотрудничать с интеллигенцией.

Значение и место интеллигенции в советском обществе, особенно её количественный состав, в период социализма имели постоянную тенденцию роста, так как не социальное происхождение или собственность, а уровень образования был тогда главным критерием общественного положения личности. Поэтому именно интеллигенция считалась основной движущей силой модернизации. Доказательством тому служат

другие данные статистики. Так, советская интеллигенция – специалисты с высшим и средним образованием, занятые в народном хозяйстве, а также служащие – в 1939 году составляла лишь 15,9%, в 1965.

Всё это привело к тому, что интеллигенция ощутила свою ненужность, и именно это дало толчок к элементарному инстинкту самосохранения. Как показывают результаты социологических исследований, проведённых в 1994-1999 гг., группа интеллигенции, успешно приспособившаяся к новым рыночным условиям, составляла в отдельные годы всего лишь от 5,9 до 13,6%, а группа, относительно справившаяся с капиталистической адаптацией, – от 18,4 до 21,3%. Таким образом, более двух третей интеллигенции не выдержали испытания рынком. Социально-профессиональный статус многих интеллигентов резко упал, что не даёт права равнять эту группу российского населения со средним классом. Невысокий доход, образование и интеллигентная профессия – не достаточные признаки для среднего класса. Материальный достаток среднего класса обеспечивает такое качество жизни, как приличные жилищные условия, хорошее питание, возможность получить адекватную медицинскую помощь и дать детям образование. Иными словами, без материально обеспеченной интеллигенции средний класс не сможет стать сильным актором социально-политической жизни, а без него не сложится настоящего гражданского общества, способного вести с государством реальный диалог с помощью самостоятельных профсоюзов и прочих гражданских коллективов и организаций.

Между тем, именно российская интеллигенция задавала тон всем тем рыночным реформам, при этом, возлагая за них ответственность на административный аппарат государства. Таков парадокс современной российской интеллигенции, который привёл к тому, что большинство реформ провалилось, сами реформаторы-интеллигенты были вытеснены из власти, а бывшая советская номенклатура подстроилась под условия нового времени и продолжила своё существование. Уже к середине девяностых годов стало понятно, что движение к демократии, которой так грезил интеллигенция, затормозилось и начинает разворачиваться в другую сторону. В государстве развернулась ожесточённая борьба за власть. Шло деление секторов влияния в политике и экономике, криминализация структур власти. К сожалению, интеллигенция слабо реагировала на такие изменения в обществе. В то время как одна часть российской интеллигенции продолжила сотрудничество с политической элитой, другой её части было достаточно главных завоеваний демократии – свобод и прав, механизм соблюдения коих до сих пор оставляет желать лучшего.

Сегодня большая часть интеллигенции повторяет тот же самый путь, что и в 20-30-х гг. XX века, закрывая глаза на то, что свержение социалистического строя в нашей стране привело не к процветанию гражданского общества, правового и социального государства. Она не играет активной политической роли, уйдя в образование, науку и культуру, видимо, надеясь, что современное российское общество само преодолеет эти проблемы и сможет выйти из тяжёлой ситуации самостоятельно. Но современное российское общество как никогда нуждается в сильных и ответственных лидерах из интеллигенции.

Современная российская интеллигенция делится на группы, которые придерживаются разных идей. Согласно подходу А. Грамши любая общность выделяет из своих рядов один или несколько слоев интеллигенции, помогающих определенной группе или тому или иному классу осуществлять социальную гегемонию и политическое управление страной. Грамши выделяет два вида интеллигенции – если «органическая» интеллигенция тесно связывает свое существование и свою деятельность с теми социальными слоями и классами, которые ее порождают, то «традиционная» интеллигенция защищает и отстаивает свой корпоративный дух, полагая себя самостоятельной и независимой от правящей социальной группы. Тем не менее, в современном российском обществе интеллигенция более фрагментирована. Поэтому предложим собственное видение на её строение.

Итак, первая группа российской интеллигенции традиционно призывает продолжить либеральные реформы, расширить права человека и гражданина, теряя от этого свой авторитет и получая за это недоверие народа. Вторая группа слилась с политиками и работает на современный политический режим, агитируя и пропагандируя основные догматы руководства страны. Это, к примеру, некоторые российские артисты и спортсмены. Данная группа с особым пристрастием обсуждает политические ходы президента, реформы правительства, откровенно занимаясь пиаром этих политических деятелей, заодно дискредитируя тех, кто не угоден российской политической элите. Третья группа интеллигенции завязана на бизнес. Однако сама она неоднородна, так как здесь есть не только нувориши (к примеру, из шоу-бизнеса), но и представители относительно немногочисленной группы бывших высших советских чиновников центральной и местной администрации, а также руководящих хозяйственных кадров, использующих для ведения предпринимательской деятельности прежние связи. Четвёртая группа не призывает к политическим изменениям, а замкнулась на выживании в новых рыночных ус-

ловиях. Это большинство российских врачей, преподавателей, учителей, деятелей науки, культуры и др. представители интеллигентских профессий. Подобная фрагментация интеллигенции не способствует даже потенциальной её гегемонии в российской политике как особой группы. Поэтому и отношение политической элиты к самой интеллигенции избирательное – основная часть интеллигентов занята выживанием, а не управлением государством. К примеру, в соответствии с федеральным законом о федеральном бюджете в 2008 г. на российскую культуру было выделено 1,45%, а в 2009 г. лишь 1,26%.

Россия не раз переживала сложные ситуации, и, как правило, выходила с честью из них, опираясь на свои вековые культурно-исторические традиции. В эти периоды ей всегда помогала интеллигенция, которая являлась носителем всех этих духовных ценностей, но на данный момент ситуация поменялась. Сегодня наша страна переживает один из самых сложных и острейших периодов в своей истории. Речь идёт уже не об утрате былого могущества сверхдержавы, о её международном престиже, но о самой возможности сохранить свой суверенитет и духовно-нравственное здоровье народа.

Интересно рассмотреть позиции двух сторон в конфликте вокруг НТВ: с одной стороны, – государственной власти, с другой стороны, – бывшего председателя Совета директоров ОАО «Телекомпания НТВ» Евгения Киселёва. Власть сделала вид, что она ни при чём в решении судьбы НТВ, идет естественный процесс наведения порядка в телевидении. Попытка же телекомпании НТВ призвать народ к действиям против «захвата телекомпании» ни к чему не привела. Несмотря на митинг у стен телестудии, поддержку Киселёва некоторыми политическими партиями, смена правления телекомпании всё же была осуществлена. Интеллигенция, к сожалению, не проявила свою чёткую позицию по этому поводу.

Как же получилось так, что в правовом государстве свобода слова может быть ущемлена, а интеллигенция при этом молчит? В этом нет ничего удивительного – российская интеллигенция не единое целое. Тем не менее, одной из политических функций такого слоя как интеллигенция, является сигнализация о несоответствии декларируемого и реального в проводимом политической властью курсе. По нашему мнению, осознав своё бессилие, интеллигенция просто перестала критиковать политическую элиту, предпочтя этому молчаливое недовольство. Между тем, авторитет интеллигенции поднял бы поставленный вопрос перед властью о свободе слова. Лидеры интеллигенции предпочли сделать вид, что ничего особенного не случилось, отдав право отстаивания

демократических свобод политическим партиям.

Крушение Российской империи не было столь катастрофичным потому, что на её место пришло новое сильное государство в лице Союза Советских Социалистических Республик, который смог удержать взбудораженный революцией народ от нравственного падения. Но после крушения СССР пошла цепная реакция распада, которая больше всего ударила по интеллигенции, а следом и по всему нравственному облику нашего народа.

В дореволюционный период интеллигенция в основном была цельным ядром, которое могло противостоять любым напастям и социальным болезням, но уже с начала XX века проявляется её разобщённость, которая выражается в том, что интеллигенция не предотвратила три российских революции и гражданскую войну. Последующее укрепление единства интеллигенции уже происходило под диктовку советской власти, и не являлось естественным образованием. После развала Советского Союза началась фрагментация интеллигенции. Из расслоившейся интеллигенции весьма сложно будет собрать единое целое. Но возможен вариант и центристских сил, которые сплотят разобщённые группы интеллигенции по своим признакам. Однако такой целостной российской интеллигенции нужен настоящий лидер, даже харизматичный.

В данном контексте уместно привести высказывание одного автора: «В каком-то смысле интеллигенция замещает отсутствие на политической сцене других классов. Стоит тем самым заняться политикой, и влияние интеллигенции резко падает».

На сегодняшний день положение российской интеллигенции можно проанализировать по её отношению к грузино-осетинскому конфликту. Россия впервые за долгое время активно и жёстко выступила на внешнеполитической арене, введя свои войска на территорию межэтнического конфликта, выполняя свой международный долг. Запад на недолгое время впал в прострацию, а потом обрушился с гневной критикой на Россию. Щитом должна была стать интеллигенция, как защитница России (как это сложилось между интеллигенцией и государством на Западе), но вместо неё это сделала элита. Почему же интеллигенция так слабо среагировала в этой ситуации? Ведь даже обычный народ с трепетом отнёсся к этой проблеме, оказывая помощь, собирая необходимые вещи, медикаменты, деньги, призывая в Интернете обсудить эту тему, не только на русских форумах, но и доказывая среднему обывателю Запада, кто действительно виноват в данном конфликте. Пока разобщённая на отдельные группы российская интеллигенция не осознала себя реальной поли-

тической силой, способной не только критиковать власть по сложившейся традиции, но и подсказывать наиболее верные решения, сигнализировать о реальных проблемах в нашем обществе, становясь обратной связью между государством и гражданским обществом.

В заключении можно сделать вывод, что роль интеллигенции – сохранять национальные культурные ценности народа, аккумулируя и наращивая их. Она должна свести страну с пути нравственного разложения, примитивизма, деградации, предложив взамен что-то серьёзное, к чему потянется каждый российский гражданин, независимо от приверженности к какой-либо религии или политическим взглядам. Интеллигенция способна стать честью страны и заложить в политической сфере элементы целостной системы ценностей, став неотъемлемым элементом сильного гражданского общества в новой России. Но для этого нужны новые ответственные лидеры, которые будут выступать от лица большинства групп интеллигенции и населения перед элитой. Политическая элита же должна перестать избирательно относиться к разным группам интеллигенции – без этого невозможно будет успешно модернизировать современное российское общество как экономически, так и политически.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Большой энциклопедический словарь. М.: Норинт, 2004.
2. Борщаговский А. Речь на похоронах интеллигенции. //Известия, 1993. 2 сентября.
3. Боффа Дж. От СССР к России. История неоконченного кризиса. 1964-1994. М.: Междунар. отношения, 1996.
4. Буянова Е.Э. Культура как фактор национальной безопасности. //Национальная безопасность: научное и государственное управленческое содержание: материалы Всеросс. науч. конф. М.: Научн. эксперт, 2010.
5. Гимпельсон В. Численность и состав российской бюрократии. //Вопросы экономики, 2002. №11.
6. Грамши А. Тюремные тетради. М.: Политиздат, 1991. Ч.1.
7. Он же. Искусство и политика. // http://fictionbook.ru/author/gramshi_antonio/iskusstvo_i_politika.
8. Западные СМИ о грузино-осетинском конфликте: точка невозврата пройдена // <http://polit.ru>, 08.08.2008.
9. Коргунюк Ю.Г. Политическая элита современной России с точки зрения социального представительства. //Полис, 2001. №1.
10. Коровицына Н.В. С Россией и без неё: Восточноевропейский путь развития. М.: Эксмо. 2003.
11. Косолапов Н.А. Интегративная идеология для России. Интеллектуальный и политический вызов. // Вопросы философии, 1994. №1.
12. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М.: Захаров, 2005.

13. Лихачев Д.С. Русская интеллигенция: история и судьба. М., 2007.
14. Материалы XIV международной научно-теоретической конференции. /Интеллигенция XXI века: тенденции и трансформации. Иваново, 2003.
15. Мировский В., Морозова Г. Взаимосвязь миграционных процессов и развития больших городов в странах Восточной Европы. /Миграция населения в больших городах СССР и стран Восточной Европы. М., 1990.
16. Миронов Б. Опора, буфер и гарант. //Родина, 2001. №4.
17. Остерман Л.А. Интеллигенция и власть в России (1985-1996). М.: Монолит, 2000.
18. Павлюков А.Е. Высшие законодательные органы власти за годы перестройки (апрель 1985 – август 1991). //Политические процессы в условиях перестройки. /Под ред. О.В. Крыштановской, М.: ИСАН, 1991. Вып. 2.
19. Покровский Н.Е. Новые горизонты или историческая западня. //Социологические исследования, 1994. №11.
20. Пошатаев В. Могущество Америки будет простирается российскими умами. //ИАЖ Обозреватель, 1994. №15.
21. Российские правозащитники обвинили СМИ в пропаганде и дезинформации // <http://lenta.ru>, 11.08.2008.
22. Россия сегодня: реальный шанс. М.: Обозреватель, 1994.
23. Согрин В. Политическая история современной России. 1985-2001: от Горбачёва до Путина. М., 2001.
24. Труд в СССР. Статистический сборник. М., 1988.
25. Eyal G., Szelenyi I., Townsley E. The utopia of postsocialist theory and the ironic view of history in neoclassical sociology. /American journal of sociology, 2001. Vol. 106. №4.
26. Konrad G., Szeleni I. The intellectuals on the road to class power: a sociological study of the intelligentsia in socialism. N.Y., 1979.
27. Mokrzycki E. A new middle class? /Democracy, civil society and pluralism. W-wa. 1995.
28. Wallerstein I. Social science and communist interlude, or interpretations of contemporary history. /Polish sociological review. 1997. №1.
29. Zagorski K. Hope factor, inequality and legitimacy of systemic transformation. /Communist and post-communist studies. 1994. №. 4

НАШИ АВТОРЫ

Ахметов Айрат Ахметович – Первый секретарь Посольства РФ в ДСРШЛ (Шри-Ланка), e-mail: aipirogov@rambler.ru

Бажанов Денис Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры русской истории, докторант кафедры русской истории Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, e-mail: dino10@yandex.ru

Бер-Глинка Андрей Игоревич – соискатель кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета, e-mail: a-bg@mail.ru a-bg@yandex.ru

Болотов Сергей Вячеславович – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета, e-mail: boseslav@gmail.com

Бурнашева Наталия Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Якутского государственного университета, e-mail: n_burnasheva@mail.ru

Волобуева Татьяна Олеговна – кандидат исторических наук, редактор отдела по изданию журнала «Вестник Московского государственного областного университета» e-mail: comer01@yandex.ru

Гурьев Владислав Игоревич – аспирант кафедры истории России Московского городского педагогического университета, e-mail: cargon-dar@yandex.ru

Гусева Татьяна Михайловна – кандидат исторических наук, заведующая отделом теории и истории культуры Научно-исследовательского института гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, e-mail: tatiana.guseva@mail.ru

Доржиева Дарима Дамбинмаевна – аспирант Института этнологии и антропологии Российской Академии Наук, e-mail: raryha@mail.ru

Модянова Татьяна Викторовна – соискатель кафедры политологии и права

Московского государственного областного университета, тел. (495) 921-41-80

Захаров Виталий Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент, кафедры истории Московского государственного университета приборостроения и информатики, тел. (495) 708-24-18

Иерусалимская Светлана Юрьевна – кандидат исторических наук, докторант кафедры истории России Российского государственного университет сервиса (г. Москва), e-mail: osniyar@univ.uniyar.ac.ru;

Казанина Лариса Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент

Университета Российской академии образования (Новомосковский филиал), e-mail: kobra@newmsk.tula.net.

Каширина Татьяна Владиславовна – кандидат исторических наук, доцент, докторант Московского государственного областного университета, e-mail: Kashirinatv@mail.ru

Ковылин Дмитрий Александрович – кандидат исторических наук, докторант кафедры отечественной истории Московского городского педагогического университета, e-mail: dakov77@rambler.ru

Козлов Александр Валерьевич – аспирант кафедры новой и новейшей истории Пензенского Государственного Педагогического Университета им. В.Г. Белинского, тел. 8-960-327-07-07

Коняхин Геннадий Владимирович – кандидат технических наук, тел. 8-916-680-71-73

Лушников Александр Александрович – аспирант кафедры новейшей истории России и краеведения Пензенского государственного педагогического университета, e-mail: lushnikov1@mail.ru

Маргарян Ара Григорьевич – аспирант кафедры арабской филологии Санкт-Петербургского Государственного Университета, e-mail: arapiter@gmail.com

Милешина Наталья Александровна – кандидат исторических наук,

доцент кафедры отечественной истории и этнологии Мордовского государственного педагогического института им. М.Е. Евсевьева, e-mail: natmil@mail.ru

Мищенко Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры общепрофессиональных социально-экономических гуманитарных дисциплин Брянского государственного университета имени И.Г. Петровского (филиал в г. Новозыбкове), e-mail: mtapost@yandex.ru

Ордомская Елизавета Александровна – аспирант кафедры новейшей истории России Московского государственного областного университета, e-mail: liza234@mail.ru

Панкова-Козочкина Татьяна Викторовна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории государства и права и отечественной истории Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасский политехнический институт), e-mail: p_k_t_v@mail.ru

Петрова Ирина Сергеевна – аспирант кафедры истории России Волгоградского государственного университета, главный специалист отдела использования и публикации документов Государственного архива Волгоградской области, e-mail: irinapetrovaru@rambler.ru

Печищева Людмила Александровна – аспирант кафедры теории и истории международных от-

ношений Московского государственного лингвистического университета, e-mail: lusya-85@inbox.ru

Самсоненко Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры туризма и курортного дела, Сочинского государственного университета туризма и курортного дела, e-mail: Samsonenko1962@mail.ru

Свиридов Владимир Петрович – аспирант кафедры политологии и права Московского государственного областного университета, e-mail: Obrazm@mail.ru

Сидорова Вера Павловна – аспирант кафедры истории России средних веков и нового времени Московского государственного областного университета, e-mail: vero1984@yandex.ru

Суслов Алексей Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Казанского государственного технологического университета, e-mail: plusha131333@yandex.ru

Тюрин Владимир Ильич – соискатель кафедры истории Российской экономической академии им. Г.В. Плеханова, проректор Московского государственного университета экономики, статистики и информатики, e-mail: VTurin@mesi.ru

Филатова Ольга Ивановна – доцент кафедры молодежной политики Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого, e-mail: LFVT@rambler.ru

Фукс Александр Николаевич – кандидат исторических наук, профессор, заведующий кафедрой методики преподавания истории, обществоведения и права Московского государственного областного университета, e-mail: ANFYKS20@yandex.ru

Чекулаев Евгений Павлович – аспирант кафедры прикладной политологии Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского, e-mail: redeploy@mail.ru

Ялозина Елена Алексеевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Всероссийской государственной налоговой академии Минфина РФ (г. Москва), e-mail: elena_yalozina@mail.ru

Научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 году. Многосерийное издание университета «Вестник МГОУ» включено в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук в соответствии с решением президиума ВАК России. В настоящее время публикуется 10 серий «Вестника МГОУ», все – в рекомендательном списке ВАК. Для публикации статей в сериях «Вестник МГОУ» необходимо по электронному адресу vest_mgou@mail.ru прислать текст статьи (в формате Microsoft Word, шрифт Times New Roman, кегль 14, поля 2,5 см со всех сторон, интервал полуторный) вместе со следующей информацией:

а) авторская анкета (отдельный файл):

- ❖ фамилия, имя, отчество (полностью);
- ❖ ученые степень и звание, должность и место работы/учебы или соискательства (полное название в именительном падеже, а не аббревиатура);
- ❖ адрес (с указанием почтового индекса);
- ❖ номера контактных телефонов;
- ❖ адрес электронной почты, личный или служебный (обязателен с 25.06.09);
- ❖ желаемый месяц публикации.

б) фамилия, имя на английском языке;

в) название статьи на русском и английском языках;

б) аннотация на русском и английском языках (примерно по 500 знаков с пробелами). На английском под заголовком **Abstract**; с указанием места работы на английском языке

в) ключевые слова на русском и английском языках (примерно 5-7 слов) под заголовком **Key words**;

г) список использованной литературы под заголовком **Список Литературы**, оформленный по ГОСТу с указанием авторов всех использованных работ, в т.ч. художественных произведений; при ссылке на их работы и цитировании указываются фамилия авторов (или составителей), год издания, страницы.

Образец оформления статьи

УДК

Фамилия И.О.

Университет или организация

с указанием в скобках города, если он не следует из названия

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Аннотация.....

Ключевые слова:.....

И. Фамилия (английский язык)

Наименование учебного заведения на английском языке с указанием в скобках города, если он не следует из названия.

ПЕРЕВОД НАЗВАНИЯ СТАТЬИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

Abstract.....

Key words:.....

Текст статьи.....

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Внутритекстовые примечания (библиографические ссылки) приводятся в квадратных скобках. Например: [Александров А.Ф. 1993, 15] или [1, 15]. В первом случае в скобках приводятся фамилии и инициалы авторов использованных работ и год издания, во втором случае делается ссылка на порядковый номер использованной работы в пристатейном списке литературы. После запятой приводится номер страницы (страниц). Если ссылка включает несколько использованных работ, то внутри квадратных скобок они разделяются точкой с запятой. Затековые развернутые примечания и ссылки на архивы, коллекции, частные собрания помещают после основного текста статьи и перед списком литературы.

Обращаем особое внимание на *точность библиографического оформления* статей. Обращаем также внимание на *выверенность статей* в компьютерных наборах и *полное соответствие* файла в электронном и бумажном варианте!

Форматирование текста:

- **запрещены** переносы в словах
- **допускается** выделение слов полужирным, шрифтом подчеркивания и использования маркированных и нумерованных (первого уровня) списков;
- наличие рисунков, формул и таблиц допускается только в тех случаях, если описать процесс в текстовой форме невозможно. В этом случае каждый объект не должен превышать указанные размеры страницы, а шрифт в нем – не менее 12 пунктов. Возможно использование только вертикальных таблиц и рисунков. Запрещены рисунки, имеющие залитые цветом области, все объекты должны быть черно-белыми без оттенков. Все формулы должны быть созданы с использованием компонента Microsoft Equation или в виде четких картинок.

Требования к отзывам и рецензиям

К предлагаемым для публикации в «Вестнике МГОУ» статьям прилагается отзыв научного руководителя (консультанта) и рекомендация кафедры, где выполнена работа. Отзыв заверяется в организации, в которой работает рецензент. Кроме того, издательство проводит еще и независимое рецензирование.

В рецензии (отзыве) обязательно раскрывается и конкретизируется исследовательская новизна, научная логика и фундированность наблюдений, оценок, выводов; отмечается научная и практическая значимость статьи. Замечания и предложения рецензента при общей положительной оценке статьи и рекомендации к печати не являются препятствием для ее публикации после доработки.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей. Статьи, не соответствующие указанным требованиям, решением редакционной коллегии серии не публикуются. Авторы получают рецензии с мотивированным отказом в публикации. Автор несет ответственность за точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр. Просим авторов тщательно сверять приводимые данные.

Все статьи проходят проверку в системе «Антиплагиат».

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается. Статьи аспирантов МГОУ печатаются в первую очередь, статьи аспирантов других вузов по мере возможности, определяемой в каждом конкретном случае ответственным редактором. Оплата статей сторонних авторов (не аспирантов) после принятия статьи ответственным редактором предметной серии должна покрыть расходы на ее публикацию.

После принятия статьи к публикации все авторы оформляют подписку на журнал в любом почтовом отделении через каталог Агентства «Роспечать»

Подписные индексы на серии «Вестника МГОУ» в каталоге «Газеты и журналы», 2010, Агентство «Роспечать».

Серии: «История и политические науки» - 36765; «Экономика» - 36752; «Юриспруденция» - 36756; «Философские науки» - 36759; «Естественные науки» - 36763; «Русская филология» - 36761; «Лингвистика» - 36757; «Физика-математика» - 36766; «Психологические науки» - 36764; «Педагогика» - 36758.

В «Вестнике МГОУ» публикуются статьи не только работников МГОУ, но и других научных и образовательных учреждений России и зарубежных стран. **Журнал готов предоставить место на своих страницах и для Ваших материалов!!!**

По финансовым и организационным вопросам публикации статей обращаться в Объединенную редакцию “Вестника МГОУ”: vest_mgou@mail.ru, тел. (495) 723-56-31 (Ефремова Елена Сергеевна, Потапова Ирина Александровна)

Наш адрес: г. Москва, ул. Радио, д.10 а, комн.98

График работы: с 10 до 17 часов, в пятницу - до 16 часов, перерыв с 13 до 14 часов.

Начальник отдела по изданию «Вестника МГОУ» профессор Волобуев Олег Владимирович.

Более подробную информацию можно получить на сайте **www.mgou.ru**

ВЕСТНИК
Московского государственного
областного университета

Серия
«История и политические науки»

№ 3

Подписано в печать: 09.08.2010.
Формат бумаги 60х86 /₈. Бумага офсетная.
Гарнитура «SchoolBookС». Уч.-изд. л. 17. Усл. п. л. 10.
Тираж 345 экз. Заказ № 286.

Издательство МГОУ
105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10а.
Тел. (495) 723-56-31

